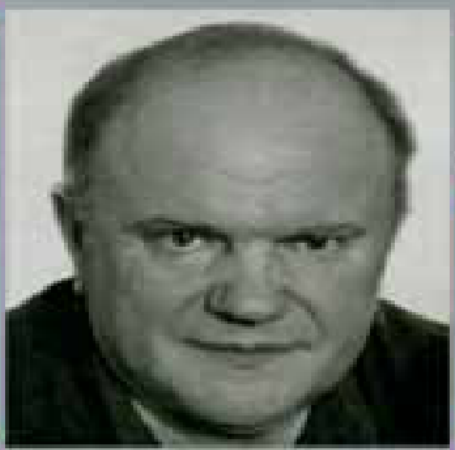
ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ



Анатолий ЖИТНУХИН

Геннадий ЗЮГАНОВ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Одного из самых известных современных политиков воспринимают по-разному. Полярный характер оценок Геннадия Зюганова объясняется тем, что он постоянно находится в центре социального конфликта, порождаемого двумя различными системами ценностей, двумя взглядами на пути развития России. Но причина заключается не только в этом. Автор книги пытается дать ответ на вопрос, что на самом деле скрывается за тем потоком информации, который сопровождает политическую деятельность лидера КПРФ.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

- Анатолий Житнухин
  - От автора
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г. А. ЗЮГАНОВА
  - Иллюстрации
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15

- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44

Анатолий Житнухин
ГЕННАДИЙ ЗЮГАНОВ

От автора

Полоса отчуждения основной массы населения страны от политики расширена до предела: политических деятелей, которые вызывают к себе живой и неподдельный интерес, сегодня можно пересчитать по пальцам. Люди теряют веру в способность наших политиков изменить что-либо к лучшему и всю их деятельность воспринимают как не более чем «политические игры», не имеющие к насущным проблемам народа никакого отношения.

Это — реальность, которая, безусловно, отражается и на оценках лидера КПРФ. Вместе с тем отношение к Зюганову явно не укладывается в традиционные социологические мерки. Как правило, оно носит ярко выраженную эмоциональную окраску, включающую в себя едва ли не все оттенки человеческих чувств — от искренних симпатий до ненависти. Что, впрочем, вполне объяснимо: увеличивается пропасть между двумя системами ценностей, двумя путями развития — между тем, что предлагает Компартия и ее союзники, и тем, что проповедуют власть и обслуживающие ее партии. Это и определяет полярный характер оценок Зюганова, который постоянно находится в эпицентре социального конфликта, сохраняя при этом поразительную политическую устойчивость.

За то время, что он возглавляет КПРФ, его политической карьере не раз предрекали неминуемый крах. Но проходило время — прогнозы не сбывались. Появлялись и уходили в небытие десятки общественных деятелей «новой волны» — Зюганов оставался. Одни полагают, что этот феномен отражает очевидную состоятельность Зюганова как политика и как человека, твердо стоящего на ногах. Другие с этим не согласны и пытаются объяснить его «непотопляемость» иными причинами: сговором с властями, жестким диктатом в Компартии, ностальгией общества по прежним временам — всего и не перечислишь. И при каждом удобном случае, особенно в преддверии очередных выборов, стремятся отправить его ко дну или, на худой конец, вынудить добровольно последовать примеру императора Диоклетиана и заняться выращиванием капусты.

Что для этого только не делается! Политтехнологи без устали работают над хитроумными схемами замены лидера на левом фланге, центры социологических исследований играют на понижение рейтингов Зюганова, начинающие журналисты оттачивают перо на «изобличающих» его статьях, а более опытные лениво подновляют старые мифы и легенды. Однако Зюганов не

отступает и не сворачивает с избранного пути.

Чтобы понять человека, мотивы его поведения и поступков, мы должны попробовать поставить себя на его место. Хотя в повседневной жизни к подобному совету обычно относятся скептически, в психологии есть даже такое понятие — «эмпатия», которое означает способность человека взглянуть на окружающую действительность глазами других людей. Пытаясь представить себя в тех драматических обстоятельствах, в которых оказывался герой этой книги, ее автор невольно ловил себя на мысли: если бы ему самому пришлось пережить подобное, наверное, давно бы махнул на все рукой и нашел бы себе более спокойное занятие. Нормальному человеку, представляющему реальное положение вещей, становится не по себе только от одной мысли о том, сколько грязи было вылито на Зюганова за последние полтора десятилетия. А ведь горы публикаций о нем, состоящих, по существу, из одной лжи, продолжают расти.

Что дает силы человеку, стоящему во главе коммунистов в стране, где антикоммунизм стал государственной религией, а средства массовой информации давно уже превратились в инструмент пропаганды антикоммунистических идей, оболванивания населения и борьбы с неугодными? Высокие слова у нас обесценены, но тем не менее есть среди нас люди, которым не чужды такие понятия, как «долг», «верность», «совесть». Хранят они в себе и ощущение вины, свойственное многим представителям поколения, не сумевшего защитить социализм, сохранить великую державу. Недавно довелось услышать от Геннадия Андреевича такие слова: «Будет стыдно, если мы оставим детям и внукам страну в ее нынешнем состоянии». Может быть, в этом — ключ к пониманию нашего героя, которому приходится выдерживать не только нападки со стороны правящего режима, но и постоянные удары в спину. А ведь первые из них были нанесены, едва он успел заявить о себе как самостоятельный политик.

Началом «большого» этапа политического пути Зюганова принято считать его избрание в 1990 году членом Политбюро и секретарем ЦК Компартии РСФСР. Однако, как известно, высокая должность сама по себе еще мало что значит. Думается, что по-настоящему в большую политику он вошел несколько позже, весной 1991 года, когда опубликовал свою знаменитую статью «Архитектор у развалин», ознаменовавшую полный разрыв с горбачевским руководством КПСС, которое вело страну к национальной катастрофе. Именно тогда и довелось ему пережить первую драму в своей политической карьере, которая оказалась знаковой. Его поступок поддержали тогда далеко не

все, кого он считал «своими». За отказ от закоснелых догм и традиций, за право идти в политике собственным путем приходилось и в последующие годы платить высокой ценой. Особенно угнетало то, что многие из тех людей, которые по духу и целям политической борьбы, казалось бы, должны были быть к нему ближе других, его идеи не восприняли.

Возглавив КПРФ, Зюганов вынужден был вести ее под перекрестным огнем открытых противников и радикально настроенных «соратников». Наиболее горькие обвинения пришлось пережить ему в трагические дни октября 1993 года, когда он до последнего часа пытался предотвратить кровавую развязку противостояния Верховного Совета и президента. Потребовалось немало выдержки и мужества, чтобы после этого, несмотря на шквал критики, повести партию на первые выборы Госдумы — «выборы на крови».

И в дальнейшем каждый серьезный шаг нашего героя сопровождался таким же образом: справа — сплошная ложь, слева — постоянные обвинения в измене марксизму и соглашательстве. В этом — основная тяжесть бремени, которое выпало на долю лидера Компартии и которое далеко не каждый способен нести на своих плечах. Зюганову оно оказалось под силу…

Люди, которым довелось общаться с Зюгановым, после первых встреч с ним не перестают удивляться, насколько не соответствует этому человеку традиционный образ, укоренившийся в массовом сознании. Нечто подобное довелось в свое время испытать и автору. Именно тогда и зародилась идея написания этой книги, которую удалось осуществить лишь через несколько лет. Имея возможность сопоставить свое видение затронутых проблем с позицией Геннадия Андреевича, автор считает необходимым заметить, что он, будучи человеком беспартийным, никогда не был обременен какой-либо зависимостью от него по партийной, служебной или иной линии. В то же время впечатления от личных встреч с героем настоящего повествования наряду с «живым» материалом, полученным от людей, работавших рядом с ним на разных этапах его политической деятельности, помогли лучше понять настоящего Зюганова, дали возможность переосмыслить сведения о его жизни, почерпнутые из многочисленных публикаций и источников. Насколько это удалось — судить читателю.

Глава первая
НА ЗЕМЛЕ

Работящие и смекалистые мужики, мастера на все руки в русских деревнях не в диковинку. Но есть среди них такие, чьи редкостные способности вызывают особое почитание. Печники, например. С большим уважением относятся и к тем, у кого в хозяйстве пчельники прижились. Пчеловоды вообще народ особый. Кому довелось соприкоснуться с их трудом, тот снова будет искать возможность хотя бы день-другой в году провести на пасеке. Тот, кто освоил премудрости пчеловодства, от других свои секреты не скрывает: захочешь попробовать способности к новому делу — милости просим, места и пчел всем хватит. В то же время пчеловоды хорошо знают и другое: их занятие дается не каждому.

Учитель Мымринской средней школы Андрей Михайлович Зюганов слыл в округе знатным пчеловодом. О пчелах знал все. Сам держал двадцать пять пчелиных семей — серьезное подспорье в хозяйстве — и односельчан своих постоянно пчелами снабжал. Но при этом сразу определял, у кого дело пойдет, а у кого — нет. Своими наблюдениями делился с сыном: «Пчелы живут только у умных, добросовестных и аккуратных». Не дай бог, если какой выпивоха с ними свяжется — недалеко и до беды. Впрочем, в годы послевоенного возрождения пристрастие к «зеленому змию» не носило массового характера и осуждалось. В колхозе и на огородах трудились от зари до зари, но отнюдь не беспросветной выглядела жизнь: работалось и мечталось. Лишь значительно позже словно тень какой-то безысходности по селу пробежала.

Уже много лет спустя произошел редкостный, по сути дела трагичный, но в то же время поучительный случай в соседней деревне, на пасеке родственника Зюгановых. В самые горячие дни, когда ульи наполнились медом, заболел и слег хозяин пасеки. Пришлось обратиться за помощью к соседу, который работал на конюшне. Управившись поутру с лошадьми, тот прямиком направился к пчелам, не преминув, по привычке, пропустить стаканчик. Однако ни одной рамки извлечь ему так и не удалось: «букет» запахов, которые он принес с собой, пчелы восприняли с явным неудовольствием и забеспокоились. Когда он, еще раз «подкрепившись» для храбрости, повторил попытку вскрыть улей, вздыбилась вся пасека. Горе-пчеловод чудом унес ноги, а взбунтовавшиеся пчелы несколько дней терроризировали

всю округу, безжалостно нападая на все живое. Пострадали и люди, и животные, а пасека почти полностью вымерла — лишаясь жала, пчела погибает.

…Работа на пасеке даже от взрослого мужчины немалых сил требует — попробуй поворочай ульи да потаскай полные рамки к медогонке, которую нужно всегда поодаль ставить, чтобы пчелы не учуяли. На каждую семью — магазин поставь, магазин сними. В общем, забот, которые легли на плечи Геннадия, хватало. Но зато и удовольствие от общения с пчелами получал он немалое. Изучив их повадки и привычки, боязни не испытывал. Главное, соблюдай основное правило: тело твое должно быть чистым и источать только природные запахи. Обычно натирал рабочий халат прополисом, а руки — мелиссой. После этого пчелы по тебе ползают словно по родному. Ну и, конечно, постепенно научился чувствовать настроение пчел. Особенно важно предупредить потерю пчел, вовремя предугадать роение, которое происходит, как правило, в плохую погоду, когда чаще всего и появляются в ульях молодые матки и семья начинает делиться. Отловить рой непросто, но интересно, под силу только опытному пчеловоду. И здесь без волшебной мелиссы, чей аромат притягивает пчел, не обойтись. Мелиссой натирал роевню и стволы деревьев на вероятных направлениях полета пчел — чтобы садились пониже. С ведром воды и большой кружкой изображал дождь — в дождь пчела не полетит, потому что он таит для нее смертельную опасность.

Геннадий у отца — не просто помощник. С раннего возраста пришлось ему выполнять большинство всех хозяйственных работ, так как Андрей Михайлович вернулся с войны инвалидом. В тяжелых боях за Севастополь, где он командовал артиллерийским расчетом, ему раздробило осколками ногу. Вывезли его из осажденного города в тяжелом состоянии — потерял много крови — на одном из последних катеров. Врачи боролись за его жизнь, когда в середине июля 1942 года в газете «Красный флот» была опубликована «Черноморская легенда» военного корреспондента Леонида Соловьева, вдохновившая композитора Бориса Мокроусова и поэта Александра Жарова на создание одной из самых любимых песен участников Великой Отечественной войны, всех тех, кто пережил военное лихолетье:

Холодные волны вздымает лавиной
Широкое Черное море.
Последний матрос Севастополь покинул,
Уходит он, с волнами споря…

Эту песню Андрей Михайлович пронес в своей душе через всю жизнь. Ведь сам чудом уцелел в последнем бою за Крым, чудом выжил после ранения. В госпиталях пролежал больше года — сначала в Сочи, потом в Тбилиси, Ереване, Баку, Ашхабаде. Сколько перенес операций, со счету сбился, но только ногу ампутировать не дал. Даже когда умирал. Обессилевший, до предела напичканный лекарствами организм все отторгал и отказывался бороться. О Закавказье, о местных людях сохранил самые теплые воспоминания — они помогли ему с того света выкарабкаться. Когда положение стало критическим, военврач Богораз предложил попробовать последнее средство: выпивать в день по стакану хорошего красного вина — нужно было дать какой-то толчок затухающей жизни. На здешних рынках пачку сигарет, которые выдавались всем раненым, можно было обменять на две бутылки кагора или кахетинского. Помогло: отошел, стал поправляться. Вот только нога после бесчисленных операций превратилась фактически в культю. Позднее Андрей Михайлович надевал специально изготовленный высокий кожаный ботинок и ходил, опираясь на палочку.

Село Мымрино Знаменского района — отдаленный угол Орловщины. По соседству — Калужская область, рукой подать и до глухих Брянских лесов. Вернулся Андрей Михайлович в родные края в августе 1943 года, буквально через три дня после освобождения Орла. На город было страшно смотреть — обезлюдел, сплошные руины. Выяснилось, что и Мымрино война не пощадила: всего несколько домов сохранилось. Село оказалось в районе северной оконечности Орловско-Курской дуги, поэтому бои здесь шли особенно ожесточенные. К счастью, уцелела школа, в которой вместе с женой Марфой Петровной учительствовали до войны. Не пострадал и старый поповский дом, в котором им еще в мирное время выделили одну из четырех комнат и который, с тех пор как в нем начали размещать учителей, звался учительским.

26 июня 1944 года здесь у них и родился сын Геннадий. Спустя несколько лет, когда удалось наладить хозяйство и скопить немного денег, купили дом у соседей — Сёминых. Дом был довольно старый и устроен таким образом, что под одной крышей располагались по сути дела два отдельных домика, соединенные общими сенями. Одна половина обветшала настолько, что была уже совсем непригодна для жилья, и в ней держали теленка. В жилой горнице стояла печь, которая разгораживала комнату на две части. На печке были сооружены огромные полати — любимое место сына с друзьями. Там у них был свой особый мир, там они спасались зимой от холода,

читали, рассказывали друг другу невероятные истории, в которых не обходилось без колдунов и леших.

Первые воспоминания детства: везде следы войны. Вокруг села — остовы подбитых танков. Окрестные леса и овраги буквально нашпигованы смертоносным металлом, на каждом шагу — неразорвавшиеся артиллерийские снаряды, мины, гранаты. Повсюду на Орловщине их было столько, что многие поля не решались распахивать даже спустя двадцать и более лет после войны — земля долго таила в себе смертельную угрозу. Мымринские мальчишки собирали оружие и, укрывшись от посторонних глаз, сравнивали боевые достоинства своих находок. У каждого уважающего себя подростка — свой тайник. Мужик с оружием — солдат, воин, защитник. Генку Зюганова — хоть сейчас в строй: одет в настоящую гимнастерку (тетка, служившая на фронте медсестрой, подарила), подпоясан отцовским солдатским ремнем, причем ладно все сидит — в плечах мальчишка рано раздался.

К счастью, серьезные происшествия обошли местную ребятню стороной, хотя вокруг, то здесь, то там, война еще долго напоминала о себе несчастными случаями. Для кого-то такие забавы сегодня покажутся ужасными, но тогда они воспринимались вполне естественно. Нельзя, конечно, сказать, чтобы подобные увлечения поощрялись взрослыми, наоборот, если до родительских ушей доходили слухи о небезопасных занятиях своих чад, расплата следовала незамедлительно — в любых сенях вожжи всегда наготове. Но так уж устроено воспитание на селе: свобода ребенка практически не ограничивается, поскольку обычные запреты пользы не приносят. Здесь своя шкала проступков. Скажем, безобидное озорство нередко прощается, но вот если, заигравшись с друзьями, забудешь скотине корм дать или огород полить, разговор будет особый. Поэтому с ранних лет, совершенно без всяких нравоучений труд для ребенка становился мерилом личной ответственности перед семьей и окружающими, формировал у него естественное чувство дозволенного, необходимого в жизни самоограничения.

Кроме того, исподволь впитывались в сознание каждого вековые устои сельской жизни, нравственные нормы, выработанные общинными обычаями русской деревни. Редко кто преступал издавна сохранившиеся на селе неписаные своды законов и правил (то, что в науке называется *обычным правом),* которые удерживали от дурных поступков лучше любого уголовного кодекса. Тяжкий грех — покуситься на соседское добро, да такое и в голову никому не приходило. В большинстве

русских деревень в пятидесятые, да еще и в шестидесятые годы наружные замки заменялись обыкновенными палочками. В Мымрине своя традиция: в качестве запоров использовались веники — издалека видно, что хозяев нет в доме.

В послевоенные годы на весь район насчитывалось всего семь участковых, а обстановка была несравнимо спокойнее. Сейчас же Знаменский ОВД вынужден держать десятки милиционеров, и те с преступностью не справляются. За восемнадцать лет, которые Геннадий Зюганов прожил в Мымрине, ни одного тяжкого преступления не случилось ни в его селе, ни по соседству. Самое «громкое» криминальное событие, о котором помнит, — растрата в сельском магазине, да и то, говорят, произошла она потому, что слишком много продавец в долг отпускал. Надо сказать, что и стражи порядка работали тогда не за страх, а за совесть. Местный участковый Рожнов сам всех окрестных жителей наперечет знал, и они к нему с большим почтением относились. Участковый — власть! Но только власть уважают тогда, когда она ведет себя достойно. А участкового попрекнуть было нечем — и совесть чистая, и голова светлая. Мог он любого буяна словом утихомирить, а главное, вовремя предупредить и внятно вразумить зарвавшегося мужика.

Впрочем, хоть власть на селе и уважали, но никогда перед ней не заискивали, тем более не раболепствовали. Вскоре после войны произошел такой показательный случай. Возглавлял тогда колхоз председатель, выбранный из своих, местных, — Поликанов. В ту нелегкую пору не все шло гладко, рук в хозяйстве не хватало: только из Мымрина и его окрестностей ушли на фронт более ста мужиков, а вернулось всего с десяток, да и те по большей части покалеченные. Бабье царство, сплошь одни вдовы. Лошадей не хватало — на коровах пахали. Всё на себе вынесли, смогли пережить и неурожайный 1947 год, когда всё пожгла страшная засуха, и последний кусок хлеба только для детей берегли… Как водится в таких случаях, решило районное и областное начальство «укрепить» руководство колхоза и на очередные выборы представило своего кандидата. Не лишним будет заметить, что среди приехавших на собрание был и представитель всесильного ведомства Берии. Однако колхозники дали им от ворот поворот, твердо выступили: дайте еще хотя бы год Поликанову поработать, не получится — изберем вашего. Крепкий был народ!

Истину эту Геннадий сначала скорее ощутил, чем понял: мальчишки о подобных материях не задумываются. Но вот врезалось в память, как к отцу ходили в гости бывшие фронтовики Егор Рукавков и Иван Фунтаков. На двоих — две

ноги, оба вернулись с войны инвалидами. Обычно допоздна засиживались, и тогда младший Зюганов провожал их домой. Почему-то запомнился один такой вечер: на дворе ненастье, дождь, слякоть, они втроем пробираются в кромешной тьме, Геннадий ощущает на своих плечах тяжелые крепкие руки, и на душе как-то спокойно и уверенно…

Особняком в селе прожить трудно, а в первые послевоенные годы вряд ли вообще можно было выжить. Когда немного окрепли и потихоньку строиться начали, всем миром друг другу срубы ставить помогали. Геннадий — заводила, из мальчишек бригаду сколотил, которая крыла дома односельчан щепой. Единственное вознаграждение — угощение после работы. Когда немного подрос и возмужал, стал вместе со взрослыми ездить на трелевку леса. Бревна для строительства заготавливали, как правило, зимой, когда в дереве меньше влаги. Первый раз, когда по пояс в снегу поворочал сваленные деревья, быстро выдохся. Присел, от напряжения даже руки трясутся. Посмотрели на него мужики — бледный как мел. «Нет, парень, так не пойдет» — и почти силой заставили съесть большой кусок сала. До этого, хоть и в деревне рос, даже на дух его не переносил. Через полчаса усталости как не бывало. С тех пор полагает, что если в доме сала нет, считай, что и есть нечего. Знает толк и в его приготовлении.

В деревне всё на виду и всё известно. Скажем прямо, порой непросто приходилось Геннадию в кругу сверстников. Энергии — хоть отбавляй, так и хочется иногда проявить удаль молодецкую, но всегда помнить приходилось: набедокуришь — родителей подведешь. Отец и мать — учителя, люди уважаемые, каково им будет людям в глаза глядеть, если сына в чем-нибудь предосудительном заметят? А родителей он не просто уважал — боготворил. Влияние отца, прошедшего войну, конечно, на мальчишке больше сказывалось. Поэтому позднее Геннадий Андреевич не без оснований говорил, что от него он наследовал крепость характера, а от мамы — спокойствие и выдержку.

Тем не менее, когда дело касалось чести, парень никогда не тушевался и друзей в трудную минуту, например во время драк после танцев, не бросал.

Иногда от отца все же доставалось. Первый раз — когда в полынью провалился. Подвела страсть к катанию на коньках. Однажды, в конце зимы, простудился немного, и родители решили, что лучше будет, если сын посидит несколько дней дома. На третий день, когда температура спала, не удержался. Прикрепил к валенкам свои любимые «снегурки», подмочил подошвы, чтобы лучше коньки держались, и — вперед, на озеро. Лед там был изумительный: гладкий, прозрачный, ляжешь на

него — можно рассмотреть, что в воде делается. Только вот невдомек было тогда, что такой лед после оттепели с ветрами часто таит в себе опасность. К счастью, полынья, в которую провалился, оказалась неглубокой. Влетело тогда от отца по первое число. Ослушался — раз, чуть не погиб — два, развлекался, когда другие учились, — три…

Впрочем, для развлечений времени оставалось мало. Хозяйство держали большое, а отец даже с палочкой с трудом ходил. Часто приезжал к ним погостить Петр Яковлевич Бахарев, дед Геннадия по матери. Человек степенный, работящий, сапожник от Бога. До войны работал он в сапожной мастерской в Волхове, умудрялся за один день пару сапог стачать. Такой сноровке даже бывалые мастера дивились. При этом сапоги его всегда на загляденье выходили. Трудом своим кормил большую семью, а позднее сумел купить просторный дом в Орле. Ни отец, ни дед спиртным не злоупотребляли, но Андрей Михайлович всегда по случаю приезда своего тестя заваривал бак пива — любили выпить по стаканчику за разговорами перед обедом. Во время одного такого приезда дед и обратил внимание, как его внук во дворе топором орудует. Искренне изумился: «Михалыч, да у тебя уже настоящий работник вырос!» Запала Геннадию в душу эта похвала, словно награду от деда получил. С тех пор (а было ему тогда лет девять-десять) почувствовал он совсем другое отношение к труду, и все, что приходилось делать по хозяйству, стало доставлять ему какое-то радостное удовлетворение.

Одним словом, работать стал с удовольствием, можно даже сказать, с азартом. Как потом вспоминал Геннадий Андреевич, с отцом у них произошло естественное «разделение труда»: «Он работал головой, я — руками». Руки были не только к топору привычны, приходилось едва ли не каждый день орудовать и лопатой, и вилами, и граблями, и косой. Для одних только кроликов, а их держали около ста штук, требовалось по три больших мешка травы в день. С любимой косой-семиручкой — небольшая, аккуратная, словно игрушечная — обегал все окрестные буераки, опушки и прочие неудобья. С кроликами мог возиться часами, знал всех по характеру и повадкам. И сейчас помнит, что сначала разводили сорт «Бабочка», потом к ним добавился «Белый великан». К любому празднику — свежее мясо, всегда есть чем гостей угостить. Одно время держали корову, но она доставляла слишком много хлопот, тем более что родители часто уезжали в район на учительские конференции, которые длились по два-три дня. Когда сын оставался один, в компанию к нему, чтобы не было страшно ночевать в пустом доме, приглашали жившего рядом деда Сёмина.

Убедил родителей, что может самостоятельно с сохой управляться — не соседей же приглашать картошку опахивать, когда есть здоровый мужик в доме! Поначалу отец с матерью следом ходили: дело небезопасное, отвлечешься, не удержишь рукояти — можешь и без зубов остаться. Потом убедились — можно сыну и это дело доверить, тем более что и с конской упряжью справляется без посторонней помощи, да и старый мерин Чалый слушается его безоговорочно.

У соседа Парфена Ивановича Маркина обучился плотницкому делу. Тот, как любой настоящий мастер, секретов своих не таил и разрешал пользоваться своей мастерской и хранящимися в ней инструментами. Размещались они на двух стенках, на каждой — полные плотницкие наборы: ножовки, рубанки, фуганки, киянки… С одной стороны — те, к которым кроме хозяина никто не имел права прикасаться, с другой — для всех желающих. Вскоре Геннадий уже самостоятельно мастерил для пасеки ульи и рамки, а дело это, как известно, тонкое.

На пасеке и в обычные годы нередко получали до четырех ведер меда с семьи, но однажды выдался особенно богатый взяток. На вырученные деньги закупили необходимые материалы и приступили с отцом к строительству нового дома. Все, начиная с чертежей, делали сами, вдвоем. По вечерам, перед тем как приступить к очередным работам, набрасывали эскизы. Очень много времени провели за изготовлением наличников. Наличники — не просто украшение, по ним судят, что за люди живут в доме. Но особой гордостью отца с сыном стала, конечно, печь. Обладая большим умом и будучи человеком всесторонне образованным, понимал Андрей Михайлович, что далеки от совершенства традиционные русские печки. Не могли они в стужу долго хранить тепло — или два раза в день топи, или с помощью грубки дом подтапливай: и времени много на это уходит, и расход дров большой. И тут в одном из журналов натолкнулся он на любопытную информацию. Оказывается, не он один пришел к такому заключению, серьезные умы пытаются разрешить эту проблему. Например, один из популярных журналов предложил тогда оригинальные проекты печей-теплушек Александрова — известного ученого того времени, академика — для деревенских и городских индивидуальных домов. Не мешкая написали самому автору идеи письмо и через некоторое время получили ответ с подробными чертежами, проспектами, послойными планами. Естественно, пригласили лучшего печника — Ивана Гуренкова. Тот посмотрел, полистал бумаги: «Не возьмусь». Не смог поверить опытный мастер-самоучка в жизненность подобной конструкции. Но помогать в конце концов согласился, правда, сразу

предупредил: «Ответа не держу».

Клали печь на свой страх и риск. Гуренков своды выложил, хотя и был уверен, что все переделывать придется, помог через чердак и крышу — именно здесь чаще всего «красный петух» занимается — правильно трубу вывести. Попробовали тягу — газета вспыхнула и моментально обратилась в кучку серого пепла. Положили дрова — загудели, как в домне. Правда, не сразу Марфа Петровна приноровилась к готовке в этом чуде — чугун или сковородку можно было ставить только после того, как первый жар спадет, зато раз протопишь — тепло до следующего утра держится. Печь была устроена таким образом, что сначала горячий воздух прогревал всю ее нижнюю часть и лишь затем поднимался вверх. Приходили, смотрели, дивились не только односельчане. Иван Гуренков потом нарасхват был, но не возгордился, по каждому заказу с отцом советовался.

Жизнь сельского учителя уже по своему характеру является подвижнической, и заботы его никогда не ограничиваются стенами школы. К нему люди тянутся, идут со своими нуждами и просьбами: помочь правильно бумагу для сельсовета оформить, заявление написать или жалобу властям составить. Но чаще приходят просто посоветоваться, расспросить про последние новости, узнать, что в мире делается. Учитель на селе — главный просветитель. Андрей Михайлович к тому же обладал необычайно широким кругозором, так как в школе он преподавал едва ли не все предметы, кроме литературы, русского и иностранного языков. Каждый день он просматривал несколько газет, постоянно читал самые разные журналы — от специальных до литературных. Многие издания — и центральные (особенно «Комсомолку» в семье любили), и все местные — выписывал сам, да и школа в то время немало получала. Естественно, «Крестьянка» и «Пчеловодство» всегда под рукой лежали. По собственной инициативе ходил по домам и делился с соседями наиболее важными новостями. Его всегда ждали, даже в других деревнях, куда он ездил на лошадке. Так уж сложилось, что все эти селения были небольшими и располагались в местах, называемых в народе глухоманью. Что случись в распутицу — никуда не проедешь. К тому же в послевоенные годы в окрестных лесах развелось много волков. Однажды зимой наткнулся на них и Геннадий, когда бегал в соседнюю деревню с каким-то поручением отца. Только минул мельницу, стоявшую по пути, а они тут как тут, переходят заснеженное поле. Обошлось. Хищники эти нередко подходили вплотную к жилью и даже как-то задрали соседскую собаку. Не слишком людно вокруг, вот и обнаглели. Если даже Мымрино, самое крупное здешнее село, имевшее

школу-десятилетку, насчитывало не более шестидесяти дворов, что тут о других говорить. К примеру, соседнее Гнездилово, где была семилетка, раза в два меньше, а отбившееся от него поселение хоть и называлось деревней Глотово, представляло собой, по сути дела, хутор с несколькими дворами.

Заметим, никто на Андрея Михайловича обязанности агитатора или пропагандиста не возлагал, тем более что был он беспартийным. Просветительство — естественное призвание настоящего сельского учителя, свойство его души. Хорошую, светлую память о себе оставил у людей отец Геннадия Зюганова. Тем, что помог их детям обрести себя в жизни, найти в ней правильную дорогу. Тем, что всегда откликался на любую их нужду или просьбу, мог в трудную минуту поддержать и помочь — не только своим авторитетом или советом, но и конкретным делом. Ему обязаны многие сельчане и тем, что зашумели на их подворьях сады. Вроде бы и усадьбы у всех были большие и серьезные, а вот не у многих доходили руки до фруктовых деревьев, высаживали только вокруг огородов крыжовник да смородину. Считалось, скорее по привычке, что главное — вдоволь картошки и солений на зиму заготовить, а к фруктам относились как к баловству. Отец разузнал, что километров за семьдесят есть хороший питомник, уговорил председателя выделить машину. Съездил, набрал там саженцев нескольких сортов. Раздавал всем желающим, сам показывал, как правильно провести посадку, чтобы саженец принялся. В этом деле ведь тоже есть свои премудрости. Яблони прижились у большинства жителей села. При школе вырос прекрасный сад, а перед своим новым домом Зюгановы разбили еще и палисадник — и отец, и мать любили с цветами повозиться.

Вскоре земляки уже с иным настроением встречали Яблочный Спас, угощали друг друга спелыми плодами. Кстати, все большие церковные праздники отмечались наряду с советскими — первомайскими и октябрьскими. Никто, естественно, этому не препятствовал. Особенно широко, как и в большинстве русских деревень, праздновался день летней Казанской. Ходили к соседям на их престольные праздники — Успение, Николу. Для людей важные церковные даты были отнюдь не поводом для того, чтобы лишний раз собраться, выпить и повеселиться. Относились они к ним с глубоким почитанием, потому что Бог всегда жил в душе русского человека, который никогда не воспринимал всерьез атеистические потуги чиновников. Кроме того, исторически сложилось так, что знаменательные даты православного календаря, как правило, совпадали с завершением очередной сельской страды и началом новой, перед которой душа и тело

требуют отдыха. Любому крестьянину известно, что на Казанскую, например, принято делать зажин ржи (первый сноп, по традиции, — в дом), а после Яблочного Спаса начинается подготовка к посеву озимых.

Почти в каждый праздник на родине отца, в селе Покровском, собирались многочисленные близкие и дальние родственники, иногда по тридцать-сорок человек, некоторые приезжали даже с Украины. Родственные связи берегли и почитали. Отец перед каждым Новым годом рассылал не меньше сотни поздравительных открыток — родным и друзьям-однополчанам, с которыми переписывался и встречался до конца жизни. Геннадий любил приподнятую, шумную атмосферу, царившую в доме во время праздников. Гулять умели — весело и с достоинством, но главное, что больше всего ему нравилось, — гости были голосистыми, умели петь и знали бесчисленное множество русских, украинских и советских песен, многие из которых приходили в жизнь из любимых кинофильмов. Большинство популярных картин тех времен сейчас принято считать наивными и идеализированными. Но были они, прежде всего, чистыми и светлыми, и в тех же «Кубанских казаках» люди узнавали себя, свои переживания, свои судьбы. И песни в них были такие, что щемило грудь, и душа чище становилась. Сам Геннадий, правда, исполнителем был не ахти каким, но слушать и подпевать любил, особенно нравились ему тягучие и грустные народные песни. Не ослабла любовь к хорошей песне и с годами.

Призвание почувствовал не сразу. Безусловно, на выбор жизненного пути оказала свое влияние семейная традиция: в роду Зюгановых прочно укоренились учительские гены. Как-то, много лет спустя, Геннадий Андреевич посчитал с отцом, что общий педагогический стаж их династии насчитывает триста лет. Дед по отцу, Михаил Исафьевич, был преподавателем церковно-приходской школы, человеком прогрессивным и просвещенным. Кстати, утверждал не без основания, что их фамилия произошла от старинного устойчивого сорта пшеницы «зюганка». Значит, от хлеборобов род начинался. Своих детей дед стремился вырастить людьми образованными. Его сыновья Александр и Андрей (отец Геннадия), дочери Ольга и Анна закончили Болховское педучилище, которое уже в тридцатые годы славилось прекрасным преподавательским составом и основательностью подготовки своих воспитанников. На санях за тридцать километров возил их на учебу. Из одной семьи сразу четыре учителя вышли.

Неудивительно поэтому, что по преподавательской стезе пошла и старшая сестра Геннадия — Людмила. Геннадий еще

учился в начальных классах, когда она окончила школу и уехала на учебу в Орловский педагогический институт. Так что его дальнейшее взросление проходило в основном под присмотром улицы. Людмила тем временем, получив диплом, стала преподавать в дальней сельской школе — в селе Муравль Кромского района. А позднее пригласили ее на работу в Орловский пединститут, на кафедру русского языка и литературы — там в это время открылось отделение для иностранных студентов. Геннадий тогда уже работал в Орле и не без гордости узнавал, что и иностранцы, с которыми она занималась, и коллеги-преподаватели отзывались о ней как о прекрасном специалисте. Вскоре ему и самому пришлось в этом убедиться: вместе с сестрой он готовил свои первые комсомольские доклады и выступления. Была она требовательна к стилю изложения, терпеть не могла казенных штампов и старалась, чтобы речь брата была образной и интересной. Именно тогда, под опекой Людмилы, и сформировались у него основные навыки серьезных публичных выступлений.

…Можно сказать, что учеба в школе давалась Геннадию легко. Но жизнь полна примерами, когда тот, кто схватывает знания на лету, впоследствии не может избавиться от верхоглядства. Его родители, будучи опытными педагогами, о такой опасности, конечно, знали. Поэтому с первого класса ему пришлось заниматься, что называется, в поте лица. У Марфы Петровны, преподававшей в начальных классах, спрос с сына был особый. В школе она разрешала ему обращаться к ней только по имени-отчеству. Один раз забылся, назвал мамой, так весь класс даже рассмеялся над такой оплошностью. Как ни старался, за четыре года не сумел получить от матери ни одной пятерки. Добросовестно учил все стихи, зубрил учебники целыми страницами, часами сидел за прописями — ничего не помогало. Кстати, чистописание было очень полезным предметом. Специалисты считают, что помимо формирования необходимых любому человеку в любую эпоху устойчивых навыков письма оно способствовало развитию у детей подкорки, творческих способностей.

Начальную школу Геннадий закончил на одни четверки, без пятерок, зато приобрел усидчивость и другие полезные качества для успешной учебы в дальнейшем. Успехи ждать себя не заставили, и по окончании средней школы он удостоился серебряной медали. Больше всего любил математику, хотя и гуманитарные предметы не доставляли ему каких-либо затруднений. Одно время почувствовал склонность к географии. Дома подолгу возился с атласами, раскрашивал контурные карты,

нанося на них названия и имена, уносящие в неведомый, будораживший воображение мир. Запомнилось ему, как однажды учитель географии Куприян Петрович Сёмин гонял его по карте мира: покажи то, покажи это. Весь урок напролет пытал, никак не мог поверить, что его ученик знал почти все страны мира, их столицы, природные и прочие особенности.

Однако будущее свое с географией решил все же не связывать. Посоветовавшись с отцом, пришел к выводу, что, как ни крути, широкого выбора в жизни этот предмет не сулит. Другое дело — математика: сфера приложения такая, что всегда позволит выбрать специализацию и занятие по вкусу. К тому же запали в сознание слова, которые любил повторять отец: «В каждом знании столько истины, сколько математики». Часто они приходили на память и в то время, когда всерьез приступил к изучению гуманитарных наук. Утверждение это, естественно, не абсолютизировал, однако не раз убеждался, что математика вырабатывает у человека необходимую логику и дисциплину мышления, без чего, к примеру, трудно постичь закономерности истории или смысл происходящих политических процессов. Спустя годы и сторонники, и недруги Зюганова в его характеристиках всегда будут сходиться в одном: он логичен и убедителен. Впрочем, лишенная малейших признаков благородства современная политика исключает безоговорочное признание сильных сторон у серьезного противника, тем более у лидера коммунистов. Поэтому логичность его действий часто пытаются представить как недостаток, недопустимую для большого политика предсказуемость. С легкой руки политтехнологов непредсказуемость политического лидера в современной России стала считаться добродетелью…

Когда пришло время решать, куда поступать после школы, родители посоветовали сыну попробовать силы в Московском энергетическом институте. Дело в том, что энергетиком был один из родственников Зюгановых, который в свое время окончил МЭИ и работал в Москве, в академии имени Н. Е. Жуковского. Чтобы присмотреться, что к чему, Геннадий съездил к нему в гости. Тот показал свое хозяйство, даже устроил экскурсию на электростанцию. Не вдохновило. А когда вернулся домой, принял решение отложить вопрос с институтом и поработать в родной школе. Еще раньше такое предложение он получил от директора школы Анатолия Петровича Парамонова. Тот был уверен: парень справится. К тому времени ему уже не раз приходилось подменять на уроках отца: всё чаще стали донимать Андрея Михайловича тяжелые фронтовые раны, часть засевших в ноге осколков хирургам извлечь не удалось, и с годами они стали

выходить наружу. Процесс этот был болезненным и мучительным.

Но не только уговоры директора, у которого не хватало учителей, сказались на решении Геннадия. Что тут греха таить — пришла любовь, и уезжать из села не хотелось, так как его избраннице Наде Ameличевой еще предстояло заканчивать десятый класс. Была она из уже упомянутой деревушки Глотово. Ее родителям, простым крестьянам, довелось хлебнуть в жизни горя. Не каждому под силу снести такие испытания, которые выпали на их долю. Отец Надежды, Василий Сергеевич, воевал на Западном фронте и попал в плен, а свою будущую жену, Ольгу Владимировну, встретил в концлагере — в начале войны немцы угнали ее с Украины в Германию. Были они людьми скромными и набожными: в красном углу горницы и на кухне — иконы, киоты украшены узорчатыми рукоделиями хозяйки, которая прекрасно вышивала, в доме всегда светло и чисто. От родителей унаследовала Надежда спокойный нрав и трудолюбие, прекрасно училась и школу закончила с золотой медалью.

Не сразу догадалась она о чувствах, которые Геннадий долгое время не выказывал. Вроде и характер у него боевой, а вот поди же, на какое-то время замкнулся, ушел в себя, поддался неизбежным в этом возрасте романтическим переживаниям. Настраивали на философский лад, пробуждали особое мироощущение и книги, которые читал запоем. По собственному признанию, нравилось ему в юношеские годы бродить в одиночестве по окрестностям, ощущать под ногами хвойный ковер соснового бора, любоваться темными заводями протекающей вдоль лесной опушки речки Вытебеть. В такие минуты мир воспринимался глазами любимых литературных героев, приходила на память созвучная настроению лирика Алексея Апухтина:

…Всё смотрю я вдаль,
С волнением чего-то ожидаю
И с каждою тропинкой вспоминаю
То радость смутную, то тихую печаль.

На родине Зюганова к этому поэту всегда относились с поклонением — ведь для здешних жителей он еще и знаменитый земляк, который родился и вырос совсем рядом, в Волхове. А творчество земляков на Орловщине, издавна слывшей читающим краем, ценили и знали во все времена. Среди тех, кто черпал вдохновение на этой земле, имена людей, составивших гордость отечественной литературы. Здесь жили и работали И. С. Тургенев, А. А. Фет, Л. Н. Андреев, Н. С. Лесков, И. А. Бунин, М. М.

Пришвин, П. Л. Проскурин… Специалистам хорошо известно, что орловско-кур-ский диалект, отличающийся своеобразием и неповторимым колоритом, образовал целый пласт русского литературного языка. Неслучайно в среде отечественной интеллигенции Орел называли третьей литературной столицей России. Видится непознанный, почти мистический феномен в том, что такую славу снискал город, который пошел от крепости, заложенной в XVI веке для охраны южных рубежей Русского государства, перенес множество варварских нашествий и неоднократно возрождался из пепла и руин.

Геннадий в самом прямом смысле слова рос среди книг. Во-первых, своих книг в семье всегда было много. А кроме того, дом время от времени оказывался просто заваленным книжками, которые отец привозил из райцентра и, прежде чем отнести в школу и раздать ученикам, разбирал и сортировал в горнице. В такие дни сын, еще толком не научившийся читать, забывал обо всем на свете и часами ползал на коленях среди пахнущих типографской краской стопок учебников и художественных изданий. Поначалу его впечатляли, конечно, не тексты, а красочные обложки и иллюстрации. Рассматривая сказки Пушкина, долго не мог оторваться от изображения огромной живой головы в шлеме, с внушительной бородой, и бесстрашно налетающего на нее всадника с копьем наперевес. После этого по слогам вникал в смысл увиденного. Позднее был покорен близостью и доступностью для деревенского мальчишки поэзии Некрасова. Его поэмы «Мороз, Красный нос», «Кому на Руси жить хорошо» так же, как и пушкинский роман в стихах «Евгений Онегин», знал почти наизусть. Полюбил былины, повествующие о славных подвигах Ильи Муромца, о необычайных приключениях новгородского гусельщика Садко.

И в зрелом возрасте очаровывали его удивительный музыкальный строй и гармонирующая с русской душой поэтичность произведений народного творчества, завораживали красотой и чистотой хранящегося в них мировидения народа, отнюдь не идеализирующего свое прошлое и своих героев, но всегда ясно представляющего границу между добром и злом, верящего в неизбежное торжество светлых сил над темными. Вместе с тем они давали возможность прикоснуться к живым истокам родного языка, прочувствовать его богатство.

Не случайно значительно позднее, когда увлекся историей, сделал для себя Геннадий неожиданное открытие. Перечитывая «Слово о полку Игореве», пришел он к мысли, что этот выдающийся литературный памятник вовсе и не нуждается в переводах с древнерусского на современный язык — любая из его

поздних литературных версий выглядит значительно беднее оригинала. Это же чувство не покидало его, когда читал «Повесть временных лет», возвращался к одному из самых любимых своих древнерусских произведений — «Слову о погибели Русской земли».

С годами возникшее в детстве пристрастие к чтению переросло в привычку, естественную потребность. И сейчас редкий вечер Геннадий Андреевич обходится без книги, хотя часто на сон остаются считаные часы. Не без основания гордится собранной за многие годы внушительной библиотекой, с удовольствием посещает книжные выставки и ярмарки.

Не так давно журналисты, увидев, с какой трепетной заботой относится он к разведению цветов на даче, задали ему вопрос: «Какие из них вы больше всего любите?» — «Проще сказать, какие не люблю». Подобным образом отвечает он и на вопрос о любимых писателях — слишком широк их круг. Хотя, конечно, есть авторы, которым отдает предпочтение. В их числе — Лермонтов, Пушкин, Бунин, Пришвин, Шолохов, Фадеев, Бондарев, Леонид Леонов, Валентин Распутин, Владимир Личутин… Такой, далеко не полный, ряд имен кому-то может показаться традиционным или в какой-то мере предсказуемым. Однако это вовсе не так. Геннадий Андреевич живо интересуется новинками, авторами самых разных литературных жанров и направлений. И уж во всяком случае, его отношение к литературе, как и к любому другому виду творчества, никак не вяжется со стереотипными представлениями о закоснелой консервативности вкусов политических деятелей, прошедших партийную школу советской эпохи. К примеру, не так давно, говоря о будущем партии на одном из последних пленумов ЦК КПРФ, Зюганов неожиданно для многих обратился к строкам из поэзии Владимира Высоцкого:

Другие придут, сменив уют
На риск и непомерный труд…

…1 сентября 1961 года Геннадий Зюганов, теперь уже Геннадий Андреевич, страшно волнуясь, переступил порог родной школы в новом качестве: накануне приказом директора он был зачислен в ее штат учителем сразу трех предметов — математики, военного дела и физкультуры. С приказом этим поначалу вышла небольшая заминка, так как для преподавания военного дела необходимо было разрешение военкомата на доступ к оружию, а выдавалось оно только лицам, достигшим восемнадцатилетнего возраста. В конце концов военком, взяв

ответственность на себя, махнул рукой и подписал нужную бумагу — ну какой же орловский парень не знает, как обращаться с оружием!

То, что Геннадию доверили преподавать математику, тоже понятно — секретов в этом предмете для выпускника средней школы, медалиста и постоянного участника районных и областных олимпиад, не было. В крайнем случае, возникнут какие затруднения — отец поможет. Но ведь и для преподавания физкультуры особые способности требуются. Оказалось, что Геннадию их не занимать.

Помнится, лет двадцать с небольшим назад один из известных и уважаемых писателей-«деревенщиков» весьма неодобрительно высказался по поводу попыток повсеместного внедрения физкультуры и спорта в жизнь сельской молодежи. Мол, сам образ жизни на селе с его ежедневными разнообразными нагрузками формирует крепкого и всесторонне развитого в физическом отношении человека. Кому из деревенских жителей после тяжелого трудового дня придет в голову мучить себя гантелями или изнуряющими кроссами? Подобные занятия необходимы только для молодых организмов, чахнущих на асфальте. В этом не бесспорном суждении присутствовала, безусловно, большая доля истины. Скажем, в ранние годы систематическими занятиями какими-либо отдельными видами спорта Геннадий себя не утруждал. Во-первых, как мы уже знаем, хватало работы по хозяйству. Помимо этого была у него в детстве одна особенность: пешком ходить не мог, передвигался только бегом — бегал в школу, в магазин за хлебом, косить траву для кроликов, проверять ульи на пасеке. Зимой не расставался с лыжами, заезженными до такой степени, что у них и желоба стерлись. Благотворно влияли на развитие мальчишек и подвижные русские игры в лапту и «чижика». Кстати, забытая ныне лапта по своей сути мало чем отличается от американского бейсбола, который некоторые «энтузиасты» безуспешно пытались культивировать в России в смутные девяностые годы. Впрочем, бейсболки всё же вошли в молодежную моду, а вот бейсбольным битам нашлось другое применение — в криминальных разборках.

По-настоящему Геннадий увлекся спортом с приходом в школу физрука — Ивана Сергеевича Сорочкина. Ладный, подтянутый, в военной форме (только что демобилизовался из армии), он сразу приворожил всех учеников. На первом уроке подошел к турнику (перекладину между двумя дубовыми столбами заменял обычный лом) и играючи крутанул «солнышко». Никогда не кичился физрук силой и ловкостью, но

обладал завидным умением наглядно продемонстрировать любое гимнастическое упражнение или игровой прием, доходчиво разъяснить технические особенности их исполнения. Под его руководством при школе оборудовали прекрасные площадки для волейбола и баскетбола, стометровую беговую дорожку, полосу препятствий, даже тир отстроили. Сумел Сорочкин раскрыть спортивные способности Геннадия, и на районных соревнованиях старшеклассников по легкой атлетике тот выиграл практически все забеги, начиная со стометровки и заканчивая трехкилометровой дистанцией, победил в метании гранаты и диска, в толкании ядра.

Но при этом все же больше привлекали его игровые виды спорта, особенно волейбол. В этой игре ему давалось все, а приобретенные навыки, особенно атакующие удары с обеих рук, Геннадий Андреевич не утратил и по сей день. На протяжении всей жизни волейбол помогал ему сохранять отличную спортивную форму, а в трудные дни служил едва ли не главной психологической отдушиной, лучшим средством восстановления душевных и нравственных сил. Известно, что спорт быстро выявляет характер человека. Играть с Зюгановым в команде — одно удовольствие. На площадке он никогда не суетится, действует спокойно и уверенно, не дергает партнеров, если те начинают ошибаться, всегда найдет для них ободряющее слово.

Год работы в школе стал, наверное, самым счастливым периодом в его жизни. Поначалу, оказавшись в педагогическом коллективе, немного смущался, ведь совсем недавно он глядел на учителей как на людей необыкновенных, наделенных особым даром, владеющих непостижимым таинством, дающим им право учить других. Так же воспринимал он и своих самых близких людей — родителей, хотя они и не скрывали от сына секретов своей работы. Освоившись, Геннадий довольно быстро обнаружил, что в нелегком учительском труде нет особых тайн. Не загадочностью, а огромным уважением окружена профессия учителя. Однако уважение это само по себе не гарантирует того авторитета, которым пользуются большинство учителей. Без глубокого знания предмета и трудолюбия, педагогического таланта и опыта его не завоюешь. К тому же работа сельского учителя имеет свои особенности, требует полной самоотдачи, граничащей с самоотверженностью. Школа на селе — не просто храм знаний, но и главный, часто единственный, очаг культуры на многие версты вокруг. А ведь в то время даже из районного центра на Мымрино смотрели как на непроходимую глушь.

Может, и смирились бы местные жители с участью «людей из захолустья», если бы не педагогический коллектив школы,

сплотивший единомышленников и подвижников, отличавшихся исключительной преданностью своему делу. Жизнь в школе не угасала с раннего утра и до позднего вечера — любой из детей после уроков находил здесь себе занятие по душе. Создали отличный хор, который сельчане могли послушать не только на концертах, но и во время репетиций. Как на праздник ходили они на спектакли школьного драматического кружка. Ну а наставником и душой сборной команды юных спортсменов стал Геннадий Зюганов. Поставил перед ними цель: на весенней спартакиаде школьников обойти Знаменскую районную школу. С особым азартом, даже зимой, на снегу, тренировались волейболисты. Приметил Геннадий способного парнишку, Алексея Музалевского — тот готовился к шоссейной гонке и в любую погоду приезжал на тренировки из соседней деревни на своем полутрофейном велосипеде, который усовершенствовал собственными руками. На нем он и стал потом чемпионом района. К весне на уроках труда пошили форму и на каждой майке вышили название школы. Когда построились на открытии спартакиады, все ахнули — такой красоты и организованности здесь еще не видели. Особенно порадовала волейбольная команда девочек, одолевшая считавшихся непобедимыми волейболисток районной школы. О мымрин-ских спортсменах заговорили с уважением.

Учебный год пролетел незаметно. Подступился было к Геннадию директор с просьбой поработать в школе еще годик, но на этот раз тот был неумолим — настала пора определяться в жизни. Собственно, к этому времени окончательный выбор он уже сделал: пойдет по родительской стезе и будет поступать в Орловский пединститут на физико-математический факультет. Работая в школе, почувствовал, что обрел призвание. Но, как это часто случается, жизнь распорядилась иначе: в школу он больше не вернулся. Но навсегда сохранил в себе глубочайшее уважение к учительскому труду и убежденность в том, что, только возродив престиж профессии учителя, общество сможет обрести дорогу к своему нравственному оздоровлению.

Уезжали в Орел вместе с Надеждой Амеличевой — она выбрала тот же институт, но другой факультет — исторический. Первое юношеское чувство, возникшее между ними, оказалось крепким. Через несколько лет, когда Геннадий отслужит в армии, они поженятся и сохранят прочные отношения на всю жизнь.

Хоть и уверенно чувствовал себя Геннадий перед неизвестностью, в которую неизбежно окунается каждый, кто покидает родительский дом, но в душе все же таилось беспокойство: слишком уж часто стали донимать отца фронтовые

раны. Последний раз приступ болезни оказался настолько тяжелым, что по весенней распутице пришлось сыну самому везти его в районную больницу на гусеничном тракторе. Заключение врачей было тревожным: еще раз такое случится — неизвестно, чем кончится. Уезжая из дома, Геннадий дал родителям твердое обещание: будет трудно — заберу к себе. Слово свое сдержал и когда работал в Орловском горкоме партии, и когда переехал в Москву. Сложнее всего оказалось выполнить просьбу отца подобрать место для пасеки — не мыслил тот себя без близкого сердцу занятия. Все ближайшее Подмосковье исколесил Геннадий Андреевич, пока не нашел подходящий уголок на опушке леса, подле дачного участка своих друзей. Так что смог Андрей Михайлович, и живя в столице, предаваться любимому делу. Не оставлял он пчел до последних дней своей жизни.

Как всегда, беда пришла внезапно. Летней ночью 1990 года привиделся сыну нехороший сон: отец ушел из жизни. Бросил все и помчался в подмосковный пансионат, где тогда отдыхала вся большая семья Зюгановых. Когда приехал и увидел, что отец в здравии, успокоился и вечером вернулся в Москву. А через несколько часов Андрея Михайловича не стало… Всем нам суждено пережить такие утраты. Но тогда к горечи невосполнимой потери примешивалось еще и другое тяжкое чувство — ведь так и не смог Геннадий Андреевич дать отцу внятный ответ на немой вопрос, которым тот встречал его по вечерам: что же происходит со страной? Конечно, Андрей Михайлович и сам о многом догадывался, многое понимал, сопоставляя прочитанное в разношерстной прессе, просиживая за новостными программами у телевизора. Но трудно было беспартийному большевику, как он себя всегда называл, окончательно уверовать в реальность происходящего. Неужели всё было напрасно: кровь, пролитая на фронтах Великой Отечественной, немыслимо тяжелый труд послевоенных лет, увенчанный очередной величайшей народной победой — полетом в космос Юрия Гагарина, светлые мечты, на которых воспитывали подрастающие поколения? А ведь росли в массе своей по-настоящему одухотворенные и чистые люди.

Не может Геннадий Андреевич забыть этот укор во взгляде отца и сегодня, особенно во время посещений родительских могил в дни, предписанные православными традициями. Сейчас, конечно, осмыслено и понято значительно больше, чем прежде, виднее стали собственные ошибки и просчеты. Он не скрывает: ему есть в чем каяться. Прежде всего в том, что, наверное, не хватило решимости и последовательности, чтобы до конца отстаивать свои позиции и убеждения в тот период, когда

находился во властных коридорах Старой площади. Там, где под словесную трескотню «архитекторов перестройки» вершилось беспрецедентное предательство великой страны и ее великого народа. Но многие ли сейчас имеют право утверждать, что на исходе восьмидесятых — в начале девяностых ясно представляли, что и как следует делать? Тем более в те критические периоды, когда над страной нависала зловещая тень новой гражданской войны.

И все же… Не дано русскому человеку стряхнуть с себя чувство вины. Совесть не позволяет. Поэтому-то, наверное, так часто и приходят на память Геннадию Андреевичу строки Александра Твардовского:

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны.
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но все же, все же, все же…

Когда-то мог он поделиться своими мыслями и переживаниями с отцом. Сейчас труднее — самое сокровенное даже не всем близким друзьям поверишь. Особенно тяжелые чувства одолевают, когда приезжает в Севастополь на встречи однополчан отца — что им скажешь, чем оправдаешься? Но чувствует, что всё понимают они. И надеются. Кстати, чтит он память о боевом прошлом и других своих родственников: например, специально ездил в Калининградскую область, чтобы поклониться местам, где воевал его дядя Дмитрий Михайлович Зюганов, получивший тяжелое ранение в сражении за Кенигсберг.

Кому-то посещение Зюгановым Крыма в июньские дни 2006 года, когда в результате решительного протеста украинского народа высадившийся здесь американский десант вынужден был убраться восвояси, может показаться обычным политическим жестом. Но его подвигли на эту поездку прежде всего глубоко личные мотивы: Крымская земля ему особенно дорога потому, что здесь пролил кровь его отец. «Для меня американские солдаты в Крыму все равно что вражеские танки на Прохоровском поле», — сказано ясно и доходчиво. Под этими словами Зюганова могут подписаться и миллионы россиян, и большинство жителей Украины, не утративших историческую память. Выяснилось, что крымский урок не пошел впрок нашим правителям, затеявшим было с американцами совместное учение «Торгау-2006». Видно, не о политической близорукости следует вести речь. Похоже, в

очередной раз решили проверить наш народ на прочность: «Додавили? Нет еще?»

Тогда, в 1962 году, когда Геннадий покидал отчий дом, будущее представлялось по-иному. Страна была на подъеме. Был совершен впечатляющий прорыв в космос, по Северному морскому пути проводил транспортные караваны ледокол «Ленин» — первое в мире гражданское судно с атомной силовой установкой, а просторы воздушного океана бороздили сверхсовременные Ту-114. Достижения в науке, технике и промышленности были столь очевидными, что возникавшие время от времени провалы в экономике, главным образом в сельском хозяйстве, и социальные конфликты в некоторых регионах, проявившиеся после вынужденного повышения розничных цен на мясо и масло в 1962 году, искренне воспринимались как временные неудачи, досадные просчеты. Несмотря на волюнтаристские замашки Хрущева, получившие свое отражение и в новой, третьей Программе КПСС, молодое поколение воодушевляла поставленная партией цель — за два десятилетия построить в стране коммунистическое общество. Конечно, в пытливые умы закрадывались сомнения по поводу столь категоричного определения сроков строительства светлого будущего, но казалось, что сама жизнь подтверждает их обоснованность. Как яркое свидетельство жизненности идей, вдохновлявших страну, была воспринята и победа социалистической революции на Кубе. Нагнетание империалистическими силами эскалации «холодной войны», что, как известно, привело к возведению Берлинской стены и Карибскому кризису, только укрепляло решительность и энтузиазм строителей коммунизма, веру в его торжество.

Это — было, этим жили, и напоминание об этом необходимо, чтобы понять, в какой атмосфере и с каким настроем вступал Геннадий Зюганов в большую жизнь. Не с пустыми руками начинал он самостоятельный путь: серебряная медаль по окончании школы, трудовая закалка и хорошая физическая подготовка, наконец, приобретенный первый, но бесценный педагогический опыт — серьезный «капитал», позволявший уверенно стоять на ногах. Может, у кого-то из читателей появились сомнения: не слишком ли «правильными» представлены первые годы становления нашего героя? Думается, нет в них ничего необычного. В подавляющем большинстве советских семей, не только на селе, но и в городе, в детях с ранних лет воспитывали уважительное отношение к труду, почитая его мерилом нравственных достоинств человека. Труд составлял цель и смысл жизни.

Даже не склонные к фатализму люди соглашаются, что во многом наша судьба предопределена от рождения, тем, в какой семье и где мы появились на свет. Родителей и родину, как известно, не выбирают. Как мы теперь понимаем, повезло Геннадию с родителями, которые воспитывали сына не нудными нравоучениями, а собственным отношением к делу, к окружающим людям, к самой жизни. Именно по ним он до сих пор сверяет свои дела и поступки, мысленно советуется с ними, принимая трудные решения. Гордится Геннадий Андреевич и своей малой родиной — Орловщиной. Как-то в своих воспоминаниях он записал: «Возможно, для кого-то фраза „все мы родом из детства“ звучит банально, но для меня это высокий и чистый образ, потому что я родом из детства, осененного светом Великой Победы. Счастье той Победы, святые народные жертвы, принесенные на ее алтарь, — вот что питает корни моей личной судьбы, что навсегда впечаталось в сознание. А у нас в крае испокон веков люди рождались с твердой патриотической позицией. Когда я читал у Ключевского про времена Смуты, поразился тому факту, что лишь орловский воевода отказался присягнуть Лжедмитрию…»

Конечно, происхождение «от земли» и во многом связанное с ним здоровое воспитание сами по себе еще ничего не гарантируют в будущем. Окунувшись в иную жизнь, в другую социальную среду, человек способен претерпеть загадочные метаморфозы, не поддающиеся разумению окружающих. С Зюгановым этого не произошло — крепкими оказались корни, да и учителя в последующие периоды жизни, как и в детстве, окружали хорошие. И здесь невольно приходит на память сравнение. Как-то в начале девяностых годов одна впечатлительная поэтесса, надо полагать искренне, восхищалась «крестьянским лицом» и «пронзительным, насмешливым взглядом» одного из главных идеологов и «архитекторов» разрушительного процесса и хаоса в стране — А. Н. Яковлева. Правда, на «крестьянском лице» многие, более проницательные люди чаще угадывали зловещую усмешку, которая заставляла задумываться, откуда что взялось в этом человеке. Ведь и вырос на древней ярославской земле в бедной крестьянской семье, и воевал, но сумел-таки при этом заразиться неизлечимым вирусом русофобии, которая проявилась у него задолго до перестройки, еще в 1972 году, в памятной для отечественной интеллигенции статье «Против антиисторизма»[1]. В той самой, в которой была подвергнута жесткому осуждению патриотическая позиция ряда писателей и изданий, позволивших себе рассуждать о «национальном духе», «национальном чувстве», «народном

национальном характере», «зове природной цельности». «…Один тоскует по храмам и крестам, другой заливается плачем по лошадям, третий голосит по петухам» — риторика была почерпнута автором из арсенала полуграмотных «ревнителей пролетарской культуры» двадцатых годов.

Что ж, внешность бывает обманчивой. Чего не скажешь о Зюганове. Может, потому порой и раздражает наружность этого человека многочисленных его оппонентов, что нет за ней привычных их сердцу обмана и плутовства. Характерные русские черты лица, крепкое сложение и походка безошибочно выявляют так не любимые Александром Яковлевым «мужицкие истоки», надежную крестьянскую породу, кровную принадлежность к мощному пласту народной жизни, из которого не вырвали нашего героя ни обстоятельства, ни искушение властью, ни разочарования, ни заманчивые посулы. Несмотря на то, что рук, которые упорно пытались выдернуть его оттуда, всегда было хоть отбавляй. Ну а если этого сделать не удается, желаемое можно выдать за действительность. Тем паче что средств для этого более чем достаточно.

Зюганову создали виртуального двойника. С помощью умело монтируемых и тиражируемых телевидением видеоклипов, лишая его доступа к прямому эфиру. Сочиняя и распространяя нелепые мифы, масштабность и последствия которых когда-нибудь еще поразят воображение беспристрастных исследователей времени, которое мы переживаем. Используя «желтую» прессу с ее главными «информационными» каналами — замочными скважинами. Подхватывая лживые домыслы бывших «соратников», не выдержавших изнуряющего напряжения неизбежной повседневной работы.

«Хвалу и клевету приемли равнодушно…» Легко сказать! Тем не менее реальный Зюганов «под прицелом наветов и лжи» ведет себя достойно. Ко многому просто привык со временем. Но трудно избавиться от чувства омерзения, которое оставили в душе наиболее гнусные вымыслы и провокации, особенно связанные с близкими людьми, с самым светлым периодом в его жизни — детством и юностью. Ни одному нормальному человеку не придет в голову опровергать их очевидную нелепость только по одной причине: слишком сильно смердят их сочинители. Но ведь до сих пор тянутся грязные руки к малой родине Зюганова, а больное воображение толкает их обладателей на поступки, не укладывающиеся в здоровое сознание. Нечто подобное произошло в 2003 году, когда провокаторы местом очередного своего неблаговидного деяния выбрали Мымрино, объявив там об открытии «памятника» Зюганову и «музея» в его бывшем доме. Не

выдержал тогда Геннадий Андреевич, ответил: «Мерзко. Именно это чувство поселилось у меня в душе, когда узнал о той подлости и хамстве, которые творятся в моем родном селе, в моем отчем доме, под внешне вроде бы благовидной вывеской создания некоего музея, якобы мне посвященного. На деле же готовится все то же действо, грязное и вызывающее, которое вот уже больше десяти лет выдается в „реформируемой“ России то ли за остроумие, то ли за политическую полемику, то ли за общественную борьбу.

Дом этот мы с отцом строили когда-то, еще давным-давно, сложили собственными руками… И вот теперь некто, ничего общего не имеющий ни с моей землей, ни с моей деревней, ни с моим краем, перекупил наш дом и пытается превратить его в этакое позорище для меня, для того дела, которому я служу, для моей партии и моих товарищей. Все изгадить и поиздеваться всласть — вот практически нескрываемое стремление господ-зачинщиков этого непотребства.

Срубить голову памятнику Ленину и водрузить на ее место отрезанную голову Зюганова — такова одна из идей, реализуемых в этом, с позволения сказать, музее. Остальное — в том же духе. Как это назвать? То ли патологическая безвкусица, то ли неприкрытая угроза, то ли некий колдовской ритуал сродни тем, что не раз творились у нас на Руси за последние сто лет, — не разберешь. Однако в любом случае все это мерзко, бесчеловечно и грязно. Тут даже не политика, проблема глубже. Здесь торжествуют бездушие и бесчеловечность, что-то грязное, темное, бесноватое…»

Возмутила эта грязная провокация и земляков Зюганова. Наиболее уважаемые в крае люди — почетные граждане Орла и депутаты местных органов власти выступили с заявлением, в котором подчеркнули: «Устраивать посмешище на земле предков, на месте отчего дома могут лишь те, кому Россия чужда. Вот почему мы расцениваем это как мерзость и глумление над патриотами, над нашей русской землей и русским народом».

Вроде бы и добавить к этому нечего, за исключением того, что хорошо известны имена этих *некто,* перекупивших родной дом Зюганова и затеявших всю эту вакханалию. Но вот есть у Геннадия Андреевича черта, сродни той, которую мы наблюдаем во многих русских характерах: терпимость к людям, которые тебе неприятны. Тем более, считает он, что публичное сведение счетов — дело неблаговидное. Поэтому скажем вслед за ним: «Бог им судья» — и посмотрим, как дальше складывалась его судьба.

Глава вторая
КАК МОЛОДЫ МЫ БЫЛИ…

И все же удивительное это было время. Время, когда в стране не было секса, а была любовь, и на свидание ходили с книжками. Больше всего студенческим парам из Орловского пединститута нравилось уединяться в тени старых развесистых ракит под высоким берегом реки Орлик. Делились мнениями о прочитанном, спорили и конечно же читали вслух стихи. Подолгу обсуждали вопрос: кто нужнее стране — физики или лирики и кому из них будет отдано предпочтение в будущем? Интересно, что уже тогда в молодежной среде был в ходу термин «металлисты». Вполне вероятно, что нынешние поклонники *heavy metal* тоже полагают, что их увлечение не лишено определенной доли мужественности. Но в то время к «металлистам» относили только тех, кто действительно олицетворял собой образ настоящего мужчины, — физиков-атомщиков, летчиков, моряков, геологов, гидростроителей.

Говорят, что зачинателем возникшего еще в конце пятидесятых годов спора между физиками и лириками стал один из пионеров отечественной кибернетики, ученый Игорь Полетаев. Ему ответил поэт Борис Слуцкий: «Что-то физики в почете, что-то лирики в загоне…» И пошло… Любопытно читать, как тогда разъяснял суть этих дискуссий в своей публицистической книге для юношества «Дело вкуса» Лев Кассиль: «Некоторая часть молодежи, да и не только молодежи, стала доказывать, что в наше „сугубо деловое время“, „в век атома“, когда победы нашей науки так прославили на весь мир Советскую страну, искусство уже не может играть той роли, какую оно играло в прежние времена. „Ах, Бах! Ох, Блок! — иронически восклицали те, кто отдавал предпочтение физикам. — Кому теперь это нужно?“ Естественно, что это вызвало решительные возражения большей части нашей молодежи, которая почти единодушно присоединилась к тому мнению, что „в межпланетном полете космонавту будет нужна и ветка сирени“».

Будем снисходительны к этой трогательной наивности. Лучше вспомним свою юность, если, конечно, она не пришлась на годы повсеместного возведения коммерческих палаток, триумфального шествия «пепси» и «попсы». Тем более что лирика, покорявшая сердца молодых физиков в начале шестидесятых, была отнюдь не столь простой и наивной. Даже тот, кто особенно и не увлекался литературой, считал необходимым (хотя бы для

того, чтобы не прослыть ретроградом) иметь собственное мнение о поэзии Ахмадулиной, Вознесенского, Евтушенко, Рождественского. Вслед за Москвой, где в забитой до отказа Большой аудитории Политехнического музея декламировали свои творения витии новой волны, поэтический бум достиг и удаленных от столичной жизни городов и весей. Не лишенные дерзости и страстности, стихи находили горячий отзвук в молодых душах:

Ленин — самое чистое деянье,
Он не должен быть замутнён.
Уберите Ленина с денег,
Он для сердца и для знамён…

В период «поздней оттепели» власть относилась к своим молодым поэтам как к расшалившимся детям. Однажды Хрущев с присущей ему хамоватостью прилюдно и довольно грубо одернул Вознесенского, но тут же премировал его поездкой во Францию, а для публикации написанной по итогам этой творческой командировки поэмы о Ленине «Лонжюмо» газета «Правда» предоставила целую полосу.

Захваченный головокружительным водоворотом студенческой жизни, жадно впитывая в себя новые, яркие впечатления, Геннадий Зюганов и не подозревал, с каким трудом — не через парадные Политехнического, Театра на Таганке и лучших столичных издательств — пробивает себе дорогу к читателю творчество иных литераторов. Только спустя несколько лет он прочтет «Видения на холме» Николая Рубцова (тогда это стихотворение было известно лишь немногим — по рукописному «самиздату» Литературного института) и будет поражен пророческим предупреждением поэта:

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и долы
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы…

Но всё это придет значительно позднее. Тогда же, вовлеченный в круг общих студенческих интересов, Геннадий мало чем отличался от других своих сверстников, которые, на правах допущенных в храм науки неофитов, с почтением внимали поучениям и рекомендациям видавших виды старшекурсников. В новой обстановке освоился быстро. На первых порах поселился он

у своего деда — Петра Яковлевича. Степенный и размеренный порядок, раз и навсегда заведенный в доме, стоявшем в старой и тихой, «деревянной» части города, рассудительные беседы, которые хозяин заводил за вечерним чаем, словно уравновешивали бьющие через край эмоции и дневные впечатления, отсеивая наносное и второстепенное. Главное — учеба, а она давалась Геннадию легко. Не стоял он в стороне и от общественной работы: сразу же записался в оперативный отряд — дежурили в основном по ночам, отлавливали на улицах хулиганов. Не остались незамеченными и его спортивные способности — он был зачислен в сборную команду института по волейболу. Но при этом держал Геннадий в уме, что в скором времени придется расстаться и с институтом, и с полюбившимся Орлом — отсрочек от армейской службы студенты вузов тогда не имели.

Повестка из военкомата пришла в начале второго курса, осенью 1963 года. Так что, когда Юрий Любимов приступил в Театре на Таганке к постановке спектакля «Антимиры»[2], Геннадию Зюганову, облаченному в противогаз и резиновый костюм бойца химической и радиационной разведки, приходилось окунаться в антимиры, ничего общего с поэтическими метафорами не имеющими. Довелось ему и источники радиоактивного заражения потаскать в руках, и поработать на полигонах со всеми типами БОВ — боевых отравляющих веществ. Две пары сапог сжег он за время службы в Группе советских войск в Германии — радиоактивная пыль не смывается и ничем не удаляется. Во время крупномасштабных учений 8-й гвардейской армии (бывшая легендарная 62-я, которой в годы войны командовал В. И. Чуйков) с полной имитацией ядерного взрыва потрясла воображение картина кромешного ада: залитая горящим бензином земля, дым, гарь, копоть, пыль, оглушительный грохот со всех сторон. Впрочем, при выполнении боевой задачи не до переживаний — рассудок должен быть холодным и ясным, так как любая ошибка может стать гибельной. Тревожные мысли пришли позднее, когда вернулись бойцы в расположение части и, взбудораженные, долго не могли заснуть на привычных солдатских койках: неужели эта беспощадная машина смерти будет когда-нибудь запущена?

Служить начинал в учебной части, на танкодроме под Минском. Когда по окончании «учебки» выдали полушерстяную форму, яловые сапоги и кожаные ремни, стало ясно, что продолжить службу придется за рубежом. Запомнилось, как на сборный пункт, уже в Германии, приехали представители воинских частей — «купцы». Особенно тщательно

«отсортировывал» новобранцев сержант Коротких — по его независимому поведению, уверенному общению со снующими вокруг офицерами чувствовалось, что наделен он какими-то особыми полномочиями. Подошел к Геннадию: «Из вуза, говоришь, и в волейбол играешь? К нам пойдешь». Оказалось, что «к нам» — это в батальон специальной разведки.

Что ж, чем труднее, тем интереснее. Где и когда еще представится такая возможность — проверить, чего ты на самом деле стоишь, на что годишься в этой жизни? Подобным образом мыслил не только Зюганов — с таким настроем воспринимали армейскую службу большинство ребят его поколения. «Откосить» от армии тогда никому и в голову не приходило. Для молодых людей, выросших в трудные послевоенные годы, слова о том, что защита Отечества — их священный долг и почетная обязанность, не были пустым звуком. К тому же не отслужишь в армии — не будешь восприниматься окружающими и, что особенно обидно, девушками как настоящий мужчина. Желающих сознавать свою ущербность было не много.

Не нагоняла на молодежь страха и пресловутая «дедовщина». Конечно, негласное распределение обязанностей между молодыми и старослужащими солдатами существовало издавна: «Молодые пол моют, старики хлеб режут». Однако на этом старая армейская традиция в основном и исчерпывалась. Естественно, до издевательств, унижения человеческого достоинства дело никогда не доходило. Ну а что касается занятий, строевой и боевой подготовки, то здесь поблажек никому не давалось, а «старики», как правило, зорко опекали новобранцев. Слишком хорошо они знали, что в одиночку, обособившись, тем более в таком подразделении, в каком довелось служить Зюганову, ни одну боевую задачу не выполнишь, а на зараженной радиацией или отравляющими веществами местности без взаимной поддержки и шагу не ступишь.

Не всем дано служить в спецразведке. Без хладнокровия, дисциплинированности, готовности прийти на помощь товарищу с такой работой не справишься. Приходилось иногда видеть: на обычной «курилке» парень хорохорится — вроде как всё ему нипочем. Но когда попадает в зону реального облучения или заражения и видит, как зашкаливают и «горят» приборы, как кипит синильная кислота (один глоток — смерть), ударяется в панику. Довелось Геннадию таскать таких на себе. Занятие не из приятных, порой просто страшно становилось — того и гляди схватится за трубку твоего противогаза и себя и тебя погубит. В экстремальных условиях, в которых приходилось действовать разведке, от неожиданностей, конечно, никто не застрахован.

Однажды и у Геннадия во время работы на полигоне, зараженном синильной кислотой, отказал клапан противогаза. Задыхаться начал, перед глазами багровые круги пошли. Только усилием воли сохранил сознание и успел подать сигнал напарнику. Тот не растерялся, сумел перекрыть подсос ядовитого воздуха, помог выйти из смертельной зоны.

Серьезное психическое испытание — обязательная для разведчика обкатка танками, которую тоже не каждый выдерживает. Ну а помимо всего прочего и физические нагрузки сумасшедшие. Ведь после ядерного удара противника в зону поражения обычных разведчиков не пошлют. Поэтому осваивать приходилось все основные виды разведки — глубинную, боевую, специальную. Лучшая тренировка необходимой для этого выносливости — регулярные кроссы: семь километров в противогазе, при полной выкладке, с автоматом и боекомплектом. Работа командная, зачет по первому и последнему, расстояние между ними не должно превышать пятидесяти метров. Видишь: сосед не тянет — вешаешь его автомат на себя.

Конечно, находились и любители «сачкануть» в свободное от учений время. Заходит как-то в казарму командир батальона Макаров и видит: один из «стариков» лежит, другой тянется, третьему вроде бы нездоровится. Ничего не сказал комбат, развернулся и вышел. В пять утра — боевая тревога: химическая атака противника. По всему маршруту расставлены офицеры с учебно-ядовитыми гранатами. По ходу выясняется: у одного в противогазе клапана нет, у другого — иные неполадки. Кашель, слезы, сопли… На четвереньки падают, противогазы с себя срывают… Вечером — построение: кто не дошел, шаг вперед. Шесть человек перед строем поставили: «Знаете, кто вы? Дезертиры. Потому что погибли по халатности, не выполнив задачи». На следующее утро — опять тревога. К концу недели все «выздоровели». Без взысканий и нарядов.

Офицеры, конечно, играли главную роль в создании в подразделениях здоровой обстановки. Службой своей гордились, офицерскую честь берегли пуще глаза. Знали, что профессия военного — одна из самых почитаемых в народе. Как тут не вспомнить начало девяностых годов, когда люди в погонах избегали появляться на публике, а офицерское обмундирование из дома до части стыдливо возили в чемоданчиках.

И еще одно немаловажное обстоятельство определяло тогда армейскую атмосферу: рядом с «зелеными» лейтенантами служили закаленные фронтовики, большинство из которых пережили тяжелейшие испытания и утраты. Взять того же

комбата Макарова — на первый взгляд ничем среди других офицеров не выделяется, сдержанный, на солдата никогда голоса не повысит. Страшно любил смотреть хоккей по телевизору — тогда наша сборная во главе с выдающимися тренерами Тарасовым и Чернышевым была на взлете. Иногда, в своем кругу, подтрунивали бойцы над ним, даже прозвище дали — «Барометр». Собственно, роль барометра выполнял не сам командир, а его фуражка. Если на глаза надвинута — значит, не в духе, лучше не подходи. А если сдвинута на затылок, можно с любым вопросом обращаться — не прогадаешь. Так и говорили меж собой: «Пойдем посмотрим, что там „Барометр“ показывает». Попалась как-то Геннадию песня военных лет: «Эх, Ладога, родная Ладога, метели, штормы, грозная броня…» Показал запевале — украинцу Коле Колеснику. Тому она тоже понравилась. Разучили и как-то вечером пошли с этой песней на ужин. Смотрят: командир догоняет и пристраивается за колонной. Идет, а по щекам слезы катятся. Выяснилось потом, что на Ладоге потерял он всех своих близких. Позднее, впервые оказавшись в Ленинграде, проехал Геннадий Зюганов по «Дороге жизни». Понял, почему та песня так дорога была его комбату…

Панибратства между офицерами и солдатами не было, но не было в их отношениях и отчужденности. Подошел однажды к Геннадию начальник штаба майор Субботин — мужик свой, с Орловщины: «Земляк, в отпуск уезжаю, помоги квартиру в порядок привести — руки не доходят». Взял Геннадий тогда в напарники своего друга — ростовчанина Колю Пасечника. Тот на гражданке плотником работал, отличным мастером был. За месяц так отремонтировали квартиру — любо-дорого посмотреть. Без всяких поблажек по службе и поощрений — хотелось просто приятное человеку сделать, потому как понимали ребята, каково офицерам без уюта, когда вся жизнь по гарнизонам проходит. Знаем мы теперь, конечно, о многочисленных случаях использования дармового солдатского труда в более позднее время — на «фазендах» и в резиденциях некоторых военачальников и командиров, нахвативших звания и должности в смутные годы деморализации и развала армии. Тогда подобное и в голову никому прийти не могло. А вот посильная помощь офицерам в быту была делом добрым и вполне естественным, в рамках армейской взаимовыручки.

В течение службы два раза поощрялся Зюганов отпуском, но поощрения эти не были следствием каких-то особых отношений с начальством. Например, в соревнованиях по разведке занял его расчет первое место в Группе советских войск в Германии. Сориентироваться на незнакомой местности по карте для

Геннадия проблемы не составило (вспомним его увлечение географией), а механик-водитель — уникальный талант был у парня к вождению — провел машину по маршруту со скоростью метеора. Остальные ребята тоже не подвели — безошибочно обозначили зараженные участки. Пришли на финиш, показав такое время, что никто не поверил, подумали, что схитрили где-то бойцы. Офицер из штаба армии сам решил проверить способности экипажа, забрался в боевую машину с секундомером в руках. «Товарищ майор, шлем наденьте!» — не напрасным было предупреждение. Правда, при прохождении на маршруте рытвин и ухабов потерял проверяющий и шлем, и секундомер. Зато лично удостоверился — никакого обмана. Отпуском поощрили весь расчет.

К тому времени, еще в течение первого года службы, успел Геннадий сдать нормативы на разведчика сначала третьего, а потом и второго класса. Сильно выручило преподавание в Мымринской школе МПО — местной противовоздушной обороны. Учебники, практически те же самые, по каким и в школе вел занятия, знал наизусть, к тому же и дополнительной литературы много прочитал. Противоатомная оборона — целая наука, доступная только специалисту, прошедшему серьезную подготовку. Поэтому считалось, что разведчиком первого класса может стать только офицер, умеющий работать со всеми сложными приборами и оборудованием, владеющий четким представлением обо всем комплексе технического оснащения войск. Однако Геннадий все же рискнул и подал рапорт с просьбой разрешить ему допуск к экзаменам на разведчика первого класса. Допустили. Несколько офицеров гоняли его на экзамене два часа, но испытание он выдержал. Пожалуй, впервые сержант стал первоклассным разведчиком — случай уникальный.

Специалисту первого класса полагалось тогда солидное денежное довольствие. Но тем, кто проходил срочную службу за границей, наличными оно не выплачивалось. Зато появилась у Геннадия возможность подписаться, в порядке компенсации, на газеты и журналы, в том числе и на лимитированные, «дефицитные» издания периодической печати — несмотря на их огромные тиражи, запросы читающей публики удовлетворялись тогда далеко не в полной мере. Подписку оформил на свое подразделение. А вскоре появился у бойцов и телевизор, что было по тем временам невиданной роскошью. Приобрели его следующим образом. Приметил как-то Геннадий, что неподалеку от части немцы ведут земляные работы. Упросил командира отпустить его на переговоры: мы поможем вам копать траншеи, а вы нам за это — телевизор. Согласились. Правда, пришлось

несколько дней, вооружившись лопатами, потрудиться по принципу «от забора и до вечера».

После успешно выдержанного экзамена на разведчика первого класса Зюганова стали привлекать к работе в штабе армии — помогал делать расчеты, составлять необходимые графики и диаграммы. А однажды довелось ему принять участие и в штабных учениях. В соответствии с поставленной задачей предстояло тогда офицерам штаба определить последовательность действий части в полевых условиях при воздушном ядерном взрыве. Долго не могли найти правильного решения. Хотел было Геннадий поделиться своими соображениями, но поначалу цыкнули на него. Еще немного посовещались, но так ничего путного и не придумали. «Ну что там сержант сказать нам хотел?» А предложил он вот что. Поскольку взрыв воздушный, наведенная радиация спадает относительно быстро. Поэтому в первую очередь необходимо дезактивировать окопы и переждать, отлежаться в них два-три часа. После этого следует выходить из зараженной шестидесятикилометровой полосы под защитой брони — в танках и бронемашинах. На это понадобится еще около двух часов. А это значит, что больше пятидесяти рентген никто не получит. Доза, по меркам военного времени, вполне допустимая — переболеет немного личный состав, но все в строю останутся.

Решение это оказалось единственно верным. Проверяющий выставил пять баллов, похвалил: «Первый раз на учениях так быстро решили эту задачу». Так Геннадий получил второй отпуск.

…Об армейской специальности Зюганова вспомнили спустя двадцать лет, когда он работал в ЦК КПСС. После трагедии на Чернобыльской АЭС поручили ему организовать в 6-й московской больнице прием пострадавших во время взрыва реактора и в ходе ликвидации аварии. Никогда не забудет этих людей. Многие из них сами представляли собой такие источники радиации, что телевизоры в палатах не работали…

Нелегкой, нередко опасной была служба, но сохранил Геннадий Зюганов об армейских годах самые теплые воспоминания. Во взводе — тридцать человек двенадцати национальностей, но какой дружный был коллектив! Кстати, до сих пор помнит он всех ребят своего взвода поименно, со многими не раз встречался позднее, с некоторыми поддерживает отношения до сих пор. Кто тогда из его друзей мог предположить, что спустя четверть века появятся рассуждения о якобы мнимой дружбе народов в прошлом, ее «натянутом» характере, о «показном» интернационализме советских людей? Конечно, время от времени приходилось кого-то и «выбраковывать» из

подразделения разведчиков. Но связано это было отнюдь не с национальной принадлежностью, а с отношением к службе, способностью к выполнению сложных задач, готовностью выручить в трудную минуту товарища. Не каждого в разведке, где люди особенно быстро проявляются, признают «своим». Есть в армии собственные законы мужской дружбы — кто не служил, тот до конца их не поймет. Зюганову за время службы ни разу не довелось краснеть или в чем-то оправдываться перед друзьями. Правда, однажды все же попал в неловкое положение. В связи с отпуском командира взвода Юрия Портнова — армейского старшего друга и наставника Геннадия — исполнял он тогда его обязанности. Пришлось самому проводить во взводе все занятия, к которым готовился, как правило, по воскресеньям: на неделю вперед расписывал графики и составлял конспекты. Была это, скорее всего, чисто учительская привычка. Она-то и подвела его, когда командир неожиданно решил проверить конспекты у офицеров. У одного только на ближайшее занятие были какие-то записи, у другого вообще ничего не оказалось… Чуть со стыда не сгорел, готов был сквозь землю провалиться, когда командир потрясал перед офицерами его тетрадью: учитесь, мол, у сержанта, как надо к занятиям готовиться. Подошел потом к ним Геннадий — сидят кружком, расстроенные все, курят. Успокоили: «Ступай, молодой, мы на тебя не в обиде». Вскоре вернулся из отпуска Портнов — от души посмеялся над этим курьезом.

Хоть и был Геннадий на хорошем счету у своих командиров, но твердо усвоил армейское правило: излишнюю дружбу с начальством водить не принято — подорвешь доверие ребят, коситься начнут. За три года для себя только одну поблажку пробил — разрешение в течение часа после отбоя заниматься математикой. Убедил командиров, что недопустим длительный перерыв в ее изучении. По вечерам просиживал с книгами по матанализу, алгеброй Туманова. Кроме того, разрешили ему носить учебники в вещмешке, что по строгим уставным нормам считалось уж совсем недопустимым. Но понимали: нельзя ломать парню планы на будущее, ведь предстоит ему в институт возвращаться. К тому же вел он занятия по математике в армейской школе подготовки в вузы и снискал там репутацию отличного преподавателя.

В те годы на любом ответственном участке, будь то промышленное предприятие, научное учреждение или воинская часть, опирались на коммунистов. Не составляло исключения и такое важное армейское подразделение, каким являлся батальон специальной разведки. К Геннадию присматривались и командиры, и политработники: парень во всех отношениях

крепкий, грамотный и авторитетный, успел пройти серьезную проверку службой. Когда предложили вступить в партию, долго не раздумывал — почувствовал, что внутренне готов к такому серьезному шагу. Еще в школьные годы перенял он от отца привычку к постоянному чтению газет и журналов, всегда был в курсе всех политических событий, хорошо знал, чем живет страна, как и отец, никогда не оставался равнодушным к происходящему вокруг. Поэтому и к общественной работе еще со школы, где избирался секретарем комсомольской организации, всегда относился как к чему-то естественному и необходимому для каждого нормального человека.

Вступал в партию не ради карьеры, да и само это слово «карьера» носило в то время презрительный оттенок, это понятие было несовместимо с характером и образом жизни советского человека. Считалось, что главное в жизни — честно выполнять свой долг перед обществом, а все остальное приложится. Тот, кто связывал свою судьбу с партией, как правило, не искал легких путей, полагая, что дается ему только одна «привилегия»: быть там, где труднее и опаснее, где больше ответственности. Хрестоматийное стихотворение Александра Межирова «Коммунисты, вперед!» — не плод художественных домыслов поэта, оно — из жизни: известно, что во время Великой Отечественной войны каждый третий член партии погиб на фронте. Конечно, шли в партию и по корыстным соображениям, так как членство в ней давало больше возможностей для продвижения по служебным лестницам, открывало доступ ко многим руководящим постам, но такие люди были во все времена, во всех властных или приближенных к власти структурах, в любом обществе. И все же карьеристов и приспособленцев в партийных рядах в те годы было значительно меньше, чем позднее, когда стали выявляться аморфность партийной верхушки, ее нежелание адекватно реагировать на назревшие потребности общественного развития, новые веяния жизни. Рост КПСС, особенно социальный состав ее пополнения, стал жестко регулироваться сверху, регламентироваться разнарядками, а это неизбежно порождало формализм, открывало лазейки для тех, кто рассматривал партию лишь как трамплин для собственной карьеры, и закрывало дорогу многим образованным, думающим, преданным коммунистическим идеалам людям.

Успешно пройдя в период армейской службы кандидатский стаж, в 1966 году Геннадий Зюганов стал членом КПСС. Кроме чувства огромной гордости, которое испытал он, получая партийный билет в политотделе 8-й армии, пришло ощущение

своей состоятельности в этой жизни — ведь подобное доверие, да еще в таком возрасте, оказывается далеко не каждому. К тому же серьезно отнеслись к этому событию в его жизни и друзья-разведчики, которые искренне считали, что удостоился он такой чести по праву, вполне заслуженно. Хорошо знали они независимый характер Геннадия, то, что «пашет» он на службе не за страх, а за совесть, без всякого снисхождения, никогда и ни перед кем не заискивает и не «прогибается». Эти воспринятые от отца качества армия в нем только упрочила. Как выяснилось, на всю жизнь. Не растерял и не разменял он по мелочам свою личную независимость, которую, пренебрегая всякого рода покровительством и поблажками, всегда ценил превыше всего. Зато сохранил чистую совесть, свободу выбора и, что особенно важно для политического лидера, возможность принимать ответственные решения и тогда, когда за твоей спиной никого нет.

Незадолго до демобилизации окончил офицерские курсы. Предлагали остаться в армии — не согласился: жизненный выбор был сделан значительно раньше. Однако с годами не ослабла в нем военная жилка. И поныне гордится былой службой. Тем, что как офицер запаса впоследствии никогда не отлынивал от военных сборов, а в середине восьмидесятых годов, после очередной переподготовки, которую проходил в качестве заместителя командира танкового полка, получил звание майора…

Тянуло на родину, в Орел, хотелось продолжить учебу и получить основательное образование. Домой возвращался с легким сердцем человека, достойно выполнившего свой долг, и в приподнятом настроении: там ждала невеста, да и что такое учеба в институте в сравнении с тремя годами армейской службы вдали от Родины? Сплошное удовольствие. В институтских стенах ребята, прошедшие армейскую школу, сразу выделяются: звезд с неба хватать не торопятся, но на земле стоят твердо, хорошо представляют, что им в этой жизни надо. Да и сама жизнь орловцев, размеренная и неспешная, наполненная тем неброским и ясным смыслом, который вынашивается веками и передается из поколения в поколение, предрасполагает к основательности и рассудочности.

Иван Бунин назвал Орел *коренным городом.* В этих словах — глубинная суть исторического значения здешних, срединных русских земель для всей России, характер и дух проживающих здесь людей, ведущих свою родословную от племени вятичей, обосновавшихся в древние времена в междуречье Оки и Волги. В

одной из своих книг Геннадий Зюганов заметил, что вслед за Тургеневым каждый русский человек может сказать: «Орел — мой родной город». Любой россиянин здесь чувствует себя как дома, встречая приветливые взгляды прохожих, любуясь близким русскому сердцу местным ландшафтом, в который мягко и органично вписана архитектура города, сумевшего к середине шестидесятых годов залечить страшные раны, нанесенные последней войной.

Эту особенность города хорошо передал один из современных писателей-орловцев: Орел соразмерен масштабам человека. Поэтому-то, наверное, люди здесь и не выбиваются из русла естественной жизни, им не свойственны суета, эмоциональные порывы с непредсказуемыми последствиями, характерные для жителей крупных мегаполисов.

Зюганов, по его собственным воспоминаниям и впечатлениям, гармонично вписался в эту благодатную для него среду обитания, впитал и сохранил в себе эти коренные свойства орловского характера. Может быть, именно поэтому он всегда органичен, *соразмерен* обстоятельствам. Даже при поверхностном знакомстве с его биографией бросается в глаза, что, оказавшись волею судеб на политической стезе, он шел по ней неспешно и основательно, без головокружительных взлетов и метаний. Подхватив в сложнейший для компартии период партийное знамя, он выглядел не обреченным знаменосцем на баррикаде, а человеком, вполне осознавшим собственную силу и готовым нести выпавшую на его долю ношу.

Эти же качества нашего героя проявились и на других переломных этапах его биографии, совпавших с очередными изломами в судьбе России. И здесь приходят на память трагические события осени 1993 года. Когда человеку приходится делать серьезный выбор, принимать решение в критические моменты жизни, он и сам не всегда осознает, чем больше всего руководствуется, что подсказывает ему верный выход из той или иной жизненной ситуации — разум или интуиция, трезвый расчет или неожиданное движение души. Тем более не под силу понять это стороннему наблюдателю. Но как бы то ни было, тогда, в обстановке смятения и паники одних, неоправданного радикализма и псевдореволюционности других, безответственности и политического авантюризма третьих, он в очередной раз продемонстрировал выдержку и взвешенность решений, устойчивость и надежность. За что, кстати, подвергался критике не только со стороны представителей враждебного лагеря, но и в кругу своих соратников и сподвижников, людей, близких ему по духу. Многие успели забыть, что еще задолго до

«черного» октября, весной 1993 года, оценивая развитие конфликта между президентом и Верховным Советом, полагая, что главным источником конфронтации являются Ельцин и его окружение, Зюганов подчеркивал, что ни одна из конфликтующих сторон *не имеет поддержки народа.* Об этом свидетельствовал и референдум, проведенный 25 апреля, когда по четырем вопросам — о доверии президенту, о поддержке его экономического курса, о досрочных выборах президента и о досрочном переизбрании народных депутатов — большинство населения ответило: *«Да — Да — Нет — Нет».* Именно с учетом этой политической реальности на майском пленуме Центрального исполнительного комитета КПРФ по инициативе Зюганова была принята резолюция «О борьбе с государственным и политическим экстремизмом». Пытаясь предотвратить политическую катастрофу, он неоднократно выступал против силового решения противоборствующими сторонами вопроса о выходе России из государственного кризиса и в течение лета, и в начале осени 1993 года. К этому он призывал и 3 октября, когда дважды выступил по телевидению, пытаясь предотвратить большое кровопролитие. Уверенный в своей правоте, он не боялся быть непонятым, хотя и сознавал, что предстоит ему выслушивать упреки в конформизме, чрезмерной осторожности, политиканстве и прочих грехах. Что ж, понимал, на что шел, возглавив КПРФ в начале 1993 года.

…Конечно, знал Геннадий Зюганов и другой Орел — город есть город. А в любом, тем более крупном, городе всегда таится немало мрачного, неприглядного и отталкивающего. Был поражен, когда впервые увидел на улице пьяную женщину, узнал, что существует среди людей воровство. Соприкоснувшись с этим явлением, долго не мог избавиться от чувства омерзения — не украденных вещей жалко, противно, когда чужие, грязные руки лезут в твою жизнь. Работая в комсомольском оперотряде, понял, что преступность — это не только пьяное ночное хулиганство, довелось столкнуться и с бандитизмом — циничным, наглым и беспощадным. Впрочем, этот «ликбез» темной стороны жизни, с которой до поступления в институт и переезда в город не сталкивался, он прошел еще до службы в армии.

После возвращения в институт пришлось Геннадию основательно покорпеть над учебниками и конспектами, чтобы преодолеть отставание в учебе и успешно сдать зимнюю сессию. Перерыва словно и не почувствовал — помогли ребята, дружной оказалась группа.

К тому времени вузы страны захлестнуло новое увлечение — участие в соревнованиях «Клубов веселых и находчивых». Тут раскрылось в полной мере еще одно качество Зюганова — чувство

юмора и быстрая реакция. Другими словами, оказался он из тех, кто за словом в карман не лезет. И вскоре был избран капитаном факультетской команды КВН. Факт этот тоже представляется весьма примечательным, поскольку лишний раз свидетельствует о несостоятельности тиражируемого средствами массовой информации клише портрета революционера с каменным лицом и рокочущим басом. Например, близкие друзья Геннадия Андреевича знают его как ценителя хорошего анекдота. При этом он совершенно не приемлет пошлость, всегда предрасположен к остроумному собеседнику, умеет по достоинству оценить здоровый юмор своих политических оппонентов. К примеру, телевизионная программа «Куклы» вызывала раздражение даже у многих его соратников, но он всегда смотрел ее если не с удовольствием, то, во всяком случае, с большим любопытством: никогда не помешает знать, что там в тебе еще интересного подметили. В то же время над другими он никогда не насмехается, хотя любит пошутить в компании приятных ему людей. Правда, была отмечена пара случаев, когда шутки его принимались за чистую монету. Иногда, обмениваясь с кем-либо визитками, Геннадий Андреевич не моргнув глазом поясняет, что его карточка обеспечена золотом партии, а поэтому подлежит приему на всех постах ГАИ, в московских ресторанах и подконтрольных КПРФ банкоматах. Однажды обеспеченность карточки золотым запасом поставили под сомнение гаишники, в другой раз в приемной Зюганова попытались уточнить, в каких именно банкоматах можно обналичить визитку…

Шутки — шутками, а тем временем, когда Геннадий тренировал сообразительность и находчивость в команде КВН, ему уже была уготована первая серьезная самостоятельная работа на общественном поприще. Что там говорить! Для руководства института парень, отслуживший в армии, член партии да еще успевший и до службы хорошо себя зарекомендовать, стал настоящей находкой. Тем более ректор — Георгий Михайлович Михалев прекрасно разбирался в людях, при этом сам пользовался безграничным авторитетом и у преподавателей, и в студенческой среде. Даже не склонные к пафосу студенты между собой звали его не иначе как *наш Маресьев*. Несчастье, в результате которого Георгий Михайлович лишился ног, случилось с ним в молодости, когда был он комсомольским работником. Однажды в ненастье возвращался он домой с собрания, шел вдоль железнодорожных путей, против ветра и, занятый своими мыслями, не услышал, как сзади налетела «кукушка». Стоит ли говорить, что человек, переживший такую трагедию и сумевший после этого преодолеть серьезные рубежи и

на научном поприще, и на административной работе, обладал поразительной силой духа и оптимизмом.

…Нечасто студент удостаивается аудиенции у ректора. Как ни гадал Геннадий, что может сулить ему вызов к Михалеву, так ничего и не смог предположить. Порасспросив о жизненных планах, предложил ему Георгий Михайлович возглавить объединенный профком института. И не дожидаясь ответа, стал говорить о том, что работа предстоит нелегкая: в профсоюзе — около пяти тысяч студентов и сотрудников института, а многое предстоит начинать практически с нуля. В распоряжении профсоюзной организации — солидные материальные средства, а кроме того, и свой денежный фонд ректор намерен использовать только по согласованию с профкомом. Подбор бухгалтера — на усмотрение Геннадия. Само собой разумеется — свободное посещение занятий. Обо всем этом говорил Георгий Михайлович спокойно, на равных, как о вполне решенном деле.

Прощай, беззаботная студенческая жизнь! Работа захлестнула с головой: льготные путевки, материальные пособия, билеты на концерты и спектакли, организация вечеров и встреч… Всё — зримо и конкретно, без пустопорожних речей и лозунгов. Неслучайно к профсоюзам, где люди получали реальную помощь и поддержку, тогда относились с огромным уважением. В то же время забота о человеке не ограничивалась лишь материальными возможностями профкома. Кто-то оступился по молодости — надо за него похлопотать. Кого-то надо поддержать при распределении, кого-то — при поступлении в институт. Вот когда пригодились навыки армейской дисциплины и организованности. Личные планы работы и учебы Геннадий составлял на месяц вперед, а на ближайшие недели время расписывалось буквально по минутам — ведь науку, в которую к этому времени успел погрузиться с головой, бросать не собирался. Тем более уже обозначились первые успехи в самостоятельных исследованиях, были получены хорошие отзывы на несколько его серьезных работ по теории игр. Надежным помощником оказался однокурсник Коля Рожков, которого Геннадий взял к себе бухгалтером. Ввели с ним жесткую финансовую дисциплину, договорились: если касса не сходится, доплачивать из своего кармана. Но Николай оказался не только прекрасным другом, но и классным финансистом — за все время работы не допустил ни одной оплошности.

Зюганов считает, что в жизни ему везло на людей. Всех помнит, ко всем сохранил уважение, многих считает своими учителями. Всегда с особой гордостью подчеркивает, что его первый учитель — мать, Марфа Петровна. Часто вспоминает о

своих армейских наставниках — командире взвода Портнове и командире батальона Макарове. Среди тех, у кого учился отношению к делу, работая в Орле, — преподаватель матанализа и секретарь парткома пединститута Вениамин Константинович Иножарский, секретарь Заводского райкома партии Александр Степанович Хохлов, первый секретарь горкома Альберт Петрович Иванов. Каждый из них прежде всего обладал огромным человеческим талантом. Георгий Михайлович Михалев отличался особой добротой и любовью к людям, искренним интересом к ним. Очень ценил толковых собеседников, умел слушать и сам говорил ярко и образно. Любой студент или преподаватель в его глазах был незаурядной и яркой личностью с собственным неповторимым миром. В армии Геннадию о подобных нюансах и тонкостях человеческих взаимоотношений задумываться почти не приходилось. Там было все просто, ясно и… довольно прямолинейно, строй сплачивал, но он неизбежно и нивелировал людей. В обычной жизни все оказывалось гораздо сложнее.

Обладая удивительным даром души, ректор был особенно расположен к одаренным людям. На всю жизнь усвоил Геннадий его кредо: «За талантливых людей надо бороться». С ним легко и интересно было работать в приемной комиссии — постоянно интересовался, есть ли среди поступающих певцы, музыканты, театралы, спортсмены, всегда их поддерживал: «Даже спортсмен-троечник — по-своему талантливый человек, негоже такими разбрасываться. Поможем, подучим». Одаренных ребят, не набравших проходного балла, нередко принимали на испытательный срок — на полгода, до зимней сессии. Надо сказать, что ректор брал на себя большую ответственность, точнее сказать, рисковал — ведь за это и наказывали.

Эти уроки Михалева не прошли для Геннадия бесследно, позволили ему обрести то внутреннее раскрепощение, которое не позволяет человеку замыкаться в жестких рамках должностных обязанностей, в стенах служебных кабинетов — в том кругу отчуждения, в котором прекрасно чувствуют себя тысячи других людей, ступивших на служебную стезю и усвоивших правила бюрократических игр. Перешагнув эти границы однажды, в самом начале своей общественной деятельности, впоследствии Зюганов сумел вырваться из плена идеологических догм, из жестких пут, регламентирующих каждый шаг партийного работника.

Те, кто хорошо знают Геннадия Андреевича, неизменно отмечают его образованность, эрудицию, кругозор. Но в беседах с ним сразу же обнаруживается и другое: насколько органично его познания увязаны с жизнью, одухотворены жизнью, теми людьми, с которыми сталкивали его обстоятельства. Он никогда не

ограничивает себя в живом общении — более того, он его ищет, оно превратилось для него в повседневную потребность. В каждом человеке, будь то простой рабочий или известный политический деятель, он неизменно находит для себя что-то новое и важное, выбирает и хранит самое ценное — крупицы человеческого опыта, не полагаясь при этом только на память. В его домашнем архиве скопились сотни исписанных блокнотов. Часто обращается к мыслям и мнениям людей, с которыми встречался, у которых учился. Эта привычка помогла сохранить видение окружающего мира через призму живого народного восприятия. Пожалуй, именно это качество оценили в нем представители самых разных патриотических сил, сплотившиеся вокруг него в тяжелую пору безвременья.

К нему потянулись, потому что он никогда не был традиционным партийным функционером с набором стандартных рецептов на каждый жизненный случай. Зюганов шел от жизни — и как практик, и как теоретик. Это нетрудно заметить, обратившись к его диссертациям, книгам, трудам по отечественной истории или геополитике. Дотошный исследователь может обнаружить в них те или иные погрешности, но для нас важнее другое — в его личной творческой лаборатории найдено немало сложных и верных решений, впервые примененных в общественной практике.

…Спустя некоторое время Геннадия избрали секретарем комитета комсомола института. Нетрудно предположить, что сделано это было с определенным прицелом — работа с резервом партийных кадров была в то время поставлена основательно, способные люди всегда были в поле зрения партийных комитетов, их поддерживали, давали возможность раскрыть свои способности, набраться опыта. Однако сам Зюганов о большой политической работе тогда не помышлял. Окончив институт, параллельно с комсомольской работой он начал преподавательскую деятельность на кафедре высшей математики, занялся научными исследованиями по математическому анализу, теории игр, приступил к подготовке диссертации.

Новое предложение не заставило себя ждать. Поступило оно от первого секретаря Заводского райкома партии Александра Степановича Хохлова. Был он человеком неординарным, из тех, кого в народе характеризуют одним словом: «умница». Начитанный и интеллигентный, обладал он спокойным, но в то же время очень твердым нравом, отличался последовательностью и настойчивостью, великолепно разбирался в людях. Как знать, если бы не он, может быть, и не удалось бы вытянуть молодого преподавателя и начинающего ученого из привычных стен

института. Но ведь при первой же беседе сумел он расположить Геннадия к себе, убедил попробовать силы в новом качестве. Конечно, должность первого секретаря райкома комсомола, которую предложили Зюганову, не представляла для него тайны за семью печатями — к тому времени приобрел он солидный опыт профсоюзной и комсомольской работы. Но все же сулила она неизбежный разрыв со всем привычным и устоявшимся, шаг в неизвестность. На новый круг судьбы.

На кафедре отговаривали: куда собрался, у тебя диссертация на подходе. Вовремя вмешался секретарь парткома Вениамин Константинович Иножарский, к которому Геннадий давно уже относился как к авторитетному и надежному старшему товарищу: «Никого не слушай, держись и работай — все будет нормально. Ну а если что не так пойдет, через год заберем назад».

На том и порешили.

Глава третья
«НАРОДНЫЕ ПАРТИЙЦЫ»

Седой высокий старик в кабинет секретаря горкома партии вошел спокойно и с достоинством. Сделал несколько шагов и остановился, переступил ногами на месте, словно проверяя пол на прочность. Геннадий Андреевич поднялся навстречу, приглашая к столу: «Проходите, отец». — «Да я уж и не знаю, молодой человек, есть ли нам с тобой о чем говорить. Я ведь к тебе за помощью пришел — у меня крышу с дома ураганом сдуло. Раньше я бы и сам ее отремонтировал, но теперь стар стал. А сыновей моих на войне поубивало. Но, смотрю, наверное, никудышный из тебя помощник, коль ты у себя под носом пол не можешь отремонтировать — скрипит весь, того гляди провалится».

Сильно смутил посетитель хозяина кабинета, пришлось ему оправдываться: мол, только пришел на новое место, еще не успел порядок навести… Старику, конечно, помогли. Спустя несколько дней Зюганов сам съездил к нему, убедился — доволен дед остался. Но урок молодому партийному руководителю преподал хороший: собрался другими руководить — начни с себя. Не будем сейчас рассуждать, хорошо это было или плохо, но в партийных и советских органах люди ощущали реальную власть, признавали эту власть и хотели видеть ее дееспособной. Может, кому-то она и была не по душе, но народ власти доверял, в обкомы, горкомы и райкомы шли с производственными, жилищными, бытовыми проблемами и были уверены, что здесь рассудят по справедливости.

Вспоминая о партийных и советских руководителях, с которыми довелось работать в Орле, Геннадий Андреевич не раз подчеркивал, что все они были *народными партийцами* в подлинном смысле слова, не отделяли себя от народа, ощущали себя его неотъемлемой частью. Никто из них не отсиживался в своих креслах — «кабинетный» стиль руководства считался порочным и неприемлемым. Но помимо этого ко многому обязывала непосредственная близость к земле и людям. Ведь даже в областном центре — все у всех на виду, никакими обкомовскими или горкомовскими стенами от народа не отгородишься. Большая часть времени уходила на встречи и общение с людьми — на предприятиях, в совхозах и колхозах, по месту жительства. И везде — масса вопросов, требующих внятных ответов и конкретных мер. Практически каждый день — прием

населения, под жестким контролем находилась работа со всеми письменными обращениями трудящихся.

Позиция рабочего человека всегда конкретна, пустыми посулами и демагогическими рассуждениями от него не отделаешься. Почувствуют фальшь в речи или общении — грош тебе цена будет. Как-то в день выборов случилось в городе ЧП: взбунтовалось строительное общежитие. С утра многие мужики были уже в подпитии и голосовать не пошли. Поехал к ним Зюганов. Едва появился, тут же возник стихийный митинг. Высказали, не стесняя себя в выражениях, всё, что думают о своем начальстве и начальстве вообще. Пришлось Геннадию Андреевичу проявить изрядную выдержку, чтобы выяснить причины недовольства. Оказалось, что многие в тесноте живут, в общежитии много детей, а детской площадки нет. Разбирались с каждым недовольным в отдельности. Все большие семьи Зюганов переписал, а вопрос с детской площадкой обещал решить в течение недели. Успокоились люди, пошли на избирательный участок. Свои обещания Геннадий Андреевич выполнил: и детскую площадку построили, и жилищные условия многосемейным улучшили. С подобными проблемами ему приходилось сталкиваться часто, и никогда люди не оставались брошенными на произвол судьбы. Надежно был защищен человек в социальном плане. Разное, конечно, случалось, но человека, труженика советская власть уважала и ценила. Не дай бог чтобы на каком-нибудь предприятии на пару дней зарплату задержали — головы бы у начальников полетели немедленно.

В подходе к делу и людям существовал реальный демократизм. В некоторых случаях — можно сказать, даже чрезмерный. Например, принцип обязательного рассмотрения любого письма или заявления, поступившего в руководящие органы, был на руку некоторым любителям «эпистолярного жанра», плодившим кляузы и анонимки. Мало того, что отнимали эти сочинения уйму времени, гораздо хуже другое — анонимки нередко использовались в качестве оружия борьбы с порядочными, инициативными, честными людьми. Нередко проходили через эти испытания и партийные работники. К примеру, в бытность секретарем городского комитета партии довелось Зюганову вместе с первым секретарем горкома А. П. Ивановым заниматься реконструкцией одной из центральных площадей Орла и прилегающих к ней улиц. Волей-неволей пришлось тогда принять, прямо скажем, нелегкое решение о вырубке трех десятков старых кленов. Хотя вместо них триста новых деревьев посадили, рядом заложили парк, а на соседней Комсомольской улице сняли трамвайное полотно и разбили

сквер, много нервов им с Ивановым попортили: много разных глупостей в обком насочиняли, даже в Москву обращались. Успокоились все только по весне, когда зазеленели вокруг молодые саженцы и декоративные кустарники, запестрели цветы. Ахнули жители города, увидев, как преобразилось все вокруг.

Случай этот запомнился Геннадию Андреевичу тем, что, пожалуй, впервые на собственном опыте познал, что даже верные решения и необходимые действия не всегда встречают понимание и поддержку окружающих, а затраченные усилия — адекватную оценку. На первых порах в подобных ситуациях нервничал, а когда приходилось сталкиваться с недопониманием или незаслуженными упреками, в глубине души нередко начинала шевелиться обида. Конечно, со временем можно ко всему привыкнуть, приобрести своеобразный иммунитет, притупляющий остроту тех проблем, которые неизбежно наваливаются на тебя и не дают покоя ни днем ни ночью. Многие партийные руководители в конце концов так и поступали, находили для себя удобную нишу и, постепенно черствея, нередко превращались в закоснелых бюрократов. Зюганов этой участи избежал. Во многом благодаря своему главному наставнику тех лет — Альберту Петровичу Иванову, одному из тех людей, у которых он приобретал уникальный жизненный опыт.

Работать с Ивановым было нелегко. В первую очередь потому, что сам он целиком отдавался делу, которому служил, и от других требовал полной самоотдачи. Люди с приспособленческой психологией в горкоме не приживались — здесь в цене были не просто добросовестные исполнители, а инициативные работники, обладавшие творческим подходом к решению стоявших задач, или, как часто говорят в наши дни, креативным мышлением. Нельзя, конечно, требовать от других того, что тебе самому недоступно. Иванов, по мнению всех, кто его знал, имел на это неоспоримое моральное право. Человек от земли, он смог преодолеть все невзгоды, которые уготовила ему судьба. Довелось ему познать тяготы военного детства, последующей разрухи, сиротства. Ему было десять лет, когда началась война и он оказался на оккупированной территории, в районах партизанского движения Смоленщины. С этого возраста свой хлеб пришлось зарабатывать самостоятельно. Отслужив в армии, окончив техникум, а затем и институт, он прошел путь от простого инженера до руководителя жилищно-коммунального хозяйства области, заместителя председателя Орловского горисполкома, а затем был выдвинут на пост первого секретаря горкома партии. Трудно переоценить его роль в восстановлении и

благоустройстве Орла, который к своему 400-летию, отмечавшемуся в 1966 году, был включен в число красивейших городов России. Накопленный здесь опыт по внедрению научно-технических достижений в жилищно-коммунальное хозяйство и его модернизации был одобрен ЦК КПСС и Совмином СССР и рекомендован к распространению в других регионах страны. Обладая глубоким знанием социально-экономических проблем и новаторским складом ума, он схватывал на лету каждую конструктивную идею, и неслучайно именно этот человек стал инициатором и главным организатором знаменитой «Орловской непрерывки» — принципиально нового, комплексного подхода к градостроению, определившего на долгие годы успешное решение задач жилищного строительства и социального развития города.

У Иванова перенял Зюганов крепкую хозяйственную хватку и распорядительность, умение вникать в суть экономических проблем. Так что не пропали у него здоровая хозяйская жилка и основательность, присущие ему, как мы знаем, с раннего детства. Чем бы ни приходилось Геннадию Андреевичу заниматься на партийной работе, окружающие неизменно отмечали: человек знает свое дело. Очевидцы приводят такой пример. За время работы в горкоме партии довелось Зюганову принять десятки делегаций, приезжавших в Орел со всей страны и даже из-за рубежа изучать прогрессивные методы жилищного строительства. Как правило, в их составе наряду с партийными руководителями всегда были специалисты-строители, которые постоянно принимали Зюганова за своего коллегу и искренне удивлялись, узнав, что он не имеет строительного образования, — настолько глубоко владел он не только общими, но и специфическими проблемами строительства. Но удивляться было нечему — он изучил едва ли не всю доступную литературу по градостроению, постоянно общался с ведущими архитекторами, планировщиками и инженерами, а возглавив городской штаб по внедрению «непрерывки», вник во все тонкости этого ремесла. Но прежде всего прекрасно усвоил он одну из главных заповедей партийного работника: без основательного овладения предметом управления любые разговоры о политическом руководстве теряют смысл. Уместно тут вспомнить кабинетных теоретиков «реформ» конца восьмидесятых — начала девяностых годов, претендовавших на глобальные изменения в тех сферах, о которых они имели весьма смутное, а главное — совершенно оторванное от жизни представление. Известно, к каким последствиям привела деятельность главного идеолога повсеместной замены совхозов и колхозов на фермерские хозяйства, «асфальтового» агронома

Юрия Черниченко. Всем памятна программа Шаталина — Явлинского «500 дней», с помощью которой горе-руководители страны надеялись стабилизировать зашедшую в тупик экономику и безболезненно перескочить в рынок. От результатов экономических авантюр, в ряду которых особое место заняла «шоковая терапия» Гайдара, страна еще до сих пор не оправилась.

Будучи талантливым организатором, во главу угла Иванов ставил работу с людьми. Главное его кредо: партийный руководитель не имеет права делить людей, ради которых он в конечном счете и работает, на хороших и плохих, на покладистых и неудобных. Более того, к несимпатичным людям надо относиться с удвоенным вниманием, дабы личные антипатии не отразились на интересах дела или судьбе человека.

Запомнилась Геннадию Андреевичу беседа с Альбертом Петровичем, которая состоялась сразу после пленума, избравшего его секретарем горкома партии. До поздней ночи шел тогда обстоятельный и доверительный разговор о жизни, о нелегкой ноше партийного работника, о той линии поведения, которую предстоит определить для себя Зюганову. Иванов не поучал, а скорее рассуждал, делился собственным опытом. Но за его мыслями угадывалось стремление уберечь, предостеречь молодого руководителя от заблуждений и ошибок.

— У тебя теперь солидный кабинет, секретарь, персональная машина, аппарат сотрудников. И окружающие к тебе с почтением относятся. Будешь хорошо работать — еще больше почтения приобретешь. Только все это может вскружить голову. А чтобы этого не произошло, чтобы не было впоследствии разочарований, к любому кабинету в своей жизни относись, как к гостиничному номеру, из которого рано или поздно придется съезжать.

— Существует в нашей работе принцип коллегиальности руководства, коллективного принятия решений. Но только учти, что на каждом из нас лежит особая ответственность и за принцип этот не всегда свою голову спрячешь. Очень многое будет определять твоя личная позиция, поскольку часто приходится принимать решения самостоятельно, оставаясь с возникающими проблемами один на один, не уповая на страховку.

— У нас с тобой только один тыл — семья, и чтобы сохранить его в надежности, не тащи в дом свои служебные проблемы, иначе превратишь жизнь своих близких в кошмар. Оберегай семью — что бы ни случилось, ты должен всегда приходить домой в спокойном, доброжелательном расположении духа.

Последний совет был, пожалуй, особенно важен для молодого партийного руководителя, так как в том же 1974 году в семье Геннадия и Надежды Зюгановых родился второй ребенок — дочь

Татьяна, а первенцу — сыну Андрею исполнилось шесть лет. Конечно, Иванов хорошо знал, что Зюганов хороший семьянин, но знал он и о том, чем для близких может обернуться работа главы семьи на пределе душевных и физических сил, по 12–14 часов в сутки, практически без выходных. Геннадий Андреевич свой тыл сохранил. Не только потому, что внял наставлениям своего старшего товарища. Главное, наверное, все же заключалось в основе его характера и здоровой психологии русского человека, для которого семья при любых обстоятельствах остается главным в жизни.

Были в его семейной жизни и трудности — у кого их нет. После свадьбы, которую сыграли в 1966 году сразу же после возвращения Геннадия из армии, довелось им с Надеждой помыкаться по углам и общежитиям. Сначала сняли комнату в деревянном доме, в которой с трудом помещались кровать, стол и два стула. Рай в шалаше продолжался до наступления холодов, когда выяснилось, что дом находится в аварийном состоянии и жить в нем нельзя. Что и было зафиксировано в акте комиссии, осмотревшей жилище. Хозяев переселили, а квартирантам деваться было некуда. Наспех заготовили дров, печку топили два раза в день, утром и вечером, но в перерыве между топками тепло быстро улетучивалось сквозь бесчисленные щели, и за ночь вода в ведре покрывалась коркой льда. Перезимовали! И теперь часто вспоминаются Геннадию Андреевичу эта комнатка с маленьким оконцем, подернутым морозными узорами, потрескивающие дрова в печи, тусклый свет лампочки под видавшим виды абажуром.

Весной пришлось молодым другое пристанище искать, через год — третье. Одно время квартировали у сапожника. Мужиком тот был неплохим, вот только когда выпивал, лез с женой драться. В такие дни Геннадию приходилось их разнимать. Первое свое жилье молодая семья получила, когда Геннадий работал секретарем комитета комсомола института. Была это небольшая комната в расположенном за городом рабочем общежитии завода «Химмаш». Представляло собой это общежитие отдельный дом гостиничного типа с удобствами общего пользования, в котором было пять комнат и проживало пять семей. Жили дружно, хотя иногда и случались среди соседей мелкие ссоры и неурядицы. Возложили на Геннадия нечто вроде обязанностей мирового судьи — признали в нем начальство, так как, став первым секретарем райкома, с работы часто возвращался на машине.

Пришлось пережить и несколько сложных периодов в Москве, особенно в конце восьмидесятых — начале девяностых годов.

Надо сказать, что к тому времени на руках у Геннадия Андреевича находилось практически шесть человек: отец и мать — пенсионеры, жена тогда работала на заводе рядовым инженером по информации с символической зарплатой, сын с невесткой — студенты, да к тому же с грудным ребенком. Непросто такую семью прокормить было. И все же не зря раньше в народе говорили, что семья сильна, когда над ней крыша одна. Именно семья стала главной опорой Зюганову, когда он, придя к окончательному выбору, оказался в полной конфронтации с руководством ЦК КПСС, ступившим на путь предательства. Три раза оставался без работы — в руководителях с твердой позицией «демократическая» власть не нуждалась. Пытались, правда, апеллировать к рассудку, увещевать, договориться «по-хорошему»: «Скажи только, что ты поддерживаешь нашу линию, и всё будет в порядке». Не поддался. А тем временем в доме порой наступало такое безденежье, что приходилось вещи продавать. Тогда же постигло семью горе — скончался Андрей Михайлович. Выстояли. Рано еще нашему герою подводить итог жизни, но как бы судьба ни распорядилась, ему всегда будет чем гордиться: шестеро внуков и внучка у Геннадия Андреевича.

Когда Зюганов стал признанным лидером российской компартии, один из главных «архитекторов» перестройки А. Н. Яковлев, весьма пренебрежительно отзываясь о его работе в отделе пропаганды ЦК КПСС, сожалел о том, что он в свое время «пропустил Зюганова», равно, как и не снял с поста главного редактора «Советской России» Валентина Чикина. Если верить Яковлеву, то оставил он Зюганова в отделе только потому, что тот хорошо в волейбол играл. Явно лукавил Александр Николаевич — в той беспощадной политической борьбе, которая велась против убежденных и принципиальных людей, их спортивные достижения в расчет, конечно, не принимались. Помогли удержаться Зюганову прежде всего его соратники и друзья — такие же, как и он, преданные своему делу патриоты. Сыграло свою роль и то, что сектор отдела пропаганды и агитации ЦК, в котором он работал и который затем возглавил, занимался подбором и назначением идеологических кадров. Поэтому довелось Геннадию Андреевичу принимать участие в судьбах многих руководящих и партийных работников, которые впоследствии оказали ему серьезную поддержку в трудный период жизни. Причем часто помогали те, на кого даже и не рассчитывал — далеко не все паниковали в обстановке смятения и хаоса, наоборот — у большинства тогда проявились самые лучшие человеческие качества. Поддержка эта ничего общего не имела с кумовством, существовавшим в некоторых эшелонах

власти, — защищая Зюганова, многие рисковали своим положением и карьерой. Пришли на помощь даже те, с кем подружился еще в молодые годы, в период комсомольской работы.

О комсомольском братстве Зюганов всегда вспоминает с особой теплотой, гордится своей комсомольской молодостью. В свое время, когда дал согласие перейти из института на работу в Заводской райком ВЛКСМ, не было у него еще уверенности, что обретет он себя на новом поприще. Поэтому поначалу сохранял пути для отступления: читал лекции по математическому анализу, проверял контрольные, выкраивал время для занятий наукой. Для людей сведущих такое совмещение может показаться нереальным — слишком много сил отнимала профессиональная комсомольская работа, чтобы параллельно с ней можно было серьезно заниматься чем-то еще. Помогали жесткая самодисциплина и организованность — качества, которые после армии вошли у Геннадия в привычку и со временем были доведены едва ли не до автоматизма. Кому-то жизнь, расписанная по часам на месяц вперед, может показаться скучной — для него же всегда являлась необходимым условием полноценной деятельности. Заметим, что преподавание в институте он не оставлял и в период партийной работы в Орле, переключившись после окончания Академии общественных наук при ЦК КПСС с математики на философию. Причем относился он к преподаванию отнюдь не как к средству дополнительного заработка. По мнению Зюганова, ученый, переставший сиетематически заниматься наукой, рано или поздно превращается в обычного дилетанта.

Как знать, может, со временем и вернулся бы Геннадий Зюганов на институтскую кафедру, если бы молодого комсомольского работника не приметил первый секретарь горкома КПСС А. П. Иванов. Впервые увидел он Зюганова в деле, когда тот руководил возведением памятника героям-комсомольцам. (Кстати, монумент этот стал одной из первых работ знаменитого впоследствии скульптора, народного художника России, академика Александра Бурганова.) Пригласив к себе Зюганова, Иванов начал с главного: «Мне нужен первый секретарь горкома комсомола — энергичный, крепкий, хваткий, со светлой головой и хорошей речью. Будем рекомендовать тебя». Через несколько дней Геннадий возглавил Орловскую городскую комсомольскую организацию.

Эту перемену в его судьбе можно считать знаковой. Означала она, что пути назад уже не будет. Не только потому, что должность первого секретаря горкома комсомола входила в

серьезную партийную номенклатуру, откуда не очень-то просто было уйти «по собственному желанию». Еще в Заводском райкоме Зюганов успел почувствовать вкус к комсомольской работе. А главное, теперь больше не мучили сомнения — справлюсь ли? — вдохновляло сознание, что первые испытания на комсомольском поприще выдержал, что ему доверяют. К тому же в своем напутствии Иванов недвусмысленно дал понять, что на него рассчитывают и в будущем: «Наступает новая эпоха. Перспективы страны определит восприимчивость к прогрессу, новым технологиям. Для этого потребуются профессионалы, люди широко мыслящие, способные осуществить научно-техническую революцию. Исследователи, аналитики, специалисты по выбору оптимальных вариантов развития».

Тогда действительно верилось, что страна стоит на пороге новых свершений. На глазах преображался и хорошел Орел, который отстраивался невиданными ранее темпами, да и вся окружающая жизнь, безусловно, менялась к лучшему. Естественно, это сказывалось и на настроении молодежи, которая с энтузиазмом откликалась на многие начинания комсомола.

Никто тогда и подумать не мог, что придет время, и само понятие «комсомол» едва не сгинет в антикоммунистической истерии. Или, в лучшем случае, о нем станут судить по повести Юрия Полякова «ЧП районного масштаба», написанной и опубликованной, заметим, еще до начала «перестройки». Безусловно, серьезные бюрократические заболевания в среде руководящих комсомольских работников предкризисной эпохи были налицо. Но даже в восьмидесятые годы комсомолом в подавляющем большинстве руководили честные и бескорыстные люди, обеспокоенные его судьбой. Неслучайно автор нашумевшей книги был удостоен за нее премии Ленинского комсомола, избран делегатом XX съезда ВЛКСМ и стал кандидатом в члены ЦК ВЛКСМ. Как верно отмечал известный литературный критик Владимир Бондаренко, Поляков (от себя добавим: талантливый писатель, не склонный подстраиваться под политическую конъюнктуру) был зачислен в крутые ниспровергатели и очернители без своего согласия, с легкой руки «прорабов» перестройки. Не было в «ЧП районного масштаба» ненависти или презрения к комсомолу.

Подчеркнем, что сам Зюганов, которому чужда бездумная идеализация прошлого, не склонен списывать те или иные вывихи в работе комсомола только на «эпоху застоя» — случались они во все времена. Что поделаешь — не всем дано в двадцать лет обрести устойчивую психику и твердые убеждения, удержаться от многочисленных искушений молодости, с достоинством нести

нелегкую ношу ответственности. В то же время по своему характеру комсомольская работа предполагала целую череду экзаменов на жизненную зрелость и профессиональную пригодность, естественный отбор, позволявший выявить подлинных молодежных вожаков, настоящих лидеров и организаторов. Именно благодаря тем, кто выдержал эти испытания, для миллионов молодых людей комсомол становился блестящей школой мужания и закалки. Хорошо помнит Геннадий Андреевич, как отправлял на комсомольские стройки молодых ребят, с какой гордостью ехали они в далекий Шелехов на строительство Иркутского алюминиевого завода. Уезжали совсем зелеными и неоперившимися, а возвращались через два-три года зрелыми, знающими себе цену людьми, высококвалифицированными рабочими, бригадирами, специалистами. На его глазах росли люди в комсомольско-молодежных коллективах, участвовавших в реализации программы комплексного развития Орла — еще бы, своими руками свой город отстраивали! Да как отстраивали — вся страна изучала и внедряла опыт «Орловской непрерывки»!

Но, пожалуй, самое важное заключалось в том, что комсомол, сохраняя преемственность поколений, цементировал живую связь времен. Верной опорой в этой работе служили те, кто жил и трудился рядом с молодыми — люди с уникальными, порой легендарными судьбами. Среди признанных наставников орловской молодежи был, например, слесарь-сборщик машиностроительного завода имени Медведева Иван Дмитриевич Санько. Начал он трудовую деятельность подростком на одном из предприятий Донбасса, прошел закалку на северных стройках страны, куда уехал по комсомольской путевке. Во время войны — разведчик 380-й стрелковой дивизии, получившей почетное наименование «Орловской». При штурме Орла рядовой Санько и ефрейтор Образцов под пулями водрузили красный флаг над одним из домов по Московской улице. Теперь флаг этот как общенародная реликвия хранится в Санкт-Петербурге, в Военно-историческом музее артиллерии.

Не жалел времени для общения с комсомольцами бывший фронтовик Николай Алексеевич Сенин, который приехал в Орел сразу после войны, в 1946 году, когда город лежал в развалинах. Сначала крутил баранку в тресте «Орелстрой», а потом пересел в кабину экскаватора. К боевым наградам ветерана войны добавились ордена Ленина, Трудового Красного Знамени, а в 1974 году он был удостоен звания Героя Социалистического Труда. При этом не счесть, скольких молодых рабочих управления «Строймеханизация № 1» поставил он на ноги.

В период работы Зюганова в Орле еще были живы и такие люди, как Анна Никитична Гурьянова, вступившая в партию в двадцатые годы по ленинскому призыву. Когда-то она открывала избы-читальни и обучала грамоте крестьянских детей, ее тяжело ранили из обреза кулаки. Перед войной Анна Никитична возглавляла Заготзерно, а в самую страшную пору, когда танки Гудериана были уже на ближних подступах к Орлу, руководила отправкой последних эшелонов с хлебом с узловой станции Скуратове под непрерывными бомбежками и артобстрелами, получив накануне извещение, что муж на фронте пропал без вести.

До сих пор не перестает Геннадий Андреевич восхищаться удивительными качествами своих прославленных земляков: несмотря на свое героическое прошлое, огромные заслуги и высокие награды, на тот почет, которым были окружены, они оставались добрыми, чуткими, отзывчивыми, сохранили ясный взгляд на жизнь. Многому он научился у них.

Давно известно, что переломная эпоха в жизни любого общества сопровождается неизбежным конфликтом поколений, обострением проблемы отцов и детей. Руководствуясь беспрецедентным по своей циничности лозунгом одного из экономистов — «прорабов» перестройки: «Предстоит сначала выжить, а потом уже жить», устроители новой жизни поступили просто: отдав на разграбление общенародное достояние, они обрекли на выживание, а точнее будет сказать — на вымирание, тех, кому Россия обязана своим былым могуществом, благодаря которым за десятилетие страна проходила в своем развитии путь, равный целой эпохе. Вспомним, к примеру, конец двадцатых годов, когда мы еще толком не умели производить ни самолетов, ни тракторов. А 41-й встретили с самой современной техникой, с лучшим в мире танком Т-34, с лучшей пушкой, с лучшей реактивной установкой, с новыми самолетами. За каждую пятилетку возводилось 1000–1200 заводов, создавались целые промышленные отрасли. Опираясь на самоотверженность этих людей, Сталин еще в довоенное время одержал три великие победы, ставшие прологом главной Победы советского народа, — победу над временем, победу над пространством, победу в борьбе за единство страны.

Увы, за последние двадцать лет так ничего путного и не создали. Часть разрушили, часть разворовали, часть проели, часть спустили за бесценок. Угробили важнейшие отрасли науки и промышленности. Наукоемкое производство скукожилось до одного процента от его общего объема, что в 15–20 раз ниже аналогичного показателя современного Китая. За девяностые

годы произошло катастрофическое сокращение валового внутреннего продукта — его объем уменьшился почти вдвое, произошла *деиндустриализация* страны. Если даже гипотетическое удвоение ВВП к 2010 году и станет реальностью, достаточно будет вспомнить, как мы жили в 1990–1991 годах, чтобы понять, на какие «рубежи» мы выйдем. Однако в стране до сих пор нет реальных предпосылок, позволяющих вытащить экономику из пропасти. Все производство и коммунальное хозяйство сидят ныне на сотнях тысяч километров труб, 70 процентов которых уже нельзя эксплуатировать. В каком состоянии находится электроэнергетика, регулярно испытывают на себе жители всех регионов, от Москвы и Санкт-Петербурга до Камчатки и Владивостока.

Суммарные расходы на так называемые приоритетные национальные проекты — «Образование», «Здоровье», «Развитие агропромышленного комплекса», «Доступное и комфортное жилье — гражданам России» в 2007 году составляют чуть более 230 миллиардов рублей или всего лишь 4,2 процента от расходной части бюджета. О каком приоритете развития агропромышленного комплекса может идти речь, если на него планируется менее одного процента всех расходов. Аналогичный показатель в восьмидесятые годы значительно превышал 10 процентов. Агропромышленному комплексу выделяется 2 миллиарда долларов в год или всего 17 долларов на 1 гектар пахотных угодий. Для сравнения скажем, что Белоруссия вкладывает в каждый гектар земли 250 долларов. Неудивительно, что страна давно утратила продовольственную безопасность. 46 процентов продовольствия ввозится из-за рубежа, при этом на его закупку затрачивается значительно больше средств, чем на поддержку российского села. Иллюзию изобилия продуктов питания в магазинах создает их недоступность для огромной массы населения: потребление основных белковых продуктов — мяса и молока — по сравнению с «голодным» 1990 годом снизилось почти в два раза.

В проекте «Образование» даже и речи не идет о ликвидации такого позорного явления, как детская беспризорность. И это в то время, когда, по разным источникам, в стране около миллиона детей — беспризорники, 2 миллиона подростков — неграмотны. По продолжительности жизни мужчин Россия занимает позорное 134-е место в мире, среди самых отсталых стран, женщин — 100-е. Страна вымирает со скоростью 800 тысяч человек в год, смертность в 1,5 раза превышает рождаемость (в целом ряде субъектов Российской Федерации — в 2–2,8 раза). Над многими регионами нависла реальная угроза депопуляции русской нации.

Господство на рынке жилья криминальных структур для тысяч российских семей обернулось наглым грабежом и потерей последних сбережений.

Если все это называется *приоритетными* проектами, что тогда говорить о других социальных и экономических сферах? При этом все нефтедоллары упорно складываются в кубышку под названием «Стабилизационный фонд», как нам объясняют — на «черный день». Кто воспользуется этой кубышкой, когда черный день наступит? Минувшие дефолты и кризисы девяностых годов относят этот вопрос в разряд чисто риторических.

Отринув старшие поколения, изгнав их на задворки жизни и устранив от активной общественной деятельности, страна за короткий срок утратила свой естественный духовный и нравственный стержень. Как ни печально это сознавать, все меньше рядом с нами остается людей, одержавших Великую Победу над фашизмом. Существует грустная статистика: 60-летие Победы встретило лишь около миллиона участников войны, в рядах которых оставалось 4200 Героев Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы.

Зюганов убежден, что в наши дни современную молодежь можно и нужно воспитывать на судьбах комсомольцев последующих поколений. Нельзя вычеркивать из нашей истории свершения тех, кто распахал целину, проложил дорогу в космос, возвел новые города, создал уникальный промышленный и научный потенциал великой державы.

Возможно, для одних эта мысль покажется утопической, для других, в силу их убеждений, неприемлемой. Но ведь сама жизнь возвращает на свои места многое из того, что кому-то очень хочется безвозвратно отправить на «свалку истории». Есть, к примеру, в городе Шелехове Иркутской области улица Орловских комсомольцев, переименовать которую вряд ли кому придет в голову. Потому что руками молодых посланцев Орловщины отстроен и сам город, который начинался с брезентовых палаток, и его главное, градообразующее предприятие — алюминиевый завод. И ведь чтут традиции прошлого жители этого одного из самых молодых городов Приангарья — на сорокалетие Шелехова они пригласили делегацию из Орла, тепло чествовали первостроителей. А недавно здесь прошла художественная выставка, посвященная орловским комсомольцам.

Хоть и иронизируют недруги Геннадия Андреевича над тем, как возродившиеся пионерские отряды и дружины принимают лидера КПРФ в почетные пионеры, видно, все же не без оснований он считает, что в сфере воспитания детей лучше пионерской организации ничего не придумано. Возрождение

пионерского движения происходит вопреки усилиям современной пропагандистской машины, направленным на уничтожение малейших ростков коммунистического сознания, а попытки дискредитировать его историю, представить пионерию как идеологизированную копию популярного в западных странах, особенно в США, скаутизма — буржуазной системы воспитания, подчиненной формированию у детей индивидуалистического сознания, — рассчитаны на очень наивных людей. Между ними — пропасть. Пионерское движение выработало свои формы и методы работы с учетом психологических особенностей детей, того возрастного периода, в котором ребенок начинает осознавать себя личностью, испытывает потребность в реализации собственного «я» через коллектив, приобщение к общественной жизни. Изгнание пионерских организаций из школы, уничтожение пионерских лагерей лишили миллионы детей полноценного детства, нанесли и до сих пор наносят невосполнимый нравственный урон всему обществу — оказались открытыми все шлюзы для безудержного роста детской преступности, беспризорности, алкоголизма и наркомании, игровой зависимости и других пороков, захлестнувших юное поколение.

В девяностые годы в стране была разрушена система последовательного воспитания, при которой пионерская и комсомольская организации направляли в здоровое русло естественную тягу детей и молодых людей к самоутверждению, героике, проявлению отваги и мужества, предоставляли им возможность реализовать или проверить свои силы и способности в общественно значимых делах. Неслучайно в наши дни возрождается и еще одно, по мнению Зюганова, выдающееся детище комсомола — движение студенческих строительных отрядов. Ныне оно насчитывает в своих рядах уже десятки тысяч студентов. Примечательно, что у истоков этого возрождения оказались комсомольцы Владимира, создавшие несколько лет назад отряд «Корчагинец». В 2006 году 75 отрядов из Владимирской области объединяли уже две тысячи студентов, из них 400 человек трудилось в составе «Корчагинца» в Московской области на освоении Яхромской поймы. В 2007 году пути развития стройотрядов обсудили на всероссийском слете их представителей, организованном ЦК Союза коммунистической молодежи. На нем было подчеркнуто главное: стройотряды обращаются к лучшим гражданским традициям, заложенным предшествующими поколениями студенчества. Любопытно, что, когда официальный интернет-сайт фонда членов стройотрядов Санкт-Петербурга провел опрос среди студентов, чтобы выявить

основные мотивы, побуждающие их вступать в ССО, подавляющее большинство ответило: «Хочу испытать себя». Вопросы заработка отошли на второй план.

Годы работы в комсомоле Геннадий Андреевич считает самым счастливым периодом в своей жизни. Не только потому, что большинство людей в молодости более ярко и эмоционально, нежели в зрелом возрасте, воспринимают окружающий мир. Несмотря на сумасшедшую круговерть дел, как любой человек, сознающий, что он оказался на своем месте, Зюганов получал удовлетворение от того, чем занимался, видел реальную отдачу от своего труда. Было и ощущение собственного профессионального роста.

Кто-то из журналистов, не пылающих особой любовью к советскому прошлому, однажды с иронией заметил: «Комсомольские работники — это те, кому в молодости давали порулить». Такое замечание, безусловно, имеет право на жизнь, но к нему необходимо сделать добавление: во-первых, их и обучали этому, а во-вторых, право «на вождение» приходилось постоянно подтверждать. Для того чтобы успешно «рулить» во главе горкома комсомола, Геннадию Зюганову пришлось основательно вникать в целый комплекс проблем промышленных предприятий и строительных организаций — от технологических процессов до специфики управления, осваивать инфраструктуру городского хозяйства, изучать социальные, культурные и бытовые аспекты жизни города. То, что он с этим успешно справлялся, подтверждает его последующее избрание первым секретарем обкома ВЛКСМ.

Некоторым журналистам комсомол до сих пор представляется в виде кормушки, на которой взращивался партийный резерв. «Партэлита, обладающая для утоления всевозможных своих потребностей кучей всяческих заведений с приставкой „спец“ — поликлиниками, санаториями, магазинами, — о братьях „меньших“ из ВЛКСМ не забывала» — это утверждение в духе «демократических» традиций принадлежит газете «Московский комсомолец», которая в день 85-летия ВЛКСМ не смогла предложить читателям более достойной темы. Поражает живучесть порядком заезженного мифа о сказочных привилегиях и уровне материального благосостояния «партийных бонз» и их комсомольской смены. А ведь то, что в определенной мере было свойственно исключительно центральным властным структурам, причем в большей степени — их руководящей верхушке, отнюдь не распространялось на регионы, местные органы. Существовали реальные льготы для некоторых категорий ответственных

работников в основном только при получении жилья, причем обладали ими далеко не все — для этого нужно было подтвердить на деле свою профессиональную состоятельность, обладать определенным стажем партийной, советской или комсомольской работы. И уж вовсе беспочвенны разговоры о тех возможностях, которые они имели в сфере медицинского и санаторно-курортного обслуживания — те же профсоюзные, ведомственные санатории и дома отдыха были доступны подавляющему большинству трудящихся, причем профкомы, как правило, оплачивали большую часть их стоимости. Излишне говорить о том, что абсолютно всё население имело возможность пользоваться бесплатной квалифицированной медицинской помощью.

Пытаясь всеми способами натравить народ на «жирующую партократию», новоявленные российские демократы, скрывая до поры до времени собственные неуемные аппетиты, умалчивали о действительном положении вещей. Может, кому-то сегодня поверится в это с трудом, но заработная плата подавляющего большинства сотрудников, особенно инструкторского состава местных партийных и комсомольских комитетов всех уровней, была сопоставима с доходами руководителей низового и среднего звена производственных предприятий — бригадиров, мастеров, начальников цехов. Так что в своей массе партийные и комсомольские работники жили, как и большинство советских людей, — «от получки до получки». Существовало, правда, одно дополнительное гарантированное материальное вознаграждение, которое выдавалось к отпуску и называлось «лечебным пособием». Однако, как с грустным юмором вспоминает Геннадий Андреевич, использовалось оно, как правило, не по назначению: «Получил лечебное пособие — купил новый костюм».

Впрочем, шутка эта на деле оборачивалась серьезной проблемой. Если подобная зарплата в комсомольских органах, для вступающих в жизнь молодых людей, была приемлемой, то в партийных комитетах она серьезно препятствовала комплектованию собственных штатов образованными, всесторонне подготовленными кадрами.

Например, проработав несколько лет на руководящих должностях в горкоме и обкоме КПСС, Зюганов пришел к твердому убеждению, что центральная фигура любого партийного органа — инструктор. Инструктор являлся главным проводником и организатором принятых решений, всей партийной работы в первичных организациях, служил основным источником аналитической информации о положении дел на местах. По его компетентности нередко судили о реальном авторитете

партийного комитета, о состоятельности местных властей. В то же время подобрать хорошего инструктора было непросто: многие толковые коммунисты из числа высококвалифицированных специалистов, проявивших хорошие организаторские, управленческие способности на производстве или хозяйственной работе, далеко не всегда горели желанием связать свою судьбу с партийной деятельностью. Причина одна: ответственности и забот партийная работа им сулила в несколько раз больше, а зарплата часто оказывалась в полтора, а то и в два раза меньше той, которую они получали. Рано или поздно это должно было сказаться на снижении общего уровня компетентности, качества управленческой деятельности партийных аппаратов, являвшихся, по сути, основой государственной системы. Что со временем и происходило.

Партийные органы оказывались заложниками той же всеобщей бездумной уравниловки, ставившей в один ряд талант и бездарность, тормозившей заинтересованность и инициативу людей, занятых в материальном производстве и социальной сфере, науке и технике. Никто не желал замечать серьезного стратегического просчета: отсутствие должной материальной заинтересованности в результатах своего труда у представителей базовых профессий — учителей, врачей, инженеров, рабочих, крестьян — неизбежно вело к стагнации важнейших отраслей народного хозяйства, определявших жизнеспособность страны, уровень развития общества.

Существует расхожее мнение, что комсомольские работники, войдя в номенклатуру соответствующих партийных комитетов, обретали гарантированную перспективу дальнейшего восхождения по традиционным ступеням карьерного роста: комсомол — партия — высокие управленческие должности. Однако дорога эта на самом деле была тернистой, многие сходили с нее в силу своих не слишком высоких профессиональных и моральных качеств или отсутствия способности к постоянному самообразованию. Наконец, далеко не все выдерживали напряженный ритм работы, тяжелый груз ответственности. Чем дальше по этому пути продвигаешься — тем сложнее. Неслучайно Геннадий Андреевич пришел к выводу, что те проблемы, с которыми каждодневно сталкивался в горкоме партии, по своей сложности не уступали теоремам Лагранжа, Коши, Вейерштрасса. Но научные положения этих выдающихся умов не пересматривались веками, а здесь жизнь постоянно вносила свои коррективы. То же городское хозяйство с его сложным сплетением экономических и социальных проблем постоянно выдвигало куда более трудные задачи, требующие

каждый раз новых, нестандартных решений. А после того как избрали Зюганова вторым секретарем горкома КПСС и в его ведение вошли городские административно-государственные органы, пришлось ему постигать все тонкости механизмов региональной власти и ведомственного управления, представлявших в своей совокупности и взаимодействии, по сути, уменьшенную модель целого государства.

Те, кто знаком с партийной работой не понаслышке, хорошо знает, что рано или поздно она приводила к жесткому прагматизму даже людей, склонных по своей натуре к созиданию и творчеству. С одной стороны, многих вынуждало руководствоваться в практической деятельности холодным расчетом и рационализмом бремя повседневных забот и ответственности. С другой — инициатива на местах могла оказаться (что нередко и случалось) попросту наказуемой, так как не укладывалась в рамки норм и правил, предписываемых сверху. Как известно, к концу шестидесятых годов в наезженной колее традиционных представлений о социалистаческих методах хозяйствования безнадежно увязли косыгинские реформы. После этого поиск эффективных управленческих решений в сфере экономики, науки и техники, социальных отношений все чаще стал подменяться имитацией творческих инициатив на местах, которые выражались в казенных лозунгах, призывавших к досрочному выполнению пятилетних планов и социалистических обязательств в честь красных дат календаря и партийных съездов.

Можно утверждать, что в этих условиях Зюганову здорово повезло — ему довелось работать в Орловском горкоме партии в годы, когда в нем под руководством А. П. Иванова возобладал здоровый идеализм, благодаря которому был осуществлен настоящий прорыв в одной из наиболее болезненных и жизненно важных отраслей — жилищном строительстве. Вряд ли кто сейчас, в эпоху извращенного представления о жизненных ценностях, поверит, что люди, разработавшие и осуществлявшие «Орловскую непрерывку», являлись идеалистами и мечтателями с большой буквы. Но это было на самом деле так. В генеральном плане развития города они видели воплощение мечты о городе будущего, которая захватывала умы людей со времен Томмазо Кампанеллы. Правда, великий итальянский мыслитель Средневековья грезил в первую очередь утопическими идеями нового общественного устройства жизни горожан. Руководители Орла задались более насущной целью — создать для своих земляков красивый современный город с достойными условиями жизни. Перспектива развития нового города, представлявшегося им живым и единым организмом, требовала комплексного и

гармоничного планирования. Глубина проработки проблем затрагивала даже такие вопросы, как пути и пределы урбанизации, оптимальная численность населения областного центра, позволяющая выстроить наиболее надежную и эффективную инфраструктуру городского хозяйства.

Замыслы эти полностью захватили Зюганова — неслучайно у него в доме и сейчас красуется панорама Орла в том виде, как его задумали авторы проекта, которые, при всех прочих идеях, попытались осуществить три замысла: построить город-сад, максимально развернуть его лицом к рекам — Оке и Орлику, создать современный центр образования и культуры. И главное, в основном все намеченное удалось воплотить в жизнь. Комплексная застройка городских массивов осуществлялась поточным методом на основе последовательного, непрерывного планирования, проектирования и финансирования строящихся объектов. Был создан своеобразный строительный конвейер, который запустили только после двух лет кропотливой подготовительной работы, в течение которой разрабатывалась проектно-сметная документация, сносились старые объекты, готовились площадки для новых зданий и сооружений, подъездные пути и коммуникации. Строилось не просто жилье, а возводились целые микрорайоны с развитой коммунальной и социальной инфраструктурой, включавшей в себя школы и дошкольные учреждения, объекты медицинского, бытового обслуживания, культуры и спорта. Работа всех общестроительных трестов и специализированных строительных управлений была спланирована таким образом, чтобы переход строителей с объекта на объект осуществлялся ритмично и плавно, исключал штурмовщину, долгострой и незавершенное строительство. Все это обеспечило невиданные темпы ввода благоустроенного жилья: в городе с населением 300 тысяч жителей стало ежегодно сдаваться почти 200 тысяч квадратных метров жилой площади! За несколько лет был не только сформирован новый, современный облик города, но и заложена мощная основа, разработаны перспективы его развития на многие годы вперед, которые не потеряли своей актуальности и в наши дни. Был, правда, период в девяностые годы, когда повсеместно и без разбора хватались за каждое новое веяние, в том числе и в строительстве. К чести земляков Зюганова, не дали они предать забвению свой бесценный опыт. Не случайно принципы и механизмы «Орловской непрерывки» сейчас довольно успешно использует в своей деятельности крупнейшая строительная организация области — «Орелстрой».

В одном из солидных подарочных изданий об истории и

современной жизни Орла[3] можно встретить утверждение, что «Орловская непрерывка» — это социально-экономический, но не градостроительный проект. Под этим подразумевается, что ее авторы и организаторы не уделили в свое время должного внимания эстетической стороне дела, увязке возводимых объектов с ландшафтами, сохранению исторического облика города, восстановлению памятников архитектуры, культурного наследия. Но, во-первых, напомним, что после войны на месте города были сплошные руины, и эти страшные раны пришлось залечивать более двух десятилетий. Огромная часть горожан долгие годы была вынуждена ютиться во всевозможных строениях так называемого барачного фонда и тесных «коммуналках». Те, кто на собственном опыте испытал, что такое «система коридорная», когда «на тридцать восемь комнаток всего одна уборная», как правило, не испытывают ностальгии по подобным условиям жизни, якобы способствовавшим формированию у советских людей чувства коллективизма. Такая жизнь неизбежно порождала обратное — маргинальное, люмпенизированное сознание отверженных. «Орловская непрерывка» дала людям возможность обрести не только человеческие условия существования, но и поверить в реальную социальную перспективу.

Во-вторых, в период работы Зюганова в Орле руководство города и области заботилось о культурно-историческом наследии края. Сам он не без оснований гордится тем, что приложил много сил к восстановлению усадьбы Спасское-Лутовиново, которая сгорела еще в начале двадцатого столетия, Дома-музея Тургенева, к созданию в Орле памятника Лескову, реконструкции музея этого замечательного писателя, открытию музея писателей-орловцев. Прекрасно вписались в городские ландшафты новые исторические памятники, авторами которых стали такие известные художники, как Бурганов или отец и сын Ореховы. Помнит Геннадий Андреевич то время, когда в городе был всего лишь один институт, а сейчас в нем — десять высших учебных заведений. Результатом стремления сохранить и приумножить культурные традиции города, издавна слывшего крупным театральным центром, стало строительство в нем нового драматического театра им. И. С. Тургенева, Театра юного зрителя, киноконцертного зала «Юбилейный». Эти объекты возводили не ради «галочек» — знали: люди в них нуждаются. Запомнился Геннадию Андреевичу такой, характерный для орловцев, эпизод. Как-то, уже в бытность секретарем горкома партии, пригласил он на гастроли в Орел один из старейших русских музыкальных коллективов — Пермский академический театр оперы и балета

имени П. И. Чайковского. Однако когда в администрации театра узнали, что в городе живет лишь 300 тысяч человек, возможность гастролей была поставлена под сомнение — боялись, что придется давать спектакли при полупустых залах. Оказалось, напрасно беспокоились: несколько дней актеры играли на двух самых больших сценах, и в залах яблоку было негде упасть. А в День строителя, когда гости после торжественного собрания показывали «Жизель», они и вовсе были потрясены — нигде их так тепло еще не принимали. А ведь строители, как известно, народ не самый утонченный.

Орел — это любовь на всю жизнь. А особая гордость — орден, полученный за строительство родного города. С тех лет — и увлеченность Зюганова градостроением. Во время зарубежных командировок Геннадий Андреевич не упускает случая, чтобы поинтересоваться, в каком направлении развиваются современная архитектура, социальный облик городов, их инфраструктура. Прекрасно знает историю возникновения и строительства многих крупнейших мировых центров. Старается не пропустить проходящие в московском Манеже традиционные выставки «Зодчество», причем на одной из последних выступал, делился собственным опытом.

Участвуя в реализации планов развития города, Зюганов в полной мере прочувствовал, что такое личная ответственность партийного руководителя. «Орловской непрерывке» приходилось буквально прорываться сквозь многочисленные бюрократические препоны, поэтому часто приходилось действовать на свой страх и риск. Однажды, осуществляя руководство возведением крупного культурно-социального объекта в центральной части города — Летнего театра, Геннадий Андреевич, посоветовавшись со специалистами, пришел к выводу, что его можно построить и сдать в эксплуатацию значительно раньше намеченного срока. Однако проектно-сметная документация увязла на согласовании в министерстве. Принял решение: начинаем строить. И в самый разгар строительства из Москвы был задан сакраментальный вопрос: кто позволил? Над Зюгановым нависла угроза серьезного наказания вплоть до исключения из партии. Конфликт с министерством удалось тогда уладить с большим трудом.

В подобных условиях рисковать приходилось часто. Например, для того чтобы обеспечить необходимые темпы строительства Орла, нередко шли и на так называемое нецелевое использование средств, что считалось грубейшим нарушением с непредсказуемыми последствиями для виновных. Но иного выбора не было — на словах инновации всемерно поддерживались, на деле же пресс чрезмерно централизованного

управления с каждым годом давил все сильнее. Впрочем, для Зюганова, как и для многих его сподвижников, выбор, конечно, оставался: гораздо проще было занимать более спокойную позицию в соответствии с действующими нормами и инструкциями и не форсировать обстоятельства. Но большинство партийных кадров тех лет привыкло ставить интересы общего дела выше личных. Этот основательно забытый ныне принцип, на котором воспитывалось поколение Зюганова, во многом объясняет характер поступков Геннадия Андреевича и в более позднее время, в период работы в ЦК КПСС.

Уместен вопрос: задумывался ли он в таких случаях о возможных последствиях, которые в любой момент могли самым негативным образом отразиться на его собственном будущем и карьере? Безусловно. Тем более что, окунувшись в беспокойную стихию партийной работы, он уже не мыслил своей дальнейшей жизни вне политической деятельности. Однако у Зюганова сложилось четкое разделение понятий «карьера» и «карьеризм». Последовательно пройдя практически все ступени политического роста, каждая из которых была, прежде всего, новой ступенью познания и опыта, он, будучи к тому же по своей природе и убеждениям патриотом-государственником, всегда болезненно реагировал на поведение всякого рода выскочек, готовых принести в жертву личной выгоде все, чем бы ни приходилось им заниматься.

Однако если раньше таким людям непросто было удержаться на плаву — карьеристов и приспособленцев не любили, более того — презирали, то в эпоху Горбачева — Ельцина карьеризм превратился в массовое явление. Особенно тяжелый ущерб нанесли стране либералы-полуинтеллигенты, которые в свое время, взгромоздившись на овощные ящики, ловко дурачили вконец дезориентированных обывателей на бесконечных митингах и прямо оттуда прорывались в коридоры новой, «демократической» власти. А ведь подавляющее большинство возомнивших себя в ту пору вождями масс не имели ни серьезных знаний, ни глубоких убеждений, ни сколько-нибудь пригодного для руководящей политической работы жизненного опыта. Например, у Сергея Шахрая за плечами были лишь должности ассистента юридического факультета и заведующего лабораторией МГУ. Встав после этого у руля национальной политики России, узрел он высшую историческую справедливость в том, чтобы осуществить территориальную реабилитацию репрессированных народов Северного Кавказа. Долго разъяснял ему Зюганов, что если Ельцину подготовят и дадут подписать подобный указ, то на каждом пятачке вражда начнется. Ведь люди

приедут в места, где уже выросло два новых поколения. Да, было время, когда с этими людьми поступили несправедливо. Но давайте сделаем по-другому: выделим изгнанным со своих родных мест землю, дадим им компенсацию, поможем построить дома… Но, как ни предостерегал Шахрая от рокового шага Геннадий Андреевич, ничего не помогло. Хотя, казалось, приводил разумные доводы в соответствии со здравым смыслом. Но, видимо, тот в них не нуждался.

Вот такие люди, делавшие себе карьеру, не пытаясь разобраться в сути самых элементарных вещей, бездумно ворошили прошлое, привносили трагизм в настоящее, погружали в беспросветную мглу будущее…

В своей книге «Верность» Зюганов пишет, что в период его работы в Орле (вплоть до 1983 года, когда он, став инструктором отдела пропаганды ЦК КПСС, переехал в Москву) там ни о каком застое и речи быть не могло. На первый взгляд такое утверждение может показаться спорным или неискренним — ведь после смерти Л. И. Брежнева о нелегком грузе проблем, доставшемся по наследству партии и стране в целом, знали даже люди, далекие от политики. Естественно, прекрасно были осведомлены об этих проблемах и кадровые партийцы Орловщины. Успехи, которых они добивались, были в основном результатом самоотверженной работы энтузиастов и достигались вопреки многочисленным препонам и трудностям. Но большая часть их начинаний и предложений бесследно исчезала в верхах, в бюрократическом чреве центральных аппаратов, а маховик напряженной организаторской и политической работы на местах все чаще прокручивался вхолостую. Небольшая группа лиц, принимавших кардинальные, судьбоносные для страны решения, постепенно удалялась от живой партийной среды, своей инертностью сковывала жизненно важные инициативы. Вокруг Брежнева и его окружения создавался ореол незаменимости и непогрешимости, который позволял партийно-государственной верхушке без особых хлопот и забот сохранять свои властные полномочия до глубокой старости.

Позднее объявилось немало людей, обладавших почему-то не проявлявшимися дотоле прозорливостью и проницательностью, которые якобы давно предвидели крах советской власти. Правда, в основном относились они к числу тех, кто был с этой властью не в ладу и к социалистическим идеям и образу жизни особой любви никогда не испытывал. В то же время для подавляющего большинства коммунистов, искренне озабоченных судьбой страны, в те годы далеко не все было столь очевидным. Не относит себя к числу провидцев и Зюганов, который честно

признается, что в период работы в Орле находился лишь на подступах к осознанию того, что партию может погубить монополия на власть. Много размышлял он о том, куда же на самом деле идет партия, почему на смену безраздельному доверию к ней приходят разочарованность и охлаждение к тем целям, которые она декларирует.

Ответы приходили не сразу, были моменты, когда подумывал он и о том, не стоит ли вернуться к преподавательской работе, к математике. Тем более чувствовал, что стал терять математическое видение — еще немного, и возвращение к любимой науке станет невозможным. Но кто из нас в минуты усталости не поддавался искушению помечтать о более спокойной жизни? Серьезно поразмыслив, принял решение идти до конца. Но не по инерции, не вслепую — прежде необходимо как следует разобраться, что происходит в обществе и партии, к какому историческому рубежу подошла страна, ощущавшая приближение неизбежных перемен и ожидавшая их.

Конечно, человеку, обладающему логическим мышлением и аналитическими способностями в сочетании с огромным опытом практической политической работы, не составляло особого труда дойти до сути происходивших процессов, что называется, собственным умом. Но для того чтобы заглянуть вперед, нужны были фундаментальные знания в области обществоведения, основательная теоретическая база, обрести которую методом самообразования было непросто. И не только потому, что повседневные дела оставляли для этого слишком мало времени. Дело в том, что в партийной печати укоренившиеся догмы и шаблонные истины подменяли серьезную науку, творческие идеи, живое слово. Верхом общественной мысли считались доклады, выступления и статьи генсека, идеологов партии. Но и они чаще отличались не глубиной содержания, а витиеватостью языка, пустым фразерством. Сентенции наподобие «крылатой» брежневской фразы «Экономика должна быть экономной» ничего кроме недоумения и раздражения не вызывали.

Так пришло решение поступить в Академию общественных наук при ЦК КПСС. Намерение Геннадия Андреевича поддержали и его старшие товарищи, которым пришлось примириться с тем, что ценный работник на целых два года выпадет из «обоймы» руководящих кадров. Но уж слишком настойчивым оказался тот в своем намерении, к тому же побаивались они: не отпустишь Зюганова в академию, не ровен час сбежит заниматься наукой в родной институт.

Настойчивость Геннадия Андреевича объяснялась просто: он был прекрасно осведомлен об исключительно высоком уровне

преподавания в АОН, где были собраны лучшие кадры ученых-обществоведов. Более того, привилегированность и закрытость этого учебного заведения допускали определенное вольномыслие, позволяли профессорско-преподавательскому составу доносить до слушателей научные концепции, свободные от закоснелых догм, высказывать собственные суждения и взгляды — среди «своих» это не запрещалось.

По воспоминаниям Геннадия Андреевича, занимался он увлеченно. Подстегивало понимание, что вряд ли когда-нибудь еще представится возможность пополнить знания, целиком сосредоточившись на учебе. Поэтому в течение 1978–1980 годов он успел не только пройти полный курс наук, но и закончить экстерном аспирантуру, защитить кандидатскую диссертацию. Тема ее для философии была несколько необычной: «Основные направления планового развития городского образа жизни (на примере крупных городов страны)». За названием угадывается важная черта в характере Зюганова, постоянно проявлявшаяся в более поздние годы — стремление не просто аккумулировать знания, а активно использовать их для решения конкретных насущных задач. В диссертации был проанализирован внушительный материал, почерпнутый из деятельности партийных организаций Орла, Ставрополя, Шахт, Донецка, Львова, Жданова и некоторых других городов страны. Сам Геннадий Андреевич так поясняет выбор темы своего исследования: «Мне хотелось практической, преобразовательной деятельности, отвлеченные умствования не привлекали. Я, как садовод, как пахарь по своим генам, при виде пустой делянки хотел, чтобы усилиями моих рук и знаний на этом пространстве расцвели сады или заколосилась рожь. Или — вырастали новые уютные городские кварталы, воздвигались театры и школы, библиотеки, музеи». Идея диссертации вынашивалась еще до поступления в АОН. Когда в Орле готовился к приему очередной делегации, прибывающей изучать «Орловскую непрерывку», предупреждал своих коллег: «Обмен опытом будет не бескорыстным» — и просил их захватить имеющиеся у них материалы по собственным наработкам, строительству и социальному развитию городов и населенных пунктов тех регионов, в которых они работали. Таким образом за несколько лет собрал и систематизировал уникальную библиотеку.

Конечно, у широкого круга читателей диссертация на подобную тему сегодня большого интереса не вызовет. Однако в свое время она издавалась в виде монографии, что было тогда редкостью и являлось безусловным признанием ее научных достоинств. Естественно, эта работа не оставалась без внимания и

позднее — в публикациях, посвященных лидеру КПРФ. Так, авторы одного из биографических очерков о Зюганове[4], подробно анализируя и давая в целом положительную оценку его первой монографии, отмечают и ее недостатки. Вполне справедливо полагают они, что в ней отразились некоторые далеко не лучшие традиции эпохи: обязательное цитирование Брежнева, использование идеологических штампов — все то, что сам Зюганов позже называл идеологическим монополизмом. Что ж, ничего не поделаешь — было это необходимой данью времени, своеобразным компромиссом. Однако не со всеми замечаниями можно согласиться. Серьезный изъян авторы усмотрели, например, в том, что в работе Зюганова «ничего не сказано о развитии теневого сектора экономики, который стихийно рос, но не отражался не только в работах обществоведов, но даже в статистике. Между тем начинался процесс возвратного, регрессивного классообразования, который не замечался правящей партией, увязшей в завышенных и некорректных самооценках».

Такая критика представляется несколько надуманной и выражает довольно распространенное, но отнюдь не бесспорное мнение о том, что теневой сектор полным ходом развивался в недрах социализма задолго до того, как страна была повернута вспять, и стал едва ли не главной идейной и материальной силой этого разворота — в сторону дикого капитализма. Слишком ничтожны были объемы теневой экономики и крайне узок круг людей, занятых в ней, чтобы говорить о серьезном воздействии на общественные процессы конца семидесятых — начала восьмидесятых годов. К тому же в то время любая нелегальная экономическая деятельность сурово каралась законом, а некоторые преступления в этой сфере нередко влекли за собой исключительную меру наказания. Во многих регионах о теневиках даже и не слышали. Во всяком случае, во время работы на Орловщине Зюганов с серьезными случаями подобных правонарушений не сталкивался. А уж кто-кто, но он, курируя административные, в том числе и правоохранительные органы, узнал бы о них одним из первых. О какой же статистике может тогда вообще идти речь?

Хотим мы этого или нет, но тиражирование мифов о немыслимых масштабах теневой экономики льет воду на мельницу тех, кто задним числом пытается подвести «теоретический» базис под *сознательно* учиненный развал страны и заводит разговоры о том, что постигшая нас катастрофа якобы имела серьезные социально-экономические предпосылки. Системный экономический и социально-политический кризис был

спровоцирован той перестройкой, которую затеял и бездарно проводил Горбачев. Причем существует и четкая веха, ознаменовавшая начало всеобщего обвала, — состряпанный наспех и принятый 26 мая 1988 года Закон «О кооперации в СССР». Именно под флагом кооперативного движения развернулось реальное наступление на социализм. Характерно, что около 80 процентов кооперативов было создано в рамках государственных предприятий; на них они и паразитировали, не создавая практически никаких материальных ценностей. Началась невиданная по своему цинизму и размаху перекачка государственных средств в частный сектор, носивший в большинстве случаев откровенно противозаконный характер. Другими словами, пошел фактически открытый процесс ограбления государства. Именно через кооперативы обналичивались накапливаемые «малиновыми пиджаками» капиталы, что привело к созданию над потребительским рынком огромного рублевого навеса — денежной массы, не находящей себе применения ни в сфере обращения, ни в сфере производства. Обрушение этого навеса стало главной причиной возникновения чудовищного дефицита, введения талонной системы, породило безудержную спекуляцию. Предпосылки политического переворота в стране создавались умело и последовательно.

Несмотря на то, что об этом говорилось и писалось уже довольно много, некоторые свидетельства все же не грех будет и повторить. Летом 2001 года состоялась организованная фондом «Либеральная миссия» конференция «Итоги и перспективы современной российской революции», приуроченная к выходу книги Ирины Стародубровской и Владимира Мау «Великие революции от Кромвеля до Путина». В числе других выступил на ней и «советник всех президентов» Глеб Павловский. Большинство его откровений, предназначенных для своего круга, столь красноречивы, что не требуют комментариев. Вот некоторые из них:

«Подобно любому организму, каждая революция ищет способ построения некоего шлюза, насоса для расширения своего поля, для вовлечения в него всё новых участников на уже определенных ею ролях. Революция 1980-х — начала 1990-х годов решила эту проблему по-своему элегантно. Использованный механизм был тесно связан с проблемой финансов. Финансирование революции всегда было интереснейшей темой, остро нелюбимой во время самой революции и вызывающей споры, противоречия и обиды долгое время после нее. Революция в СССР финансировалась из государственного бюджета. Роль каких-либо других денег в этой

революции начинает прослеживаться примерно с 1990 года, когда процесс уже стал неудержим. Я помню, что в конце 1989 года, когда дело шло к выборам в Российской Федерации, Джордж Сорос собрал несколько человек и сказал: „Ну что, вы так и будете телиться?“ Каждый по-своему описал, каким образом он не будет телиться, и Сорос сказал: „Ваши проекты интересны, и, в принципе, я готов потратить на это миллион долларов“. Но эта поддержка фактически играла роль лишь дополнительной канализации достаточно динамичного процесса. Да, на дополнительное финансирование революции можно было отдать несколько коробок из-под ксероксов, факсов или компьютеров, но в основном она финансировалась государством через систему кооперативов.

Кооперативы 1980-х годов можно рассматривать как в рамках экономической, так и в рамках истории политической. Напомню, что кооперативы были фактически первой легально разрешенной формой гражданской организации, позволяющей вести все виды деятельности. Именно в кооперативной среде, в которую без значительных изменений перешла предшествующая ей неформальная среда, возникает механизм обналичивания безналичных денег и система определенного типа отношений между экономической деятельностью, правом и гражданским поведением. В этом треугольнике, который в принципе исключает формирование устойчивых отношений собственности и ее защиты, мы остаемся до сих пор. В этой системе могут возникать сообщества, через которые постоянно текут наличные деньги, скапливаясь в определенных местах в сравнительно большом количестве, а политическими средствами выстраиваются оболочки для охраны этих аккумулированных капиталов, но отношения собственности здесь сформироваться не могут.

Эти высоко финансируемые передовые сообщества, движимые активными людьми, выстраивают определенные отношения с властью, основанные на правовом невмешательстве власти в сферу их деятельности. Это разделение интересов тоже возникло в 1980-е годы, когда власть предоставила кооперативам некий открытый сектор, на который не распространялись отношения права, тогда как сама она контролировала всё, что находилось за пределами этого сектора. В дальнейшем в результате экстраполяции, расширения этот сектор захватил всё общество, и эта система отношений заменила собой поле, в котором могли бы возникнуть отношения, регулируемые правом».

К этому только добавим, что все, о чем поведал Павловский, до поры до времени происходило под прикрытием

социалистической фразеологии, под лозунгом построения нового, правового государства, кардинальных перемен в рамках *социалистического выбора.* И многие действительно верили в то, что новоявленные «революционеры» на самом деле стремятся изменить жизнь страны к лучшему, сохраняя непреходящие ценности социализма и фундаментальные завоевания советской власти.

…Занятия в Академии общественных наук и работа над диссертацией поглощали столько времени, что Москву тогда толком узнать так и не удалось. Но, как и его коллеги, откомандированные сюда из самых разных регионов страны, Зюганов почти физически ощущал на себе воздействие особой духовной атмосферы, еще царившей в те годы в столице. Значительное влияние на него оказал и новый круг знакомств — слушатели АОН в большинстве своем были людьми образованными, мыслящими и, как правило, начитанными. Всегда ценивший интересных собеседников, Геннадий Андреевич особенно любил откровенное общение в непринужденной обстановке, которое часто перерастало в оживленные споры на самые разные темы — волновало многое, но более всего положение в стране, особенно в экономике, обстановка в партии. Все сходились во мнении, что перемены не за горами, но вот каким образом они произойдут — оставалось только гадать. Нередко возникала полемика вокруг литературных новинок, и тогда Геннадию Андреевичу казалось, что время будто переносит его в счастливую и беззаботную пору студенческой юности, когда будущее не омрачалось тревожными предчувствиями, а под безоблачным небом хватало места и физикам, и лирикам. Вот только на смену трибунной поэзии, шумной и взвинченной, пришла теперь литература совсем иного свойства, обеспокоенная разрушением глубинных нравственных устоев народной жизни, подменой исконных ценностей ложными целями, пронизанная болью за судьбу России.

Хорошо помнит Геннадий Андреевич, какое впечатление произвела на него повесть Валентина Распутина «Прощание с Матёрой». Обреченная на гибель далекая сибирская деревня словно предрекала такую же судьбу всему, что было так дорого его русской крестьянской душе. «Правда в памяти. У кого нет памяти, у того нет жизни» — казалось бы, простая и близкая мысль высказана героиней повести. Но часто ли за нескончаемыми делами приходилось задумываться о том, чем может обернуться утрата исторической памяти, отрыв от корней, забвение нравственного опыта предшествующих поколений?

Как оказалось позднее, лимит времени для ответов на

животрепещущие вопросы, которые ставили перед общественностью писатели-«деревенщики», был практически исчерпан. «Пожар», который был опубликован менее чем через десять лет после «Матёры», воспринимался уже не как предупреждение, а как знак неотвратимой беды, нависшей над нашим обществом. На дворе тогда стоял 1985 год.

Произведения «деревенщиков», как и творчество поэтов «почвеннического» направления, многих из которых в свое время походя окрестили «тихими лириками», не просто расширили круг чтения Зюганова — они как-то сразу и навсегда вошли в его судьбу и впоследствии во многом определили его выбор на крутом историческом переломе. Чем больше Зюганов читал бередящую душу и вызывающую нелегкие раздумья прозу Валентина Распутина, Владимира Личутина, Василия Белова, Владимира Крупина, поэзию Николая Рубцова, Станислава Куняева, Юрия Кузнецова, тем больше убеждался: проблемы, назревшие в обществе, современная русская литература чувствует острее и видит гораздо глубже, нежели официальная идеология с ее узкопартийным, традиционно-трафаретным подходом к социальным явлениям. Именно эти писатели наряду с талантливыми публицистами, деятелями культуры, представителями самых разных слоев патриотически настроенной интеллигенции — со всеми, кто сплотился в ту пору вокруг замечательного российского журнала «Наш современник», — помогли ему обрести цельное воззрение, прийти к твердому убеждению, что без патриотизма, возрождения духовно-государственной традиции, национально-самобытного развития у России нет будущего.

Далеко не всем «почвенническая» литература пришлась по душе. Например, Евгений Евтушенко еще в начале семидесятых годов высказал свое пренебрежительное отношение к «тихой лирике»:

> В поэзии сегодня как-то рыхло.
> Бубенчиков полно — набата нет.
> Трибунная поэзия притихла,
> А «тихая» криклива: «С нами — Фет!»

Он был не одинок. Многочисленные оппоненты, противившиеся повороту общественного сознания в русло национальной идеологии, упрекали «деревенщиков» в том, что они стремятся удержать за узду эпоху научно-технической революции, привязать ее к русской избе, въехать в будущее на телеге. Нетрудно заметить, что под пролеткультовскими идеями

упоминавшейся нами статьи А. Н. Яковлева «Против антиисторизма» лежала благодатная почва. Но если кому-то в творчестве писателей-патриотов чудились одни лишь ностальгические воздыхания, то большинство читателей, как и Зюганов, воспринимали их негромкое выстраданное слово как глоток свежего воздуха, видели в них хранителей нравственных ценностей, без которых невозможно духовное возрождение страны. Полностью согласен Геннадий Андреевич с Александром Солженицыным, который как-то заметил, что правильно было бы назвать их не *деревенщиками,* а *нравственниками.* Стоит ли удивляться, что черта, разделяющая почитателей творчества этих русских писателей и тех, кто его не воспринимал и демонстративно не желает замечать и поныне, удивительно точно совпадает с линией разлома общества, случившегося на рубеже восьмидесятых — девяностых годов и углубившегося в последующем.

В одной из своих книг Зюганов поведал нам, что чтение давало ему то, о чем писал Александр Блок:

> …Но есть ответ в моих стихах тревожных,
> Их тайный жар тебе поможет жить.

Этот «тайный жар» не позволял впасть в холодное оцепенение, привносил в обыденное существование жажду идеала, побуждал к действию. Прямо скажем, подобное состояние души и восприятие происходящего не совсем типично для традиционного партийца. Но эта необычность обусловила своеобразный генезис взглядов, которые со временем стали выделять Зюганова из среды партийных функционеров. Тем более что его убеждения проявлялись в поведении и поступках. Может быть, благодаря именно этому свойству он в конечном счете и состоялся как лидер общенационального масштаба. Его восприняли, потому что ему поверили. Если многие партийные функционеры и чиновники, оказавшись в тяжелую пору безвременья в оппозиции к антинародной политике Горбачева — Яковлева — Шеварднадзе, в поисках опоры *встраивались* в нарастающее патриотическое движение, то Зюганов *влился* в него органически и естественно. В его лице здоровые патриотические силы страны приобрели не только убежденного бойца, но и человека образованного и эрудированного.

Он сразу же получил от патриотов России огромный кредит доверия. Когда были утрачены последние надежды на то, что власти все же проявят перед страной политическую и гражданскую ответственность, а соратники Зюганова по

российской Компартии остались без каких-либо рычагов реального воздействия на ситуацию, Геннадий Андреевич прибегнул к последнему средству — к силе слова и убежденности в правоте своего дела. Так летом 1991 года родилось знаменитое воззвание — «Слово к народу», которое наряду с крупнейшими хозяйственными руководителями и военачальниками поддержали и подписали известные деятели культуры. Кстати, другой небезызвестный «патриот» — вице-президент Александр Руцкой, начинавший общественную деятельность после Афганистана в Московском обществе русской культуры «Отечество» и не удовлетворивший в нем свои амбиции (слишком много было повседневной работы, не сулившей прорыва к власти), обещал за это Зюганову десять лет тюрьмы.

Зюганов мог с чистой совестью заявить: «Я русский по крови и духу», и ни у кого не возникало сомнений, что для него «русский вопрос» — это вопрос жизни и смерти нации и что, несмотря на беззаветную преданность своему кровному народу, он при этом остается убежденным интернационалистом. Не случайно вокруг Геннадия Андреевича объединялись и люди, далекие от коммунистических идей. Никогда не состоявший в КПСС и сторонившийся активного участия в политике известный литературовед и публицист Вадим Кожинов был доверенным лицом Зюганова на президентских выборах 1996 года, причем искренне гордился этим («Если бы не было Зюганова, я бы ни за кого не голосовал») и так пояснял свою позицию: «Я считаю, патриотическая идея не противостоит социализму, а укрепляет его. Крупнейшие русские мыслители предсказали социализм для России как неизбежность. И революция произошла — да, с невероятными жертвами. Но отрицать ее теперь на этом основании, пытаться отменить сделанное за 75 лет и вернуться к прежнему, дореволюционному обществу — это все равно что пытаться воскресить убитого человека». С лидером КПРФ связывал надежды другой замечательный русский писатель, убежденный антимарксист Дмитрий Балашов, выразивший все свои надежды в двух словах: «Зюганов, побеждай!» В его поддержку выступили признанные мастера культуры: Владимир Меньшов, Станислав Говорухин, Аристарх Ливанов, Михаил Ножкин, Татьяна Петрова…

Напомним, что многие бывшие коммунисты в это время безудержно охаивали свое же коммунистическое прошлое.

…На защитившего толковую диссертацию выпускника Академии общественных наук обратили внимание в ЦК КПСС и предложили ему перейти на работу в аппарат Центрального

Комитета. Даже время для размышления не стал брать Геннадий Андреевич — отказался сразу же: не видел он для себя места в ЦК при безнадежно — и физически, и морально — дряхлеющей верхушке. Старело и деградировало не только Политбюро — вся высшая номенклатурная элита, которую за рубежом стали называть геронтократией. Обидно было, конечно, слышать такое о руководителях своей великой страны, но ведь и возразить было нечего. Тем более что и стиль руководства страной и партией становился сообразным возрасту Брежнева и его окружения — нижестоящие эшелоны власти не столько трудились в поисках новых путей продвижения вперед, сколько подстраивались под вышестоящие структуры; и так — снизу доверху. Естественно, не составлял исключения в этой «слаженной» иерархии и аппарат ЦК КПСС, о чем Зюганов ко времени окончания АОН был прекрасно осведомлен. В этих условиях, согласись он перейти туда, неизбежно пришлось бы «укорачивать» себя, подстраиваться под правила бюрократических игр. А это претило всей его натуре. Хорошо, что не надо было искать предлог для отказа — действительно хотелось поработать на родине в новом качестве.

Конечно, многим такое предложение показалось бы чрезвычайно заманчивым, и плюсы, которые оно сулило, неизбежно перевесили бы: тут и преимущества столичной жизни, и прекрасная квартира, и солидное материальное вознаграждение со всевозможными льготами, и перспектива хорошего образования для детей. Иные партийные работники, обосновавшись в ЦК, пребывали в ранге инструктора или ответорганизатора по 15–20 лет, вплоть до пенсии, при этом прекрасно себя чувствовали и ни о чем больше и не мечтали.

У читателей может все же возникнуть вопрос: не погорячился ли Геннадий Андреевич, отказавшись от перевода в Москву, или, может быть, руководствовался он иными, неведомыми нам причинами? Нет, других мотивов для отказа у него не было, что он и подтвердил через некоторое время еще раз, вновь отказавшись от такого же предложения.

В Орле Зюганов получил новое назначение — ему поручили возглавить отдел пропаганды и агитации обкома партии. Надо сказать, что восприняли его возвращение тепло, впрочем, насколько помнит Геннадий Андреевич, среди партийного руководства области в те годы всегда сохранялась деловая и дружеская атмосфера. Дел на новом месте оказалось невпроворот. Но, во-первых, к этому ему было не привыкать, а во-вторых, и в городе, и в области, которую Геннадий Андреевич досконально изучил еще в период комсомольской работы, все представлялось близким и понятным. К тому же не терпелось

опробовать на практической работе то, чему учили в академии, что приобрел, впитал в себя в Москве. Однако, как это часто бывает, практика оказалась более прозаичной, а возможности проявления инициативы и творчества — весьма ограниченными. Довольно скоро Зюганов пришел к выводу, что идеологическая работа регламентируется сверху еще более жестко, чем другие сферы партийной деятельности. По сути, весь ее инструментарий, включая «разжеванные» и надлежащим образом «упакованные» истины и соответствующие им трафаретные наборы казенных мероприятий, спускался в готовом виде сверху. В то же время, несмотря на внешнее многообразие, формы и методы этой работы несли в себе формализм, часто были оторваны от жизни, точнее — безнадежно от нее отставали. В партийных директивах изо дня в день декларировалась необходимость крепить единство слова и дела, на практике же между ними возникал непреодолимый разрыв.

Так, партийный аппарат на все лады славословил Брежнева — в народе же, видя его неспособность адекватно управлять страной, про него сочиняли анекдоты. Провозглашали себя оплотом мира — скоропалительное решение о вводе войск в Афганистан привело к длительной и изнуряющей войне. Плакаты и лозунги призывали к перевыполнению планов — рабочие знали: сегодня сделаешь больше, завтра поднимут нормы выработки, а заработки в результате останутся на прежнем уровне. Призывали к повышению качества и снижению себестоимости продукции, а тем временем в экономике господствовал его величество *вал:* выполнение планов и размер зарплаты зависели, как правило, только от объемов выпущенной продукции. Причем на каждом технологическом переделе производимого продукта ко вновь созданной стоимости прибавлялась уже учтенная ранее, так что конечная стоимость оказывалась многократно завышенной — образовывался «воздушный вал», за которым терялось реальное представление об эффективности производства.

Ничего кроме раздражения не вызывала наглядная агитация, которая не успевала за новым обликом человека, качеством его образования и подготовки. Неужели, заполняя трафаретными плакатами и лозунгами улицы городов и поселков, кто-то всерьез надеялся, что люди все свое свободное время будут думать о том, какой трудовой подарок они смогут подготовить к очередному съезду?

Лишалось своего значения, мертвело, становилось бесполезным главное средство воздействия на умы и сердца людей — слово. Слову переставали верить.

Конечно, все это не означало, что у партийных работников на

местах опускались руки. В этих условиях они продолжали делать все от них зависящее, чтобы переломить набирающие силу негативные тенденции. Благодаря их самоотверженным усилиям удалось предотвратить застой в образовании, науке, социальной сфере, культуре; даже экономика хоть и медленно, но все же двигалась вперед.

Как вспоминает Геннадий Андреевич, для того чтобы преодолеть рутину традиционных подходов к наболевшим вопросам, приходилось подчас использовать буквально каждую отдушину, улавливать каждое новое веяние, сулящее благоприятные перемены. Именно так удалось, например, сдвинуть с мертвой точки решение проблемы личных земельных участков и подсобных хозяйств промышленных предприятий. Известно, что существовавшие тогда ограничения при строительстве индивидуальных домов, выделении приусадебных и дачных участков вызывали раздражение как у сельского, так и у городского населения. Ведь доходило даже до того, что в дачных домах отопление запрещали устанавливать. Вокруг этой темы велись бесконечные споры в руководстве ЦК КПСС, где возобладало мнение Суслова и Зимянина, полагавших, что развитие подсобных хозяйств будет способствовать распространению частнособственнических настроений. В то же время большинству здравомыслящих партийных руководителей был очевиден социальный и экономический эффект, который принесет снятие нелепых препон, увеличение количества и размеров индивидуальных наделов — земли в стране было достаточно. Сторонникам такого подхода удалось обозначить свою идею в одном из выступлений Брежнева, вставив туда слова о том, что в выполнении сельхозпрограммы большим подспорьем являются индивидуальные участки, которые дают до тридцати процентов сельхозпродуктов[5]. Генеральный секретарь эти слова «озвучил», а партийные работники на местах не мешкая расценили их как руководство к действию. Так, отдел пропаганды Орловского обкома выпустил плакат, посвященный развитию подсобных хозяйств, вместе с сельхозотделом и областным управлением сельского хозяйства разработал меры по поддержке в этом вопросе населения и трудовых коллективов. И дело продвинулось.

Конечно же подобные инициативы носили в основном локальный характер и не могли эффективно влиять на суть процессов, происходивших в стране. А тем временем руководство КПСС уже потеряло способность адекватно и действенно реагировать на новые потребности общественного развития, в результате чего партия стремительно утрачивала свой

общественно-политический потенциал и авторитет. Перспективы реальных перемен появились лишь в ноябре 1982 года, после избрания на пост Генерального секретаря Ю. В. Андропова. Первые же его шаги по обновлению и укреплению партийно-государственного аппарата, усилению борьбы с коррупцией и злоупотреблениями высокопоставленных чиновников, наведению необходимого порядка и дисциплины во всех звеньях управления и производства были восприняты с надеждой и нескрываемым одобрением — и в народе, и среди подавляющего большинства кадровых партийцев, честно служивших своему делу. Вряд ли правомерно это связывать с тем, что подобные меры были созвучны настроениям людей, якобы исторически тяготеющих к «жесткой руке». Если они к чему и тяготеют, то прежде всего к сильному и дееспособному государству, а за восемнадцать лет правления Брежнева государственный механизм основательно износился и разболтался. Та кадровая революция, которую Андропов начал осуществлять решительно и последовательно, предполагала омоложение его узловых звеньев, укрепление их образованными и высококвалифицированными специалистами, думающими и инициативными, морально чистоплотными людьми. На этих принципах началось и коренное обновление аппарата ЦК КПСС. В числе его новых сотрудников «андроповского призыва» оказался и Геннадий Зюганов, который в январе 1983 года был утвержден инструктором отдела пропаганды ЦК.

Сказать, что Геннадий Андреевич без раздумий откликнулся на очередное — уже третье — предложение попробовать свои силы в Москве, значит, погрешить против истины. Раздумья были — и нелегкие. Партия, по сути, еще только стояла на пороге реформ, контуры которых были лишь обозначены на пленуме ЦК КПСС в ноябре 1982 года. Пока же начиналась расчистка авгиевых конюшен. Внешне ничто не указывало на то, что процесс очищения может натолкнуться на серьезное противодействие. Но чувствовалось, что он задел и расшевелил что-то темное, таящее в себе смутную угрозу. Как ученый, серьезно углубившийся к тому времени в конфликтологию, Зюганов понимал, что неизбежна ответная реакция и продвижение по пути реформ рано или поздно будет сопровождаться нарастанием напряженности. Но во что это может вылиться — предсказать было трудно.

Одолевали сомнения и другого рода. Будучи человеком основательным, Геннадий Андреевич опасался, что переезд в столицу может создать непредвиденные осложнения для семьи и близких. Ведь если что не заладится на новом месте, рассчитывать на чью-либо помощь не придется: покровителей у

него никогда не было, а в Москве — тем более. Во всем приходилось полагаться только на собственные силы.

В общем, надежды переплетались с тревогой.

Глава четвертая
ИГОЛКА ДЛЯ СЛОНА

В те же самые дни, когда Геннадий Зюганов овладевал политическими знаниями в Академии общественных наук, в одной из университетских аудиторий Мюнхена собралась весьма респектабельная публика, чтобы прослушать лекцию находящегося в изгнании известного русского философа, писателя и социолога Александра Зиновьева. Тема — «Как иголкой убить слона» — выглядела довольно необычно: будучи людьми образованными, собравшиеся прекрасно понимали, что речь пойдет не об экзотической охоте или зоологии, а о серьезных проблемах бытия человеческого.

Для начала лектор совершил небольшой экскурс в историю и напомнил о том, как в XVI веке испанский конкистадор Франсиско Писарро с тремястами воинов победил армию индейцев, превосходившую его отряд по численности в несколько сот раз. Казалось бы, индейцам не составляло особого труда уничтожить пришельцев. Однако они капитулировали. Решающую роль сыграло то, что Писарро был прекрасно осведомлен о социальной организации индейцев, о их воззрениях, о статусе их вождя, которого они считали богом. Они были убеждены, что всякий, кто посягнет на него, погибнет. Писарро же со своими воинами на глазах у всех набросился на вождя и захватил его. Индейцы так были этим поражены, что сложили оружие без боя. Прецедент Писарро — классический случай того, как можно убить слона иголкой, то есть победить превосходящего тебя или ни в чем не уступающего тебе соперника не силой, а ухищрением.

После этого Зиновьев перешел к современности, проблемам противостояния Запада и Советского Союза. Александр Александрович прекрасно владел темой, изучив ее, что называется, изнутри. Он оказался в эмиграции в 1978 году, когда в ходе «холодной войны», длившейся уже более тридцати лет, произошел радикальный перелом. До этого в течение долгого времени основное внимание советологов и западных спецслужб было направлено на идеологическую и психологическую обработку широких слоев населения и создание прозападно ориентированной группы советских граждан, фактически игравших роль «пятой колонны» и занимавшихся идейно-моральным разложением населения. Так было создано диссидентское движение. В работе по линии разрушения советского общества «снизу» были достигнуты серьезные успехи,

сыгравшие свою роль в будущей контрреволюции. Но они были не настолько значительными, чтобы привести советское общество к краху. К концу семидесятых годов западные стратеги «холодной войны» поняли, что основу советского коммунизма образует его система власти, а в ней — партийный аппарат. Изучив досконально его структуру, характер отношений руководящих партийных сотрудников, их психологию и квалификацию, способ отбора, подготовки и прочие особенности, они пришли к выводу, что разрушить советское общество можно только сверху.

«Догадаться об этом переломе в ходе „холодной“ войны, — вспоминал позднее Зиновьев, — для меня было нетрудно, поскольку я имел возможность наблюдать и изучать скрытую часть „холодной“ войны». Дальнейший ход упомянутого нами публичного выступления он описывает следующим образом: «… Мне был задан вопрос, какое место в советской системе является, на мой взгляд, самым уязвимым. Я ответил: то, которое считается самым надежным, а именно — аппарат КПСС, в нем — Политбюро, в последнем — Генеральный секретарь. „Проведите своего человека на этот пост, — сказал я под гомерический хохот аудитории, — и он за несколько месяцев развалит партийный аппарат, и начнется цепная реакция распада всей системы власти и управления. И, как следствие этого, начнется распад всего общества“. Я при этом сослался на прецедент Писарро.

Пусть читатель не думает, будто я подсказал стратегам „холодной“ войны такую идею. Они сами до этого додумались и без меня. Один из сотрудников Интеллидженс сервис говорил как-то мне, что они (то есть силы Запада) скоро посадят на „советский престол“ своего человека. Тогда я еще не верил в то, что такое возможно. И о такой „иголке“ Запада, как генсек-агент, я говорил как о чисто гипотетическом феномене. Но западные стратеги уже смотрели на такую возможность как на реальную. Они выработали план завершения войны: взять под свой контроль высшую власть в Советском Союзе, поспособствовав приходу на пост Генерального секретаря ЦК КПСС „своего“ человека, вынудить его разрушить аппарат КПСС и осуществить преобразования („перестройку“), которые должны породить цепную реакцию распада всего советского общества.

Такой план стал реальным, поскольку уже тогда стал очевиден кризис высшего уровня советской власти в связи с одряхлением Политбюро ЦК КПСС, и „свой“ человек на роль западной „иголки“, долженствующей убить советского „слона“, вскоре появился (если не был „заготовлен“ заранее)»[6].

Александр Зиновьев, хорошо зная устройство антисоветской машины и ее возможности, обладая информацией из западных

конфиденциальных источников и сопоставляя ее с тем, что происходило в СССР, сумел предугадать ход событий еще в 1979 году. Геннадию Зюганову характер того, что случилось с партией, стал понятен значительно позже. И даже находясь несколько лет в недрах центрального аппарата КПСС, он довольно долгое время не мог поверить, что все происходившее на его глазах было не результатом ошибок, просчетов или недомыслия, а следствием самого обыкновенного предательства. Вряд ли при этом можно упрекнуть его в недальновидности или наивности. Как-то Геннадий Андреевич произнес такую фразу: «Я вырос среди людей, которые никому не славословили и никого не предавали». Естественно, что в понимании таких людей предательство — это нечто стоящее за рамками представлений о нравственности, свидетельство крайней степени моральной деградации личности. Для того чтобы заподозрить в подобном первых лиц партии и государства, нужны были не просто веские основания, вся психика должна была переломиться — ведь с феноменом измены своих вождей советские люди сталкивались впервые.

В том, что большая часть партийных работников центрального звена довольно длительное время оставалась в неведении относительно истинных намерений некоторых высокопоставленных руководителей, сыграла свою роль жесткая иерархия, установившаяся в верхних эшелонах власти. Уж если даже заведующие отделами ЦК КПСС в глазах инструкторского состава выглядели кем-то вроде небожителей, то Политбюро и Секретариат ЦК КПСС были и вовсе отгорожены от партийного аппарата непроницаемой стеной. В этом узком кругу действовали свои законы, надежно защищенные от влияния партийной массы, неподвластные даже высшему органу партии — съезду. Неслучайно, ожидая перемен, подавляющее большинство кадровых партийцев все свои надежды связывали в первую очередь с демократизацией партии, с восстановлением ленинских норм партийной жизни.

Но «архитекторы» перестройки, объявив себя приверженцами демократии, сумели сохранить свое положение в партии незыблемым. Горбачев, как известно, сосредоточил в своих руках всю полноту политической и государственной власти: сумел занять второе кресло — председателя Президиума Верховного Совета СССР, а затем стать президентом. Без этого вряд ли бы удалось довершить процесс разрушения КПСС.

Один любопытный феномен Зюганов не может объяснить до сих пор: многие высокопоставленные партийные чиновники с поразительным упорством продолжали расшатывать устои партии даже тогда, когда было ясно, что они и сами будут погребены под

ее обломками — люди утрачивали элементарную рассудочность, теряли естественное чувство самосохранения. Трудно сказать, что они испытывали в августе девяносто первого, навсегда покидая свои кабинеты и протискиваясь сквозь ослепленную ненавистью толпу. Во время подписания указа о роспуске КПСС, которое, как известно, происходило прямо на сессии Верховного Совета РСФСР, Ельцин обращался с Горбачевым как директор школы с нашкодившим учеником. Впрочем, тот, судя по всему, не ощущал своего унижения, как не чувствовал он его и впоследствии, когда приторговывал пиццей.

Однако все это случилось гораздо позже. Когда же Зюганов впервые входил в здание на Старой площади в статусе ответственного работника ЦК, под его сводами царила совсем иная атмосфера. Ю. В. Андропов прекрасно понимал, что центральному аппарату партии будет принадлежать определяющая роль в решении задач, которые, по его замыслу, позволят сдвинуть страну с мертвой точки, обеспечат ей поступательное движение. Новые задачи должны решать новые люди. В ЦК формировалась по-настоящему динамичная команда единомышленников, в основном из тех, кому до сорока, кто имел хорошую жизненную школу, солидную научную подготовку, способности к нестандартному мышлению. Кстати, численность аппарата ЦК КПСС была не так уж велика, как пытались это внушить обывателю в период развернутой травли партии, — вместе с обслуживающим персоналом она насчитывала около 2200 человек, что, к примеру, значительно меньше численности нынешнего аппарата президента Российской Федерации. При этом следует учитывать, что страна была вдвое больше и задачи, решаемые ЦК, были несоизмеримо сложнее и масштабнее, затрагивали буквально все сферы политической, экономической, социальной и культурной жизни общества.

К сожалению, судьба не дала Юрию Владимировичу времени на задуманные им преобразования. Всего лишь пятнадцать месяцев находился он у власти, из них меньше года было отпущено ему на активную работу. Но даже за этот короткий срок он сумел снискать в народе огромные симпатии. Люди, уставшие от пустословия и двойной морали правителей брежневской эпохи, прекрасно понимали: решительный поворот в кадровой политике — это необходимое условие, прелюдия качественных изменений в обществе. Все были уверены в том, что они последуют. Не сомневался в этом и Зюганов, который сразу же ощутил свежие веяния, черты новаторского стиля в той напряженной работе, которая велась тогда в ЦК КПСС.

Не будем, конечно, переоценивать те возможности, которыми

тогда располагал Геннадий Андреевич. Их было еще недостаточно для того, чтобы мог он в то время делать масштабные прогнозы и далеко идущие выводы. Но вместе с тем уровень его компетентности вполне позволял судить о том, что Андропов, преодолев инерцию представлений и мышления своих предшественников, выбрал верное, а главное — конструктивное направление движения.

Не вызывало сомнений, что партия ориентировалась на то, что впереди — большая и нелегкая работа, а чтобы определить пути дальнейшего продвижения, еще очень многое следовало понять и в первую очередь — переосмыслить сложившиеся представления о социалистическом обществе, о сохраняющихся в нем противоречиях. Нетрудно было увидеть и указание на главный их источник, сокрытый в неразрешенных до конца отношениях собственности. «Исторический опыт реального социализма показывает, — писал Андропов в статье „Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР“, — что превращение „моего“, частнособственнического, в „наше“, общее — дело непростое. Переворот в отношениях собственности отнюдь не сводится к одновременному акту, в результате которого основные средства производства становятся общенародным достоянием. Получить право хозяина и стать хозяином — настоящим, мудрым, рачительным — далеко не одно и то же». Обращалось внимание и на то, что превращение «моего» в «наше» — это длительный и многоплановый процесс.

Перед вдумчивым читателем обнажалась главная болевая точка, при наличии которой все предшествующие разговоры о построении развитого социализма выглядели, по крайней мере, преждевременными. Но способы лечения еще предстояло выработать. На июньском пленуме ЦК КПСС 1983 года Андропов подчеркнул, что «мы в своем историческом развитии подошли сейчас к такому историческому рубежу, когда не только назрели, но и стали неизбежными глубокие качественные изменения в производительных силах и соответствующее этапу совершенствование производственных отношений». И далее делал ставший для многих неожиданным вывод: «Мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому вынуждены действовать, так сказать, эмпирически весьма нерациональным способом проб и ошибок».

За теоретическими размышлениями и взвешенными шагами угадывалась жесткая логика, исключающая импульсивные, спонтанные решения с непредвиденными последствиями. Что,

однако, не замедляло перехода к практическим действиям там, где они уже назрели.

Естественно, конкретные дела не сводились только к политике «закручивания гаек». Неслучайно, например, Н. И. Рыжков, которому было поручено возглавить созданный при Андропове экономический отдел ЦК КПСС, полагает, что истинным началом перестройки следует считать не апрель 1985 года, а уже первое выступление Ю. В. Андропова в ранге генерального секретаря на ноябрьском пленуме ЦК КПСС 1982 года. «Ситуация в стране к этому моменту была более чем сложной и в экономическом, и в морально-политическом отношениях. Не хочу, — писал Николай Иванович, — претендовать на сомнительную роль самого умного, но тогда… слушая привычные фразы словотворчества (сочиненные командой предыдущего лидера), все же легко ловил в докладе Андропова чрезвычайно близкие мне мысли. О необходимости ускорить работу по совершенствованию всей сферы руководства экономикой — управления, планирования, хозяйственного механизма; об увеличении самостоятельности промышленных предприятий, колхозов, совхозов; о решительности в борьбе с повальными нарушениями дисциплины. И хотя мысли эти были втиснуты в традиционный… казенный текст, они были услышаны, и не только мною, и вызывали некое чувство, которое я вольно определил как удивленное ожидание»[7].

Воспоминания Рыжкова помогают уяснить характер идей, к которым вплотную подошел Андропов. По свидетельству Николая Ивановича, в 1983 году он проявлял особенный интерес к внешнеэкономическим вопросам, просил подробно изложить ему механизм работы концессий, совместных предприятий, внимательно наблюдал за взаимоотношениями СССР со странами СЭВ. Часто говорил о взаимовыгодной интеграции, но постоянно предупреждал: поменьше дипломатических политесов, следует в первую очередь блюсти свои интересы. В узком кругу Юрий Владимирович не раз сетовал на то, что мы неоправданно отвлекаем ресурсы из нашей экономики для стран, заявляющих о своей социалистической ориентации. У него было твердое убеждение, что постепенно следует уменьшать масштабы так называемой помощи другим странам.

Важное свидетельство находим в воспоминаниях другого крупного руководителя партии, кандидата в члены Политбюро, секретаря ЦК КПСС В. И. Долгих: «В оборонной промышленности у нас было перепроизводство. Когда генеральным секретарем стал Андропов, он поставил вопрос о том, что надо перекачать средства и ресурсы в гражданские отрасли. Поручено было

Горбачеву, Рыжкову и мне заняться этим делом. Мы считались молодой порослью в ЦК, и Андропов нам доверял»[8].

Даже далеко не полный перечень вопросов, которыми интересовался и занимался Андропов, наталкивает на мысль: он сумел предугадать то, что вскоре будет востребовано обществом. Вместе с тем вся его работа в конце 1982-го и в 1983 году свидетельствовала о том, что он подходил к назревшим проблемам с учетом огромного позитивного опыта социалистического строительства, считая, что партия не использовала и малой доли возможностей и преимуществ, заложенных в социализме. Платформа, на которой стоял Андропов, «команде реформаторов», сформировавшейся на волне горбачевской перестройки, пришлась не по душе — у этих людей цели были иные. Этим и объясняются их попытки задним числом умалить и исказить суть реформаторских идей Андропова, представить его монстром командно-административной системы, опиравшимся главным образом на ресурсы всемогущего КГБ.

Интересные суждения обнаружил Геннадий Зюганов у крупнейшего английского исследователя первой половины прошлого столетия, философа и историка Робина Дж. Коллингвуда. В своем капитальном труде «Идея истории» ученый отмечал, что прогресс осуществляется только в том случае, если на одной фазе его развития сохраняется то, что было завоевано им на предыдущей фазе. При этом *сам прогресс возникает только благодаря посредничеству исторического мышления* (курсив мой. — *А. Ж.*), позволяющему обеспечить позитивный характер преобразований. По мнению Коллингвуда, уж если мы задумали масштабные исторические изменения и при этом хотим не просто разрушить что-то, а создать нечто лучшее, мы должны начать с того, чтобы понять и увидеть, «какие проблемы успешно решает наша экономическая и международная система и как решение ею этих проблем связано с другими проблемами, которые ей не удается решить. Такое понимание системы, которую мы собираемся заменить, должно сохраниться в течение всей нашей работы по ее перестройке, сохраниться как знание прошлого, предопределяющее наше строительство будущего. Может быть, этого и нельзя будет сделать; наша ненависть к тому, что мы разрушаем, может помешать нам понять его, или мы можем так сильно любить его, что только в порыве слепой ненависти мы окажемся в состоянии разрушить его. Но если это так, то перед нами будет еще одно простое изменение, но не прогресс, как часто и случалось в прошлом. Наши усилия решить одну группу проблем приведут к тому, что мы упустим из виду решение другой группы. И сегодня мы должны понять, что никакой

милостивый закон природы не спасет нас от последствий нашего собственного невежества»[9].

Читая эти слова, Геннадий Андреевич удивлялся, насколько полно соответствовали заключенной в них почти математической логике те мысли и образ действий, которые он находил в свое время у Андропова. И насколько противоречила не только историческим закономерностям, но и простым законам здравого смысла «реформаторская» деятельность «архитекторов» горбачевской перестройки. Создавалось ощущение, что именно им адресовалось предупреждение о том, во что может вылиться невежественное вторжение в исторические процессы. Хотя, конечно же, довольно скоро стало ясно, что подмену исторического мышления вульгарными трактовками отечественной истории идеологи перестройки провели сознательно, а отнюдь не в результате невежества. Неслучайно наиболее рьяные борцы за «демократию» и «плюрализм», не опасаясь упреков в «большевизме», взяли на вооружение «методологический» тезис М. Н. Покровского, заявившего в двадцатые годы, что «история есть политика, опрокинутая в прошлое». Заодно реанимировали они и давно отвергнутые советской историографией ортодоксальные концепции этого ревнителя «классовой точки зрения» на историю, насаждающие нигилизм в оценке национальных и государственно-патриотических традиций, разжигающие межэтнические противоречия и русофобию. Тотальное разрушение началось с очернения прошлого.

Не меньше заинтересовали Зюганова и мысли Коллингвуда о серьезной роли эмоциональных факторов в преобразовательной деятельности, о том, что на ее последствиях может негативно сказаться не только ненависть (ее-то мы вдоволь насмотрелись в восьмидесятые и девяностые годы!), но и чрезмерная — без критического осмысления — любовь к прошлому. Надо заметить, что у известного ученого он нашел лишь подтверждение собственным выводам. Один из них заключался в том, что в годы потрясений раскол общества, окончательно утратившего социальную перспективу, определялся не идеями национального развития (их и поныне нет), а отношением к прошлому, которое многие стали воспринимать словно в путаном сне. У одних это случилось под влиянием тотальной пропаганды ненависти к социализму и КПСС, у других — вследствие любви к утраченному. И те и другие, потеряв реальную точку опоры и не предложив обществу объединяющей идеи, оказались не в состоянии предотвратить политическую, экономическую и социальную катастрофу.

Как ни печально это сознавать, слепая любовь к прошлому, идеализирующая советское общество и опыт партийно-государственного строительства, явилась коварной и непредсказуемой силой, неспособной консолидировать левое движение, значительная часть которого оказалась раздробленной. После отмены указа Ельцина о запрете Компартии довольно скоро стало ясно, что обособленность возникших многочисленных партий и объединений на левом фланге вызывалась не столько идейными расхождениями, сколько различием пристрастий — опять-таки обращенных к прошлому! — их членов и лидеров. Ревностно оберегая то, что только им было дорого, считая только себя истинными марксистами и хранителями чистоты идей, других они воспринимали через призму собственных предпочтений и представлений. Вот почему Зюганов все это время находился под перекрестным огнем: с одной стороны — агрессивные нападки ничем не брезгующих антикоммунистических сил и методичное давление государственной машины, с другой — натиск ортодоксальных политических течений левого толка, обвиняющих лидера КПРФ в ревизионизме, оппортунизме, скатывании на социал-демократические позиции и соглашательстве.

Кроме того, круг его явных и скрытых недругов не ограничивался политическими противниками — как водится в нашей жизни, у любой авторитетной и неординарной личности немало и обычных завистников. Впрочем, это явление свойственно не только политике. Хотя именно политика не мыслится без понятия «борьба» и в ней чаще всего проявляются жестокость, беспощадность, цинизм. Например, по собственному признанию Геннадия Андреевича, бывали в его жизни дни, когда он получал «по пятьдесят выстрелов в спину». И хоть не говорит об этом Зюганов вслух, можно предположить, что среди «стрелявших» были и люди, которых он считал *своими,* на которых полагался.

Непростая роль, уготованная судьбой нашему герою, наложила особенный отпечаток не только на его политическую биографию. Отмеченные обстоятельства не могли не повлиять и на личные качества, на те черты характера, по которым мы судим о человеке независимо от того, какое место ему отведено под солнцем. Напрашивается естественное предположение, что, находясь под постоянным прицелом недоброжелателей, будучи не раз оболганным, пережив немало тяжелых разочарований, человек или надломится, или «забронзовеет», уйдет в себя, а главное — выработает в себе недоверчивость и осторожность, будет стараться соблюдать ту невидимую и непреодолимую

дистанцию в общении, которая неизбежно породит отчуждение окружающих. Ничего этого не произошло. Зюганов не только сохранил человечность и прежнюю предрасположенность к людям, но и, как полагают его близкие друзья и знакомые, стал за эти годы еще более открытым и доброжелательным.

И конечно, с особой заботой и вниманием относится он к тем, кто всегда рядом, готов в любую минуту прийти на помощь, поддержать дельным советом, а если нужно — работать сутками напролет. Речь идет не только о соратниках из числа руководителей КПРФ. При случае Геннадий Андреевич непременно упомянет, что очень многим он обязан своим ближайшим помощникам, их профессионализму, искренности и честности.

Обязательно приведет в пример необыкновенно одаренного и эрудированного человека, ученого с большой буквы, доктора исторических наук Сергея Ивановича Васильцова, который постоянно держит руку на пульсе общественных настроений, проводит большую исследовательскую работу, умеет вовремя подсказать правильное решение любой политической проблемы.

В творческой связке с ним трудится Сергей Павлович Обухов — кандидат экономических наук, отличный аналитик и журналист. Он объехал вместе с Зюгановым все крупнейшие регионы страны, прекрасно разбирается в обстановке на местах, умеет прочувствовать боль людей, их самые острые проблемы. Обладает поразительной работоспособностью: что бы ни случилось, каждое утро приходит на работу с детальным анализом информационных блоков ведущих газет и журналов, что помогает руководству партии оперативно реагировать на важнейшие события.

Огромная ежедневная нагрузка выпадает на Александра Андреевича Ющенко, который выполняет обязанности помощника и пресс-секретаря Зюганова, организует оперативное решение текущих вопросов.

Еще со времени совместной работы в ЦК КПРФ у Геннадия Андреевича сложились добрые отношения с нынешним руководителем аппарата фракции КПРФ в Госдуме Владимиром Георгиевичем Поздняковым. Бывший комсомольский работник, он начинал трудовую деятельность грузчиком, без отрыва от производства получил высшее образование, участвовал в строительстве БАМа, был советником в Афганистане. Сейчас ему принадлежит важнейшая роль в организации «штабной» работы парламентской фракции, в осуществлении четкого контроля за выполнением всех решений и персональных поручений. А кроме того, через его руки проходит огромный массив почты — до 12–

15 тысяч писем и обращений в год.

«Человек, который прикрывает спину, настоящий полковник» — так обычно Зюганов характеризует Александра Петровича Тарнаева, обеспечивающего безопасное функционирование сложного политического механизма партии. В свое время полковник КГБ Тарнаев после очередного выступления Горбачева подошел к нему и, глядя в глаза, заявил, что то, о чем он говорил, — предательство национальных интересов страны. И подал рапорт об отставке.

Со всеми людьми из своего ближайшего окружения у Зюганова сложились по-настоящему товарищеские отношения. Как говорит Геннадий Андреевич, они способны организовать прорыв на любом направлении, обеспечить фронт, тыл и… убежище для отдыха. Кстати, они вместе покоряли вершины Эльбруса, штурмовали самые интересные и трудные маршруты Домбая. Хотя эти люди не всегда заметны, находятся как бы «за кадром», на них всегда можно положиться и опереться.

Зюганов — один из редких российских политиков, которые не носят при себе опознавательную систему «свой — чужой». Он терпим к политическим оппонентам, людям иных взглядов и убеждений, и за этим видна мудрость человека, немало испытавшего в этой жизни, обладающего широтой взглядов, природным инстинктом собирателя, пытающегося рассмотреть и найти даже в деструктивном начале ростки позитивного, объединяющего, созидательного — того, чего всем нам так не хватает в наше время. Но это присущее Зюганову свойство, в основе которого лежит безусловное признание уникальности и ценности любой человеческой судьбы, не следует путать с податливостью и мягкотелостью, он способен выдержать любой накал противостояния.

Не секрет, что кому-то видится за этими качествами Геннадия Андреевича аппаратный опыт «чиновника цековской школы». Наверное, люди сейчас уже настолько уверовали в то, что любой политик — совершенно не тот, кем кажется на самом деле, что его образ создан в угоду публике «пиарщиками» и политгехнологами, что по-другому и не мыслят. Но в «цековской школе» искусство человеческих отношений не преподавали. Тем не менее большинство кадровых партийцев его осваивали, потому что работали в такой среде и обстановке, где трудно было *казаться* — нужно было постоянно *быть* человеком.

Бывший непосредственный руководитель Зюганова — заведующий сектором отдела пропаганды ЦК КПСС Н. С. Черных, который близко знает Геннадия Андреевича уже четверть века,

считает, что тот пришел в ЦК КПСС уже вполне сформировавшейся личностью — и в профессиональном отношении, и в моральном, человеческом плане. И в подтверждение приводит такой пример. Вскоре после того, как Зюганов приступил к новой работе, поручил ему Николай Степанович разобраться с жалобой бывшего фронтовика. Просил тот местные власти улучшить ему с женой (она тоже была участником войны) жилищные условия. Пришел на прием в райисполком, надев боевые награды. И сразу же был сражен фразой одного из тамошних бюрократов: «Снял бы ты свои побрякушки». Черных такой наглостью был возмущен не меньше фронтовика — сам участник Великой Отечественной войны, да к тому же известен был своим крутым характером. Но Зюганову своих эмоций не высказал, только попросил: «Доведи дело до победы». Месяца три дымилось кресло под тем бюрократом, который подлость допустил. Юлил, отписываться пробовал: «Рассмотрим при первой возможности… Постараемся улучшить жилищные условия заявителю в очередном квартале…» Но не снял Геннадий Андреевич дело с контроля, пока не получил заслуженный человек ордер на однокомнатную квартиру. Даже секретариат МГК КПСС подключил, когда проволочки почувствовал.

А ведь работа с подобными жалобами составляла только малую часть обязанностей инструктора, и можно было бы над ними не убиваться — достаточно привести дело в соответствие с действовавшими порядками и законами. Сам Черных не скрывает, что Зюганов был у него загружен — больше некуда. Так называемый *территориальный* сектор, который возглавлял Николай Степанович, отвечал за состояние всей пропагандистской и массово-политической работы в краевых и областных парторганизациях РСФСР, включая подбор и расстановку идеологических кадров. В отделе пропаганды было два таких сектора — другой вел аналогичную работу в союзных республиках. В сферу непосредственной ответственности Геннадия Андреевича сразу же вошли Москва и Московская область, Северный Кавказ и ряд южных областей России. Кроме того, учитывая его опыт военной службы, Черных поручил ему курировать политическую работу в войсках противовоздушной обороны. Свою состоятельность Зюганову пришлось подтверждать очень скоро. Во время подготовки вопроса к заседанию Секретариата проверял он положение дел в Ставропольском крае и обнаружил очень много недостатков, которые изложил в документе по итогам проверки. Руководству края такая принципиальность пришлась не по вкусу — справка была

негласно обжалована в «верхах». Когда дошло дело до «виновника» возникшего конфликта, тот не стушевался: «Написал, как есть на самом деле». Точку зрения Зюганова удалось отстоять, а ведь мог он и «под танк» угодить: у ставропольцев был в Политбюро влиятельный покровитель в лице Горбачева, и сталкиваться с ними на «тропе войны» мало кто отваживался.

После этого случая Черных окончательно убедился, что обрел достойного работника. Любил он людей твердых, потому что сам никогда перед другими не лебезил. Первая в его партийной биографии серьезная стычка произошла не с кем-нибудь, а с самим Хрущевым. Случилось это в его бытность секретарем Куйбышевского обкома партии, в начале шестидесятых годов, накануне разделения административных районов и органов управления на промышленные и сельские. Никита Сергеевич позвонил в обком и, выяснив, что первый секретарь находится в отпуске, стал интересоваться у Николая Степановича, как в Куйбышеве относятся к предполагаемой реорганизации. Тот прямо ответил: отрицательно, к тому же не поддерживают эту инициативу и соседи из Татарии и Башкирии. «Сравнил тоже…» — и Хрущев добавил крепкое ругательство. Черных не растерялся: «Сравнивать действительно трудно: экономический потенциал Куйбышевской области больше, чем у двух этих республик вместе взятых». От такой наглости Никита Сергеевич пришел в ярость и стал требовать, чтобы ему немедленно сообщили местонахождение первого секретаря. Черных сказал, что не в курсе. Знал он, конечно, в каком санатории лечился его первый, А. С. Мурысев, но опасался, что беседа с Хрущевым может для него плохо кончиться, так как был он тяжело болен, к тому же с Никитой Сергеевичем, мягко говоря, не ладил. Но несчастье все же произошло: вскоре у Мурысева случился инфаркт…

Твердость Зюганова, как считает Черных, ничего общего не имеет с упрямством или с присущим некоторым горячим головам стремлением в любом конфликте бросаться вперед с шашкой наголо. Хотя — что греха таить — сам Николай Степанович спокойствием нрава не отличался, и каждый в секторе знал: «заведется» — не перечь, подожди немного, пока отойдет. Но знали и другое: в трудной ситуации всегда поддержит, а если и пропесочит, то за дело.

По воспоминаниям Черных, Геннадий Андреевич располагал к себе окружающих основательностью и обоснованностью суждений, тем, что в спорах всегда внимательно прислушивался к аргументам оппонентов, не навязывая им своего мнения. Он никогда не боялся прослыть невеждой, не стеснялся задавать

вопросы или обращаться за советом. И при этом отличался завидной последовательностью, любое дело доводил до конца, не останавливался на полпути и не шарахался из стороны в сторону. Удивительно быстро он стал пользоваться авторитетом у руководителей всех областей, которые курировал. С его мнением о состоянии идеологической работы в Москве, где, по мнению коллег Зюганова, очень просто было и шею свернуть, считался и сам В. В. Гришин, не говоря уже о секретаре МГК по пропаганде А. М. Роганове. Но вот позднее с Ельциным он не нашел даже малейшего взаимопонимания — Борис Николаевич признавал во всем только собственную точку зрения и советчиков подбирал, руководствуясь лишь одному ему известными мотивами.

Когда Черных уходил из ЦК, рекомендовал на свое место Зюганова не задумываясь. Недоумевал потом, почему того долго не утверждали, четыре месяца продержали в качестве и. о. завсектором: не знал, что в отделе пропаганды Центрального Комитета с приходом Яковлева начался отсчет совершенно другого времени. Незадолго до ухода он встретился с Яковлевым на партсобрании, оказавшись с ним в зале рядом. Они были знакомы давно, и Николай Степанович поинтересовался, почему тот не в президиуме, где по традиции всегда сидит руководитель отдела. Не придал тогда особого значения тому, что услышал в ответ: «Традиции меняются, еще не то будет». Потом же не раз вспоминал и эти слова, и пробежавшую по лицу Александра Николаевича тень недоброй усмешки.

Имеет смысл сказать несколько слов о дальнейшей работе Черных, поскольку назначили его первым заместителем председателя Всесоюзного общества трезвости (должность председателя была общественной), и он оказался в самом центре одной из самых широкомасштабных кампаний — в 1985 году развернулась борьба с пьянством и алкоголизмом. Идея искоренить это зло в стране приписывается Горбачеву, хотя все необходимые материалы и подготовительные мероприятия были проработаны еще при Андропове (появление в продаже недорогой водки, названной в простонародье «андроповкой», к его принципиальной позиции никакого отношения не имеет). Но он заняться этой проблемой не успел, и к осуществлению того, что было задумано значительно раньше, приступил Горбачев. Эта акция стала одной из немногих, инициатива которых исходила снизу, из народа: ЦК КПСС был завален письмами, в первую очередь от женщин, с настоятельными просьбами принять решительные меры, способные остановить в стране разгул пьянства, вместе противостоять беде, которая прямо или косвенно затрагивала едва ли не каждую семью. Никто, естественно, не

ждал, что процесс оздоровления пойдет безболезненно. Издержек было немало: большие очереди в винных отделах магазинов, самогоноварение, серьезные перегибы на местах. Но в целом картина не имеет ничего общего с тем, как ее пытаются представить сегодня. Во-первых, никто не собирался вводить в стране сухой закон, речь шла только о сокращении производства и потребления водки и так называемой «бормотухи», что и было достигнуто. При этом выпуск коньячной продукции сохранялся на прежнем уровне, а производство шампанских вин возросло на 50 процентов. Во-вторых, никакой целенаправленной вырубки виноградных плантаций по якобы указаниям «сверху» не проводилось. Предусматривалось только изменение их структуры — увеличение доли столовых сортов, которая едва достигала 20 процентов от общих площадей, и удельного веса высококачественных технических сортов винограда. Другое дело, что перегибов и злоупотреблений избежать не удалось. Например, в Крыму некоторые предприимчивые чиновники и дельцы обманом захватывали и уничтожали виноградники, чтобы расчистить площади под строительство объектов недвижимости, суливших сверхприбыли. В целом же как до, так и после антиалкогольной кампании ежегодный сбор винограда не снижался и составлял 5–6 миллионов тонн. (Заметим, что за последние полтора десятилетия он сократился вдвое.) При этом были достигнуты важные позитивные результаты, свидетельствующие о том, что в борьбе с тяжелым социальным недугом было выбрано верное направление. Потребление алкоголя в расчете на одного человека стало сопоставимо с европейскими показателями (4–6 литров в год). В стране резко возросла рождаемость и снизилась смертность. В 1986–1987 годах родилось на 500 тысяч детей больше, чем за аналогичный предшествующий период, трудовые сбережения в сберкассах увеличились на 35 миллиардов рублей. На 20–30 процентов снизилась преступность, уменьшился производственный травматизм, значительно сократилось количество транспортных происшествий, существенно меньше стало сердечно-сосудистых заболеваний. Почему-то все это сегодня замалчивается в многочисленных телевизионных программах, посвященных этой теме. Создается впечатление, что телепрограммы преследуют одну цель: заставить общественное сознание смириться с мыслью, что Россия якобы обречена на пьянство, что в ней «пили, пьют и будут пить». Именно под таким русофобским лозунгом «демократические» средства массовой информации торпедировали в свое время антиалкогольную кампанию. Махнули на нее рукой и руководители КПСС, так же как и на

Продовольственную программу, и на другой важнейший социальный проект — «Жилье-2000», предусматривающий к 2000 году обеспечение каждой семьи отдельной *(бесплатной!)* квартирой. Разбуженную энергию масс «архитекторы» перестройки ловко отвернули от созидательных целей в нужную им сторону. Осуществить то, что они задумали, с трезвым народом было практически невозможно. Так же, как и сейчас, наверное, было бы нелегко продолжать начатое ими дело без алкогольного и наркотического дурмана.

…Хоть и считал Черных, что заполучил он из Орла готового высококвалифицированного сотрудника, самому Зюганову понадобилось время, чтобы адаптироваться на новом месте и почувствовать уверенность в собственных силах. Казалось бы, и знаний, и опыта партийной работы уже приобрел достаточно, однако с первых дней стало ясно, что масштабы проблем, которыми предстоит заниматься, не укладываются в рамки представлений, сформированных в Орле. Многому пришлось учиться, и прежде всего в самом процессе практической работы. Например, при подготовке аналитических документов, материалов для Политбюро и Секретариата ЦК КПСС необходимо было не только владеть тем или иным вопросом в мельчайших деталях, но и хорошо знать в целом обстановку в регионе. Помогала информация, которая собиралась и постоянно обновлялась в ЦК, хранилась и в электронной базе данных, и в его отделах. Эта информация давала детальное представление о ситуации во всех промышленных отраслях, в сельском хозяйстве, образовании, социальной жизни. Вплоть до того, например, где и какие общеобразовательные школы испытывают недокомплект кадрами и какие именно учителя им потребуются к новому учебному году. При этом можно было проследить всю динамику развития той или иной сферы за последние 15–20 лет и выяснить перспективы на ближайшие годы. Кроме того, по любому вопросу в области политики, идеологии, культуры, внутренней и международной жизни всегда можно было получить исчерпывающую справку в лекторской группе отдела пропаганды, в которую подбирались высококлассные специалисты с основательной научной подготовкой.

Аппарат ЦК КПСС представлял собой мощный мозговой центр страны, владел полной и достоверной информацией, которая позволяла осуществлять эффективное управление народным хозяйством и социальными процессами, оперативно реагировать на изменение обстановки, возникающие проблемы. Другой вопрос, что в течение длительного времени склеротирующее руководство партии не желало или уже просто не могло в

должной мере использовать этот огромный интеллектуальный потенциал. Их нелюбознательность и инертность обернулись в конечном счете национальной трагедией. Как бы то ни было, но сегодня даже при несравнимо возросших возможностях, предоставляемых современными информационными технологиями, мы не обладаем и малой долей тех знаний и представлений о положении дел в стране, которыми располагали раньше.

Сотрудники территориальных секторов отдела пропаганды в кабинетах почти не сидели, так что большую часть времени Геннадию Андреевичу приходилось проводить в командировках, вникать в состояние дел и заниматься организаторской работой на местах. За годы работы в ЦК страну изучил досконально: побывал во многих областях Российской Федерации и почти во всех союзных республиках. И в каждой поездке поражался многообразию социальных, экономических, национальных, природных особенностей, образующих живую ткань единого и бесконечно сложного, столетиями формировавшегося организма — великой державы. Куда ни приедешь — везде своя специфика, свой неповторимый колорит, свои заботы и проблемы. Чем больше узнавал на местах, тем сильнее ощущал разницу между абстрактным восприятием жизни страны из Москвы и теми реалиями, с которыми сталкивался, погружаясь в глубину этой жизни. Разнилась и сама жизнь, и представления о ней у людей были самые разные, а главное, часто жили они совсем иными ожиданиями, нежели полагали те, кто намеревался их облагодетельствовать.

Если бы политики, вознамерившиеся совершить скачок в рынок и «демократию», в свое время почаще спускались на землю, может быть, и удалось бы предотвратить чудовищные эксперименты, проведенные над Россией. К сожалению, как показывает практика, ныне дело обстоит не лучше: многие облеченные властью государственные мужи и вовсе не знают страны, не представляют ее самых элементарных нужд. В качестве примера можно привести один рабочий эпизод из жизни Государственной думы Российской Федерации. В начале ноября 2006 года она отклонила, несмотря на решительную поддержку депутатов-коммунистов, законопроект, внесенный Советом народных депутатов Камчатской области. Как выяснилось, зря надеялись посланники жителей Камчатки добиться в Москве восстановления того, что было ликвидировано пресловутым 122-м законом о монетизации льгот, — надбавок студентам и молодым специалистам, проживающим в районах Крайнего Севера, а также выплат северянам для переезда на Большую

землю при выходе на пенсию. Любопытно, каким образом пояснил во время заседания Думы негативную позицию, занятую в этом вопросе депутатами-«единороссами», депутат от Ставрополья П. Воронин: «У нас вся страна такая (как Сибирь. — *А. Ж.*). Бесплодная холодная Скифия. Но хочу вас обрадовать: климат меняется. И по прогнозу, через 15–20 лет у нас будет климат континентальной Европы примерно в Сибири. Соответственно, проблемы отпадут сами собой… Если человек там родился, вырос, работает, почему мы должны ему платить, чтобы он там оставался? Это в корне неправильно». Трудно сказать, чего больше в таком подходе к проблеме — дремучего невежества или беспредельного цинизма. Итог такой, с позволения сказать, политики все равно один: за последние годы более двух миллионов человек покинули Сибирь и продолжают уезжать оттуда в поисках лучшей доли. А ведь пополнение населения этого сурового и уникального по своим богатствам края было важнейшей статьей государственной политики на протяжении четырех столетий, со времен Ивана Грозного. В XX веке Сибирь стала гордостью России. Она всегда нагоняла страх на ее врагов, а сибирские дивизии внесли решающий вклад в защиту Москвы в сорок первом году. Сибирь питала и *пока еще* питает экономику всей страны. Народ, особенно выросшую в новых условиях, не знающую советских реалий молодежь, в последнее время принято стращать: придут к власти коммунисты — повернут историю вспять. Но сейчас уже ясно, чьими руками она стремительно раскручивается в обратном направлении. И вряд ли следует надеяться, что этот процесс будет продолжаться до всемирного потепления или потопа, на что уповают некоторые дорвавшиеся до власти политические партии. Точнее, люди, проникшие во власть и образовавшие вокруг себя сообщества, именуемые партиями.

Кстати, работая в ЦК КПСС, ввел Зюганов для себя правило: приступать к анализу любой проблемы с изучения истории того края, куда предстояло выезжать. При этом штудировал не только краеведческую, но и фундаментальную научную литературу, обращался к трудам известных историков. Несколько раз ему даже замечание делали: «Что ты столько времени убиваешь на эту историю, надо мыслить современными категориями, завтрашний день видеть». Но он давно уже убедился, что без знания национальных и исторических традиций «современное мышление» может привести к сомнительным выводам. Запомнилось ему, как в одной из первых командировок на Кавказ беседовал он в отдаленном ауле с одним из местных старейшин. Тот долго и внимательно слушал Зюганова, а затем положил

перед ним Коран: «Сынок, я вижу, ты желаешь нам добра, хочешь помочь. Но все же почитай сначала эту мудрую книгу, иначе многого не поймешь». Только после прочтения Корана, изучения истории ислама стал открываться перед ним сложный, совершенно иной мир со своими воззрениями и традициями.

Не раз Геннадий Андреевич убеждался, что без непосредственного общения с людьми нельзя толком разобраться ни в одной проблеме. Его личная методика подготовки вопросов на Политбюро и Секретариат ЦК КПСС включала обязательное посещение предприятий торговли, бытового обслуживания, колхозных рынков. Понял он, что часто именно здесь большая политика реально пересекается с насущными нуждами и заботами населения. Здесь не прячут своего недовольства, все настроения — как на ладони, а любая бабушка, торгующая картошкой, даст более точные виды на урожай, чем местное управление сельского хозяйства. Однажды разбирался он в сложной ситуации, возникшей в Ростове, и почувствовал, что заходит в тупик — концов не найдешь, одно с другим не вяжется. Выйдя в очередной раз из гостиницы на традиционную пробежку, приметил пенсионеров, оживленно беседующих на скамейке. Присел рядом, поговорил. Очередную разминку тоже организовал с пользой для дела. И обстановка в области прояснилась. Причем три четверти того, что люди рассказали, полностью подтвердилось. Со временем сделал для себя вывод: если человек не знает настроений людей и не может взглянуть на проблему глазами народа, в политике ему делать нечего.

Старался он регулярно встречаться с писателями, журналистами, представителями других творческих профессий. Во-первых, большинство этих людей, как правило, в жизни действительно разбираются. А во-вторых, многие вещи воспринимают обостренно, видят их порой с самой неожиданной стороны. К тому же, считал Геннадий Андреевич, что и собственные проблемы творческой интеллигенции напрямую связаны с духовным здоровьем страны. Не случайно, когда ведущие писатели, художники, режиссеры увидели, что вместо обещанного «свежего ветра перемен» в стране воцарился затхлый дух серости и пошлости, они обратили свои взоры на Зюганова как на единственного крупного политика, последовательно отстаивающего интересы подлинной культуры, ее гуманистические ценности. Как у любого образованного человека, у него есть свои пристрастия и в литературе, и в живописи, и в музыке, и в кино. Однако в отличие от многих политических деятелей с устоявшимися традиционно-консервативными взглядами на искусство его не смущают сложные явления

современной культуры со всей их новизной, нестандартными замыслами и смелыми решениями. Если, конечно, он не обнаруживает в художественном творчестве выхолащивание нравственного начала и эстетического содержания, подмену добра злом, прекрасного безобразным, стремления увести человека в мир отчуждения.

Не было бы этой ступени в биографии Зюганова — работы в ЦК КПСС, — вряд ли бы он состоялся как большой политик. Сам Геннадий Андреевич подчеркивает, что в отделе пропаганды было не только *чему,* но и у *кого* поучиться. Возглавлял отдел приглашенный в ЦК Андроповым Борис Иванович Стукалин. Был он из фронтовиков, имел за плечами хорошую журналистскую школу, в свое время работал заместителем главного редактора газеты «Правда», затем возглавлял Комитет по печати при Совете Министров РСФСР, Государственный комитет по делам издательств, полиграфической промышленности и книжной торговли СССР, внес огромный вклад в развитие советского книгоиздания. Человек разумный, сдержанный, эрудированный и воспитанный, он задавал благожелательный тон во взаимоотношениях, что позволяло сотрудникам отдела решать все вопросы спокойно, без лишней суеты и нервотрепки. Позднее, с приходом к власти Горбачева, произошла смена идеологических ориентиров, и Стукалина отправили на дипломатическую работу.

Заведующий сектором Черных обладал неиссякаемой энергией, которой заряжал и окружающих. Рядом с ним нельзя было оставаться бесстрастным. Да равнодушных и не было, потому что все трудились не за страх, а за совесть, жили одним, общим делом. Естественно, в дружеской обстановке взаимовыручки не было места интригам и кулуарным заговорам, свойственным современным управленческим аппаратам, никому и в голову не приходило заниматься «пиаром» или вбросом компромата. Все это расцвело в пору, когда управленческая работа приобрела «игровой характер» с присущими ему холодным расчетом и цинизмом.

На новой работе Зюганов нашел не только друзей, здесь он обрел своих будущих единомышленников и сподвижников. Произошло это не случайно. Существовало одно важное обстоятельство: кадровый состав территориальных секторов отличали характерные особенности, связанные с тем, что эти структурные подразделения формировались из числа партийцев, которые не только имели хорошее образование и идейно-теоретическую подготовку, но и прошли основательную практическую партийную школу на местах, обладали опытом руководящей работы в районных, городских и областных звеньях.

Все эти люди были «от земли», до прихода в ЦК, как правило, работали там, где родились и выросли, хорошо знали, какими заботами живет местное население. Имея прочные корни и устоявшиеся взгляды, они привносили в атмосферу аппарата ЦК здоровый дух российской глубинки. Они не могли быть иными, менять себя в угоду кому-то, подстраиваться под других. Их нельзя было провести на мякине, увлечь пустопорожним лозунгом или обмануть трескучей фразой. К ним везде прислушивались.

Этим обстоятельством объясняется то, что впоследствии территориальные секторы отдела пропаганды стали настоящим оплотом тех сотрудников ЦК КПСС, которые, несмотря на травлю и преследования, сохранили верность социализму, преданность коренным интересам простого народа. Позднее многие из тех, кто работал рядом с Зюгановым, вошли в руководящее ядро и структурные звенья Компартии РСФСР, активно участвовали в создании КПРФ. Когда Александр Яковлев приступил к кадровым чисткам идеологических подразделений ЦК, территориальные секторы оказались ему не по зубам. Конечно, сыграло свою роль и то, что курировал их тогда заместитель заведующего отделом пропаганды П. Я. Слезко — крепкий, убежденный партиец, прошедший хорошую жизненную школу в Томске. Был он к тому же сподвижником Е. К. Лигачева — секретаря ЦК и члена Политбюро, с которым Яковлев до поры до времени избегал вступать в открытую схватку. Впрочем, Александр Николаевич сразу же сосредоточил свое внимание на подразделениях, занимавшихся средствами массовой информации, которым в разрушении партии и страны отводилась роль ударной силы «пятой колонны».

Принято считать, что история не имеет сослагательного наклонения. Но если мы, обращаясь к прошлому, не будем знать отвергнутых и упущенных вариантов развития событий, не поймем, каким образом можно было избежать роковых шагов, то и сама история потеряет свой главный смысл, который видится в том, чтобы люди извлекали из нее необходимые уроки. Если бы судьба отвела Андропову еще хоть немного времени… Все, кого знал, с кем работал Зюганов, уход из жизни Юрия Владимировича восприняли как личную трагедию. Но масштабов ее в тот момент они еще не сознавали. Горькие чувства вызвала очередная подковерная возня в Политбюро — реального демократического механизма влияния на выборы главного человека в партии не было, — после чего на страну вновь нашло оцепенение. В избрании генеральным секретарем К. У. Черненко, человека больного, немощного, никогда не обладавшего качествами

серьезного политического лидера и совершенно не владевшего проблемами народного хозяйства, проявилась естественная реакция тех властных кругов, в которых начавшиеся при Андропове преобразования вызвали настоящее смятение и которые использовали представившийся им шанс вернуться на утраченные позиции.

По утрам, в начале рабочего дня, Геннадию Андреевичу казалось, что и внешне обстановка в ЦК изменилась. В помещениях на Старой площади, где тяжелые портьеры и ковровые дорожки поглощали любой шум даже в дни оживленных мероприятий, теперь установилась гнетущая тишина: даже разговоры в кабинетах и коридорах велись вполголоса, отчего у постороннего человека возникало ощущение царящего здесь полного безмолвия. Конечно, рук никто не опускал, и работа велась в прежнем напряженном ритме. Все были уверены, что затишье не будет долгим.

После тягостной «пятилетки похорон», как назвали эти годы в народе (один за другим уходили из жизни Суслов, Брежнев, Андропов, Устинов, Черненко), генсеком был избран молодой и энергичный Горбачев. Известие это встретили с оптимизмом. Правда, немного позже Зюганов с удивлением узнал, что не у всех это событие вызвало энтузиазм. Через несколько месяцев ему пришлось выехать в очередную командировку в Ставропольский край, где бывал он довольно часто и всегда увозил оттуда самые теплые впечатления: исключительно благодатные места, красивейшая природа, приветливые и талантливые люди, умеющие по-настоящему на земле работать. Во время одной из встреч с местным руководством, которая проходила в неформальной обстановке, высказал Геннадий Андреевич предположение, что земляки Горбачева, должно быть, испытывают гордость за своего бывшего руководителя. И неожиданно почувствовал, что его слова вызвали замешательство, возникла неловкая пауза. Но и уходить от разговора ставропольцы не стали: «Видишь ли, Андреич, между нами, конечно, ни на что стоящее он не способен. Умеет только лопотать, руками размахивать да затевать реорганизации. Знаешь, как у нас его звали? Или „Мишка-конвертик“, или „Мишка-шашлычник“».

Почему первое прозвище прилипло, объяснять не стали — и так понятно. А второе, как выяснилось, пошло из-за неуемного стремления Михаила Сергеевича лично проявить свое большое уважение к столичному начальству, часто посещавшему Ставрополье: любил выступить в роли заботливого и хлебосольного хозяина, всегда сам жарил и подавал на стол

шашлыки.

Поначалу Зюганов был ошарашен такой откровенностью. Конечно, разговоры — они и есть разговоры, не следует делать по ним далеко идущие выводы. Но, с другой стороны, слишком хорошо знал Геннадий Андреевич своих собеседников — не из тех они были, кто мог возвести напраслину на человека. И все же после этого случая стал более внимательно присматриваться к генсеку, анализировать и сопоставлять его многочисленные выступления. Постепенно проявлялось то, что не сразу бросалось в глаза под воздействием несомненного умения Михаила Сергеевича придавать своим речам эмоциональную окраску и внешнюю убедительность, — сумбурное мышление, противоречивость, большое количество непродуманных, льющихся, словно из рога изобилия, идей. Известно, что не все большие руководители обладают умением должным образом обобщить и систематизировать свои взгляды в законченной, устной или письменной, форме. Но знать предмет, о котором судят, логически мыслить и видеть как минимум на два шага вперед они обязаны. У Горбачева он этого не находил. Гласность, ускорение, человеческий фактор, новое мышление… За этой словесной завесой не просматривались ни конечные, ни промежуточные цели.

Позднее словарь бессмысленных неологизмов «воинствующего дилетанта», как со временем коллеги Зюганова окрестили Горбачева, стал пополняться заимствованными понятиями с модной либеральной окраской: «гражданское общество», «общечеловеческие ценности», «плюрализм», «многопартийность». В отличие от загадочного лозунга «Больше демократии — больше социализма!» они носили уже конкретный, практический смысл, не имеющий ничего общего ни с демократией, ни с социализмом, и вызывали закономерный вопрос: в ту ли сторону «пошел процесс», о чем так часто твердил Михаил Сергеевич?

Создавалось впечатление, что Горбачев и не пытался ответить на вопросы, которые сам же и порождал. Главное — «процесс», в котором он, Михаил Сергеевич, исполняет ведущую роль. Любимый сюжет — «Встреча с народом». И строгий контроль за тем, чтобы по телевидению обязательно показали народу, как он с народом общается. Только вот его актерскому дарованию явно не хватало соответствующего образования и режиссуры: сквозь образ всё понимающего и знающего народные нужды «своего парня», открытого и искреннего, просматривались безграничная самовлюбленность и бахвальство. И лицемерие. Достаточно вспомнить, как он открещивался от своей причастности к вводу

войск в Тбилиси и Баку («Не знал!»), как вел себя в мнимом плену в Форосе.

Откровенно скажем: не сразу на смену первым сомнениям и разочарованиям пришло к Зюганову убеждение, что не тому человеку держава вверена. Неумение правителя разобраться во внутренних проблемах «собственного королевства» — это, как оказалось, еще полбеды. Тщеславие возобладало над здравым смыслом и во внешней политике: Горбачев оказался падким до иноземных почестей, стал откровенно заискивать и лебезить перед американскими и западными руководителями.

Когда госсекретарь США Дж. Бейкер во время визита в Москву в порыве откровенности сказал Горбачеву: «Мы хотим, чтобы вы добились успеха. Мы хотим этого столь же сильно, как вы, а может быть, даже сильнее», — Горбачев что-то промямлил в ответ, смутился от публичного признания в ответной любви.

Характерный случай вспоминает Е. К. Лигачев: «Однажды прилетел (Горбачев. — *А. Ж.*) из Италии и говорит: „Егор, ты знаешь, весь Рим меня провожал“. Я ему: „Михаил Сергеевич, надо бы на Волгу съездить и в Сибирь“. А он: мол, ты опять за свое, я тебе про Италию, а ты — Сибирь! И так довольно часто бывало».

Все понимали, чем чревата страсть беспринципного политика к всевозможным встречам на высших уровнях, к различным «шестеркам», «семеркам» и прочим международным объединениям. Отнюдь не злые языки, а серьезные люди, обеспокоенные катастрофическим падением престижа страны, не в шутку стали утверждать, что Горбачев за улыбку Маргарет Тэтчер готов полцарства отдать. И отдал бы, если бы та попросила. Ведь сделал же он царственный жест во время встречи с канцлером ФРГ по проблемам воссоединения Германии. Да такой, что немцы сразу же провозгласили его своим национальным героем, присвоив ему звание «Лучший немец года».

Случилось это опять-таки в памятном для Зюганова Ставрополье. Приходилось ему бывать в тех местах, где проходила встреча между Михаилом Горбачевым и Гельмутом Колем (как потом стало известно, предшествовал ей тайный, под видом отдыхающего, вояж А. Н. Яковлева в Западную Германию и его предварительные переговоры с руководством ФРГ). Скрытая от посторонних глаз правительственная резиденция находится в поразительно красивом заповедном уголке Зеленчукской долины. Река Зеленчук, которая здесь протекает, не случайно так названа: даже после бурных дождей вода в ней остается изумрудно-прозрачной — отражаются в ней великолепные вековые леса и

бушующие вокруг травы. Видно, настолько местная природа умиротворяет и настраивает на философский лад, что когда началось обсуждение компенсации потерь Советского Союза в результате «воссоединения Германии», а фактически — платы за продажу ГДР, Горбачев решил, что торг неуместен. Немецкая делегация была прекрасно осведомлена о величине урона, который понесет советская сторона в результате такого шага. Коль располагал полномочиями дать гарантии, что ФРГ возьмет на себя обязательство не входить ни в какие военные блоки и выплатит довольно внушительную сумму. Но никто не предполагал, что цифры, названные Горбачевым, будут в двадцать раз меньше тех, которые немцы держали в уме. Сначала гости оторопели от такой щедрости, потом пришли в себя, еще поторговались, сбили и эту цену.

Рассказывают, что после завершения официальной части переговоров немцы на радостях не в меру выпили и сильно захмелели, даже хорошие шашлыки на закуску не помогли. Но кто же их упрекнет за это? После такой сделки можно было и расслабиться. Когда они уезжали, прихватили с собой даже деревянный стол, за которым проходила встреча, — в музей, на память. Так за бесценок продали ГДР, а заодно и ее бывшего лидера Эриха Хоннекера. Нельзя было без отвращения смотреть на телевизионные кадры, запечатлевшие позорную картину выдворения тяжело больного Хоннекера из нашей страны, где он вполне обоснованно надеялся найти пристанище. Но к тому времени предательство союзников и друзей для Горбачева уже стало обычным делом.

То, что произошло в Зеленчукской долине, предопределило и скоротечный развал Варшавского договора — единственной реальной силы, противостоявшей НАТО. Усилило Североатлантический блок вступление в него объединенной Германии — кто бы сомневался, что именно так и будет! Горбачев, по сути дела, единолично пересмотрел итоги Победы советского народа в Великой Отечественной войне, оплаченной миллионами человеческих жизней. В 1994 году в Берлине состоялась церемония, завершавшая вывод из Германии Группы советских войск. Этот «парад» газета «Дейли телеграф» назвала «второсортным прощанием с третьесортной армией». Добавить нечего. Кроме одной детали: участвовавшим в «параде» немецким военным оркестром несколько раз порывался дирижировать находящийся в нетрезвом состоянии Ельцин. Победа 1945 года была еще и поругана.

Кто поверит в жалкий лепет, что все это творилось в гуманных целях, было направленно на смягчение международной

обстановки, демилитаризацию Европы? К чему эта «демилитаризация» привела, хорошо известно: НАТО все крепче сжимает Россию в своих «дружеских» объятиях. Многие сравнивают это деяние Горбачева с предательством Иуды. Но Иуда, узнав, к чему привела его измена, раскаялся и вернул полученные тридцать сребреников. Горбачев же и впоследствии не брезговал подачками и на свое семидесятилетие принял из рук канцлера ФРГ высшую немецкую награду — «Большой Крест».

Не раз потом Зюганов размышлял о том, какой волной вынесло этого человека на вершину власти. И приходил к выводу, что стало это возможным только по одной причине — в руководстве страны был полностью сломан механизм преемственности. Естественно, речь идет не о процедурах выдвижения во власть *преемников,* о чем часто и беззастенчиво рассуждают у нас в последние годы, словно Россия — не крупнейшее государство с многомиллионным населением и огромной территорией, а чья-то заштатная вотчина с покорными подданными, уповающими только на мудрость и всевидение своих правителей. Этот-то процесс, направленный на сохранение главенствующей роли самозваной «элиты», режима личной власти и унижающий миллионы граждан, как раз отработан сейчас до совершенства. Была сломана преемственность государственных традиций в управлении страной, обеспечивающая приход к ее руководству людей подготовленных и компетентных, пользующихся доверием народа и сознающих свою ответственность перед ним, способных достойно нести бремя власти.

К несчастью, в переломные моменты истории наша судьба очень часто зависела от воли случая. Ведь тот же Горбачев оказался в 1978 году на посту секретаря ЦК КПСС после внезапной, в шестьдесят лет, смерти талантливого политического руководителя Ф. Д. Кулакова. Федор Давыдович не только досконально знал все проблемы сельскохозяйственного производства — он унаследовал и привносил в работу партийной верхушки страны здоровый дух родной земли, которой посвятил всю свою жизнь.

А разве сопоставима была фигура Горбачева с личностью Петра Мироновича Машерова, трагически погибшего осенью 1980 года? Герой партизанского движения в Белоруссии, в глазах и своих земляков, и большинства всех советских людей стал воплощением их представлений о настоящем народном руководителе. Он нес в себе высочайшую нравственность, обладал потрясающей эрудицией, прекрасно знал политическую теорию. Очень много почерпнул Зюганов из опубликованного

наследия Машерова — статей, докладов и выступлений, для которых характерны и глубокое знание проблем партийно-государственной работы, и великолепный стиль изложения. Отношение Геннадия Андреевича к личности этого человека заключено в одной его лаконичной фразе: «Машеров — мой ориентир».

Но не только трагические обстоятельства приводили к непредсказуемым кадровым решениям в верхнем эшелоне власти. Трудно не согласиться с Зюгановым, который считает, что секретарь ЦК по промышленности и кандидат в члены Политбюро В. И. Долгих был несравнимо выше Горбачева и по своей подготовке, и по человеческим качествам. А какая школа была за плечами у этого человека! Возглавлял Норильский горно-металлургический комбинат, руководил Красноярским крайкомом КПСС, да так, что до сих пор в Красноярье с благодарностью вспоминают, сколько доброго он сделал для этого могучего края, какой огромный вклад внес в его развитие. Но ведь все равно оттеснили его в политическом руководстве на вторые роли. И в конце концов выдавил его Горбачев из Политбюро, отправив на пенсию в расцвете сил. Стал Долгих «мешать» перестройке — не мог он равнодушно смотреть на благоглупости, в результате которых промышленность трещала по швам, а когда приступили к осуществлению идеи выбора руководителей, понял: дело идет к тому, чтобы обезглавить промышленное производство. К тому же в свое время Владимир Иванович был едва ли не единственным среди руководителей партии, кто решительно противился переводу Ельцина на работу в Москву.

Отдельный разговор — о тех признанных «тяжеловесах», которых Михаил Сергеевич умудрился обойти весной 1985 года. Конечно, напрасно, наверное, надеялся стать преемником Черненко член Политбюро и первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин. Перешагнул он к тому времени семидесятилетний рубеж, хотя, как мы знаем, преклонный возраст, для того чтобы возглавить страну, тогда не был помехой. Люди, хорошо знавшие Виктора Васильевича, отзывались о нем как о порядочном, отзывчивом и доброжелательном человеке. Положительные впечатления остались от личного общения с ним и у Зюганова: сразу же схватывает суть проблемы, внимательный, конкретный. Но, увы, авторитет в партии и стране он уже безнадежно растерял. Под руководством Гришина Москва, оградившись от остальной страны статусом «коммунистического города», стала «государством в государстве», где процветали коррупция, торговая мафия, спекуляция, вольготно себя чувствовали

всевозможные преступные группировки. Трудно сейчас судить, носил судебный процесс по делу начальника московской торговли Тре-губова заказной характер или нет, но в любом случае эта история позиции Виктора Васильевича подорвала окончательно. В придачу ко всему тягостные впечатления у всей страны оставила телепередача, в которой Гришин, явно претендуя на роль наследника, появился рядом с еле живым Черненко.

Что не вызывает у Зюганова сомнений, так это сознательная, беззастенчивая компрометация Г. В. Романова, который много лет успешно возглавлял Ленинградский обком партии и до прихода в Политбюро Горбачева был самым молодым его членом. Была запущена и умело, при активной поддержке западных «голосов», распространена провокационная сплетня, будто бы Григорий Васильевич для свадьбы дочери позаимствовал в Эрмитаже царский сервиз. Проведенное расследование ничего подобного не подтвердило. Но клевета сработала — любят ведь у нас поговорку: «Дыма без огня не бывает». Человека очернили, и потянувшийся за ним шлейф слухов использовался политическими конкурентами для того, чтобы сначала оттеснить его на обочину, а потом, в самом начале перестройки, и вовсе отправить на пенсию «по состоянию здоровья».

Труднее всего Горбачеву было соперничать с первым секретарем ЦК Компартии Украины и членом Политбюро В. В. Щербицким, обладавшим прекрасной репутацией и колоссальным управленческим опытом. Выход нашелся: когда умер Черненко, Владимир Васильевич оказался в далекой заграничной командировке, в США. Как полагают, не случайно. А всего через четыре часа после объявления о кончине Константина Устиновича состоялось заседание Политбюро, избравшего нового генерального секретаря. Как потом выяснилось, Горбачеву заблаговременно предложил свою поддержку А. А. Громыко, попросив в обмен оказать ему небольшую любезность — назначить председателем Президиума Верховного Совета СССР. Сделка состоялась. Присутствовала в ней одна обращающая на себя внимание деталь: незатейливая комбинация была проведена при посредничестве А. Н. Яковлева, дожидавшегося своего часа в Институте мировой экономики и международных отношений. Справедливости ради отметим, что потом Громыко не раз высказывал сожаление, что продвинул Горбачева: «Не по Сеньке оказалась шапка государева, не по Сеньке!» Но плату за услугу принял.

Позднее дотошные исследователи «дворцовых интриг» обратили внимание еще на одно обстоятельство, предшествующее избранию Горбачева. В 1984 году ему, посетившему Англию в

качестве председателя комиссии по иностранным делам Совета Союза Верховного Совета СССР, оказала необычайно теплый, не по чину, прием «железная леди» Маргарет Тэтчер. Обласкала она и супругу Горбачева, а фотографию Михаила Сергеевича установила на своем рабочем столе. Этот третьестепенный по официальным меркам визит получил неожиданно широкое и благожелательное освещение в западных средствах массовой информации.

Вспомнили и о том, что еще годом ранее Горбачев посетил Канаду и во время поездки встречался и имел обстоятельную беседу с Яковлевым, в ту пору еще работавшим там послом. Впоследствии в интервью газете «Нью-Йорк тайме» Александр Николаевич поведал, что в Канаде они «очень откровенно разговаривали по всем делам». Почему же эта, надо полагать, «судьбоносная» для Михаила Сергеевича встреча проходила так далеко от Москвы? Ответ прост: при Андропове, который не скрывал своего негативного отношения к Яковлеву, тому был заказан путь к серьезным руководящим должностям в партии.

Если бы тогда, по горячим следам этих не слишком-то примечательных на общем фоне событий кто-нибудь сказал Зюганову, что Запад уже сделал свои ставки и начал манипулировать выигрышными шарами, ни за что не поверил бы. И мыслей таких ни у кого не возникало.

Жизненный опыт и знания, приобретенные с годами, неизбежно меняют наши представления о минувших событиях, свидетелями которых мы были. Как считает Геннадий Андреевич, важно не перепутать то, что изначально хранит наша память, с тем, что возникло в нашем сознании по прошествии лет. Эта путаница, к сожалению, происходит, когда судьба и взгляды самого Зюганова становятся объектом исследования других людей. И трудно бывает сказать, сознательно она вносится или ее просто не замечают. Конечно, со временем память может обмануть человека, вычеркнуть какую-то деталь, поменять что-то местами. Но нельзя пытаться обмануть память. Попытка такого обмана называется ложью.

Например, не только явные недоброжелатели, но и некоторые бывшие соратники по КПСС обвиняют Геннадия Андреевича в том, что он с воодушевлением воспринял и поддержал перестройку. И задаются вопросом: почему же он не смог сразу раскусить Горбачева? Может быть, просто не пожелал этого сделать? Видно, полагают они, что подобные обвинения вызовут у несведущих людей настороженность в отношении Зюганова и при этом заставят их думать, будто уже весной 1985 года были подлинные герои, которые встретили в штыки и избрание

Горбачева, и провозглашенный им курс на ускорение и перестройку. Но ничего подобного не наблюдалось, никакой оппозиции в ту пору и в помине не было. И не грешит против исторической правды Зюганов, когда признает в своих воспоминаниях, что с приходом к власти Горбачева надежды на позитивные перемены всколыхнули всю страну. Еще бы — молодой, активный, с удовольствием общается с народом, живо реагирует на задаваемые вопросы. И дальше Геннадий Андреевич вспоминает: «Первая же его поездка в Ленинград, в новом качестве, показанная по телевидению, убеждала людей, что с прежним, рутинным, бюрократическим стилем работы покончено. Как будто открылись шлюзы и колоссальная энергия долго сдерживаемой народной инициативы устремилась наверх, во власть, в виде конструктивной критики, предложений, поддержки, больших ожиданий. Я знаю, что и к нам в ЦК, в госорганы, в центральные газеты письма шли мешками, значительно оживилась партийная и комсомольская жизнь. Мы переживали тогда уникальный момент всенародной мобилизации во всех областях социальной и хозяйственной жизни, совершенствования методов политического управления. Это был воистину великий шанс!»

Кроме того, следует заметить, что в глазах Зюганова и других кадровых партийцев новый генсек имел серьезный кредит доверия, выданный ему самим Андроповым. Всевозможных домыслов вокруг этого феномена немало, но факт остается фактом: аппарату ЦК было хорошо известно, что Юрий Владимирович поддерживал ставропольского выдвиженца.

Тем горше воспринимался потом крах надежд, возрожденных Горбачевым, у которого, как выяснилось, осмысленного видения проекта реформ никогда не было. Зато такой проект имелся у Яковлева. Трудно сказать, кто при ком состоял: Яковлев при Горбачеве или наоборот. Во всяком случае, в воспоминаниях Александра Николаевича сквозят чувство безусловного превосходства над Михаилом Сергеевичем и пренебрежительно-снисходительное отношение к нему. Особенно ярко это проявилось в одном из интервью Яковлева еженедельнику «Аргументы и факты»[10]:

«У него была… слабость, и я пишу об этом в своих мемуарах, хотя Горбачев, наверное, обидится. Слабость вот какая: он постоянно делал какие-то „открытия“ и делился со мной. Любил звонить по ночам. Знал, что я тоже „сова“, и мог звонить в два, полтретьего ночи. И начинал: „Я знаю, что ты не спишь. Слушай, у меня возникла вот такая мысль…“ А я слушаю и думаю: как его отговорить от этой мысли? Потому что мысль „школьная“,

вычитана из брошюр Высшей партийной школы… Приходилось лукавить: да, интересно, конечно, но…

Утром на Политбюро он опять начинает: мол, сегодня ночью мне пришла в голову мысль… Начинает ее развивать, причем с какими-то добавлениями после ночного разговора. Все, конечно, слушают с умным видом, поддакивают: мол, все замечательно, чуть ли не гениально. И вот эта его почти детская наивность просто убивала. Он искренне верил, что сделал открытие, потому что раньше он этого действительно не знал!»

Предваряет этот рассказ-характеристику весьма красноречивый вопрос корреспондента еженедельника, обращенный к Яковлеву: «Мы долгое время воспринимали вас не просто как небожителя из Политбюро, а как какого-то Дон Кихота, который внедрился в сердцевину этой жуткой системы и сражается с ней изнутри. Истинный руководитель перестройки, истинный реформатор — это были только вы. Фактически при вашем участии к власти пришел Горбачев… Как все произошло на самом деле?»

Само собой разумеется, что все сомнительные комплименты журналиста в свой адрес Яковлев воспринимает как должное. Читателю не надо разъяснять, как называется человек, который *внедряется* в какую-либо систему, чтобы разрушить ее. Только при чем тут Дон Кихот — этот романтический символ благородства? Яковлев *внедрялся* и действовал исподтишка. Один из публицистов обратил внимание, что его любимый полемический образ — тараканы, бегающие по горячей сковороде: чем сильнее сковорода нагревается, тем быстрее тараканы по ней бегают. Пожалуй, облику этого человека, добровольно избравшего роль серого кардинала при правительстве национальной измены, все же больше подходят раскаленная сковорода и иные нехитрые орудия инквизиции, нежели рыцарские доспехи.

Не будем воспроизводить описанные в этом же интервью детали пошлой закулисной истории, в которой Александр Николаевич выступил сводником и обеспечил бартерную сделку между Горбачевым и Громыко. В результате, естественно, он и сам внакладе не остался: получил сначала должность заведующего отделом пропаганды Центрального Комитета, а затем был избран секретарем и членом Политбюро ЦК.

Прорвавшись к верхушке власти, новоиспеченный идеолог партии произнес, как водится, традиционную «тронную» речь — необходимо было обнародовать и обосновать свое видение проблем. Зюганову, как и многим другим идеологическим работникам, присутствовавшим в апреле 1987 года в

Центральном экономико-математическом институте АН СССР, хорошо запомнились его слова о том, что Октябрь и революция — это наши вечные святыни, на страже которых стоят партийная честь, совесть и порядочность везде и во всем. Хорошо было сказано, с душой! Кто бы мог предположить в эти минуты, что человек, стоящий на трибуне, совсем скоро будет с пеной у рта порочить все то, чему прилюдно поклонялся? Что его высказывания о советском строе и образе жизни советского народа, КПСС и ее вождях по своей ненависти будут конкурировать с геббельсовской пропагандой, а по изощренности — превзойдут ее. Что крупный парт-чиновник, зорко оберегавший коммунистическую идеологию от вражеских нападок и изобличавший в своих публикациях[11] злобное коварство идеологических диверсий американского империализма против СССР, социалистического содружества и всего прогрессивного человечества, будет публично заявлять, что всю свою жизнь ненавидел коммунизм и мечтал о его свержении.

Как известно, похожие заявления сделает и Горбачев. Выступая в 1999 году в университете Анкары, он заявил: «Целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма, невыносимой диктатуры над людьми.

Меня полностью поддержала моя жена, которая поняла необходимость этого даже раньше, чем я. Именно для достижения этой цели я использовал свое положение в партии и стране. Именно поэтому моя жена все время подталкивала меня к тому, чтобы я последовательно занимал все более и более высокое положение в стране.

Когда же я лично познакомился с Западом, я понял, что я не могу отступить от поставленной цели. А для ее достижения я должен был заменить все руководство КПСС и СССР, а также руководство во всех социалистических странах. Моим идеалом в то время был путь социал-демократических стран. Плановая экономика не позволяла реализовать потенциал, которым обладали народы социалистического лагеря. Только переход на рыночную экономику мог дать возможность нашим странам динамично развиваться.

Мне удалось найти сподвижников в реализации этих целей. Среди них особое место занимают А. Н. Яковлев и Э. А. Шеварднадзе, заслуги которых в нашем общем деле просто неоценимы…»

Однако если оба этих деятеля действительно вынашивали такие намерения с молодых лет, получается, что они, присосавшись к партии, на самом деле были оборотнями. Геннадий Андреевич считает, что на такое способны только те,

кого жизнь чем-то обидела и озлобила. Но нести в себе такую озлобленность могут только ущербные личности, лишенные патриотических чувств, не познавшие любви к Родине, к своему краю, к людям, среди которых выросли. Видно, родившись на земле, они не смогли в ней укорениться, а формировавшая их среда не давала здоровой подпитки. Ведь тот же Яковлев, покрутившись немного в Ярославском пединституте, прямиком попал на руководящую партийную работу — в обком КПСС, минуя ее основные, первичные и районные, звенья. Каким-то образом умудрился перескочить эти важнейшие ступени и Горбачев, которого по окончании университета не бог весть за какие заслуги сразу же взяли в крайком комсомола на должность заместителя заведующего отделом пропаганды. Оба оказались в начальствующем слое, не получив должной закалки, необходимого опыта работы в низовых коллективах, там, где жизнь выглядит несколько иначе, а ценные указания сверху оказываются не всегда мудрыми и судьбоносными. В таких пустотах, которые образуются в людях после резкого вознесения во власть, чаще всего и возникают опасные изломы. Одному из сотрудников ЦК КПСС принадлежит меткая характеристика того довольно распространенного социального типа, к которому он относил Горбачева и Яковлева: «Пригородные люди». От села они оторвались, а до города в течение всей своей жизни так и не доехали, застряли где-то посередине.

Неудивительно поэтому, что, встретившись и почувствовав духовное родство, они без труда признали и обрели друг друга. Роли в этой паре распределились по принципу «Кто на что учился»: Горбачеву, поднаторевшему в дворцовых интригах, судьба уготовила роль коварного орудия для убийства слона. Яковлеву, прекрасно изучившему за десять лет пребывания в Канаде методы изощренных политических диверсий, предстояло этим орудием, то бишь иголкой, правильно воспользоваться.

Зюганов хорошо помнит, что еще в тот период, когда он учился в Академии общественных наук, специалисты по контрпропаганде обращали внимание идеологических работников на высокую вероятность использования западными спецслужбами новых средств ведения «холодной войны», прежде всего возможностей космического телевидения. Одно дело — вещание западных «радиоголосов» с их довольно узким полем воздействия на людей, и совершенно другое, когда населению будет доступен прием телевизионных сигналов из-за рубежа. Стали поговаривать о том, что этот способ телевещания в ближайшем будущем может стать настоящей «ядерной бомбой в идеологии», способной взорвать сложившуюся в обществе систему идейных,

нравственных и эстетических ценностей.

Но, как показало время, не о том беспокоились — проникнуть в глубокий тыл противника и развернуть там эффективные разрушительные действия можно было и без использования научно-технических достижений и передовых технологий. Как известно, у нас еще в хрущевские времена попытались предать забвению точную и емкую сталинскую формулу: «Кадры решают все» — посчитали после XX съезда КПСС, что противоречит она принципам социалистической демократии. Понося Сталина, Яковлев взял его указание на вооружение и вполне разумно рассудил: для того чтобы подчинить себе грозную силу, которой обладают телевидение и печатные средства массовой информации, достаточно обеспечить нужными людьми руководящие звенья СМИ и соответствующим образом укомплектовать творческие коллективы редакций.

Недостатка в таких людях не было. Будучи опытным пропагандистом, Яковлев прекрасно изучил психологию, слабости и пороки человеческой натуры. Ему было хорошо известно, что на журналистской ниве произрастают не только таланты: представителям творческих профессий чаще, чем кому-либо, свойственны обостренное самолюбие, гипертрофированное чувство собственной значимости, ощущение исключительной важности дела, которым они занимаются.

Вы считаете, что вы талантливы и умны, но ваш творческий гений подавляется диктаторским режимом, страдает от всевидящего ока цензора, находится в оковах условностей и предрассудков? Мы дадим вам неограниченную свободу слова, право писать и говорить о чем хотите — у нас нет запретных тем.

Вы говорите, что устали исполнять роль винтиков командно-административной системы? Мы сделаем вас неподвластными любой системе, ибо вы сами будете властью. Хоть и «четвертой», но зато с реальными рычагами управления.

Расчет Яковлева был прост: не легко преодолеть искушение оказаться на высоком пьедестале, который предназначался прессе в новом, реформированном обществе. Однако властью и свободой одаривались далеко не все издания. Вспомним хотя бы о тех событиях, которые развернулись весной 1988 года после публикации в «Советской России» письма Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами». Накануне в центральной печати было опубликовано несколько рецензий на пьесу Михаила Шатрова «Так победим!», и преподаватель из Ленинграда высказала свое мнение, посчитав, что в творчестве этого драматурга искажается история социализма с ее знаковыми фигурами. Затронула она и другие вопросы, связанные с

фальсификацией прошлого, проблемы перестройки. Позиция Андреевой была не бесспорной, и ее письмо редакция поместила под рубрикой «Полемика». Как оказалось, даже на публикацию полемических материалов надо было иметь соответствующее соизволение. А поскольку его не оказалось, своевольный поступок «Советской России» в течение целых двух дней обсуждался на специальном заседании Политбюро. На отзывы, поступившие в газету, был наложен арест — из редакции изъяли несколько тысяч писем. По ним определили, что большинство людей, поделившихся своими соображениями, Нину Андрееву в целом поддержали (известна и статистика: таких было примерно 60 процентов). И развернули широкомасштабную травлю тех, кто не утратил верность своим убеждениям и принципам, людей честных, думающих и авторитетных. В стране открылась «охота на ведьм»: на неугодных коммунистов и руководителей повсеместно стали навешивать ярлыки «сторонников Нины Андреевой», «противников перестройки», «консерваторов».

Все это сопровождалось декларированием самых светлых идей и высоких целей. Сигналом к началу этой вакханалии послужила подготовленная Яковлевым редакционная статья газеты «Правда» от 5 апреля 1988 года, в которой отмечалось, что главная задача, которая стоит перед обществом, — «как нам быстрее возродить ленинскую сущность социализма». Продолжая, таким образом, давать публичные клятвы верности коммунистическим идеалам, главный идеолог КПСС через свои марионеточные издания исподволь наращивал массированную пропаганду, направленную на подрыв коренных устоев социалистического общества. Все, кто подрядился на эту работу, прекрасно понимали, что провозглашенная свобода прессы целиком и полностью находится в руках их главного работодателя и заказчика из Политбюро, который попутно возложил на себя обязанности и дирижера информационного потока, и его цензора. Под его непосредственным руководством «Огонек» Виталия Коротича и «Московские новости» Егора Яковлева «заряжали» одну «кассету» за другой. Им тут же вторили другие «перестроечные» издания, размножая сочинения на заданные темы миллионными тиражами. Начали с «очищения» ленинизма, затем перешли к Сталину…

Как историк и философ, Зюганов убежден, что все эти сценарии были тщательно продуманы и подготовлены заранее, задолго до того, как январский пленум ЦК КПСС 1987 года провозгласил курс на политические реформы, объявив гласность основой их успешного проведения. Они представляли собой хорошо скоординированные, сменявшие друг друга в логической

последовательности этапы психологической войны, развернутой против населения страны. Многие, например, считают, что Яковлев занялся гробокопательством, вознамерился уничтожить и испепелить даже саму память о Сталине, руководствуясь исключительно личными, неведомыми нам мотивами, возбудившими у него патологическую ненависть к этому великому человеку. С точки зрения Геннадия Андреевича, который совершенно не склонен демонизировать Яковлева и выискивать в нем признаки неординарности, подобные суждения слишком упрощают суть проблемы. Можно, конечно, допустить, что Яковлев всерьез был одержим навязчивой идеей свалить Сталина с постамента истории и, таким образом, добавить себе Геростратовой славы. Но, по мнению Зюганова, нельзя обходить стороной главную, более глубокую причину очередной попытки укоренить в обществе антисталинские настроения.

Все дело в том, что в эпохе Сталина до сих пор сокрыт узел, связывающий все основные нити советской истории, а образ самого вождя таит в себе ключ к пониманию многих сложных процессов, определивших судьбу нашей Родины на долгие годы вперед. Попытка стереть этот образ из исторической памяти народа означает не что иное, как стремление лишить народ возможности непредвзятого прочтения главных страниц своего прошлого — как известных, так и тех, которые еще предстоит познать. На пути яковлевских пропагандистов Сталин возвышался глыбой, преграждавшей безнаказанный разгул по нашей истории, с осквернением святынь и глумлением над отеческими гробами. И только посчитав, что дело сделано — путь расчищен, они двинулись дальше, обгладывая, подобно голодной саранче, все, что продолжало плодоносить и питать нас из глубины времен. Вновь вернулись к Ленину, но уже не ради «очищения идей», а для того, чтобы объявить пролетарского вождя «немецким шпионом» с темной родословной, умудрившимся с кучкой авантюристов совершить кровавый переворот и ввергнуть страну в пучину насилия и беззакония. После этого уже не составляло особого труда представить всю последующую историю государства как сплошную цепь просчетов, поражений и сознательных преступлений коммунистов против собственного народа.

Широко известно крылатое выражение Александра Зиновьева: «Целились в коммунизм — попали в Россию». Зюганов, у которого с философом после его возвращения на родину сложились добрые отношения, как-то ему возразил: «С самого начала в Россию целились, только вот коммунизм мишень загораживал». И обратил внимание на ту русофобию, которой

была пропитана вся яковлевская пресса. Разрушители державы понимали то, что, к сожалению, слишком медленно доходило до ее защитников: русский патриотизм, русское национальное самосознание является главным противником антисоветских и антикоммунистических сил. Русский народ испокон веков выполнял историческую роль собирателя российских земель и был цементирующей основой единой многонациональной страны. Отношением к нему других народов России и союзных республик определялась прочность Советского Союза. Для того чтобы приступить к его развалу, надо было вбить кол в эти отношения, посеять недоверие и национальную неприязнь. В ходу было несколько хорошо отрепетированных тезисов. День и ночь твердилось о том, что у русского народа покорная и рабская психология, поэтому он как должное воспринимает гнет тоталитарного государства. Что русский народ не по заслугам возомнил себя «старшим братом», пренебрежительно относится к людям других национальностей и беззастенчиво эксплуатирует их через централизованную систему управления экономикой. Что русские ленивы, сами не стремятся к лучшей жизни, вполне довольствуясь водкой и удобствами во дворе, и другим ее не дают познать. Над обманутым и разоренным народом продолжали издеваться и позднее: не надо было выжидать на печи, когда другие делом занимались! И снисходительно советовали поспешить за ваучерами, чтобы не упустить хотя бы свои законные «две „Волги“», не терять время и зарабатывать деньги с теми, кто это умеет делать, — с МММ, «Чарой», «Селенгой», «Властелиной».

Геннадий Андреевич не раз задавался вопросом: почему же откровенная и наглая ложь находила своих адресатов, достигала поставленных целей? Первый ответ лежал на поверхности — Яковлев попросту сумел воспользоваться достижениями советского строя, всем лучшим, что было в его информационной системе: люди привыкли к тому, что газеты, журналы, радио и телевидение давали правдивые материалы, и верили им. Поэтому переход к информационной политике лжи и клеветы долгое время оставался незамеченным — «Не будут же газеты врать!».

К тому же у информации, которая преподносилась «демократами» как плод эпохи гласности, была одна внешне привлекательная сторона — ее кажущаяся смелость, за которую выдавалась обычная наглость, исходившая от сознания полной безнаказанности. Что же эта смелость представляла собой на самом деле? Показательно откровение одного из журналистов газеты «Комсомольская правда». Как он признавался, после опубликования письма Нины Андреевой ему и его коллегам

показалось, что ее мнение подкреплено официальной точкой зрения. Поэтому все они в течение трех недель (до выступления «Правды», которая Андрееву осудила) «ждали, пока решится что-то там, наверху»[12]. Наверху, как известно, одержала победу группировка Горбачева — Яковлева. «Три недели испуга», как журналисты сами охарактеризовали свое состояние, закончились. Можно было *смело* продолжать начатое.

«Демократические» СМИ ловко спекулировали на ожиданиях людей, искренне желавших перемен в экономике и социальной сфере, уставших от усиливавшейся неразберихи на производстве, нараставшего дефицита и очередей. Внушая обществу, что путь к лучшей жизни начинается с гласности и демократии, немыслим без обретения «подлинной» свободы, суть ожидающих народ истинных перемен, затрагивавших его коренные интересы, они до поры до времени замалчивали.

Сказались и четыре десятилетия «холодной войны», которую Запад терпеливо и настойчиво вел против Советского Союза: семена падали на подготовленную почву — взрыхленную диссидентами и удобренную доморощенными либералами. Оставим в стороне многочисленные суждения о том, что всплеск либерализма в России служит недоброй приметой грядущего наступления мрачных времен, катализатором непредвиденного развития событий с непредсказуемыми последствиями — при желании во всем можно усмотреть закономерности или тенденции. Но в любом случае не вызывает сомнений, что либерально-демократические идеи периода перестройки были далеко не высшей пробы. Особенно удручающее впечатление производило раболепное преклонение значительной части либеральной интеллигенции перед Западом. Нашлась и подобающая полученному воспитанию интеллигентно-стеснительная формула отречения от России, которую в этих кругах стали именовать не иначе как *«эта* страна». Существует мнение, что либеральная «западническая» традиция имеет полуторавековую историю. Но любые исторические параллели условны, а иногда и вводят в заблуждение. В данном случае надо иметь в виду, что грезящие устройством жизни по западному образу и подобию в эпоху Горбачева — Ельцина не имели ничего общего с теми западниками, которые представляли *просвещенное* общественное течение XIX века и которых объединяло тогда духовное родство со славянофилами. Как подчеркивал Николай Бердяев, и те и другие *любили Россию,* славянофилы — как мать, западники — как дитя, и у них, по словам Александра Герцена, словно у двуликого Януса, «сердце билось одно». Прозападнические устремления интеллигенции восьмидесятых —

девяностых годов сквозили *пренебрежением* к своей стране, отрицанием состоятельности России, ее прошлого и будущего. Как считает Зюганов, подобным людям давно дал очень точную и исчерпывающую характеристику великий русский поэт Федор Тютчев:

Напрасный труд — нет, их не вразумишь, —
Чем либеральней, тем они пошлее,
Цивилизация — для них фетиш,
Но недоступна им ее идея.
Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещенья, а холопы.

Окончательный приговор истории либерально-демократическая интеллигенция подписала себе в октябре 1993 года, когда более сорока ее видных представителей, главным образом литераторы, поставили подписи под позорным призывом к Ельцину — «Раздавите гадину». Под «гадиной» подразумевался осажденный Верховный Совет, вокруг которого уже лилась кровь. Стоило либералам перейти к делу — их утонченность и застенчивость как рукой сняло: «Хватит говорить, пора научиться действовать, эти тупые негодяи уважают только силу». «Тупые» — это, естественно, не только те, кто забаррикадировался в стенах парламента. Это и десятки тысяч простых людей — обманутых, обворованных и отчаявшихся, чье возмущение в те трагические дни стихийно выплеснулось на улицы. Они же — фашисты. Они же — красно-коричневые оборотни.

У российского «свободомыслия» обнаружился оскал, который ни у кого не оставлял иллюзий — если что, пощады не ждите. Были среди подписантов и те, кого «демократы» на каждом перекрестке называли «совестью нации». Свободу для своей «совести» нация оплатила и продолжает оплачивать дорогой ценой: нищетой, лишением элементарных прав — на жилье, труд, достойные человека зарплату и пенсии, — беспризорными детьми, утратой социальной перспективы в обозримом будущем.

…И все же не будем преувеличивать те способности и возможности, которыми обладала «пятая колонна» разномастных перевертышей, объединенных под водительством «архитекторов» перестройки. Зюганов убежден: ее можно было остановить еще в начале марша, если бы здоровые силы партии смогли дать своевременный идейный отпор разрушительной пропаганде, вовремя консолидироваться и организоваться. Но слишком долго

коммунисты разбирались в хитросплетениях накинутой на партию и страну демагогической паутины. Слишком медленно прозревали. По мнению Геннадия Андреевича, все важнейшие шаги, такие, например, как создание Компартии РСФСР или выступление видных представителей общественности с обращением «Слово к народу», предпринимались с опозданием как минимум на год.

Сказались пробелы в теоретической подготовке партийных кадров, в результате чего многие работники ЦК и местных руководящих органов КПСС долгое время воспринимали политические лозунги перестройки, значительная часть которых носила невнятный характер и преследовала сомнительные цели, как безусловное руководство к действию. Им и в голову не приходило, что демократия и гласность, дефицит которых давно ощущался в партии и подрывал ее авторитет, — это всего лишь ширма, за которой дельцы от политики готовятся окончательно покончить с народовластием. Неслучайно Яковлев при поддержке Горбачева заблаговременно ликвидировал службу контрпропаганды идеологического отдела ЦК КПСС, укомплектованную специалистами высочайшей квалификации, которые были в состоянии разобраться, каким образом воспринятые партией и всем обществом идеи перестройки трансформируются в свою противоположность, способствуя углублению и разрастанию экономического кризиса, обостряя социальную напряженность, порождая хаос и неразбериху.

К сожалению, на протяжении долгих лет в КПСС не особенно жаловали историческую науку — вспомним хотя бы то недоумение, с которым относились в ЦК к увлечению Зюганова историей. За три десятилетия, прошедшие после XX съезда КПСС, партия так и не сумела должным образом разобраться со своим отношением к сталинской эпохе. Вместо того чтобы всесторонне и критически переосмыслить ее, выявить и взять на вооружение накопленный в те годы уникальный опыт созидательной работы, извлечь должные уроки из трагических ошибок, ценнейшее историческое наследие по сути дела сдали в архив. В результате даже среди партийного актива наблюдался разброд мнений, существовали полярные, взаимоисключающие точки зрения на место и роль Сталина в советской и мировой истории. Эти разногласия были только на руку команде яковлевских идеологов, которые без помех запускали в оборот потрясающие воображение «сенсационные» материалы и документы, тенденциозно истолковывали важнейшие исторические события, беззастенчиво манипулировали цифрами и фактами. Обывателя «глушили» подробностями «сговора» между Сталиным и

Гитлером, немыслимыми масштабами политических репрессий и численностью жертв. В унисон с западными советологами утверждалось, что в результате репрессий, коллективизации и голода погибло 50–60 миллионов человек. Никто не затруднял себя тем, чтобы сопоставить эти надуманные цифры хотя бы только с одним неопровержимым историческим фактом: начиная с середины двадцатых годов темпы прироста населения в Советском Союзе составляли более одного процента, что превышало показатели таких развитых стран, как Англия и Франция. В 1926 году в СССР было 147 миллионов жителей, в 1937 году — 162 миллиона, а в 1939 году — 170,5 миллиона.

Все было подчинено одной задаче: подвести общественное сознание к мысли, что «преступное» государство нельзя реформировать — его можно только уничтожить. Когда в начале девяностых годов в печати стали появляться результаты объективных исследований историка Виктора Земскова[13], получившего в 1989 году доступ к секретным архивам МВД — МГБ и О ГПУ — НКВД и опровергшего подавляющее большинство нелепых домыслов, они уже мало кого интересовали — дело было сделано. Научные труды Земскова несколько охладили пыл адептов «холодной войны» на Западе, но доморощенные поборники «свободного» государства продолжают их игнорировать и поныне, подменяя здравый смысл распаленным воображением.

В историческом образовании руководящих работников партии были и другие серьезные пробелы, возникшие вследствие чрезмерной политизации отечественной исторической науки. Многие из них, полагая, что с Октября 1917 года начался новый отсчет времени, не воспринимали историю своей страны как *продолжение* единого и непрерывного процесса, не видели и не ощущали живой связи советской эпохи с тем путем, по которому шла Россия из глубины веков, обретая цель и смысл своего существования. Поэтому им трудно было своевременно разглядеть принципиальную антигосударственную направленность того удара, который был нанесен по национальному сознанию, патриотическим традициям русского народа. Ничем другим нельзя объяснить то обстоятельство, что здоровые силы партии поначалу настороженно и недоверчиво относились к многочисленным предупреждениям о последствиях воинствующей русофобии. Первой, как известно, забила тревогу патриотически настроенная интеллигенция, которая раньше других если не осознала, то почувствовала, что горбачевские реформы чреваты угрозой для всего общества. А ведь угроза эта едва угадывалась, когда крупнейший русский писатель Юрий

Бондарев в своем выступлении на XIX Всесоюзной партконференции, состоявшейся летом 1988 года, сравнил перестройку с самолетом, который подняли в воздух, не зная, есть ли в пункте назначения посадочная полоса.

Коммунисты упустили важный, возможно исторический, шанс — переступить через идейные и прочие разногласия, объединить вокруг себя всех патриотов России, независимо от их политических убеждений, чтобы единым народным фронтом противостоять армии ее клеветников и ненавистников. Такой шаг в конце концов был сделан, однако преодоление отчуждения произошло лишь тогда, когда страна уже пересекла роковую черту распада. Совместное «Слово к народу», опубликованное в июле 1991 года, содержит и горькое признание: «Поздно мы просыпаемся, поздно замечаем беду, когда дом наш уже горит с четырех углов, когда тушить его приходится не водой, а своими слезами и кровью».

Нельзя не согласиться с Зюгановым, считающим, что та изоляция, в которой оказалось здоровое ядро партии в критический период перестройки, явилась следствием не только предательства в руководстве КПСС. Сыграли свою роль предубеждения, порожденные формально-догматическим подходом к общественно-политическим явлениям, с которыми коммунисты ранее не сталкивались. Взять хотя бы те же национальные отношения, обострение которых сознательно провоцировалось Яковлевым и его подручными. Воинствующий национализм использовался ими в качестве главного средства разрушения Советского Союза и прогрессирующего распада России. При этом с самого начала выявилась двойственность в тактике провокаторов. Возрастание национального самосознания любого народа — от армян и украинцев до чукчей и чеченцев — рассматривалось и всемерно поддерживалось как явление позитивное. Подобные же процессы среди русского населения считались реакционными и недопустимыми.

Когда Геннадий Андреевич пытался внушить своим коллегам, что во главе угла межнациональных противоречий давно уже стоит *русский вопрос,* на него поначалу смотрели как на заблудшего ученика, ненароком попавшего в сети еретиков. Дело было не только в том, что за одну постановку этого вопроса можно было получить ярлык «националиста» или «шовиниста», а то и «фашиста». Люди находились в плену представлений, навязанных им безнадежно отставшей от времени национальной политикой КПСС, которая с двадцатых — тридцатых годов не пересматривалась и не корректировалась.

Наиболее подробно эту проблему Зюганов проанализировал

позднее в своей книге «Постижение России»[14]. В ней он напоминает, что суть национальной политики советской власти первых послереволюционных лет состояла в ликвидации фактического национального неравенства. Формулируя принципы объединения советских республик в единый Союз, Ленин подчеркивал, что необходимо обеспечить не только формальное равенство наций. «Нужно, — писал он, — возместить так или иначе своим обращением или своими уступками по отношению к инородцу то недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом прошлом нанесены ему правительством „великодержавной“ нации». Необходимо неравенство, которое возмещало бы «то неравенство, которое складывается в жизни фактически».

Из этого видно, что национальный вопрос отождествлялся с проблемами *нерусского* населения, национальных *меньшинств,* что в общем и целом соответствовало реальному положению вещей. В основе разрешения этой проблемы лежала система уступок со стороны русских и преимуществ для нерусских. Они заключались, во-первых, во всесторонней помощи национальным окраинам за счет человеческого, материального и культурного потенциала Центральной России. Во-вторых, единое государство формировалось по федеративному принципу, с признанием полного равноправия с Россией новых республик. Если вспомнить, что до революции Ленин, признавая право наций на самоопределение вплоть до отделения, тем не менее неоднократно и определенно высказывался против федеративного устройства будущего социалистического государства, то станет ясно: такая политика обусловливалась совершенно конкретными условиями места и времени. И она приносила успех, пока соответствовала объективным задачам, пока обстоятельства не изменились. Бездумное ее продолжение и после того, как фактическое неравенство было в основном преодолено, губительно сказалось сначала на судьбе Советского Союза, а затем и самой России. В итоге русский народ сам оказался в униженном положении в своей собственной стране.

К разрешению подобных вопросов, обнаживших всю свою остроту в период перестройки, партия подошла теоретически не подготовленной. Те, кто был действительно озабочен судьбой страны, преодолевали политический «ликбез» самостоятельно.

Пока разбирались что к чему, время было упущено. В стране развернулся повсеместный погром партийных кадров, началось уничтожение и без того истонченного за годы перестройки последнего слоя опытных хозяйственников — «красных директоров», препятствовавших окончательному разрушению и

разграблению промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Сигналом к полному устранению от дел людей, «тормозивших» перестройку, послужил призыв Горбачева: «Давите их снизу, а мы будем давить их сверху!»

Глава пятая
ВЫБОР

В то смутное время часто возвращалось к Зюганову одно воспоминание о детстве. Тогда в каждом деревенском доме жила неостывшая память о войне, поэтому, когда «крутили» военные фильмы, в битком набитом сельском клубе всегда стояла полная тишина, даже мальчишки не переговаривались и не перебегали с места на место. Однажды потряс его эпизод из одного такого фильма: четверо эсэсовцев ведут на расстрел большую колонну пленных красноармейцев. Никак он не мог понять, почему они шли по пыльной дороге опустив головы, понурые и покорные. Ведь если бы бросились врассыпную, то многие наверняка бы спаслись — в охране было всего четыре автоматчика. Но как он ни заклинал людей на экране: «Ну, бегите же! Ну…» — никто его не услышал…

Откуда и почему возникает в людях, даже сильных и мужественных, эта покорность судьбе, словно кто-то выключает у них тот важнейший человеческий механизм, который мы называем волей, Геннадий Андреевич объяснить не берется. Но то, что в жизни такое случается часто, он не сомневается. Хотя бы потому, что сам наблюдал такое явление не раз. За примерами ходить далеко не надо — многие помнят те гонения на партийные кадры, которые начались еще при Горбачеве, на завершающем этапе перестройки. Зюганову пришлось наблюдать, как реагирует на этот разгул бесовщины аппарат ЦК КПСС. Большинство сотрудников к тому времени уже поняли суть происходящего, возмущались и не скрывали своих настроений. Но лишь только вставал вопрос о необходимости сопротивления политике Горбачева, конкретных действий, весь пар из котла куда-то улетучивался.

Характерный эпизод вспоминает Геннадий Андреевич в своей книге «Верность»: «Помню, собрались в 20-м подъезде одного из зданий на Старой площади некоторые первые секретари из регионов, как раз перед очередным пленумом… Обсуждали текущие события, положение в партии. Говорили остро, без всяких там недомолвок, и все единодушно сошлись на том, что если у них сейчас не хватит мужества на пленуме выразить недоверие Горбачеву, тот окончательно уничтожит страну и партию. Ушли. И, как потом выяснилось, сначала все дружно выступили с критикой и требовали его смещения, а в перерыве замельтешили горбачевские помощники, засуетились „шестерки“,

принялись собирать подписи в поддержку генсека. „Штучная“ обработка пошла, напирали на партийную дисциплину, шантажировали расколом партии. И все же около двадцати членов ЦК рискнули проголосовать против Горбачева».

Подобное Зюганов наблюдал и среди других местных партийцев — во время своих многочисленных командировок и выступлений на семинарах в Академии общественных наук, куда его часто приглашали как руководителя сектора отдела пропаганды и одного из ведущих специалистов по РСФСР. Разговоры там всегда велись открытые, так как Геннадий Андреевич своего критического отношения к происходящему не утаивал, оценивал ход перестройки жестко: «Большая ломка без проекта». Среди широкого партийного актива были хорошо известны и другие его слова: «Я за перестройку, но не за перестрелку!» О вероятности подобных последствий политического курса Горбачева Зюганов заговорил одним из первых. Но… из АОН слушатели разъезжались по домам, проходило время, а из регионов — ни слуху ни духу.

Не раз ему приходилось выступать и перед крупными хозяйственниками — руководителями министерств и ведомств, ведущих предприятий страны, общаться с ними на семинарах и совещаниях. И как убеждался, большинство из них проблемы развития страны также воспринимали адекватно, понимали, чем чреваты стихийный рынок, бездумная децентрализация экономики, выборность директоров, паразитирующие на государственных предприятиях кооперативы. Когда в 1989 году Геннадий Андреевич был назначен заместителем заведующего идеологическим отделом и по роду своих новых обязанностей стал чаще бывать на «верхних» этажах ЦК, убедился, что и там преобладали такие же, вполне разумные, настроения.

Из всего этого напрашивался вывод, что в широких партийных слоях, от руководящих эшелонов партии до ее низовых звеньев, к этому времени сложилось собственное видение реформ, отличное от того курса, который проектировался узкой группой лиц — «архитекторами» перестройки. Огромное количество авторитетных, влиятельных, опытных и умных людей всё видели, всё знали и всё прекрасно понимали. Казалось, не хватает лишь какого-то толчка, чтобы преодолеть инертность, начать действовать сообща и совместными усилиями отбросить наконец вредное и ненужное, оставить только то, что действительно будет способствовать здоровому обновлению партии, экономики, общества. Но вот этой внутренней мобилизованности, которую можно было противопоставить агрессивной, разрушительной стихии, в партии

не ощущалось.

Предшествующая эпоха сделала свое дело. Вялотекущие процессы внутрипартийной жизни конца семидесятых — начала восьмидесятых годов отразились на качественном составе партийных рядов и руководящих кадрах партии. Формирование новой партийной плеяды проходило в тягучее время, когда основные процессы в обществе развивались без резких колебаний, скорее в силу инерции, все противоречия сглаживались, а острые проблемы, которые ставила жизнь, предпочитали обойти стороной. В этих условиях притуплялось восприятие нового, ощущение переднего края, на котором привыкли находиться партийцы предшествующих поколений, терялось умение принимать решения и действовать в неординарных и экстремальных ситуациях. Когда же пришла пора ответить на вызовы времени, партия пребывала в растерянности. Экстенсивный рост КПСС привел к тому, что в нее затесалось много случайных людей, для которых партийный билет был всего лишь пропуском к руководящим должностям, средством достижения личных целей. Размывались присущие КПСС нравственные императивы, позволявшие говорить о ней как о действительно передовой части общества, способной вести за собой широкие массы. По тем, кто засорял партию, судили об остальных. А в результате КПСС стремительно теряла опору в широких слоях населения, дезориентированного антикоммунистической пропагандой.

Тем временем горбачевская группировка, не встречая серьезного сопротивления и распаляемая оглушительным сопровождением «перестроечной» прессы, продолжала гнуть прежнюю линию. Пожалуй, впервые команда Горбачева ощутила реальное противодействие лишь в июле 1990 года на XXVIII съезде КПСС, когда делегаты потребовали персональных отчетов от членов Политбюро, чтобы определить меру ответственности каждого за ситуацию, сложившуюся в стране и партии. Звучали и открытые призывы сместить генсека. Но Горбачев сумел-таки выйти из-под удара, «переведя стрелки» на наиболее одиозные фигуры из числа своих сподвижников, и отделался легким испугом: тогда, по результатам прямого голосования, против его нового избрания генеральным секретарем высказалось около четверти делегатов. Спасло его и то, что он успел подготовить «запасный аэродром»: «продавив» Закон об изменениях в Конституции, он сумел весной 1990 года на Съезде народных депутатов добиться избрания президентом СССР. Многих делегатов партийного съезда удержала от решительного голосования против Горбачева реальная перспектива

окончательного краха централизованной власти и надежда, что генсек еще образумится. По их мнению, президентская власть, при всем критическом к ней отношении, оставалась единственной гарантией предотвращения дальнейшего сползания общества в бездну катастрофы. Ограничились основательной перетряской Политбюро, но, как вскоре выяснилось, это мало на что повлияло — раскрученный антикоммунистический маховик давно вращался на полных оборотах. В дни работы съезда прошла 24-часовая забастовка на шахтах Донбасса. Шахтеры потребовали ликвидации парткомов на предприятиях и национализации имущества КПСС — сыграли свою роль нелепые легенды о «золоте партии», ее несметных богатствах.

На съезде неожиданно «прозрел» Ельцин: демонстративно выложил свой партбилет на стол президиума и предложил партии «самораспуститься». С одной стороны, это означало, что антисоветские силы перестали маскироваться и перешли к открытой борьбе против КПСС и социализма. В то же время этим артистичным жестом сопровождался выход на сцену нового исполнителя главной роли в драме, очередной акт которой предусматривал превращение народа из зрителя в активного участника событий. Шахтеров, как известно, вывели на первые массовки еще в 1989 году, и Ельцин сразу же пришелся им по душе: мужик крепкий, способен хорошо «на грудь принять», правду-матку в глаза режет и готов за них на рельсы лечь. Актер Ельцин отличался от актера Горбачева. Михаил Сергеевич предпочитал экспромты и, вдохновляясь до самозабвения вниманием зрителей, воодушевленно импровизировал по ходу действия. Каждый выход на публику Бориса Николаевича скрупулезно, до мельчайших деталей, продумывался.

В свое время, когда Ельцин только что возглавил МГК КПСС, довелось Зюганову участвовать в подготовке его первой значимой встречи с партийным активом и общественностью столицы. В Доме политического просвещения на Трубной площади собралось тогда свыше двух тысяч человек: руководители парторганизаций, директора предприятий, ученые, представители творческой интеллигенции, учителя, врачи, военные. После небольшого выступления Ельцин перешел к ответам на вопросы. Когда дошло дело до столичной торговой мафии, он с гордостью заявил, что от московской торговли никак не зависит: костюм покупал в Свердловске, и ботинки за девятнадцать рублей тоже оттуда. При этом потопал по полу ногами, демонстрируя простоту своей обувки, и поклялся, что не успокоится, пока всю грязь не вычерпает. Только вот с реквизитом случился «прокол»: на ногах боевого руководителя Москвы красовалась «саламандра». Надо

было видеть, с какой яростью, не стесняясь посторонних, он потом распекал за эту оплошность своего помощника.

Фальшь в его выступлениях и поведении сквозила постоянно. Хорошо помнит Зюганов встречу столичной общественности с кандидатами в народные депутаты РСФСР по 1-му национально-территориальному округу, которая прошла в Колонном зале в феврале 1989 года. Среди других соперников Ельцина, возглавлявшего тогда Госстрой, были директор ЗИЛа Евгений Браков и космонавт Георгий Гречко. О выборных технологиях в то время еще и не слышали, поэтому Геннадий Андреевич, который присутствовал в качестве официального представителя ЦК КПСС, поражался, насколько слаженными были все действия команды Ельцина. Реплики с мест, «захлопывание» неугодных ораторов, недовольный топот и свист — всё словно по команде и во всем — открытая агрессивность, направленная на моральное подавление оппонентов. Но не все поддались психическому натиску. В разгар этой вакханалии взял слово обыкновенный рабочий. Дали ему две минуты, в течение которых он успел сказать, что пришел с намерением поддержать Ельцина — ведь надо кому-то поднимать страну. А здесь посмотрел на то, что происходит в зале, и ему жутко стало, словно Троцкого живьем увидел. И указал рукой на Ельцина: «Вот он, новый Троцкий сидит!»

Этот случай подтвердил выводы Зюганова, к которым он пришел в результате и других многочисленных наблюдений: несмотря на массовую промывку мозгов, люди не утратили здравого смысла и в глубине души сознавали истинную цену выходящим на арену новым «вождям». Обманывались в основном те, кто хотел обманываться. Вряд ли те же шахтеры действительно уверовали в то, что их эксплуатируют коммунисты, что стоит только приватизировать шахты и начать *самим* продавать уголь за доллары, как сразу же придут в их дома достаток и благополучие. До сих пор перед глазами Геннадия Андреевича стоит Красная площадь, заполненная людьми с шахтерскими касками, которых на излете горбачевской эпохи возили в Москву эшелонами. Кругом лозунги «Даешь Ельцина!», «Привет Гайдару!». Походил между ними, послушал, о чем говорят. Чувствовал: не время и не место для дискуссий, бесполезно здесь кого-то вразумлять — слишком тяжелая, враждебная атмосфера нависла над площадью. Но не удержался: «Мужики, вас же втемную используют. Выбросят потом — всего лишитесь!» Что тут началось, чего только не пришлось выслушать! Но в потоке ругани и проклятий не было и намека на ту устрашающую силу, которая обычно исходит от людей сплоченных и сознающих собственное достоинство, —

прорывались наружу лишь отчаяние и безысходность.

Позднее, в 1993 году, был в Кузбассе. Многие шахтеры тогда объявили бессрочную голодовку, лежали в шахтах. Люди лишались источников существования. По всей Сибири закрывались угольные производства, замирали целые поселки и города. В начале 1994 года, в период самых лютых холодов, посетил замерзающую Воркуту. Встречался с теми коллективами, которые активно участвовали в антисоветских забастовках, помогли прорваться во власть Ельцину. Народ гордый. Вслух о своих ошибках не упоминали, но в потухших взглядах, в поникших плечах угадывалось отчаяние: «Что мы наделали!» Тягостные ощущения.

Как известно, в 1998 году по стране вновь прокатилась волна шахтерских забастовок. На этот раз шахтеры обратились к Ельцину с призывом добровольно оставить пост президента: «Мы призываем Вас, Борис Николаевич, проявить гражданское мужество и уйти в отставку. В противном случае Вы вынудите нас начать более решительную борьбу против уничтожения угольной отрасли, разворовывания национального богатства, разорения народа и разрушения России». Можно ли говорить о том, что после нескольких лет несчастий и лишений у людей наступило прозрение? Вряд ли. Разве на Ельцине, в котором они разочаровались, свет клином сошелся? Ушел он, и ничего не изменилось. Так никто и не позволил шахтерам Кузбасса торговать своей продукцией «на доллары» — делают это за них такие люди, как российский миллиардер Александр Абрамов, чье состояние в 2006 году, по оценкам экспертов журнала «Forbes», составило 4,9 миллиарда долларов. Вполне приличное достижение, если учесть, что за девяностые годы добыча угля в Кузбассе снизилась на 60 процентов (по России в целом — на 30 процентов), а амортизационный износ оборудования превысил все допустимые нормы и составил 125–130 процентов[15]. При этом численность населения Кемеровской области ежегодно сокращается в среднем на 20 тысяч человек. Демографы полагают, что при существующих материальных условиях жизни в ближайшие десять лет рождаемость снизится здесь в два раза. По смертности Кузбасс занимает сейчас первое место в Сибирском федеральном округе. В соседних регионах — свои беды. Поэтому и продолжается массовый исход населения Сибири в поисках лучшей доли.

В наше время принято считать, что большой политик должен непременно обладать бесстрастной натурой. Не без оснований полагают, что человеку нелегко справиться с бременем возложенных на него забот, если он воспринимает близко к

сердцу всё то, с чем приходится сталкиваться ему на политической стезе изо дня в день. Но Зюганов, несмотря на все пережитое им за годы его политической карьеры, по сей день остро реагирует на происходящее, подвержен переживаниям и порой нелегко с ними справляется. Конечно, ни при каких обстоятельствах своего внутреннего состояния он не показывает, но люди из близкого окружения по едва уловимым признакам всегда понимают, что творится у него на душе.

Тогда, пятнадцать лет назад, в момент несостоявшегося диалога с шахтерами на Красной площади, эмоции и вовсе захлестывали, а в голове теснились невеселые мысли. Невольно думалось о тщетности своего труда, понапрасну растраченных силах и нервах, призрачном характере бесконечных забот и тревог, которые не отпускали ни днем ни ночью. Если люди не только отвергают всё то, что составляет смысл твоей жизни, но и смотрят на тебя с нескрываемым недоверием, не проще ли махнуть на все рукой, подумать о том, что завтра будет с тобой и твоей семьей, найти, как теперь говорят, свою нишу в жизни? Ведь даже у самых стойких руководителей государственных предприятий — «красных директоров», тех, кого устранить еще не смогли или не успели, нервы не выдерживают — устали сопротивляться безумной стихии. Смысл большинства их последних заявлений сводится к одному: «Вы хотели приватизации? Вы ее получите!» Судя по всему, решили податься в капиталисты. Надоело унижаться, выслушивая обвинения и поучения «прорабов» перестройки, которые мыслят в экономике категориями младших научных сотрудников, осиливших с десяток специальных статей и ознакомившихся с производством во время прохождения студенческой практики.

Конечно, справился тогда Геннадий Андреевич с эмоциями. И позднее, как бы тяжело ни приходилось, не раз убеждался, что можно все пережить, если тверже держать себя в руках, не поддаваться клевете, наветам и оскорблениям. Одним словом, надо терпеть! Часто вспоминались армейские кроссы «на выживание» — в противогазах, в резиновых костюмах спецразведки, с полной выкладкой. Вдалеке, у самой линии горизонта, цель — прыгающая перед глазами опушка березовой рощи. Ноги налиты свинцовой тяжестью и дышать уже нечем — такое ощущение, что клапан больше не впускает воздух. И только команда бегущего рядом взводного время от времени фиксируется в сознании: «Терпеть!»

В моменты, когда одолевали особенно тяжкие раздумья и сомнения, всегда мысленно обращался к отцу, которого рядом уже не было: что бы он сказал, что посоветовал? В любом случае,

никакой слабости он бы, конечно, не простил.

И все же нелегко было перебороть чувство обиды на тех, кто от тебя отвернулся. Может быть, поэтому с тех пор так близка ему эта песня Пахмутовой и Добронравова — «Остаюсь». Остаюсь с обманутым народом. В самое трудное время помогла выстоять, остаться честным перед собой и людьми. И сейчас, когда наваливается опустошающая душу усталость, придает силы.

Пришлось в свое время заставить себя раз и навсегда усвоить: люди не виноваты в том, что им задурили головы профессиональные провокаторы. А провокациями не гнушались, устраивали их на каждом шагу. Помнится, едва ли не все каналы телевидения по несколько раз показали сюжет, постановочный характер которого не вызывал сомнения даже у неискушенного зрителя: обычные граждане задержали сотрудника какого-то райкома партии и едва его не линчевали за то, что обнаружили в багажнике служебной машины, на которой он ехал, около килограмма колбасы. Смысл этой низкопробной стряпни был в одном: продемонстрировать ненависть народа к «партийным бонзам», показать, что обстановка накалена до предела, поэтому всем неугодным лучше сидеть тихо и не высовываться.

Механизм дискредитации коммунистов отрабатывался тщательно и вдохновенно. Первую крупную провокацию организовал Виталий Коротич, которому тоже была отведена не последняя роль в политическом театре абсурда. Накануне XIX партконференции журнал «Огонек» опубликовал статью с многозначительным названием — «Противостояние», в которой сообщалось, что среди делегатов конференции есть взяточники. Возмущенные делегаты потребовали от главного редактора журнала разъяснений. Возведя в ранг «юридических генералов» никому не известных ранее следователей Гдляна и Иванова, принимавших участие в расследовании так называемого «Узбекского дела», Коротич заявил, что им мешает собрать доказательства ЦК КПСС, где, по его версии, и засела «кремлевская мафия». Сославшись на презумпцию невиновности, конкретных имен он не назвал, но тем не менее передал Горбачеву список из четырех человек — главных подозреваемых. Позднее стало известно, что роль главы «кремлевской мафии» была уготована Е. К. Лигачеву, который якобы получил из Узбекистана крупную взятку. Более нелепой лжи выдумать было трудно — Егор Кузьмич всей своей жизнью снискал себе репутацию кристально честного человека. Но к тому времени он сохранял сильные позиции в Политбюро, и его надо было устранить с пути любыми способами. Для этого ни Яковлев, ни его подручные не гнушались никакими средствами. Запущенная

склока увела конференцию в сторону от решения жизненно важных проблем, превратила ее в говорильню. Вопрос Юрия Бондарева: «Куда летим?» — благополучно заболтали.

За ложь, разумеется, никто не ответил. Доморощенные «демократы» типа Коротича, Гдляна и Иванова на XIX партконференции по сути дела получили бессрочную индульгенцию, позволявшую безнаказанно смешивать с грязью любого неугодного человека. Ушаты помоев полились на головы честных коммунистов со страниц «перестроечных» изданий, а по городам и весям страны, ощутив вседозволенность, начали рыскать сотни эмиссаров «демократических» объединений, клубов и центров, сея среди людей смуту и национальную рознь. Глумились не только над кадровыми партийцами. Больше всего Зюганова угнетало то, что всевозможные ярлыки — от презрительного «коммуняки» до злобного «красно-коричневые» — навешивались на рядовых коммунистов, честно выполнявших свой долг, на ветеранов партии, войны и труда, внесших неоценимый вклад в строительство великой державы, в победу над фашизмом, сохранивших верность социализму. Травили целые поколения. Впрочем, девиз российской «демократии» «Разрешено все, что не запрещено» позволял перешагивать через любые моральные ограничения. К тому же обществу исподволь внушалось, что нравственность и политика — вещи несовместимые, что политика — дело грязное. При этом, как ни странно, желающих окунуться в эту «грязь» было хоть пруд пруди. Очевидно, полагали они, что ради «свободы» и «демократии» не грех и испачкаться. О какой совести разговор?

Справедливости ради еще раз заметим, что ряды КПСС в это время выглядели отнюдь не монолитными. «Сориентировалась в обстановке», «прозрела» и перекрасилась в «демократические» цвета определенная часть кадрового состава и актива партии. В одном из последних романов современного американского писателя, «короля ужасов» Стивена Кинга ставится интересный вопрос: «Когда предатели перестают быть предателями?» И дается, пожалуй, единственно верный ответ: «Когда предатели становятся явным большинством».

Конечно, эти люди тогда еще не составляли большинства, тем более ядра партии, на которое был нацелен основной удар.

Разрушители действовали по-разному. Если «снизу» против убежденных коммунистов использовали в основном методы травли и науськивания, то «сверху» кадровый хребет партии ломали довольно изощренными способами.

В аппарате ЦК КПСС внешне все выглядело вполне благопристойно: никто никого за разномыслие не распекал и

демонстративно на дверь никому не указывал. Тем не менее чистка центрального аппарата шла полным ходом и к началу 1989 года была в основном закончена. Во-первых, большинство опытных и честных партийцев поспешили проводить на пенсию или отправили «на повышение». Во-вторых, многие способные партийные работники на местах стали отказываться от сомнительной чести перейти на работу в ЦК, справедливо полагая, что свара в верхнем эшелоне КПСС может привести к тому, что завтра они окажутся не у дел. Приток свежих сил в руководящие звенья партии практически прекратился. Аппарат, конечно, пополнялся, но то были чуждые партии люди, вступившие в нее из-за корыстных побуждений, и нужны они были для того, чтобы ускорить процесс разложения. А в-третьих, Горбачев с Яковлевым прекрасно знали, что самый верный способ парализовать аппарат ЦК — затеять в нем бесконечные реконструкции и реорганизации. Нескончаемая череда изменений в структуре аппарата позволяла «выводить за штат» и держать в подвешенном состоянии значительную часть его сотрудников. Многие, главным образом молодые и талантливые, не желали оставаться в неопределенном положении и уходили. Как правило, вновь создаваемые подразделения не имели необходимого опыта и не выполняли тех новых функций, которые на них возлагались.

Именно такую картину Зюганов наблюдал в отделе пропаганды ЦК, который Яковлев при поддержке Горбачева укрупнил и преобразовал в идеологический отдел. Происходившие здесь изменения затронули Геннадия Андреевича самым непосредственным образом — его назначили заместителем заведующего новым отделом. Это был именно тот случай, о котором Яковлев потом вспоминал с нескрываемым раздражением: «Пропустил Зюганова!» Естественно, знал он тогда прекрасно настроения Геннадия Андреевича и его отношение к происходящему, был хорошо осведомлен об этом и Горбачев. Некоторые склонны считать, что это назначение надо рассматривать как одну из тактических уступок группировке Лигачева, однако не следует впадать в заблуждение, полагая, что внутрипартийная борьба к началу 1989 года приобрела открытый характер и велась на каждом квадратном метре. До баррикад еще дело не дошло, и обе противоборствующие стороны подчеркивали свою приверженность перестройке. Думается, механизм очередного повышения Зюганова не стоит ни усложнять, ни упрощать: человека выдвинули, потому что он перерос масштабы дела, которым занимался. Прежде всего здесь сыграл свою роль авторитет, которым пользовался Геннадий Андреевич в отделе и в региональных партийных комитетах. Неизменно вызывали

уважение окружающих его профессиональный и житейский опыт, капитальная теоретическая подготовка, доскональное знание проблем партийно-политической работы. К тому же ему доверяли — человек с позицией, обладает прочным внутренним стержнем, ни перед кем не прогибается. Притом Зюганова хорошо знали и в высшем руководстве партии. Курируя идеологическую работу в МГК и МК КПСС, хочешь ты этого или нет, всегда будешь на виду. Тем более что приходилось ему «опекать» сразу семь членов Политбюро и секретарей ЦК, которые были депутатами от «его» территорий. Поэтому в преддверии их очередных встреч с избирателями ему часто приходилось заниматься подготовкой аналитических и справочных материалов, тезисов к докладам и выступлениям. Его ценили не только как специалиста, прекрасно владеющего обстановкой в Российской Федерации и союзных республиках. ЦК нуждался в сильных организаторах, способных помочь руководящим органам территориальных парторганизаций выработать четкую линию, найти точки опоры в условиях усиливавшейся идеологической неразберихи, в обстановке разброда и шатаний. Более подходящую кандидатуру на эту роль найти было трудно.

Кроме двух территориальных секторов идеологического отдела Геннадию Андреевичу было поручено заниматься анализом деятельности Советов и правоохранительных органов. Получил он доступ и к «Особой папке» — пакету секретных документов, предусматривающих порядок действия всех государственных структур на случаи военной опасности, чрезвычайного положения и войны. Когда знакомился с этими материалами, поражался, насколько четко, до мельчайших деталей, была проработана система приведения в действие всех резервов и ресурсов страны. Впечатляли отработанные сценарии самого неблагоприятного развития событий. Например, один из них включал полное закрытие на три месяца всех рудников и лесосек — при этом в стране не остановилось бы ни одно предприятие. При необходимости можно было оперативно, в течение считаных часов, навести понтонные мосты взамен всех действующих — от западных границ до Тихоокеанского побережья. Резервные стратегические запасы были созданы по всем отраслям народного хозяйства. Продовольствие, медикаменты, сборные дома, средства передвижения… По всему было видно, что руководители государства сполна учли горькие уроки Великой Отечественной войны. Советский Союз жил с колоссальным запасом прочности. Впрочем, к несметным богатствам, созданным самоотверженным трудом нескольких поколений советских людей, уже потянулись руки новых

кооператоров. Кооперативы присосались к самым лакомым кускам, закупорив выход на рынок готовой продукции государственных предприятий, порождая дефицит и взвинчивая цены, усиливая экономический хаос. На экономику страны была накинута первая удавка.

Тогда Зюганову казалось, что еще далеко не все потеряно. Взялся за дело с воодушевлением. Среди первоочередных своих забот сразу же выделил две болевые точки — межнациональные отношения и преступность. Когда собрали и систематизировали весь материал по преступности, Геннадий Андреевич ужаснулся. Налицо был невиданный ранее рост числа убийств и несчастных случаев со смертельным исходом, насилий, ограблений и других тяжких преступлений. За год количество погибших мирных граждан в несколько раз превысило наши потери за все годы афганской войны. С невероятной быстротой криминализировалась экономика. Создание кооперативов сопровождалось повсеместным возникновением и разрастанием организованной преступности, в том числе и вооруженных преступных сообществ. Над страной нависла тень криминального террора. Соответствующий доклад Зюганов направил А. Н. Яковлеву. Реакции не последовало.

Примерно в это же время Геннадий Андреевич вместе со своими коллегами самым тщательным образом изучил ситуацию в Средней Азии, особенно в Узбекистане, где нарастали трения на национальной и религиозной почве. Подготовленная по итогам этой работы аналитическая записка, которая также легла на стол Яковлеву, содержала исчерпывающую информацию и тревожный прогноз: если не принять срочных мер, то малейшая искра может вызвать беспорядки с самыми тяжелыми последствиями. На этот раз Яковлев отреагировал и провел у себя рабочее совещание. Очевидно, только для того, чтобы более доходчиво изложить свою точку зрения: для паники нет никаких оснований. Это совещание состоялось в феврале 1989 года, а летом вспыхнули кровавые межэтнические столкновения в Ферганской долине. Затем последовали резня в Ошской области Киргизии, беспорядки в Таджикистане…

Тревожное положение складывалось в прибалтийских республиках. Жесткие нападки с их стороны на центральные союзные органы, в первую очередь Госплан СССР, выдвинутые проекты перехода на полный региональный хозрасчет, преследование коммунистов, дискриминация русского населения — все это не вызывало сомнений: дело идет к полному отделению республик от Союза. Осенью 1989 года Зюганов вместе с другими сотрудниками ЦК КПСС две недели провел в Литве. Обстановка

там накалилась тогда до такой степени, что группе даже охрану выделили. По возвращении подготовили обстоятельный доклад, в котором указали, кто там конкретно подогревает националистические и сепаратистские настроения, откуда эти люди приехали, кто их финансирует, сколько иностранных телекомпаний работает, какие операции готовятся. Главный вывод — Прибалтика стала основным плацдармом идеологической войны и диверсий против страны и дружбы народов СССР. Но еще не поздно поправить положение, необходимо только всемерно поддержать авторитетные силы на местах, препятствующие выходу своих республик из Союза, развернуть активную контрпропагандистскую работу, разоблачающую истинное лицо оппозиционеров и их зарубежных спонсоров. Материал был настолько горячим, что его срочно напрямую направили Яковлеву. Ответа так и не дождались.

Как потом понял Геннадий Андреевич, ждали напрасно. Ведь помимо прочего в справке, представленной руководству ЦК, детально анализировалась провокаторская деятельность в Литве так называемой «московской группы поддержки». Ну разве мог тогда Зюганов представить, что работа этих людей координировалась оттуда же, куда была направлена разоблачающая их записка, что Горбачев и Яковлев сознательно поощряли рост сепаратистских настроений, поэтому и твердили постоянно: «Нельзя поддаваться на провокации, если вмешаемся, только усугубим ситуацию. Пена на волне обновления сойдет сама собой». Позднее разъяснилось, что именно после визита Яковлева в Прибалтику там сложился настоящий методический центр, готовивший документы и инструкторов для создания националистических «народных фронтов» в других союзных республиках. Волну сепаратистских выступлений вызвали и его поездки в Таджикистан и Закавказье. Лидер Саюдиса В. Ландсбергис весной 1990 года в одном из своих интервью западным корреспондентам высказывался по поводу происходившего весьма откровенно: «Запад должен понять, что Горбачев сам позволил сложиться нашей ситуации. Он в течение двух лет наблюдал за ростом нашего движения за независимость. Он мог бы остановить его в любой момент». Как говорится, комментарии излишни.

Довольно скоро Зюганов убедился, что любые предложения, способные реально повлиять на развитие событий в стране, на внутриполитическую обстановку в партии, наталкиваются на глухую стену молчания или отвергаются под любыми предлогами. Яковлев, как тромб, закупорил кровеносную систему КПСС, связывающую региональные партийные организации с ЦК.

Огромная и мощная машина — аппарат Центрального Комитета, призванный проводить в жизнь политические решения партии, работала на холостом ходу. Партия с катастрофической быстротой утрачивала свою *исторически сложившуюся* руководящую роль в обществе, что вело к полной парализации всей системы государственно-политического управления. Страна оказалась на пороге анархии, поскольку на тот период никакие Советы не могли заменить эту систему или создать взамен что-либо новое.

Весь ход развития событий в те годы и последующее время свидетельствует о том, что политическая реформа, проходившая под знаком возрождения полновластия Советов, являлась блефом, отвлекавшим внимание людей от готовившихся государственных преобразований совершенно иного свойства. Избирателей привлекали на выборы лозунгом «Вся власть Советам!», обещая скорое пришествие эры «настоящей» демократии, высвобожденной из-под партийного гнета. На деле же «архитекторам» перестройки были одинаково ненавистны и партия, и Советы. С КПСС окончательно покончили, устроив хитроумную и циничную провокацию в августе 1991 года, с Советами — с помощью танков в октябре 1993-го. Суть того, что скрывалось за лозунгами свободы и демократии, одной фразой обнажил Борис Березовский: «Больше нами никогда не будут управлять голодранцы». Сказано доходчиво. В телевизионную камеру, на всю страну.

Идеи парламентаризма, который на первых порах для отвода глаз в прессе называли «советским», стали внедряться в общественное сознание под предлогом необходимости разделения в «цивилизованном» обществе законодательной и исполнительной власти. То, что принципиальное отличие советской власти от буржуазного парламентаризма определяется их различной экономической основой, на всякий случай замалчивалось. В результате пересмотра Конституции СССР на смену Верховному Совету СССР пришел громоздкий Съезд народных депутатов, насчитывающий 2250 человек. Из его состава избирался двухпалатный Верховный Совет, ставший постоянно действующим законодательным, распорядительным и контрольным органом власти в стране. Формально такая структура вроде бы соответствовала ленинской схеме: «съезд + ЦИК», но без единого партийного руководства она полностью утрачивала свою жизненность. Более того, порядок выборов Съезда, при котором треть депутатов избиралась на съездах и конференциях общественно-политических организаций, наносил очередной чувствительный удар по и без того пошатнувшемуся

авторитету КПСС.

Короткая история Съезда — эта история «пятой колонны» в депутатском корпусе, роль которой взяла на себя Межрегиональная депутатская группа, идейно и материально поддерживаемая не только внутренней контрреволюцией, но и антисоветскими силами извне. Большинство депутатов, искренне озабоченных судьбой страны, были не готовы к скоординированным и яростным атакам МДГ на политические и экономические устои СССР, оказались безоружными против лживых и враждебных выступлений Ю. Афанасьева, А. Собчака, Г. Старовойтовой, Г. Попова и других записных ораторов группы. Заседания Съезда превратились в бесконечные телевизионные шоу, которые к тому же тенденциозно комментировались «демократической» прессой. На неугодных депутатов, согласно «демократической» же традиции, навешивался ярлык, изобретенный еще во время работы XIX партконференции — «агрессивно-послушное большинство». Никто не задавался вопросами: в чем заключалась их агрессивность и кому они были послушны? Главное — не выпускать противника из-под психического прессинга, под который, естественно, попали и российские депутаты.

Дело не ограничивалось простыми словесными баталиями. Подрывная работа МДГ с использованием тактики подавления и устрашения была поставлена на широкую ногу. В сентябре 1989 года на засекреченной конференции Московского объединения клубов избирателей Г. Попов инструктировал своих единомышленников: «У нас есть шансы для победы, нужно ставить на учет каждого депутата РСФСР. Он должен понять, что если он будет голосовать не так, как скажет Межрегиональная группа, то жить ему в этой стране будут невозможно». В своем кругу рядиться в тогу демократа было не обязательно, а в борьбе за власть можно использовать и откровенно преступные средства: «Для достижения всеобщего народного возмущения довести систему торговли до такого состояния, чтобы ничего невозможно было приобрести. Таким образом можно добиться всеобщих забастовок рабочих в Москве. Затем ввести полностью карточную систему. Оставшиеся товары (от карточек) продавать по произвольным ценам». Эти циничные установки проводились в жизнь, о чем свидетельствуют, например, воспоминания о том времени Н. И. Рыжкова: «Полки магазинов пусты, в морских портах стоят суда с продовольствием и товарами народного потребления, а желающим принять участие в их разгрузке вручают деньги и отправляют восвояси. На железных дорогах создают пробки, практически перекрывающие жизненные артерии

страны. На полях гибнут хлеб, овощи, в садах гниют фрукты. На страну обрушилось сразу все: всевозможный дефицит, преступность, обострение межнациональных отношений, забастовки. Фактически в государстве наступила полная дестабилизация экономической, да и политической жизни. Кому это было выгодно? Тем, кто ни с чем не считался в своих действиях по дискредитации государственной власти и кто рвался к ней сам. В итоге власть была парализована. С тех пор на протяжении более полутора десятков лет, чтобы задним числом оправдать приход к власти „демократов“, по телевидению показывают одни и те же кадры: пустые полки продуктовых магазинов. Но нынешние „независимые“ властители СМИ стыдливо умалчивают о том, почему они пустовали… В стране брала власть охлократия»[16].

Моральный террор псевдодемократов давал свои результаты. На I съезде российских депутатов, состоявшемся в мае 1990 года, о своей принадлежности к фракции «Коммунисты России» из 800 с лишним членов КПСС заявило лишь около 380 человек. Колеблющиеся и откровенно запуганные отсеивались и в дальнейшем, через полтора года, в этой фракции осталось всего 53 депутата-коммуниста.

Можно понять состояние Зюганова, который не просто наблюдал за происходящим, но и обладал, в силу своих прямых служебных обязанностей, практически полным и всесторонним анализом обстановки на съездах народных депутатов и вокруг депутатского корпуса, сценариями и прогнозами развития событий. Как нетрудно догадаться, его тревогу и озабоченность в руководстве партии не разделяли, а аналитические записки в лучшем случае «принимали к сведению».

Положение усугублялось тем, что псевдодемократизм, который превратил депутатские съезды из высших органов власти в заурядные митинговые сборища, стал стремительно разъедать партию. Члены КПСС правой ориентации, настаивавшие на безусловном приоритете частной собственности и парламентском пути развития страны, сформировали на базе возникших ранее региональных партклубов «Демократическую платформу», которую возглавили либерально настроенные В. Шостаковский, Н. Травкин, О. Лацис, В. Липицкий, В. Лысенко. Вошли в нее и такие известные «демократы», как Г. Попов, А. Собчак, Г. Старовойтова, Ю. Афанасьев, а также Д. Волкогонов, Е. Гайдар, Г. Бурбулис. Уже один перечень этих имен говорит о том, что «Демплатформа» была не чем иным, как организационно оформленной «пятой колонной», занимавшейся в основном разрушением партии изнутри.

«Марксистская платформа», группировавшаяся вокруг А. Пригарина, А. Крючкова, А. Колганова, А. Бузгалина, признавала смешанную экономику с доминированием общественного сектора и делала акцент на самоуправление и демократию в политике. Крайне левые объединения — движение «Единство — за ленинизм и коммунистические идеалы», возглавляемое Н. Андреевой, движение «Коммунистическая инициатива», лидерами которого стали В. Тюлькин, А. Сергеев, В. Терентьев, В. Анпилов, М. Попов, В. Долгов, А. Золотов, «Большевистская платформа» Т. Хабаровой — выступили против ревизионизма Горбачева, но не предлагали конструктивных путей выхода из кризиса. Их взоры были обращены в прошлое, а попытки привнести в настоящее опыт революционной борьбы давно ушедшей эпохи, в том числе возродить в партии и воплотить в жизнь лозунг диктатуры пролетариата, имели сомнительную перспективу. Наиболее активная часть пролетариата, как известно, в критический для партии и страны период коммунистов не поддержала и отдала предпочтение Ельцину.

В 1992 году известный писатель Владимир Личутин, оценивая состояние русского патриотического движения, так и не сумевшего перед лицом национальной угрозы преодолеть в своих рядах разброд, с горечью заметил: «Любимое русское, славянское занятие — раскол. Оно и позволило произойти со страной тому, что произошло». Личутин — не политик, поэтому не ходит вокруг да около, а прямо называет причины, мешающие единению: борьба амбиций, самолюбий, характеров. И делает печальный вывод: «Мы умираем поодиночке, но за общее дело».

Эти суждения писателя невольно приходят на ум, когда знакомишься с судьбой радикальных коммунистических организаций, заявивших о себе еще до распада КПСС и окончательно оформившихся на ее обломках. Полбеды, если бы они только обособились и в одиночку, каждая по-своему, боролись за интересы трудящихся. Но ведь при этом не дает их лидерам покоя то обстоятельство, что бывшие соратники пользуются большим авторитетом и влиянием в массах, представляют собой и в современных условиях внушительную политическую силу. Иногда создается впечатление, что их больше интересует не реальный вклад в движение против антинародной политики действующей ныне власти, а то, какое, насколько заметное место они в этом движении занимают, не эффективность повседневной работы, а «чистота» идей, которые они исповедуют. Отсюда — и поиск противников, «засоряющих» революционную теорию, на своем политическом поле. Ими свято почитаются все азбучные истины научного коммунизма, за

исключением некоторых положений. О том, например, что марксизм — не догма, а руководство к действию. Пока орудовали Горбачев с Яковлевым и еще существовала КПСС, было понятно, кого следует клеймить за измену марксизму. Со временем стало сложнее: для того чтобы развернуться и повести за собой массы, нужна революционная ситуация, которая, если вспомнить ее «классические», ленинские признаки, еще не сложилась. А пока и низы терпят, и верхи «могут», следует использовать историческую передышку для борьбы с ревизионизмом и оппортунизмом, которые, по мнению радикалов-марксистов, олицетворяют КПРФ и ее лидер. Не так давно в ЦК КПРФ пришло «открытое» письмо от одного старого коммуниста, в котором «членам партийной верхушки» предлагается «определиться конкретно, за кого они:

1) За большевиков или меньшевиков?
2) За ленинизм или оппортунизм?
3) За Сталина или Путина?
4) За частную собственность или против?
5) За революционную борьбу или за парламентское соглашательство?».

Подобные тесты из нескольких незамысловатых альтернативных вопросов, с помощью которых КПРФ часто экзаменуют другие левые партии, выдержать, конечно, нелегко. Ведь, если, к примеру, завтра спросят, почему в руках классового противника до сих пор остаются телеграфы, мосты и вокзалы, тоже ответить будет нечего.

Наблюдая за нападками на Компартию и Зюганова, трудно сказать, кто больше преуспел, вставляя им палки в колеса, — откровенные антикоммунисты или те, кого принято считать «своими». Ради чего и во имя чего ведется эта перманентная борьба на протяжении полутора десятилетий, когда затраченные усилия можно было бы обратить на пользу общему делу? Вразумительного ответа на этот вопрос никто не дает. Может быть, потому, что лежит он не в политической, не в идейной плоскости, а в сфере обычных человеческих отношений, там, где сталкиваются личные амбиции.

Кризис КПСС, проявившийся в 1989–1990 годах в возникновении обособленных движений и платформ, обнажил только верхушку айсберга, под которой скрывался огромный спектр прямо противоположных и взаимоисключающих взглядов как на внутрипартийные проблемы, так и на острейшие задачи текущего момента. Сколько людей — столько и мнений. Партия стала превращаться в дискуссионный клуб. Для Зюганова было очевидным, что стремление к созданию собственных, замкнутых площадок для внутрипартийных дискуссий ведет к разрушению

КПСС. Больше всего его удручало то, что не было единения среди партийцев, осознававших необходимость сопротивления курсу Горбачева — Яковлева. Меж ними образовалось несколько своеобразных и непреодолимых водоразделов. В области экономической камнем преткновения становился вопрос о рынке и многоукладности экономики. В политической сфере существовал разброс мнений о роли и месте Компартии в жизни общества, многопартийной системе, степени централизации государственного управления и границах суверенитета. В идеологии не сформировалось ясного видения путей разрешения обострившихся национальных противоречий, отношения к патриотическому движению, религии. И это далеко не полный перечень проблем, порождавших разноголосицу, мешавших консолидации сил, способных остановить процесс всеобщего развала.

В такой обстановке перед Зюгановым оставалось два пути. Можно было последовать примеру некоторых коллег — определить для себя более или менее приличное «пристанище» и действовать в меру своей порядочности «по обстановке», полагаясь на то, что найдутся люди, способные «оседлать» этот почти неконтролируемый процесс и направить его в нужное русло. Говоря проще, можно было отсидеться. Но честнее было, несмотря ни на что, держаться собственной линии поведения, руководствуясь *личной позицией.* Зюганов выбрал второй путь — чувствовал, что его позицию разделяют многие партийные руководители и коллеги. Убедился в этом после одного из совещаний в ЦК с участием руководителей регионов, которое проводил Горбачев. Отчаявшись «достучаться» до руководства Центрального Комитета в обычном порядке, Геннадий Андреевич решил, что молчать больше нельзя и надо во что бы то ни стало использовать представившийся шанс, чтобы донести свою озабоченность до первых лиц. С заметками в руках расположился прямо перед столом президиума, напротив Горбачева. Тот, пожалуй, впервые заговорил о чрезвычайной обстановке, сложившейся в стране, о необходимости принятия экстренных мер. Но когда стали заслушивать выступления с мест, в свойственной ему манере стал перебивать ораторов и сглаживать углы. Как ни пытался во время прений делать вид, что не замечает Зюганова, тот был настойчив — пришлось все же дать ему слово.

В первом своем тезисе Геннадий Андреевич подчеркнул, что КПСС является не просто партией, а представляет собой исторически сложившуюся систему государственно-политического управления. Именно это важнейшее и, казалось

бы, очевидное обстоятельство почему-то замалчивается и обходится стороной. Попытки оттеснить партию с тех позиций, которые она всегда занимала в советском обществе, вызовут ломку всей системы, что крайне опасно для судьбы страны. Нельзя государственный корабль загнать в док, чтобы очистить днище, — он должен плыть и работать круглые сутки, без остановки.

Основной приводной ремень партии к массам — партийный аппарат. В стенах ЦК мы во всех речах восхваляем его, а на местах ни в грош не ставим. Мало того, что грамотные и инициативные специалисты уже давно не идут на работу в райкомы и горкомы с предприятий, потому что значительно теряют в зарплате. Вместо того чтобы наладить механизм обеспечения притока партийных кадров, мы теперь его ломаем окончательно, лупим партийных работников со всех сторон. В результате ЦК теряет опытных и квалифицированных людей, окончательно утрачивает связь со своими низовыми звеньями.

Подверг Зюганов сомнению и лозунг «Больше демократии — больше социализма». Вся беда заключается в том, что демократии за последние годы больше не стало, потому что ее незаметно подменили охлократией: условия диктуют недовольные и обиженные, люди, настроенные к советской власти откровенно враждебно. Поэтому и социализма становится все меньше.

Один из демократических вывихов — выборы руководителей производственных предприятий. Таким способом попросту избавляются от наиболее требовательных, жестких и рачительных профессионалов. Вспомнил, как вместе с коллегами принимал японскую делегацию. Японские бизнесмены все время недоумевали: «Кто же у вас придумал эти выборы? Ведь для того, чтобы вырастить хорошего руководителя, иногда приходится 15–20 лет тратить!» Если этот процесс не остановить, то нынешняя система выметет всех наиболее грамотных директоров, способных организовать перестройку производства.

Зачадили национальные окраины, и, как выясняется, националистические фронты получают поддержку не только из-за рубежа, но и из центра, из Москвы. При этом любой разговор о равноправии русских регионов и получении ими целевых средств в ведущие отрасли экономики, на базе которых развивалась страна и поднимались окраины, считается чуть ли не проявлением русского национализма. Эта проблема настолько разрослась, что стала ощущаться даже в характере общения партийных работников. Некоторые представители союзных республик, прежде всего из Прибалтики и Закавказья, махнули рукой на общепартийные задачи и ничего не хотят видеть, кроме

своих частных вопросов. В целях предотвращения дальнейшего разрастания национализма Геннадий Андреевич предложил срочно предпринять меры, направленные на укрепление экономических и культурных связей центральных областей России с закавказскими и среднеазиатскими республиками.

Особенно резко высказался по поводу перекосов в кооперативном движении. Частную инициативу необходимо было в первую очередь развивать там, где уже был накоплен опыт, — в торговле и сфере обслуживания. Бездумное создание кооперативов на базе промышленных предприятий привело к тому, что они вызвали паралич основного производства, стали насосом, перекачивающим предварительно обналиченные государственные средства в частные карманы и криминальный сектор. Все твердят о том, что нашу экономику спасет только рынок. При этом почему-то не хотят вспоминать, что развитые западные страны, те же японцы, ежегодно «забивают» в свои планы экономического развития тысячи жестких показателей. Наивно думать, что в нашей огромной и холодной стране стихийный рынок способен что-то изменить к лучшему и отрегулировать.

Затронул он и деятельность средств массовой информации. «Четвертая власть» давно уже превратилась в первую, ни с кем не считаясь, диктует обществу свои правила и условия. Необходимо прекратить развернутый в СМИ «отстрел» наиболее честных, грамотных и принципиальных коммунистов, остановить дискредитацию партии.

После совещания, как водится, к Геннадию Андреевичу подходили, чтобы поделиться впечатлениями, его участники — руководящие работники ЦК, секретари обкомов. Все были буквально поражены тем, что Горбачев, против обыкновения, слушал внимательно, даже ни разу не перебил, а в конце и поддержку выразил: мол, согласен я с вами, Зюганов. Только вот сам Зюганов оптимизма от этого не испытывал — в заключительном слове генсека не было ни одного упоминания о том, что он говорил и предлагал. Не чувствовалось в нем и той тревоги, которая прозвучала в других выступлениях. «Нет, ребята, беда — ничего делать не будет!»

…Как-то в одном из своих поздних интервью газете «Известия» А. Н. Яковлев рассказал о методах своей антипартийной деятельности: «У нас был единственный путь — подорвать тоталитарный режим изнутри при помощи дисциплины тоталитарной партии. Мы свое дело сделали». Путь этот, как мы теперь знаем, был далеко не единственным, использовался целый арсенал подрывных средств, огромные материальные ресурсы. Но

партийная дисциплина действительно сковывала инициативу честных кадровых работников. Прошли те годы, когда дисциплина способствовала сплочению и укреплению партийных рядов — в решающий момент бездумное послушание сыграло с партией злую шутку.

Речь, конечно, шла не о простых условностях, которые в интересах дела можно было и проигнорировать. Дисциплина для коммуниста — понятие не абстрактное. Она неотделима от его морального долга перед партией и первейшей обязанности — в любых условиях крепить целостность и единство своей организации. Чтобы решиться на «бунт», нужно было быть уверенным, что он не навредит общему делу.

Пожалуй, единственную отдушину, которая давала возможность отвлечься от переживаний, успокоиться и собраться с мыслями, Геннадий Андреевич находил тогда в долгих прогулках по Москве. Если позволяло время, с работы возвращался пешком — дорога до дома, расположенного около Белорусского вокзала, занимала минут пятьдесят. Иногда, чаще по субботам или воскресеньям, делал большой круг и шел сначала в сторону Арбата, где подолгу бродил по тихим переулкам, любуясь архитектурой старинных особняков, навевавших воспоминания о родном Орле. Но больше всего любил он свой традиционный маршрут, пролегавший через улицу Горького. Наверное, потому, что с этой улицей у него были связаны незабываемые впечатления о Москве, которые сохранились со времени первого знакомства со столицей, состоявшегося в юношеском возрасте. Трудно передать те чувства, которые охватили его в тот раз, когда меж теснящихся зданий неожиданно завиднелся белоснежный кров Исторического музея, а затем открылась и величественная панорама Кремля, Красной площади. Сколько потом ни любовался этой картиной, вновь испытывал такое же, как в юности, острое волнение.

Когда видишь изо дня в день то, что давно стало привычным и близким, не всегда воспринимаешь новые детали — почему-то они иногда не укладываются в сознание, выглядят случайными и несущественными. Может, поэтому и не заметил Геннадий Андреевич, как изменилась главная улица города и однажды явилась ему совершенно другой, чужой и неприветливой. Случилось это в один из солнечных мартовских дней 1990 года. Несмотря на прекрасную погоду, вдруг обнаружил он, что не ощущает той приподнятой атмосферы, которая всегда, даже в будни, царила в этой части Москвы. Улица и прилегающие к ней площади казались обезлюдевшими. Не было обычной беззаботной суеты, которую создавали туристы и многочисленные гости

столицы из различных уголков страны. Спешившие по своим делам озабоченные прохожие хмуро и сосредоточенно смотрели под ноги, опасаясь угодить в грязь, скопившуюся на тротуарах и мостовых. На всем лежала печать неряшливости и бесхозности. Яркая и крикливая реклама только усиливала чувство какого-то странного запустения. Не покидало оно даже при виде длинной очереди перед входом в «Макдоналдс». На другой стороне улицы, у здания, где размещалась редакция «Московских новостей», собирался очередной митинг, и в голосе зазывалы с мегафоном звучали, сообразно моменту, трагизм и решительность: предстояло какое-то очередное публичное разоблачение. Ближе к центру шныряли какие-то темные личности, что-то предлагали из-под полы, воровато озираясь по сторонам. В подземных переходах — нищие, инвалиды, уличные музыканты, гадалки в окружении чумазых детей. На развалах у магазина «Подарки» — залежи самиздатовской литературы и «демократических» газет с броскими заголовками, привлекавшими обывателя интригующими словосочетаниями: «кремлевская мафия», «империя красного фашизма», «душители Литвы», «жандармы свободы».

Все увиденное вдруг явилось довольно неожиданным откровением. То, чем жила КПСС, показалось Геннадию Андреевичу каким-то ненастоящим, оторванным от действительности, отгороженным от нее непроницаемой стеной. В реальной жизни уже вовсю хозяйничали другие силы, которые ломали и перестраивали все на свой лад. Он же, Зюганов, как и сотни, тысячи других честных партийцев, незаметно для себя оказался выключенным из игры, должен был довольствоваться ролью высокопоставленного чиновника, выполняющего, по сути дела, функции наблюдателя, не имеющего возможности предпринять что-либо значимое, на что-то повлиять. Вновь вспомнилось, что ни одно его предложение, ни одна докладная записка в течение последнего года так и не были должным образом рассмотрены. «Сверху» недвусмысленно давали понять: лучше «не дергаться». Все, что воспринималось как внутрипартийная демократия и дисциплина, нормы и традиции партийной жизни, обернулось ловушкой, из которой следовало найти выход немедля, пока она еще не захлопнулась.

Вырваться из замкнутого круга можно было только с помощью партийной печати. Она давала возможность не только высказать наболевшее, но и еще раз сверить собственные мысли и соображения с настроениями партийного актива и коммунистов. Без их поддержки любые шаги и усилия теряли смысл. Три ночи ушло на подготовку материала. Размышлять над тем, куда его

нести, не приходилось — большого выбора не было. Ведущую партийную газету — «Правду» — Горбачев с Яковлевым держали в ежовых рукавицах. Осенью 1989 года освободили от обязанностей ее главного редактора В. Г. Афанасьева. Как полагают многие, за статью о пьянстве Ельцина в Америке. Однако дочь Виктора Григорьевича Ольга Афанасьева считает, что основной причиной внезапной отставки послужила упомянутая нами секретная конференция Московского объединения клубов избирателей, выступление на ней Г. Попова и других «межрегионалов». Стенограмма этого сборища попала к ее отцу, и он подготовил предложения, направленные на то, чтобы воспрепятствовать дальнейшей дестабилизации обстановки в стране и прорыву «межрегионалов» к власти. На следующий день после того, как он передал документ Горбачеву, ему предложили уйти на пенсию.

Находясь под таким прессом, газета не просто избегала публикации оппозиционных материалов, но и решительно пресекала любое инакомыслие. Яркий пример — редакционная статья против Нины Андреевой, послужившая сигналом к началу травли «противников перестройки». Когда Зюганов в апреле 1991 года опубликовал открытое письмо Н. А. Яковлеву, обнажившее истинное лицо «архитектора» перестройки, он также подвергся суровому осуждению на страницах «Правды». Стоит ли удивляться, что мысль отнести свою первую крупную статью в «Правду» Зюганову даже в голову не приходила. По его мнению, единственной газетой, занимавшей тогда твердые партийные и патриотические позиции, была «Советская Россия», возглавляемая мужественным и честным коммунистом В. В. Чикиным, который возглавив газету в 1986 году, провел ее через все тяжелейшие испытания. Благодаря ему газета никогда не отступалась от своих идеалов и в 2006 году достойно встретила свое пятидесятилетие. Хочется привести слова одного из многочисленных приветствий, поступивших в редакцию «Советской России» в дни празднования юбилея:

«Низкий поклон вам за то, что вы в это мрачное время помогаете нам выжить и оставаться людьми, что своей патриотической работой поднимаете на борьбу за социальную справедливость и тех, кто сегодня опустил руки, и тех, кто, разочаровавшись и разуверившись во всем, сдался на милость обстоятельств.

Низкий поклон вам за то, что вы, находясь на переднем крае борьбы за возрождение России, даете достойный отпор всем очернителям нашей славной истории».

Принадлежат эти слова Т. М. Егоровой, дочери легендарного человека, Героя Советского Союза Михаила Егорова,

водрузившего над рейхстагом вместе с Мелитоном Кантария Знамя Победы. И выражают они чувства сотен тысяч людей, для которых и поныне каждый номер газеты подобен глотку свежего воздуха в затхлой атмосфере лжи и цинизма.

…Статья Зюганова под названием «Всесторонне оценить ситуацию» увидела свет 13 апреля 1990 года. Прежде чем воспроизвести ее важнейшие фрагменты, хотелось бы обратить внимание на то, что содержащийся в ней ясный анализ сложившейся к тому времени обстановки в стране сделан по горячим следам событий, в условиях, когда большинство партийцев были окончательно сбиты с толку и запутаны, уже с трудом разбирались в происходящем.

«…С начала перестройки уже прошло пять лет. Это срок значительный даже по историческим меркам. Сейчас перестройка переживает большие трудности. И здесь дежурными ссылками на застой, командную систему, всевозможные культы и культики уже не обойтись. Нужен углубленный анализ содеянного. Думаю, что это нужно не только из стратегических, но и тактических соображений. Ибо в последнее время, когда хотят загнать в „угол“ идеологического работника, умудренные жизненным опытом слушатели часто прибегают к логике исторических параллелей. Мол, за пять лет, что бы там ни говорилось, большевики в честной борьбе выиграли гражданскую войну, пережили трудности „военного коммунизма“ и освоили азы нэпа. За пять лет мы допустили фашистов до Волги, но успели добить их в собственном логове. За пять лет восстановили на треть порушенное войной народное хозяйство и ликвидировали ядерную монополию США. За пять лет прорвались в космос, добились военного паритета и превратились, по оценке того же Запада, в супердержаву. А вы провозгласили перестройку, породили большие надежды, а на самом деле довели страну до развала, оставили без мыла и гвоздей и хотите при этом уйти от ответственности.

Если мы серьезные политики и идеологи, то не считаться с этой горькой логикой нельзя. Да, выводы делать пора, понять, в чем сильные и слабые стороны перестройки, каковы наши первоочередные задачи».

Далее Геннадий Андреевич остановился на анализе промахов, которые были допущены изначально и привели к негативным последствиям. Первую проблему он сформулировал как *одновременность.*

«Начав перестройку, партия вынуждена была решать многие сложные и крупные проблемы, которые накапливались годами и

десятилетиями, по существу одновременно. Отрабатывать новый хозяйственный механизм, проводить политическую и правовую реформу, разгребать завалы бюрократизма и казнокрадства, обновлять партию. Но при одновременном решении многих проблем исключительное значение приобретает выбор приоритетов, четкость целей и определенность стратегии.

На мой взгляд, здесь допущены два серьезных промаха. Опять проявилась старая болезнь — экономику принесли в жертву политике. Если проанализировать последние три года, то практически каждое полугодие мы втягивались в новую политическую кампанию, которая отнимала основные силы не только у партийных, советских работников, но и у хозяйственников. Не позволяла как следует заняться модернизацией народного хозяйства. И второе — за всеобщими разговорами о правовом государстве забыли обеспечить элементарный порядок и законность. А это, в свою очередь, резко обострило и без того сложные национальные отношения.

Короче говоря, экономика, законность и национальные отношения должны стать приоритетами в нашей политической и идеологической работе».

Большие проблемы все эти годы создавало то, что, по мнению Зюганова, уже к началу перестройки был во многом *истрачен кредит доверия партии.* В дальнейшем в результате непродуманного ведения борьбы с пьянством, разгула спекулятивных кооперативов, выборов хозяйственных руководителей он истощился еще больше. Все это породило у кадров боязнь, декларативность, идейную и организационную беспомощность. Ослабли внутрипартийные связи.

«Перестройку мы начали в условиях, когда *нравственное* здоровье общества было наихудшим, когда истощилась его нервная система, когда чувство реализма оказалось утраченным настолько, что даже массовое грязепомазанье вдруг мило нарекли „очищением“. И вот на этой неподготовленной почве долгожданные семена демократии и гласности вдруг стали прорастать не только культурными злаками, но и чертополохом национализма, экстремизма и пошлости… Давно пора осознать опасность, которую несут завезенные из-за океана не только вирусы СПИДа, но и политической проституции. И здесь Центральному Комитету партии надо занять четкую и ясную позицию. Этого ждут рядовые коммунисты. Они просто требуют этого.

Какие же факторы больше всего дестабилизируют

обстановку? По всей видимости, их два. Эйфория власти, т. е. типичный синдром популизма. И поругание всей жизни, прожитой страной, всех ее государственных и общественных институтов. Откровенно говоря, идет беспринципная борьба за власть на фоне ухудшающейся социально-экономической обстановки. Сплошь и рядом нарушаются демократические нормы и законность. Противники партии, не стесняясь, шельмуют всех — от инструкторов райкома до членов Политбюро. Цинично манипулируют общественным мнением. Идет разрушение сложившихся структур государства, партии, армии, госбезопасности, профсоюзов. Причем нет ясного видения, а что взамен принесет это многонациональному и многострадальному Отечеству? Не гоним ли мы сами события к обвалу, опять поверив в кабинетные схемы, которые не сообразуются с жизнью?»

Затем в статье подчеркивалось, что в наиболее трудном положении оказалось общественное сознание. Оно переживает настоящую драму, в головах у многих полный сумбур. Людям надоели пустые слова и обещания. Только дела, только изменение ситуации к лучшему могут поправить положение. Политика всеобщей словесной эквилибристики изжила себя, она уже не поможет. Нужна политика созидательного реализма. *Надо начинать, не медлить.*

«Однако самое тревожное, думаю, заключается в том, что не приостановлен процесс ухудшения социально-психологического самочувствия народа. У Маркса есть любопытная мысль, связанная с тем, что общественное сознание наиболее интенсивно разлагается в двух, казалось бы, взаимоисключающих случаях: когда люди видят преступление и не видят наказание, и, наоборот, когда они видят наказание, но не понимают сути преступления.

Так вот: во времена репрессий страна пережила период, когда люди видели наказание — исчезал товарищ по работе, сосед по дому, но не понимали сути их преступления. А сегодня, похоже, мы решили доказать справедливость первой части этого философского вывода Маркса. Тонут подводные лодки. Горят и взрываются поезда. Государственный кооператив проматывает национальное достояние. Продается чернозем, сантиметровый слой которого растет сто лет. В считаные часы разносится 200 километров государственной границы, священной и неприкосновенной. Бесчисленные эмиссары снуют по стране, науськивая один народ на другой. Спекулянты уже подобрались к Красной площади. Уже не единичны факты надругательства над

памятью Ленина, перед мощью и величием интеллекта которого преклонялись даже самые заклятые противники социализма.

А виновников всего этого, кроме мелких стрелочников, нет. Нет и соответствующей реакции общественности. Молчат правосудие, Верховный Совет. В век гласности ответственность по существу оказалась анонимной. Спрашивать с живущих злоумышленников оказалось гораздо сложнее, чем сваливать все грехи на тех, кто ушел уже в мир иной. А стране крайне необходимы деловая стабильная обстановка, правопорядок.

Вопрос о власти — главный вопрос любой революции. Об этом сегодня снова говорят все: и левые, и правые, центристы и новоявленные монархисты, отчаяные радикалы и типичные консерваторы. И даже те, кто никогда не занимался политикой. „Вся власть Советам“, „Долой власть партократии“, „Аппаратчики захватили всю власть“, „Партия, дай пору-лить“. Этот пропагандистский треск по инерции еще продолжается. Но если кто-то захватил всю власть, то почему так тревожно сегодня звучат голоса ведущих специалистов о „вакууме власти“, ее „бессилии“, „параличе“? Да потому, что многие вновь стали жертвами еще одного массового заблуждения, еще одной „манипуляции“ общественным сознанием. Правда, после того как Верховный Совет за год принял около тридцати законов и все они должным образом не работают, стали более глубоко задумываться: а в чем дело? А дело в довольно известном явлении. Закон может функционировать, если соблюдаются как минимум два условия: существует механизм, приводящий его в действие, и когда он — закон — становится частью твоего сознания. И ты сознательно не переступаешь ту грань, которая запрещена законом…

Какова консолидирующая основа для изменения ситуации к лучшему? Она, по моему, довольно ясна. Сохранение и упрочение единого Союза ССР на базе обновления Федерации. Ускоренное решение кричащих проблем России как основы Союза. Единые законы и правила человеческого общежития для всех народов, проживающих в стране. Сплоченная единая Коммунистическая партия. Надежная обороноспособность.

Наиболее сильное дестабилизирующее воздействие на обстановку оказывает преступность. Здесь по существу фокусируются все наши просчеты. Преступность бушует, статистика оглушает, печать упивается, обыватель хотя и боится, но с удовольствием смакует. Могу добавить: положение на самом деле хуже, чем кажется внешне. За 1989 год убитых и погибших в стране по различным причинам почти на 45 тысяч больше, чем в предыдущем году. Ограбленных, изуродованных, изнасилованных

больше на 109 тысяч… Считаю, что в рост преступности за последнее время внесли „достойный взнос“ почти все общественные институты. И если мы честно не признаемся в этом, то никакие спецназы, никакие дубинки и бронежилеты в борьбе с преступным миром не помогут».

Остановился Зюганов и на проблемах массовой культуры, в которой воцарился культ праздности, секса и пошлости. Видные деятели культуры почему-то стыдливо молчат об этом. Видно, им некогда — они ушли в большую политику. Огромное воздействие оказывает на психическое самочувствие людей телевидение. Когда телекомментатор рассказывает миллионам зрителей о расчлененных трупах, найденных на свалках детях, не выражая при этом протеста или сострадания, то это уже не информация. Это своего рода наркотик, который снижает нравственную планку общества и культивирует вседозволенность.

Правда требует мужества и воли. К сожалению, нередко и правда становится объектом спекуляций, замешана на конъюнктуре и своекорыстии. Поэтому, на словах борясь с догматизмом, мы частенько впадаем в неодогматизм.

«Сколько заработали на критике командно-административной системы, ругая и проклиная ее! Хотя даже не посвященному в ее премудрости понятно, что систему можно одолеть только более совершенной системой, более системной, последовательной и цепкой работой. И пока будет дефицит культуры, знаний, убеждений, — злоупотребления администрированием почти неизбежны. Вот и давайте поднимать уровень знаний и культуры. Здесь дел, как говорится, непочатый край. И, с другой стороны, раз есть право, есть закон, значит, есть административное принуждение, тем более в стране с разбалансированной экономикой. Надо найти нужную границу, которая позволит экономическим методам хозяйствования кратчайшим путем внедриться в жизнь…

А чего стоит утверждение о том, будто средства массовой информации только отражают жизнь. Лукавит, ой лукавит пишущая братия. Они не только отражают, а давно организуют, формируют, навязывают, дирижируют, манипулируют. Если бы это было не так, кто бы стал платить баснословные деньги за рекламу, засекречивать новые технологии или домогаться редакторских полномочий. Существует мощная информационная власть. Она хорошо оплачивается не только в рублях, но и в долларах. Не все это еще осознали. У кого контрольный пакет, тот и диктует свои условия.

Особенно наглядно виден эффект воздействия печати в ходе

прошедших выборов. Взять, например, факт избрания пяти членов небольшой по численности редакции еженедельника „Аргументы и факты“ народными депутатами России… Ни в старой, ни в новой истории не только нашей страны, но и мира подобного прецедента, видимо, не найти…

Ни в коем случае нельзя допустить злоупотреблений информационной властью, которые уже налицо. Иначе мы получим новую зону вне критики, новую „охранку“…

Для стабилизации ситуации в стране надо решительно изменить тональность печатного и устного слова. Иначе все передеремся. Нам потомки этого не простят…»

Когда читаешь эту публикацию, невольно сопоставляешь впечатления от нее с тенденциозными попытками многочисленных толкователей его политической биографии представить восхождение Зюганова к политическому Олимпу как результат причудливой игры обстоятельств. Вот-де был такой, никому не известный партийный функционер, ничем особо не выделялся, творческими способностями не блистал, пером владел ничуть не лучше других математиков, имеющих дело с сухими цифрами, и вдруг в одночасье оказался у руля крупнейшей политической партии. Видно, где-то покровители помогли, где-то сам локтями поработал.

Что ж, такие версии выглядят довольно «жизненными» и вполне пригодны для массового употребления. Как говорят в кругах, где готовят подобные информационные блюда, «пипл схавает».

Как показывает практика, в таких случаях вступать в полемику бесполезно. Ведь люди, стряпающие так называемые «компроматы», и без нас прекрасно знают, что у Зюганова никогда не было покровителей, что он прошел прекрасную политическую школу, всегда отличался образованностью и эрудицией, наконец, обладал теми редкими личными качествами, которые всегда выделяли его среди окружающих, давали возможность и право вести за собой других. Мы бы обратили внимание еще на одну характерную черту нашего героя: Зюганов стал Зюгановым в результате завидного трудолюбия, огромной интеллектуальной работы — вдумчивой, кропотливой, изматывающей и… педантичной. Свидетельством тому являются сотни рукописей статей, выступлений, докладов, всевозможных набросков и тезисов, хранящихся в домашнем архиве Геннадия Андреевича. Причем по его «хозяйству» видно, что математический склад ума противится «творческому беспорядку», в котором так часто «тонут» многие неординарные личности. У

Зюганова — всё имеет свое место, всё «разложено по полочкам» — и в архиве, и в голове. Отсюда — четкая дисциплина мышления, которая прослеживается в его книгах, публикациях, научных трудах. Начиная с первой политической статьи в «Советской России». В день ее выхода перед читателями предстал зрелый политик, способный спокойно и обстоятельно разобраться в сложнейшей обстановке и увидеть перспективу, пути выхода из кризиса. Подкупала и независимость его суждений.

Сам он тогда, конечно, переживал: поймут ли его, воспримут ли? Статья вышла в конце недели, в пятницу, и сразу же пошли звонки — сначала от друзей, знакомых, а затем и от партийных руководителей регионов. Поддержали! Через несколько дней позвонил Валентин Васильевич Чикин: «Приезжай за письмами, приходят пачками». Даже не подозревал, что у него столько единомышленников! Как оказалось, неравнодушных, готовых к действию.

Полученные отзывы настраивали на оптимистичный лад.

Была и еще одна причина для оптимизма: в партийных кругах полным ходом шла подготовка к Российской партконференции и Учредительному съезду Компартии РСФСР. Активно включился в эту работу и Зюганов.

Глава шестая
У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

Зюганова воспринимают по-разному. Авторы посвященных ему многочисленных публикаций нередко упоминают о полярных расхождениях в оценке его человеческих качеств: у одних он вызывает симпатии и уважение, у других — раздражение и даже ненависть. Подобное утверждение хотя и соответствует действительности, но мало о чем говорит. Отношение к нему значительно сложнее, потому что оно аккумулирует мнения миллионов людей, их субъективные представления и ожидания, которые, естественно, оправдываются далеко не всегда и не во всем. Уже одно это обстоятельство неизбежно порождает конфликт восприятия, чем пользуются средства массовой информации, создавая портрет публичного политика, имеющий мало общего с оригиналом. Как-то во время съемки на телевидении политической дискуссии один из операторов поделился с Геннадием Андреевичем «секретами» своей профессии: «Я могу любого из вас сделать и Аленом Делоном, и обезьяной». И делали. В соответствии с политическими заказами.

Если раньше любой известный человек вопреки своей воле мог стать заложником обстоятельств, непредвиденных событий либо банальных интриг, то теперь он попадает в куда более сильную зависимость от информационного поля, оказывающего колоссальное воздействие на окружающую его действительность. Зюганову приходится жить и работать во враждебной информационной среде, более того, в условиях жесткой информационной блокады. Поэтому нет ничего необычного в том, что существует такой большой разброс противоречивых мнений о нашем герое. Но подавляющее большинство противоречий — не в Зюганове, а вокруг него. Сам Геннадий Андреевич логичен, последователен и понятен. Кстати, последнее качество многие его противники часто пытаются обернуть против него же и представить как «предсказуемость», которая якобы делает его «удобным» для властей. При этом о подлинном характере взаимоотношений между «предсказуемым» Зюгановым и правящими режимами предпочитают не упоминать. А ведь даже в относительно «мирные» периоды развития политических событий в стране против него и КПРФ не стихала беспощадная война на полное уничтожение, которая с удвоенной силой разгоралась во время подготовки и проведения очередных думских и президентских выборных кампаний. Один из последних этапов

этой войны, пришедшийся на начало двухтысячных годов, по своей ожесточенности и изощренности превосходил даже ельцинские психические атаки, которые вместе со своей партией выдержал Геннадий Андреевич в 1995–1996 годах. Чем ближе очередные выборы — тем сильнее разгорается пламя нового сражения. И тем больше попыток представить Зюганова в неприглядном свете.

Можно, конечно, заронить в души людей семена сомнений и недоверия. Однако в современной, весьма изменчивой политической жизни есть одна неопровержимая данность, с которой нельзя не считаться: что бы о Зюганове ни говорилось, какая бы ложь ни распространялась вокруг него, его имя вот уже на протяжении полутора десятилетий в общественном сознании прочно связывается с самым устойчивым и последовательным оппозиционным движением, *единственной* в стране массовой левой партией, ясно сознающей свое предназначение, суть которого выражена в ее названии — *коммунистическая.* Может, кому-то это и не нравится, но подавляющее большинство населения страны видит в Зюганове единственного человека, сумевшего реально сплотить вокруг себя коммунистов России и представителей широких патриотических кругов.

Опять-таки не будем судить, хорошо это или плохо, но другие руководители коммунистических и близких к ним левых организаций, за исключением, пожалуй, лидера движения «Трудовая Россия» Виктора Анпилова, широким массам или вообще неизвестны, или люди имеют о них довольно смутное представление. Как, например, о Сергее Глазьеве, который сначала под крылом КПРФ создал себе имидж публичного политика левого толка, а оперившись, сколотил в 2003 году в противовес Компартии предвыборную коалицию с притягательным для россиян названием — «Родина». Туман, впрочем, рассеялся, лишь только стало известно, что Глазьев руководствовался отнюдь не патриотическими побуждениями, а указаниями из Кремля — отсечь у КПРФ как можно больше сторонников и на очередных думских и президентских выборах забрать у нее максимальное количество голосов. Надо отдать ему должное: Сергей Юрьевич показал себя способным исполнителем замыслов кремлевских полит-технологов. Правда, выполнив поручение, почувствовал себя не у дел. Поэтому и главные итоги 2006 года в интервью интернет-порталу «Regions.ru» он оценил весьма пессимистично: «Самым важным событием с точки зрения перспектив развития политического процесса стало окончательное закрытие Народно-патриотического союза „Родина“, составные части которого „ушли“ сегодня в разные

политические партии. Таким образом, накануне очередного избирательного цикла власть выполнила задачу по дезорганизации патриотической оппозиции, что влечет за собой отсутствие реальной политической конкуренции». После этих слов закономерен вопрос: а разве не сам он был главным действующим лицом, через которое и осуществлялся раскол патриотических сил?

Реальность сегодняшнего дня такова, что тяжелое бремя лидера левых сил, отягощенное не только неизбежными для политического деятеля собственными ошибками и просчетами, но и грузом проблем, унаследованных Компартией из прошлого, Зюганову приходится нести на себе чаще всего в одиночку. А кроме того, вынужден он тащить за собой еще целый воз всяческого хлама минувших лет, который упорно — кто исподтишка, а кто и в открытую — подбрасывают ему недоброжелатели как справа, так и слева. Причем те, кто слева, в последнее время выполняют эту работу с возросшим энтузиазмом и временами даже с каким-то странным упоением.

Не секрет, что с первых дней существования КПРФ между ней и другими, близкими ей по крови и духу движениями и объединениями обозначились идейные и тактические расхождения, вызванные различным пониманием новых исторических условий и задач, доселе неведомых практике коммунистического движения. Остроту разногласий в какой-то степени сгладила внушительная победа Компартии на думских выборах 1995-го и президентских выборах 1996 года, которая подтвердила правильность выбранного ею курса и продемонстрировала огромный авторитет Зюганова среди широких слоев трудящихся и интеллигенции. Однако развить успех коммунистам тогда не удалось — наступила полоса тяжелой и затяжной борьбы с установившимся в стране режимом, сумевшим к концу девяностых годов укрепить свои позиции во всех ветвях власти.

Именно в этот период критика Зюганова и других руководителей КПРФ со стороны радикальных марксистов стала все чаще выходить за рамки элементарной партийной этики, приобретать характер личных «разборок», далеких от интересов общего дела. Объективно это играло лишь на руку правящим силам, упрощало задачи Кремля по расчленению и поэтапному уничтожению левой оппозиции, так как подрывало авторитет ее идейного ядра и главного оплота. К тому же ортодоксальная марксистская риторика соперников КПРФ на левом фланге не находила желаемого отклика в массах, чаще вызывала прямо противоположный, отталкивающий эффект, что в конечном счете

значительно сужало социальную базу сопротивления антинародному курсу официальных властей.

Вместо того чтобы разобраться, почему их лозунги не воспринимаются современным рабочим классом, трудящимися массами, ультралевые марксисты свою нереализованную энергию по-прежнему тратят на бессмысленную идейную борьбу с Зюгановым. А он, к их великому неудовольствию, никак не желает возвращаться в прокрустово ложе привычных догм, считая, что линейное воспроизведение опыта прошлого может привести только к прошлому.

К чести Геннадия Андреевича, на выпады в свой адрес, как бы ни были они несправедливы и оскорбительны, он обычно не отвечает, полагая, что время само все расставит по своим местам. К тому же стыдно на глазах у политических противников и массы несведущих людей разводить публичную склоку. Да и жаль на бесплодные дискуссии тратить время, которое можно употребить куда как с большей пользой — ведь его оппоненты для себя давно уже все доказали и переубедить их в чем-либо невозможно.

В этом лишний раз убеждаешься, когда, например, берешь в руки увесистую книгу Надежды Гарифуллиной с откровенно злобным названием — «Анти-Зюгинг». Гневные эмоции, которым, кажется, тесно даже в объемном томе, полностью вытеснили из него здравый смысл, в результате чего автор оказался не в ладу с реальностью. Например, книгу, датированную 2004 годом, венчает призыв: «Коммунисты Советского Союза, соединяйтесь! Соединяйтесь в свой испытанный в боях, мирных и ратных сражениях авангард — единую Коммунистическую партию Советского Союза». От подобных несуразностей рябит в глазах. Скажем, цитируется Зюганов, который в июне 1991 года заявил, что в целом курс на высвобождение инициативы и развитие демократии в стране был взят верный, но вот только осуществлялся он крайне непоследовательно, что и привело страну на грань национальной катастрофы, к обнищанию основной массы трудящихся. И тут же следует возмущенный комментарий Гарифуллиной: «О каком обнищании основной массы трудящихся можно было говорить в 1991 году, когда все основные продукты всё еще стоили в прямом смысле слова копейки?» Трудно поверить, действительно ли автор забыла о том, что у нас тогда в магазинах — хоть шаром покати, а после павловских реформ при астрономическом взлете цен население потеряло практически все сбережения, и пределом мечтаний большинства людей было в то время несколько пачек макарон, припрятанных на черный день.

Поражает непоколебимая вера автора в абсолютную

непогрешимость КПСС, хотя она на крутом историческом переломе не оправдала надежд миллионов людей. Но вместо того чтобы попытаться осознать глубинный характер причин поражения партии и развала СССР, Гарифуллина обрушивается на Зюганова и его сподвижников, пытающихся критически осмыслить советское прошлое. Изобличаются «оппортунисты» главным образом с помощью наборов хрестоматийных цитат из старых вузовских пособий по научному коммунизму и учебников по основам политических знаний для слушателей политкружков.

Все же Гегель знал, о чем говорил, когда утверждал, что история учит тому, что она ничему не учит. Русский историк В. О. Ключевский позднее дополнил: ничему не учит, а лишь наказывает за незнание ее уроков. (Уж простят нас некоторые сверхубежденные марксисты: первый был идеалистом, второй примкнул к кадетам.) К сожалению, за твердо-каменность одних чаще расплачиваются другие…

Когда огульная критика лидера КПРФ ведется с позиций закоснелых псевдомарксистских догм, жалко не Зюганова. Он, в конце концов, здоровый и здравомыслящий политик, который может постоять за себя. Тень ложится на нашу историю, на Ленина, чья деятельность и без того подверглась в последние годы чудовищному искажению. Помнится, в годы перестройки известный писатель Владимир Солоухин издал книгу о Ленине, представляющую того в самом неприглядном свете. Подготовлена эта книга была на основе одного, 36-го тома из Полного собрания сочинений Владимира Ильича. В ней обильно цитировалось написанное и произнесенное Лениным в марте — июле 1918 года, когда молодая Республика Советов переживала тяжелейший период своего становления: *в результате интервенции империалистических держав, развязавших в стране Гражданскую войну,* именно в это время она *утратила три четверти своей территории.* Кстати, состоявшееся в январе 1921 года в Париже Совещание 33 членов бывшего Учредительного собрания под эгидой Милюкова и Керенского отмечало, что внутренняя контрреволюция сознательно пошла на приглашение иностранных войск, хотя и отдавала себе отчет в предательстве национальных интересов. Между тем Красная армия воевала за спасение, целостность и свободу Отечества, вела *по форме гражданскую,* а *по содержанию — национально-освободительную* войну, что и обеспечило ей поддержку подавляющего большинства народа. Понятно, что накал беспощадной борьбы не на жизнь, а на смерть отразился и в ленинских работах этого периода. Однако на выдержках из них была предпринята попытка создать обобщенное представление об образе пролетарского

вождя, характере его теоретического наследия, сущности Советского государства.

Предвзятость и несостоятельность этой книги для людей более или менее образованных очевидны. Но ее автор в предисловии хотя бы признается, что раньше он вообще не открывал Ленина. Те же, кто сейчас больше всех твердит о своей верности ленинским идеям, очевидно, считают себя знатоками его наследия, но упорно не хотят замечать многократных предостережений Владимира Ильича от начетничества и догматического толкования марксизма. И что особенно опасно, продолжают бездумно переносить на современную действительность то, что преследовало исключительно тактические или частные задачи, было применимо только к конкретно-историческим условиям эпохи, от которой нас отделяет уже целое столетие. Ведь цитаты, формулировки и тезисы, выхваченные из своего времени, лишенные живой связи с реальными событиями и явлениями, наконец, вырванные от контекста тех или иных теоретических работ и предлагаемые в качестве готовых рецептов на сегодняшний день, могут сослужить недобрую службу. В иных случаях они действительно не только способны повергнуть в замешательство, но и привести в состояние трепетного ужаса любого нормального человека, сыграть на руку тем, кто подбирается к Красной площади, Мавзолею В. И. Ленина.

Особенно недопустимы попытки «теоретических» обобщений, основанных на опыте большевиков в эпоху Октября и первых лет Советской власти. Не случайно, что на этот счет мы находим много разумных предостережений в современных работах Зюганова. Вот, например, одно из них: «В том-то и заключается характернейшая особенность Октябрьской революции, что ее конкретные шаги диктовались не только и не столько доктринальными соображениями, сколько касаниями „стенок“ весьма узкого „коридора“, по которому приходилось идти. Был жесткий прагматизм и столь же жесткие, соответствующие военной обстановке методы, позволившие удержать экономику на краю пропасти и получившие впоследствии название „военного коммунизма“. *Только никакого идеала из них партия в целом не делала* (курсив мой. — *А. Ж.*), хотя в ее рядах было немало тех, кто впопыхах принимал его за идеал. Поворот к нэпу это только подтвердил»[17].

И действительно, именно в экономической политике того времени наиболее ярко отражаются глубина, гибкость и прозорливость ленинской мысли. И ее *последовательность.* Чрезвычайная обстановка Гражданской войны вынудила спасать

экономику, минуя товарно-денежные отношения. Но «скачка к коммунизму», о котором мечталось многим нетерпеливым коммунистам из ленинского окружения, не получилось. Даже им стало ясно, что товарно-денежные отношения нельзя «отменить» декретами. Руководители страны сумели тогда вовремя сделать надлежащие выводы и в считаные месяцы предприняли энергичные меры по переходу к новой экономической политике. И страна стала оживать буквально на глазах. Ленин прекрасно понимал, что в условиях, когда обостряющееся противоборство грозит самому существованию России, надо уметь находить компромиссы, чтобы обеспечивать развитие государства и выживание нации. Подобные компромиссы могут не только носить тактический характер, но и иметь длительную историческую перспективу. В тех случаях, например, когда встает вопрос о господствующих в обществе производственных отношениях, жизненности тех или иных форм собственности.

Чаще всего на левом фланге политических течений почему-то возмущаются утверждением Зюганова о том, что КПСС, обретя монополию на власть и присвоив себе абсолютное право на истину, уверовала в незыблемость одной, общественной, формы собственности, создав тем самым объективные предпосылки сначала стагнации, а затем и развала экономики СССР. КПРФ в отличие от других коммунистических организаций сумела сделать из этого самые серьезные выводы. Сегодня в ее программе прямо записано, что нельзя какую-либо форму собственности отвергать декретом, пока она не выработала полностью свой ресурс, так же как нельзя навязывать обществу однопартийную систему правления, превращать свою идеологию в единственную. Но при этом, что, кстати, постоянно подчеркивает Геннадий Андреевич, Компартия выступала и выступает за ведущую роль общественной формы собственности во всем ее разнообразии — от государственной до кооперативной.

На мой взгляд, нет ничего более нелепого, чем стремление доказать на этом основании недоказуемое, а именно то, что КПРФ лишила себя права называться коммунистической и изменила марксизму. Обращает на себя внимание, что и левые радикалы, и правые идеологи сомкнулись в безуспешных попытках решить одно и то же не имеющее решений уравнение — поставить российскую Компартию на одну доску с современными буржуазными партиями социал-демократического толка. Причина такого единодушия понятна: и те и другие мечтают увести из-под влияния КПРФ широкие массы трудящихся, связывающих с коммунистическими идеалами свои надежды на завтрашний день. И тем и другим не дает покоя, что КПРФ ищет и, главное,

находит выходы из исторических тупиков, в которые ее пытаются затолкать.

Конечно, этот поиск сопряжен с неизбежными ошибками, просчетами и неудачами. Но ведь кто-то должен отвечать на вызовы новой эпохи, не полагаясь на устаревшие оценки общественных явлений, не уповая на подсказки и советы тех, кто до сих пор пытается отыскать в наборах революционных постулатов рецепты на любой случай современной жизни. Впрочем, сторонников марксизма, привыкших маршировать одним, раз и навсегда заданным курсом, в коммунистическом движении хватало во все времена. Именно им было в свое время адресовано предостережение Сталина: «Нельзя требовать от классиков марксизма, отделенных от нашего времени периодом в 45–55 лет, чтобы они предвидели все и всякие случаи зигзагов истории в каждой отдельной стране в далеком будущем. Было бы смешно требовать, чтобы классики марксизма выработали для нас готовые решения на все и всякие теоретические вопросы, которые могут возникнуть в каждой отдельной стране, спустя 50—100 лет, с тем чтобы мы, потомки классиков марксизма, имели возможность спокойно лежать на печке и жевать готовые решения».

Предостерегая от упрощенного понимания своих идей, Маркс говорил: «Я знаю только одно, что я не марксист». Ленин по этому же поводу писал: «…Никто из марксистов не понял Маркса !/г века спустя». Вряд ли мы лучше стали разбираться в марксизме по прошествии еще одного столетия — всё, что с нами происходило в течение последних двадцати лет, свидетельствует как раз об обратном. Помнится, как в самый разгар перестройки, в 1989 году, вышла в свет книга С. Платонова, взявшего на себя труд попробовать разобраться хотя бы в части теоретического наследия Маркса[18]. Автор предложил читателям вникнуть в суть таких, казалось бы, известных работ, как «Экономическо-философские рукописи 1844 г.», «Святое семейство» (написана вместе с Энгельсом), «Немецкая идеология». Результаты этого безусловно полезного начинания повергли тогда читающую и думающую публику в настоящее смятение. Для многих марксистские истины, которые в общем-то никогда и ни от кого не скрывались за семью печатями, стали подлинным откровением. Оказалось, например, что, по Марксу, победа пролетарской революции и развитие производительных сил в рамках социализма есть *не уничтожение* частной собственности, а лишь *начальный шаг* к этому, ее «упразднение». Что коммунизм — это *не* «идеальный способ производства», а историческая эпоха, включающая *целый ряд способов производства.* Что «как таковой

коммунизм *не есть цель человеческого развития»,* а свободное развитие каждого и всех воплотится только в последующей эпохе *«положительного гуманизма».*

Может быть, в сравнении с «крамольностью» идей самого основоположника марксизма «ревизионизм» Зюганова и КПРФ в целом будет представляться «настоящим марксистам» не столь пугающим. К тому же наиболее пытливых из них ждет еще немало подобных «сенсационных» открытий и на страницах трудов В. И. Ленина.

Мы же пока от теории вернемся к практике, поскольку нашего героя часто обвиняют не только в идейных заблуждениях, но и, как мы уже говорили, в небезупречной практической деятельности, вплоть до склонности к сотрудничеству с чуждыми пролетариату классами и элементами. Нельзя, к примеру, обойти вниманием созданный задним числом и будоражащий воображение наивных людей миф о том, что Зюганов несет значительную долю ответственности за развал КПСС и СССР. Причем — ну надо же такое придумать! — наряду с Горбачевым, Яковлевым и Ельциным. Трудно в это поверить, но ему вменяется в вину даже активное участие в создании Коммунистической партии РСФСР.

Идея образования в России республиканской организации КПСС была выдвинута в начале 1990 года на съезде Объединенного фронта трудящихся и подхвачена большой группой ленинградских коммунистов. Их инициативу созыва съезда российских коммунистов тогда поддержали действительно не все. Во-первых, как и следовало ожидать, раздражение и противодействие она вызвала у горбачевского окружения, вполне обоснованно усмотревшего в ней стремление оппозиционных и патриотических сил к организационному сплочению, угрозу своему господствующему положению в КПСС. Неудивительно поэтому, что против консолидации коммунистов России резко выступил А. Н. Яковлев, организовав в «демократических» СМИ мощнейшую пропагандистскую кампанию. Сопровождалась она обвинениями сторонников создания Компартии России в «расколе» КПСС и поголовным навешиванием на них ярлыков «великодержавных шовинистов».

Кроме того, многие коммунисты из союзных республик опасались, что образование КП РСФСР может усилить центробежные тенденции, захлестнувшие национальные окраины страны. Были сомневающиеся в целесообразности такого шага и в российских регионах, которые в целом активно поддержали инициативу ленинградцев.

Надо сказать, что идею создания российской Компартии

никто не изобретал и не выдумывал. Она давно витала в воздухе, отражала назревшую жизненную потребность и отвечала интересам не только россиян. То, что структура КПСС как исторически сложившейся системы государственно-политического управления не отвечала реальным задачам социально-экономического развития страны, тормозила решение проблем гармоничного развития национальных отношений, стало ясно еще в послевоенные годы. Вопрос этот неоднократно поднимался снизу и обсуждался в верхних эшелонах власти. Откликом на эту назревшую потребность явилось, например, создание в 1956 году республиканской газеты «Советская Россия». Однако до принципиальных организационных решений дело так и не дошло — Хрущев затеял иную, совершенно бессмысленную реорганизацию партийно-государственной структуры, поделив ее на две части — промышленную и сельскую. От волюнтаристской политики страдала в первую очередь Россия — заступиться за нее, за ее интересы было некому. Если даже ее территориальная целостность для союзного центра представлялась чем-то несущественным (яркий пример тому — судьба Крыма), что уж говорить о приоритетах экономического и социального развития. Коренные области Российской Федерации, питавшие национальные окраины, Сибирь, Дальний Восток, служившие для развивавшихся районов основным источником человеческих ресурсов, квалифицированных кадров учителей, врачей, землепашцев, строителей, геологов, — сами оставались на положении бедных родственников.

Когда Зюганов поездил по Союзу, посмотрел на другие регионы, он был просто обескуражен тем, насколько бедной и необустроенной оказалась по сравнению с ними его родная Орловщина. Впрочем, и земли соседствующих с ней других российских областей, мягко говоря, не были избалованы заботой центральной власти. А ведь кроме всего прочего эти края были обезлюжены и истерзаны войной. Но средства в послевоенные годы направляли куда угодно и на что угодно, но не вложили в сердцевину России. Не сомневается Геннадий Андреевич, что использование экстенсивных методов развития тоже было обосновано — без этого невозможно было бы поднять страну. Но наряду с освоением целины следовало бы подумать и о возрождении срединных российских земель, о том, как обеспечить максимальное развитие Центрального, Волго-Вятского, Центрально-Черноземного, Северо-Кавказского регионов, которые вкупе с рядом других областей России обладали не только огромным промышленным потенциалом. В них издавна сложились богатые традиции земледелия и

животноводства, и они были способны прокормить не только себя, но и всю страну, обеспечить ее курской пшеницей, вологодским маслом, тверским льном, орловскими яблоками… Если бы сюда вложили необходимые средства и создали соответствующую инфраструктуру, получили бы не только экономический эффект — социально-психологическая атмосфера и в России, и в целом в стране была бы намного здоровее.

Бездарные реформы периода перестройки эти проблемы обострили еще больше. Россия стремительно утрачивала роль опоры, объединяющего и цементирующего начала СССР, приобретая облик аморфного административного образования. Те, кто пережил это время, помнят, что вопрос о создании Компартии РСФСР был поднят сначала даже не в партийных кругах. Впервые о необходимости собственного сильного партийного центра заговорила российская общественность, обеспокоенная не только развалом экономики, крушением традиционных устоев и общественных институтов, но и невиданным разгулом русофобии. И лишь позднее эту необходимость осознало подавляющее большинство российских коммунистов, не желавших более оставаться на положении беззащитных и бесправных заложников политики Горбачева, его путаницы и деструктивных действий. Положение усугублялось еще и тем, что некоторые руководители союзных республик и республиканских парторганизаций, пользуясь всеобщей неразберихой, все упорнее тянули одеяло на себя в ущерб и общесоюзным, и российским интересам. Впрочем, кого-то из них понять было можно: надежды на то, что терпящий бедствие общий корабль можно сохранить на плаву, оставалось все меньше — люди, стоявшие на капитанском мостике, упорно вели его на рифы. Внутрипартийные противоречия между окраинами и центром стали выходить за рамки рабочих разногласий и приобретали угрожающие масштабы, необратимый характер. К примеру, еще в декабре 1989 года съезд Компартии Литвы объявил о своей независимости от КПСС. Сепаратистские тенденции проявились и в ряде других парторганизаций союзных республик.

Конечно, Горбачев прекрасно понимал, что Компартия России будет прежде всего партией сопротивления его курсу. Но на этот раз ему не удалось ни заболтать назревшую проблему, ни предотвратить ее решение путем образования в декабре 1989 года Российского бюро ЦК, которое он сам же и возглавил. Позицию Горбачева изложил в своих воспоминаниях один из его ближайших сподвижников по Политбюро В. А. Медведев[19]. «Организационное оформление Компартии России и образование

ею Центрального Комитета, — пишет он, — означали бы появление второго центра партии, который, опираясь на абсолютное большинство, мог бы предопределять политику и решения партии в целом, с чем другие компартии вряд ли примирились бы. В партийных делах курс был взят на то, чтобы с учетом общественного мнения создать некие партийно-организационные структуры в Российской Федерации, не доводя дело до создания самостоятельной компартии, и дать поработать времени. Именно в этом смысл решения декабрьского (1989 г.) Пленума ЦК о создании Российского бюро ЦК и некоторых российских структур в аппарате ЦК КПСС. В дальнейшем, однако, на этих позициях удержаться не удалось: под напором общественного мнения пришлось их сильно корректировать, как говорят, „вплоть до наоборот“».

Прав Медведев, рассуждая о неизбежности возникновения в партии второго центра. Этот центр был нужен честным коммунистам как воздух. Но только нужен он был для того, чтобы консолидировать борьбу с другим центром — с тем, в котором засели предатели и перевертыши, где, кстати, обосновался и сам Медведев. Для компартий других республик этот шаг не таил никакой угрозы. Лукавит Вадим Андреевич, утверждая, что российские коммунисты получали возможность предопределять политику всей партии: в любом случае, со своим ЦК или без него, на партийных съездах их представители составляли абсолютное большинство.

Во всех дискуссиях на эту тему бросается в глаза, что путаница создается вокруг одного элементарного вопроса — о статусе КП РСФСР. Лишь только он проясняется, сразу же обнаруживается несостоятельность всех рассуждений о «расколе» — ведь изначально речь шла не о создании какой-то принципиально новой, независимой партии, а об образовании республиканской, территориальной организации в составе КПСС. Коммунисты, выступившие инициаторами созыва российского съезда и занимавшиеся его подготовкой, иначе этот вопрос и не ставили. Разумеется, нашлось немало и таких, кто попытался под шумок протащить в партию свои раскольнические идеи. Так, на Учредительном съезде КП РСФСР выяснилось, что представители «Демократической платформы» хотели бы видеть российскую Компартию не массовой политической организацией, а парламентской партией буржуазного типа, своеобразным противовесом КПСС. Не найдя поддержки среди делегатов съезда, «Дем-платформа» и примыкавшие к ней родственные течения спустя несколько месяцев провели Всесоюзную конференцию сторонников демократических движений, на которой поставили

под сомнение правомерность создания «партии Полозкова» и нацелили своих сторонников на формирование альтернативной ей партии.

Избранный на Учредительном съезде Центральный Комитет КП РСФСР решительно пресекал любые попытки повернуть дело к расколу. Когда, например, член ЦК российской Компартии А. Руцкой создал так называемую Демократическую партию коммунистов России, пленум Центрального Комитета исключил его и В. Липицкого из КП РСФСР, указав в своем постановлении: «Рескомам, крайкомам, окружкомам, горкомам и райкомам партии, первичным партийным организациям предпринять все необходимое для предотвращения и пресечения раскольнических действий в Компартии РСФСР и КПСС в целом. Нельзя допустить, чтобы те, кто стремится создать параллельную партийную организацию (партию в партии) и тем самым расколоть КПСС, имели возможность делать это, оставаясь в ее рядах».

Существует и еще один важный аспект вопроса, который обходится стороной: создание Компартии России в полной мере соответствовало укрепившейся в общественном сознании идее обновления Союза, принятия нового Союзного договора, предусматривавшего значительное расширение полномочий союзных республик. Для многих коммунистов было вполне очевидным, что КП РСФСР способна остановить рост центробежных настроений, избежать крайностей в трактовках суверенитета и независимости. На тот момент она являлась если не единственным, то важнейшим инструментом, с помощью которого можно было предотвратить окончательный развал и КПСС, и СССР.

Именно этими соображениями руководствовался Зюганов, когда включился в работу по подготовке Учредительного съезда Компартии России. В те дни ощущал себя на подъеме: открылась, наконец, перспектива реальной и очень нужной работы, появилась точка опоры, которой так не хватало в последние годы.

Уже в период непосредственной подготовки к съезду произошли события, которые лишний раз убедили Геннадия Андреевича, насколько актуальной и неотложной была задача сплочения российских коммунистов. В конце мая 1990 года Б. Н. Ельцин был избран председателем Верховного Совета РСФСР, а спустя две недели I съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию о суверенитете России, провозглашавшую верховенство российских законов над союзными. Решение это возникло не вдруг, и Зюганов был одним из немногих, кто пытался тогда предостеречь своих товарищей по партии: «Суверенитет России — лом, который взломает все границы». Эту

же мысль он не раз высказывал, общаясь с коммунистами, избранными на съезд народных депутатов: «Ни при каких обстоятельствах нельзя пороть горячку и голосовать за подобное решение». Приводил аргументы: в своих нынешних административных границах Российская Федерация не является исторической Россией. Внутри Союза защищаться нам не от кого — большинство соседей находятся в таком же бедственном положении. Надо попытаться понять их, перетерпеть обиды. Негоже России противопоставлять себя другим, особенно Украине и Белоруссии.

Но к его голосу тогда не прислушались: эмоции взяли верх над здравым смыслом. Незамедлительно последовала цепная реакция: начался пресловутый «парад суверенитетов». Однако трагический финал этого процесса еще можно было предотвратить. Об этом свидетельствуют и итоги всенародного референдума, состоявшегося в марте 1991 года. В ходе его 76 процентов населения СССР сказали Союзу «да». Эти результаты показывали, что напряженная работа КП РСФСР по преодолению национального сепаратизма и спасению страны, активным организатором которой был и Зюганов, не пропадала втуне. Даже несмотря на то, что шесть республик из пятнадцати участвовать в референдуме отказались, а большинство участников состоявшегося одновременно с ним общероссийского референдума высказались за всенародное избрание собственного президента, перспективы сохранения Союза были обнадеживающими. Так, например, после того как 94 процента жителей Казахстана проголосовали за единство страны, Верховный Совет Казахстана в подтверждение их воли принял специальное обращение к Верховным Советам других республик Союза ССР с призывом ускорить подготовку и подписание нового Союзного договора, не дожидаясь, пока отношение к нему определят все республики.

Надежды на позитивный исход борьбы против разрушителей великой державы перечеркнул август 1991-го. В ноябре указом Ельцина деятельность российской Компартии была фактически запрещена. Наряду с этим ельцинская команда, используя националистические амбиции республиканских «элит», готовилась к тому, чтобы юридически оформить распад СССР. В качестве одной из своих «козырных» карт раскольники использовали националистическую позицию президента Украины Л. Кравчука. Когда 1 декабря 1991 года на инициированном им референдуме граждане Украины высказались за независимость республики, он произвольно истолковал их мнение как отказ от вхождения в обновленное союзное государство даже на

конфедеративной основе. Преград на пути Ельцина к авторитарной власти больше не было: ну уж если даже Украина не хочет быть вместе с нами… Последовал Беловежский сговор.

Беловежские соглашения были ратифицированы Верховным Советом РСФСР буквально через три дня после подписания — 12 декабря 1991 года. За ратификацию проголосовало подавляющее большинство депутатов, причем поддержали его и многие коммунисты, которых нельзя было упрекнуть в конформизме или непорядочности. Несмотря на то что деятельность КПСС и КП РСФСР к этому времени была парализована, такую позицию лишь отчасти можно объяснить следствием охвативших партийные ряды растерянности и неопределенности. Главное, пожалуй, заключалось все же в другом: значительное число честных партийцев вполне искренне полагало, что Беловежские соглашения лишь зафиксировали то, что уже стало трагической реальностью.

Любопытно, что у Горбачева, который привел Союз к катастрофе, хватило совести публично заявить о причастности Зюганова к одобрению документов, подписанных в Беловежье. Но эта очевидная попытка откреститься от ответственности и свалить хоть какую-то часть вины с больной головы на здоровую совершенно несостоятельна. Нет ни одного факта, подвергающего сомнению позицию Геннадия Андреевича, который всегда считал роспуск СССР безнравственным деянием политических авантюристов, которое с юридической точки зрения можно расценивать только как преступление. Хорошо известно, например, что сразу после подписания Беловежских соглашений он выступил на совещании депутатов-коммунистов с призывом отвергнуть их как безнравственные и незаконные, не имеющие под собой ни моральной, ни правовой основы. Эту точку зрения Зюганов отстаивал и в дальнейшем. Его принципиальная позиция в значительной мере способствовала тому, что в марте 1996 года Беловежские соглашения были денонсированы Государственной думой Российской Федерации. Многие, правда, полагают, что этот акт носил чисто символический характер и не имел реальных политических последствий. Однако уже сам факт оценки позорного сговора на государственном уровне заключает в себе огромный исторический смысл, в первую очередь потому, что является признанием бесперспективности намерений изменить основополагающий вектор нашего движения, закрепить искусственное разъединение братских народов.

Но… история учит тому, что она ничему не учит. Сегодня мы вновь наблюдаем, как продолжается манипулирование общественным сознанием, видим беззастенчивые спекуляции на

патриотических чувствах людей, попытки противопоставить вековым традициям дружбы и взаимного доверия народов, оказавшихся по разные стороны государственных границ, ложно понятые национальные интересы. Конечно, сейчас россияне уже не столь легковерны, как в начале девяностых годов, и их нелегко убедить, например, в том, что от нефтегазовой войны против братской Белоруссии Россия станет богаче и сильнее. Однако если с утра до вечера повторять оскорбительное для белорусов утверждение о том, что своими успехами они обязаны только терпению россиян, якобы что-то недополучающих от продажи энергоносителей, несведущих людей можно сбить с толку. А ведь если вспомнить наше недавнее прошлое, путь к Беловежью тоже начинался с подсчетов, кто за чей счет живет и кто кого кормит.

Комментируя неприглядный торг с Белоруссией, придворные политологи и проправительственные СМИ ни словом не обмолвились о том, что как политические союзники обе стороны до возникновения конфликта предоставляли друг другу определенные льготы примерно в одинаковых денежных эквивалентах. Например, «Газпром» имел в обмен на льготную газовую цену льготную транзитную пошлину за прокачку газа в Европу через белорусскую территорию, бесплатно пользовался белорусской землей (общей площадью около 40 тысяч гектаров) под газопроводом «Ямал — Европа-2». Также бесплатно прокачивали свою продукцию на Запад и нефтяники. Российская сторона на льготных условиях размещала в Белоруссии две крупные военные базы, получала по льготным ценам тракторы, самосвалы, автобусы. Отказ от эквивалентных взаимозачетов и осуществление *монетизации взаимных льгот и выгод* — это не что иное, как переход от *союзнических* отношений к сотрудничеству на чисто *коммерческой* основе. В данном случае бухгалтерский подход к построению взаимоотношений по принципу «ничего личного — только бизнес» будет иметь непредсказуемые политические последствия, может губительным образом сказаться на перспективах союза двух государств, судьбой которого искренне озабочены и россияне, и белорусы. Как заявил по этому поводу Зюганов, «в политике нельзя просто считать копейки в кармане. В ней все исчисляется другими категориями — интересами национальной безопасности, приверженностью исторической дружбе, верностью общим победам».

Особую тревогу вызывает тот факт, что средства массовой информации использовали конфликт, спровоцированный российской стороной, для развязывания настоящей информационной войны против Белоруссии. Это дикое явление обнаружило, для многих неожиданно, что за

псевдопатриотической риторикой правящей российской элиты кроются и укрепляют свои позиции те же силы, которые участвовали в разрушении Советского Союза и сегодня пытаются на корню задушить процессы создания Союзного государства. Причем используют они те же методы и приемы, с помощью которых крушили СССР. Однако, по мнению Зюганова, все это вполне предсказуемо и укладывается в политическую стратегию нынешнего режима. Как выясняется на практике, по своей сути эта стратегия мало чем отличается от позиции президента Украины Виктора Ющенко, заявившего в декабре 2006 года по поводу пятнадцатилетия Беловежских соглашений, что они являются «документом с правильным политическим содержанием, который появился в правильный исторический момент». Так что историю преступного сговора Ельцина, Кравчука и Шушкевича, осуществленного в декабре 1991 года, еще рано сдавать в архив.

…Компартии РСФСР, образованной Учредительным съездом в июне 1990 года, пришлось начинать свою работу в исключительно тяжелых условиях. К тому времени страна была буквально пропитана антикоммунистическими идеями. Кроме того, уже явственно ощущалось размежевание не только верхнего эшелона КПСС, но и партийных кадров на местах, рядовых коммунистов. Многие руководящие работники партии переходили в лагерь противников социализма или же оказывали им негласную поддержку, а значительная часть партактива заняла невнятную позицию, выжидая «чья возьмет».

Неслучайно делегаты, выступавшие на Учредительном съезде, отмечали, что создавать партию российских коммунистов следовало значительно раньше, может быть, в 1988 году, когда собиралась XIX Всесоюзная партконференция и ситуация в стране была еще иной.

Верные своему знамени, открыто отстаивавшие свои идеалы партийцы, по сути дела, оказались в меньшинстве. И все же именно эти люди, сознававшие весь драматизм сложившейся в стране ситуации и проникнутые пониманием того, что отступать дальше некуда, составили костяк руководящих органов Компартии России, прежде всего ее Центрального Комитета. Первым секретарем ЦК КП РСФСР был избран И. К. Полозков, возглавлявший до этого Краснодарский крайком КПСС. Настоящий патриот, здравомыслящий и выдержанный политик, он оказался единственным, кто накануне смог реально соперничать с Ельциным на выборах председателя Верховного Совета РСФСР, незначительно уступив тому лишь в третьем туре голосования. И это в условиях бешеной поддержки Ельцина со

стороны межрегионалов, создавших вокруг него ореол «страдальца за народ», сильной личности, гонимой «закоснелыми партократами». К сожалению, большинство народных депутатов проигнорировали звучавшие тогда многочисленные предупреждения, что голосовать за Ельцина — все равно что добровольно взять на себя роль могильщиков и Российской Федерации, и Советского Союза. ЦК Компартии России фактически оказался между двух враждебных ему антикоммунистических центров — группировкой Горбачева и агрессивным лагерем сторонников Ельцина. Мнимая «оппозиционность» Ельцина Горбачеву никого из руководителей ЦК КП РСФСР в заблуждение не вводила — в действиях обоих просматривался общий замысел, что в полной мере проявилось в событиях августа 1991 года.

На Учредительном съезде Компартии России Зюганов был избран членом ЦК, а затем на пленуме Центрального Комитета — членом Политбюро ЦК КП РСФСР. В сентябре 1990 года он избирается секретарем ЦК по идеологической работе. Если для кого этот выбор российских коммунистов и явился неожиданным, так это для «демократических» СМИ, попытавшихся представить дело так, будто «мало кому известный функционер воспользовался почти невероятным шансом пробиться наверх». Что можно сказать по этому поводу? Прежде всего, журналисты оказались в плену представлений, которые сформировались у них совершенно в другом политическом лагере, где, действительно, желающих половить рыбку в мутной воде было хоть отбавляй. Надо обладать очень богатой фантазией, чтобы представить, будто Зюганов связывал с КП РСФСР далеко идущие личные планы — чиновники его ранга, озабоченные собственным будущим, имели возможность делать другие, беспроигрышные ставки. Не раз получал «заманчивые» предложения и Геннадий Андреевич. Но не «клюнул» он на соблазнительные приманки даже в то время, когда в период запрета Компартии перед ним вставал неотвратимый вопрос: на что содержать семью? Не поступился принципами. Впрочем, такая позиция у «демократов» вызывала недоверие, поскольку в их представлении такие понятия, как «принципы», «долг», «совесть», с политикой были несовместимы.

Не будем ни в чем разубеждать людей, придерживающихся подобных взглядов. Отметим только очевидный факт: явное замешательство антикоммунистической прессы, связанное с выдвижением Геннадия Андреевича на один из ключевых партийных постов, можно объяснить лишь тем, что она попросту «прохлопала» Зюганова, так же как раньше неосмотрительно

«пропустил» его Яковлев. Можно сказать, что проморгали журналисты момент, когда на политической арене, кишевшей сомнительными, одиозными личностями, возомнившими себя едва ли не творцами новой российской истории, появилась наконец личность, сумевшая коренным образом изменить расклад сил в борьбе за будущее России.

В партии Геннадия Андреевича уже давно знали как вполне сформировавшегося политика. Бывший член Политбюро и секретарь ЦК КП РСФСР, известный ученый-социолог, профессор Иван Иванович Антонович, как и многие другие соратники Зюганова, убежден, что восхождение Геннадия Андреевича к вершинам партийной иерархии было закономерным и вполне логичным. Отличное образование, необходимая для идеолога теоретическая подготовка, богатая практическая школа, исключительная работоспособность — поскольку эти достоинства Зюганова известны и неоспоримы, о них можно говорить без боязни быть заподозренным в лести или пристрастии. Но в тех чрезвычайных условиях решающую роль сыграли другие его качества — на ключевой пост в руководстве Компартии его избрали прежде всего за твердый характер и четкую независимую позицию. И уже после того, как он приступил к своим новым обязанностям, раскрылся, пожалуй, его главный дар: в нем органически соединялись две ипостаси — коммуниста и патриота-государственника.

«Конечно, — вспоминает Антонович о своих бывших коллегах по ЦК КП РСФСР, — все мы были убежденными государственниками. Но, во-первых, об этом не принято было говорить, а во-вторых, национально-патриотические проблемы были вынесены за рамки официальной идеологии. Заслуга Зюганова заключается в том, что он сумел развернуть идеологическую работу партии лицом к коренным государственным интересам, к узловой проблеме, которая на тот момент заключалась не в том, *какой быть* стране, а в том, *быть ей или не быть* вообще. Это и предопределило его огромную популярность не только в партии, но и в широких кругах российской общественности, помогало ему в самые критические для страны моменты объединять вокруг себя людей с различными политическими взглядами, которые шли за ним, подчиняя свои идейные убеждения более высокой цели».

Конечно, при любых кадровых решениях, особенно когда они касаются высшего руководящего звена, всегда возникают определенные трения и противоречия субъективного характера, появляются обиженные и недовольные. Порой здесь многое зависит от везения или удачи. Как считает Антонович, при

избрании Зюганова главным идеологом Компартии России везение тоже присутствовало: крупно повезло партии. В лице Зюганова она обрела человека, который внес в ее деятельность живую струю, удержал ее в руках, не дал ей рассыпаться в период тяжелых испытаний, привел ее во всеоружии, в боеспособном состоянии к нынешнему историческому рубежу. Последнее обстоятельство представляется особенно важным, потому что Россия сейчас вновь стоит перед выбором. Сколько бы мы ни рассуждали о том, каким путем предстоит ей идти дальше, для большинства здравомыслящих политиков совершенно ясно одно: Россия — страна левая. И в ней существует пока лишь одна политическая партия, которая наиболее полно аккумулирует левые настроения российского общества, — КПРФ. И с ее позицией придется считаться, если мы не хотим снова оказаться в ловушке.

Представив читателю суждения И. И. Антоновича, заметим, что сам он — не только авторитетный свидетель, но и активный участник драматических событий тех лет. Когда знакомишься с биографиями таких людей, лишний раз убеждаешься, насколько нелепы и циничны трафаретные мифы о закоснелости и несостоятельности «партийных бонз» советской эпохи. Партийную работу Иван Иванович начинал в Белоруссии и поныне гордится, что первое напутствие получил от П. М. Машерова. Работал лектором, заведующим отделом культуры ЦК Компартии Белоруссии, избирался секретарем Минского горкома партии. Интересно, что оправдал он и ожидания тех, кто в молодости прочил ему иную карьеру — ученого или дипломата. В 35 лет Иван Антонович стал доктором философских наук, с годами приобрел широкую известность как специалист в области социологии. Добился успехов и на дипломатическом поприще: за его плечами — опыт работы в ООН и ЮНЕСКО; позднее, во второй половине девяностых годов, он назначается сначала заместителем министра, а затем — министром иностранных дел Республики Беларусь. Первое знакомство с Зюгановым у него состоялось в восьмидесятые годы, когда работал проректором по науке одного из самых престижных учебных заведений страны — АОН при ЦК КПСС. Потом судьба свела их в аппарате ЦК КПСС — после АОН Антонович был назначен заместителем заведующего отделом ЦК. Вместе с Зюгановым вошел в состав руководства Компартии России, вместе они пережили нелегкий период ее становления. Геннадия Андреевича, всегда ценившего общение с талантливыми и одаренными людьми, особенно покоряли в Антоновиче его уникальные аналитические способности, непринужденное владение методикой анализа социальных

проблем, что позволяло находить быстрые и верные решения в путаной и стремительно изменяющейся политической обстановке.

Становление Компартии России пришлось на время, когда на смену горбачевщине шла еще более агрессивная и беспринципная ельцинская клика, которая консолидировалась на разрушительной основе, укреплялась на своей социальной базе и была готова смести все, что только могло оказаться на ее пути. Уже по первым шагам Ельцина на посту председателя Верховного Совета РСФСР нетрудно было предположить, что он со своим окружением для достижения своих целей готов пожертвовать не только Союзом, но и Россией, всеми ее государственными структурами. Самые худшие опасения подтвердились в начале марта 1991 года после беспрецедентного сборища сторонников Ельцина в московском Доме кино. Поначалу оно было анонсировано как «встреча предпринимателей России с Б. Н. Ельциным», а затем переименовано во «всероссийскую встречу демократических сил». Общий смысл выступивших там «демократов» сводился к тому, что *господствующим классом,* который будет «кормить народ», должны стать кооператоры и предприниматели, что *«настоящих демократов»* можно вырастить лишь на почве рынка, базирующегося на ничем не ограниченной частной собственности.

«Политическая линия, выработанная на встрече, — писал в те дни в одной из своих статей Зюганов, — пряма, как оглобля. Сим орудием надлежит бить всех „не наших“ — „врагов“, „предателей“, „ненадежных“, невзирая ни на какие законы. В числе „не наших“ могут оказаться любой индивид или учреждение, хоть чем-то мешающие или просто не понравившиеся „демократическим силам“ и лично Б. Н. Ельцину… Завтра в число „не наших“ рискуют попасть и Съезд народных депутатов, и Верховный Совет РСФСР. И тогда, уж будьте уверены, с ними поступят так, как того заслуживают враги народа. То бишь „демократов“».

Последние слова можно было бы назвать пророческими. Только сам Геннадий Андреевич таковыми их не считает: по его мнению, любой имеющий глаза и уши был просто обязан понимать, что если Ельцина вовремя не остановить, сам он ни перед чем не остановится. Но, увы, даже среди значительной части членов КПСС не было понимания неотвратимости грядущей катастрофы. Пытаясь выбрать из двух зол меньшее, многие стали симпатизировать Ельцину. Другие, наоборот, поддерживали Горбачева, связывая с ним надежду на подписание Союзного договора, хотя процесс его подготовки принял затяжной и неопределенный характер. Далеко не все восприняли

предупреждение ЦК Компартии РСФСР о том, что *речь идет не о выборе между Горбачевым и Ельциным, и даже не о выборе общественного строя, а о бытии и небытии страны.*

Мало кого отрезвила и волна митинговой, антикоммунистической истерии, прокатившейся по стране в начале 1991 года — к митингам привыкли. А ведь выступления на них штатных ораторов-«демократов» носили уже откровенно погромный характер: словно по команде (да так оно на самом деле и было) КПСС теперь представлялась как коллективный враг народа, а ее лидеры и активисты — не иначе как предатели и бандиты. На митинге в Москве, состоявшемся на Манежной площади, звучали призывы голосовать на референдуме 17 марта против сохранения Союза. Свои недвусмысленные цели выступающие пытались прикрыть «благими» намерениями: против самого Союза они, мол, ничего не имеют, а голосовать «против» необходимо для того, чтобы выразить недоверие президенту и правительству СССР. Невероятно, но верили даже таким глупостям.

При отсутствии реальных властных рычагов, в условиях жесткого прессинга СМИ, недоверчивого, а порой и просто враждебного отношения к партии со стороны значительной части населения главным оружием Центрального Комитета КП РСФСР становилось живое *слово,* обращенное к коммунистам, ко всем, кому была дорога судьба страны. Представление о характере проблем, которыми выпало заниматься Зюганову, дает фрагмент из его воспоминаний:

«Вся первая половина 1991 года прошла у меня в изнурительной работе. Я давал интервью и много выступал на страницах „Советской России“, в „Комсомольской правде“, в журнале „Диалог“, в „Экономике и жизни“, в региональной прессе, кроме того, разумеется, занимался множеством проблем, связанных с укреплением молодой Компартии Российской Федерации, а также ездил по стране, встречался с трудовыми коллективами в Ленинграде, Челябинске, Барнауле, Красноярске, Хабаровске, Воронеже… Больше всего удручало и вызывало огромную озабоченность мировоззренческое состояние людей. Главное — были утрачены социальные идеалы, а общество без идеалов, как известно, идет вразнос… Уже почти повсеместно провозглашался принцип уголовного мира: „Умри ты сегодня, а я — завтра“. Некоторые почти свято уверовали, что капитализм наконец-то якобы оценит каждого по труду, и вот уж тогда они заживут!.. Необходимо было восстановить сущность нашей мировоззренческой политики и активно защищать интересы трудящихся в новых условиях. Требовалось в беседах с людьми,

на митингах, на собраниях доходчиво разъяснять манипуляции СМИ».

Накануне референдума 17 марта 1991 года о судьбе Союза Зюганов обратился к гражданам страны со статьей-предупреждением «Еще не поздно», опубликованной в «Советской России».

«Как ни горько, ни больно осознавать, но цели и идеалы перестройки еще более отдалились, а в чем-то обернулись своей противоположностью. Однако истина о реальном положении дела всячески затуманивается. Более того, желание объективно разобраться, куда мы пришли за последние годы, поделиться сомнениями встречает яростное сопротивление новых „монополистов гласности“. Любая точка зрения, не совпадающая с той, которой придерживается кучка „прорабов перестройки“, немедленно подвергается остракизму. Так произошло со многими, кто осмеливался говорить правду на XXVII съезде КПСС, на Учредительном съезде Компартии РСФСР. Попытка пленума ЦК Компартии в ноябре 1990 года прямо и честно ответить, почему не удалась перестройка и что нужно сделать для того, чтобы были все-таки реализованы идеи социалистического обновления, была попросту блокирована замалчиванием…»

Вернувшись к анализу причин неудач, предпринятому еще в статье «Всесторонне оценить ситуацию», Геннадий Андреевич выделяет главное звено: не был раскрыт потенциал социализма. И делает существенное добавление: *его и не собирались раскрывать* (курсив мой. — *А. Ж.*). Принципиальный характер имел вывод о том, что «до конца не осознана и заинтересованность внешних сил в том, чтобы события в нашей стране развивались именно так, а не каким-либо иным образом». Ни у кого не вызывало сомнений: Зюганов, по сути дела, прямо указывает на то, что вполголоса обсуждалось в партийных кулуарах, — на связь «архитекторов» и «прорабов» перестройки с западными спецслужбами. В статье совершенно четко обозначено и его размежевание с горбачевской верхушкой:

«…Налицо кризис перестройки, и он стал всеохватным. Однако причины его носят скорее субъективный характер. Это, прежде всего, кризис компетентности, политической воли и нравственности руководства разных уровней».

Неподдельным гражданским пафосом проникнуты слова Зюганова, обращенные к соотечественникам:

«Хочется воскликнуть с тревогой и болью: дорогие россияне,

уважаемые соотечественники, люди со здравым смыслом и не уснувшей совестью — Ломоносовы и Вавиловы, Пожарские и Жуковы, Матросовы и Гагарины, очнитесь! Страшная беда у порога. В третий раз в одном веке! Ее уже не вынесет наш народ. Объединитесь, помогите раскрыть согражданам глаза на все, что происходит в нашем многострадальном государстве. У нас у всех остался один общий оплот, еще способный спасти от братоубийственных междоусобиц, — общесоюзные органы, структуры управления и безопасности. Взгляните внимательно на страну — везде, где уже отказались от их услуг, царят анархия и геноцид. Там нет и в помине обещанных демократии и гуманизма…

Не сомневаюсь, что большинство советских людей, кроме тех, чье сознание крепко отравлено ядом национализма, выразят во время референдума 17 марта волю — сохранить Союз ССР. Нужно помочь всем понять, что будет, если мы не сохраним нашу Отчизну. Бескровного распада страны не бывает, тем более такой, в которой каждый уголок многонационален».

Статья нашла у людей горячий отклик: отзывы на нее приходили со всех уголков страны. Радовали и позитивные итоги референдума. Значит, действительно еще не поздно и не все потеряно. По всему чувствовалось, что Компартия России обретала реальную силу. Воспрянули духом региональные парторганизации, которые до того ощущали себя брошенными на произвол судьбы и были вынуждены по собственному усмотрению, без чьей-либо поддержки решать валившиеся на них проблемы. ЦК КП РСФСР удалось установить каналы постоянного обмена информацией между центром и низовыми звеньями — оживить те самые кровеносные артерии партии, которые были закупорены в аппарате ЦК КПСС в результате деятельности А. Н. Яковлева и его приспешников.

«Демократы» сразу же усмотрели в Компартии РСФСР главное препятствие, мешающее осуществить их заветную цель — «ввести Россию в цивилизованное стойло». Эта лаконичная формула принадлежит перу Яковлева, который не упускал возможности излить ненависть к вскормившей его стране. Сделав свое дело в Политбюро и благополучно перескочив оттуда сначала в Президентский совет, а затем на должность советника президента по особым поручениям, Александр Николаевич никому не дал повода усомниться в том, что в руководстве страны по-прежнему именно ему принадлежит роль главного провокатора. Однако выступить против «серого кардинала» с открытой критикой никто не решался. Психологическую атмосферу, царившую тогда в верхних партийных эшелонах,

весьма точно охарактеризовал коммунист-публицист Ю. П. Белов. Возмущаясь невнятной реакцией партийной элиты на выступления Зюганова в печати, он писал: «Я знаю не одного товарища из ЦК, у которого на кончике языка то, что сказано Г. А. Зюгановым. Увы, самое большое, на что способны многие из руководящих партийцев, — это держать фигу в кармане, заговорщически перемигиваясь»[20].

Зюганов был первым, кто дал Яковлеву открытый бой. Потому что понимал: медлить дальше нельзя — ситуация в стране близится к полному обвалу. В этих критических условиях необходимо было показать людям, кто привел их на порог катастрофы, в чем заключаются действительные цели «архитекторов перестройки». Ясно было и другое: выступать и дальше против виновных в национальной трагедии в традиционном духе, свойственном партийной печати, — с критикой «между строк», облеченной в форму дипломатических демаршей, — неуместно и безнравственно. Следовало четко обозначить линию размежевания, поскольку размытые границы противостояния вводили массы рядовых коммунистов в заблуждение: бесконечные препирательства в верхах вместо решительных действий ничего, кроме раздражения, не вызывали.

В подобных размышлениях и родилась идея открытого письма, в которую Геннадий Андреевич посвятил главного редактора «Советской России» В. В. Чикина. Валентин Васильевич намерение Зюганова поддержал, но сразу же предупредил: «Сейчас об этом знают два человека. Но имей в виду: узнает третий — материал не появится». Надо понимать реальную обстановку того времени, чтобы оценить гражданское мужество Чикина. Свобода слова была предоставлена только тем, кто вел подрывную работу, направленную против своей страны. Любой шаг их оппонентов контролировался, а «неблагонадежные» издания находились под жестким прессом негласной цензуры.

Открытое письмо «Архитектор у развалин», адресованное А. Н. Яковлеву, было опубликовано в «Советской России» 7 мая 1991 года. Чтобы понять ту бурную реакцию, которую вызвало появление этого материала, обратимся к его содержанию:

«Александр Николаевич!

Недавно в пространном интервью немецкому журналу „Штерн“ Вы с первого же мгновения прямо указали своим влиятельным перстом старшего советника Президента страны на главного противника перестройки: „Они очень опасны, например, аппарат Российской коммунистической партии. И ее руководство. Они открыто говорят, что перестройка отклонилась от своего

курса…“

Не будем здесь высчитывать — кто это „они“. Для широкого читателя не новость Ваше резко отрицательное отношение к самой идее создания Российской компартии. Подозрение сложилось еще до учредительного съезда, и тут Вы опирались, видимо, на аргументы таких деятелей, как Сталин и Троцкий. Так или иначе, — вопрос образования российской организации решен. Сегодня Вы уже предъявляете ей обвинения. Неужто не бюрократы и консерваторы, как Вы неистово убеждали нас все эти годы, и даже не административно-командная система — это исчадие всех зол, а аппарат ЦК КП РСФСР, который и насчитывает-то всего полторы сотни человек и существует-то считаные месяцы, грозит остановить шествие революционной перестройки?

Обвинение столь тяжело и несправедливо, что я, как один из секретарей ЦК, считаю своим долгом обратиться к Вам с открытым письмом и объясниться предельно откровенно. Тем более что я работал в том же Отделе пропаганды ЦК КПСС, где Вы долгие годы формировались как ведущий идеолог партии. Мне хорошо знакомы не только Ваши принципы и Ваше мышление, но и стиль руководства, отношение к товарищам.

Прежде всего, надо уточнить: у нас разные представления о происходящем. Если Вы по-прежнему повторяете: все хорошо, перестройка идет в нужном направлении, это приносит удовлетворение и счастье, то я оцениваю ситуацию совсем иначе. Мне кажется, наш государственный корабль без руля и ветрил болтается в бушующем политическом море и вот-вот налетит на рифы.

В моем представлении перестройка — это, прежде всего, созидание в опоре на науку, здравый смысл, народные традиции, наш собственный и международный опыт. Но созидания, к сожалению, не получается. Пока все происходящее напоминает европеизированный вариант печально знаменитой китайской „культурной революции“ с авантюрным желанием повторить „большой скачок“ за 500 дней.

В стране раздор, развал, распад, разложение. Основой бытия стали конфронтация и безответственность. Взгляните хотя бы на столицу, Александр Николаевич, не говоря уже о „горячих точках“, где Вы избегаете появляться. Здесь, под носом у лидеров всех мастей и оттенков, она превратилась во всесоюзную политическую свалку, рассадник антисанитарии и аморализма. Может ли народ поверить, глядя на весь этот бедлам, что перестройка развивается в правильном направлении? Думается, нет. Ведь Вы всегда наставляли меня и других сотрудников, что

надо идти от жизни, от практики, учитывать настроение масс. А настроение это, согласитесь, прескверное. Сплошь недовольство и агрессивность. Разве можно при таком состоянии людей надеяться на успех очень сложных реформ. Это значит игнорировать азы политологии.

То, что мы видим сегодня, называется национальным бедствием, сопоставимым с гражданской войной или нашествием гитлеровского фашизма. Но даже фашизму не удалось перессорить народы и поколения, отцов и детей, горожан и селян, а сегодня это стало горьким и трагическим фактом нашей действительности. Эта опасность, как ни странно, Вас не беспокоит. Наоборот, Вы видите себя „счастливым человеком“, участником „великого обновления великой страны, ее исторического похода в мир свободы“.

Не слышно Вашей тревоги и за то, что основные декларации перестройки стремительно вырождаются в свою противоположность.

Уже всем очевидно, что демократия подменена войной законов, суверенитетов и полномочий, разгулом страстей толпы и развалом государства. Как и в далеком прошлом, вновь нарождается союз охотнорядцев, люмпенизированной интеллигенции и уголовников. Порушена вся система гражданского воспитания, как будто учителя обновления решили из интердевочек и супермальчиков выращивать будущих перестройщиков.

Гласность давно сорвалась на истерический крик и стала оружием в психологической войне против народа. А ловкие ребята приспосабливают ее и в качестве ходового товара в нарождающихся рыночных отношениях. Все, кто был рядом с Вами, видели, что в этот процесс Вы внесли, что называется, неоценимый вклад. Серия политических портретов о „добром человеке из Политбюро“, созданная в классическом аллилуйском стиле, — наглядное тому подтверждение.

Вы постоянно уверяли нас, что мы цивилизуемся, строим правовое государство, а на деле это обернулось всеобщим бесправием, расколом общества, парадом непристойностей и полной утерей государственного достоинства. Не поразительно ли, что посланец, пусть великой иностранной державы, приезжая в Союз, по-хозяйски напрямую приглашает к себе руководителей республик. Так поступали только с вождями полудиких племен, и то лишь после того, как изрядно задарят и подпоят крепкими заморскими напитками. Похоже, и это Вас как советника Президента ничуть не возмущает.

Основную угрозу перестройке Вы усмотрели в кознях

аппарата партии российских коммунистов, которому, повторю, от роду всего несколько месяцев. Вы просто льстите нам. Мы еще не справляемся со своими прямыми и первейшими обязанностями. У нас многое не получается, нас справедливо за это критикуют партийные организации и трудовые коллективы.

Нам не удается доказать Президенту и Вам, что управлять такой страной, как наша, с помощью словопрений, пусть даже виртуозных, нельзя. Что сложные общественные системы можно модернизировать только по частям, никак не чохом. Нельзя рушить структуры исполнительной власти, не имея ничего взамен. Пагубно для общества насильственно прерывать связь времен, опрокидывать общепринятые ценности. Просто удивительно при Вашем владении отечественными и зарубежными источниками такое облегченное отношение к основным требованиям диалектики — преемственности и новаторству.

Вы постоянно восторгаетесь успехами демократизации. Но все же очевидно: на фоне продолжительного паралича власти в стране складывается губительное троевластие в лице Центра, российского руководства и национал-сепаратизма. Суверенные законодатели, пренебрегая правами человека и Конституцией СССР, „качают“ свои права и намерены устроить жизнь по своим законам. Ведь больший абсурд трудно себе представить — законодатель выступает в роли постоянного нарушителя законов. Тут, несомненно, „мы впереди планеты всей“…

Что же нам уготовано — окончательное разрушение всех общественных связей, что непременно приведет ядерную державу к социальному взрыву. Или же кратчайший путь к диктатуре, правой ли, левой, „коричневой“ или „желтой“ — какая разница. Те „архитекторы перестройки“, кто легко допускает подобное развитие событий, принимают на себя тягчайшую ответственность перед историей и соотечественниками. Неужели для Вас опасны те, кто хотел бы воспрепятствовать народной трагедии?

Правомерно отказать Вам в доверии как политическом, так и гражданском. Этот вопрос возникал уже на XXVIII съезде КПСС, остро ставился на последних партийных пленумах. Лично я такого доверия к Вам давно не испытываю. Не скрывал и не скрываю этого. Мое отношение основано не на эмоциях, не на сегодняшней безысходности, а на Вашей практической деятельности, в том числе и той, которая скрыта от широкого общественного мнения. В основе ее лежит субъективный идеализм и политический снобизм, замешанный на той самой жажде почестей и власти, которую Вы внешне так шумно

осуждаете.

Признаюсь, я, как и многие другие, вначале был покорен Вашим либерализмом, непринужденностью суждений, меткостью оценок, хотя сейчас вижу, это походило на звездные часы Фомы Опискина из села Степанчикова. Потом от непринужденности повеяло холодной небрежностью, остромыслие поражало цинизмом. Однажды, помнится, небрежно похлопав по пухлой папке, Вы сказали, что тут проект перестройки и мы обязательно перевернем эту страну. Резануло: почему „эту“, а не „нашу“, да и зачем „переворачивать“ исстрадавшуюся страну? Да она же с ракетами, товарищи!.. Увы, оказалось это не бахвальством: не просто „перевернули“, а почти вывернули наизнанку!

Не знаю, способны ли Вы самокритично оценить свои деяния и их результаты. Думается, нет. Перескакивая с одной вершины на другую (за последние шесть лет — шесть высших должностей), Вы ни разу не отчитывались за свою работу. Даже на последнем партийном съезде, когда предстояло отчитаться каждому члену Политбюро, Вы возмущались, делая вид, что не понимаете, чего от Вас требуют.

Судя по многочисленным комплиментам Ваших интервьюеров, Вам нравится, когда Вас называют „архитектором перестройки“, но комплименты более чем сомнительны — ведь архитектор-то у развалин… И тут вряд ли утешишься вдруг пролившимся благостным дождем чинов, премий, званий.

Понимаю, почему Вы сейчас так энергично заговорили. Наступает момент массового прозрения. Все чаще и все громче мы говорим о глубинных причинах вырождения перестройки и, конечно, хотим убедиться в добросовестности проектантов, прекрасно понимая, что в конечном счете за весь этот хаос придется кому-то нести персональную ответственность. Вы пытаетесь отвести от себя стрелы народного гнева и без смущения указываете то в одну сторону, то в другую. Теперь вот „они“, российские коммунисты, „очень опасны“. Вы объявляете их опасной силой в тот момент, когда ЦК Компартии РСФСР собирает всех для предотвращения всенародной беды, настойчиво ищет взаимопонимания со своими политическими оппонентами, когда наметились реальные пути согласия на основе заявления руководителей Центра и девяти республик. У Вас редкая способность в нужный момент подливать масла в огонь…

Да, перестройка в ее нынешнем образе и состоянии очень обязана Вашим талантам и энергии. Свою послеапрельскую деятельность Вы начали в качестве руководителя ведущего отдела ЦК, отвечали за идеологическое обеспечение перестройки, и с тех пор, как бы ни складывалась Ваша служебная карьера, не

выпускаете эту сферу из-под своего неусыпного контроля. Именно под Вашим руководством были изобретены, отшлифованы и „запущены в дело“ новые идеологические стереотипы, под знаком которых все мы должны были „обретать новое мышление“ и предаваться иллюзиям. При всем многообразии внедряемых штампов их роднила некая абстрактность, нарочитая многозначность, крикливая ярлыковость! Такие стереотипы, конечно же, очень скоро превратились в прикрытие и оправдание самого неприглядного практического, теоретического и нравственного произвола.

„Застой!“ — бранись этим словом, и можно ни за что не отвечать из недавнего прошлого, можно не разбираться в противоречиях, свойственных любому времени, можно не выяснять, кто, как и где топил страну, а кто вытаскивал ее из трясины.

„Административно-командная система!“ — наклеивай ярлык, и можно безоглядно крушить любые системы жизнеобеспечения страны и государства, нимало не заботясь, чем заменить порушенное.

„Возвращение в мировую цивилизацию!“ — провозглашай лозунг, и можно резать вдоль и поперек живой — формировавшийся не только десятилетиями, но и столетиями! — уникальный организм советской, российской общественности и государственности, вживлять в него любой суррогат управленческого, политического, культурного толка, подобранный на западной барахолке…

Среди подобных средств „идеологического обеспечения перестройки“ есть два „выдающихся“, от воздействия которых общество оправится не скоро. К Вашей неутомимой деятельности, Александр Николаевич, они имеют самое непосредственное отношение. Первый тезис гласит, что „средства массовой информации только отражают действительность, но не формируют ее“. А раз так, то принципиальная грань между истиной и ложью фактически стирается. Их можно теперь смешивать на газетной полосе или в эфире в любой необходимой пропорции, постепенно увеличивая дозу ядовитой дезинформации, исподволь отравляя сознание читателей, зрителей, слушателей, приучая их не морщась глотать, воспринимать как норму и беспардонную историческую ложь и моральное уродство. Главное — лишить человека способности отличить истину, добро и красоту от лжи, зла и безобразия. И здесь, видно, мы уже преуспели.

Вы, Александр Николаевич, конечно, с негодованием возразите: такие, мол, рассуждения — грубое искажение идеалов

гласности и свободы слова, имелось в виду совсем другое. Неправда! Именно это и имелось в виду, чему свидетельство — Ваши директивные выступления и заявления, полные двусмысленностей, недомолвок, многозначительных намеков.

Между прочим, забота о высоких идеалах гласности возникает у Вас исключительно в тех случаях, когда дело касается Вашей собственной персоны. А когда пиратам гласности надо провести иную персональную кампанию, „идеалы“ не мешают. Вы месяцами хранили олимпийское спокойствие, когда послушная Вам часть прессы травила Николая Ивановича Рыжкова, Вашего, между прочим, товарища по партии и руководству, когда „желтые“ издания и политиканы обливали грязью Президента, когда оголтелая свистопляска возникала вокруг В. С. Павлова или А. И. Лукьянова. Но куда же девалась Ваша „толерантность“, когда на партийном съезде по рукам пошли листки с конспектом Вашей беседы с молодыми делегатами? Почему начался такой шум, была поднята на ноги вся „демократическая“ пресса, оперативно создана комиссия по розыску виновных и расследованию антияковлевской деятельности? Вы не собирались дожидаться, когда жизнь все расставит по местам и народ узнает правду? Конечно, правду нужно защищать „здесь и теперь“, а не на суде потомков. Но почему-то этим принципом Вы руководствуетесь, только когда затронуты Ваши личные интересы?..

Второй Ваш любимый тезис гласит: „Разрешено все, что не запрещено законом“. Не будем говорить об очевидной моральной несостоятельности этого тезиса. Я приглашаю Вас еще раз задуматься над тем, как губителен он для страны, где не разработаны целые пласты гражданского и уголовного законодательства, где нет многовековой традиции законопослушания. Вы скажете, мол, очень плохо. Да, но такова реальность. Как можно с ней не посчитаться? Как можете не считаться с ней именно Вы, подаривший западному читателю новую книгу под многозначительным названием „Реализм — земля перестройки“?

Вы заявили корреспонденту „Штерна“: „Можно спокойно продавать все, кроме совести, чтобы изъять у населения инфляционные деньги. Вплоть до танков, но их никто не покупает“. Не знаю, какова рыночная цена на совесть, продавцы, однако, находятся даже на тех, кому и продавать-то уже нечего, а вот на танки и бэтээры, ракетные комплексы, минометы и автоматы спрос большой. Не говоря уже о „горячих точках“, даже в Москве каждой ночью, а то и днем стреляют. Напомню для сравнения: пять лет назад в Москве в течение года боевое оружие

было применено 15 раз и по каждому такому факту прокуратурой заводилось отдельное дело.

Напомню также: в тот год, когда в Президентском совете Вы отвечали за борьбу с преступностью, число убитых и погибших в результате несчастных случаев возросло в стране на 45 тысяч человек, а число жертв других тяжких преступлений — на 109 тысяч. В три раза больше, чем в неправедной десятилетней афганской войне. Эти страшные цифры, насколько мне известно, Вы нигде и никак не комментировали. Как избегаете говорить и о нарушениях прав человека в ряде республик и регионов, о наличии в стране сотен тысяч беженцев. А ведь о возможности трагического развития событий Вы были прекрасно осведомлены заранее. Только о положении в Литве Вам было направлено несколько десятков информационно-аналитических записок. Так почему же молчит Ваша „неозябшая совесть“?

И наконец, о последнем стереотипе, который Вам так и не удалось внедрить. Речь о провалившейся попытке Ваших сторонников разрушить в сознании людей образ Владимира Ильича Ленина, Вы сами вынуждены были признать это поражение. Не прошло и года с тех пор, как Вы публично клялись в „сверххорошем“ отношении к Ленину. Теперь же… Но пусть читатель сам узнает об этом из Вашего собственного интервью парижской газете „Трибюн де л'экспансьон“ и оценит всю глубину Ваших „принципов“.

„Вопрос: На Вашем письменном столе стоит фотография Горбачева. На стене висит его официальный портрет. Но Ленин? У Вас нет портрета Ленина? Ответ (с улыбкой): Напротив — три гвоздя. Вопрос: На которых ничего не висит. Там был портрет Ленина? Ответ: Вряд ли это был портрет Рузвельта“. Вы демонстративно, с оповещением всей Европы, выкинули ленинский портрет и выдали тем самым себе свидетельство о бедности. Надеетесь кого-то вдохновить личным примером? Есть, конечно, немало людей, оглохших от грохота Вашей идеологической молотилки. Однако отрезвление неизбежно наступит. И тогда Вам придется оглядеться и подытожить — чего же Вы достигли. Только не говорите, что Вы и Ваши соратники „пробудили народ“, „раскрыли ему глаза“. Зрячие люди не убивают друг друга из-за принадлежности к разным национальностям, не разрушают собственными руками в угоду междоусобице безответственных политиканов промышленный потенциал страны, в которой предстоит жить их детям и внукам, не травят свою армию, не унижают седины стариков, не разрушают памятники истории и культуры…

Только не убаюкивайте себя и товарищей по партии, в

которой Вы состоите почти всю зрелую жизнь, невидимыми, но вроде бы существующими успехами перестройки. Как раз в те недавние дни, когда на Совете Федерации президент признал положение страны катастрофическим, когда бездействовало домен больше, чем в 1942 году, а в Закавказье боевики грохотали ракетными залпами, Вас чествовали в Англии как почетного доктора наук. Видимо, за успехи в перестройке. Не хватит ли лицедействовать?..

Хорошо понимаю, что этим откровенным объяснением с „архитектором перестройки“ у проступающих ее руин я не обрадовал своих товарищей. Но хочу горячо призвать коммунистов, у которых болит сердце за наше многострадальное Отечество: не спешите покидать партию, несмотря на все трудности и раздоры. Там, где сгоряча побросали партбилеты, уже проклюнулась ядовитая поросль, от которой задыхается трудовой народ. Вглядитесь повнимательнее в социально-политическую картину Литвы, Грузии, Армении, Восточной Европы. Там в массовом порядке на маевке красные флаги и появляются транспаранты: „Коммунисты, простите, вы были правы“. Обещанное всеобщее благоденствие вряд ли состоится там в этом веке. Да, общечеловеческие ценности не живут без социальной справедливости и заботы о тех, кто кормит себя своим трудом. А эту заботу мы приняли на себя, когда искренне и честно, а не ради лицедейства и карьеры вставали в ряды коммунистов».

Конечно, предполагал Геннадий Андреевич, что публикация этого письма всполошит обнаглевшие от сознания собственной безнаказанности «демократические» СМИ, но, откровенно говоря, не думал, что они поднимут такую волну истерии. Как и следовало ожидать, письмо сразу же было квалифицировано как «продуманная политическая акция». Этот примитивный прием яковлевской пропаганды применялся при возникновении малейших признаков сопротивления ее диктату и служил сигналом к тому, что следует принять соответствующие меры. «Взрыв» гнева не заставил себя ждать. «По жанру эта публикация, — возмущались газеты, — типичный политический пасквиль. Вряд ли Яковлев — один из светлых наших умов — нуждается в чьей-то защите. В защите нуждается многострадальная истина. И в этом, прежде всего, заинтересована сама КПСС — все честное, что еще осталось в ней. Тем более что в ней осталось и иное — бессовестное, лицемерное, ничтожное». Последнее, по мнению «демократов», и олицетворял в себе Зюганов, проявивший «полное отсутствие плодотворных идей,

циничную мораль и политическую амбициозность».

«Но, — успокаивали журналисты своих алчущих возмездия сторонников, — многие из его коллег явно умнее. Не случайно столь сильно забеспокоилась „Правда“, что устами соратников Зюганова уже дважды попеняла ему: мол, хоть мы и единомышленники, зачем же публично раздеваться? Что же рядовые коммунисты скажут? И как на это посмотрит истинный объект нападок РКП — генсек?»

«Истинный объект нападок» предпочел официально не высказывать своего мнения. Советник президента В. Игна-тенко заявил, что Горбачев из-за своей занятости письма не читал, но если бы прочел, то оценил бы его негативно. Правда, Геннадий Андреевич, столкнувшись с Горбачевым через день после публикации, 9 мая, у решетки Александровского сада, пришел к выводу, что тот с материалом знаком. Но по потоку извергнутой на него несвязной брани так и не понял, с чем именно не согласен Михаил Сергеевич.

Как вспоминает Зюганов, партийную верхушку тогда охватил настоящий столбняк. Дважды публикацию разбирали на Политбюро ЦК КПСС. Удивляла реакция секретарей ЦК: в приватных беседах все выражали поддержку, а как собирались вместе, начинали вилять. Возникли двусмысленные разговоры: «Зюганов зачем-то пошел „ва-банк“…» — похоже, кого-то «осенила» мысль, что он задействован в чьей-то политической игре. Настороженность стала проявляться даже у тех, в ком Геннадий Андреевич совершенно не сомневался. Один из друзей пояснил суть невысказанных укоров: после «Открытого письма» нам теперь житья не дадут. «Нам» — это Центральному Комитету КП РСФСР. Но разве затем создавали Компартию России, чтобы, окопавшись, наблюдать за происходящим со стороны? Несмотря на то что ее руководство в целом все восприняло правильно и Зюганова поддержало, на некоторое время все же появилось у него ощущение одиночества, предчувствие которого возникло еще накануне, когда готовил материал к печати — пришлось работать над ним, ни с кем не советуясь, втайне даже от близких людей. Конечно, нечто подобное он предполагал — не зря же в «Письме» были слова о том, что своим откровенным объяснением с «архитектором перестройки» он «не обрадовал своих товарищей». Вот только не ожидал, что придется получить «пятьдесят выстрелов в спину».

Лишь позднее понял Геннадий Андреевич: то, что выпало тогда ему пережить, называется *цена поступка.* Впоследствии ему еще не раз приходилось сталкиваться с подобным — принимая решения, отстаивая свои взгляды, позицию партии, идя наперекор

сложившимся представлениям. И не дай бог ошибиться — за ошибки в политике приходится расплачиваться в одиночку.

Когда защищал свою точку зрения на Политбюро ЦК КПСС, настаивал: вся страна так думает. Говорил об этом искренне, потому что видел по отзывам: его письмо оказалось созвучно настроениям самых разных людей. Но вполне понятные эмоции, которые испытывал тогда Зюганов, на короткое время возобладали над объективностью. Конечно же никаких иллюзий он не испытывал и прекрасно понимал, что *вся страна* уже так не думает. К тому же любое внешнее проявление согласия с позицией российской Компартии, солидарности с ее действиями неизменно подавлялось агрессивностью «демократов», пускавших в ход шантаж и угрозы.

Для того чтобы противостоять такому напору, сдержать разрушительную лавину, собственного ресурса партии уже не хватало. В результате подрывной деятельности предателей и перевертышей она утратила былой авторитет, была измотана и обескровлена. Но все же у нее оставалось еще достаточно сил, чтобы, опираясь на колоссальный опыт работы с массами, расширить социальную базу влияния, выступить организатором общенародного движения сопротивления преступной политике горбачевско-елыдинской клики. Еще в начале 1991 года Геннадий Андреевич становится одним из инициаторов объединения разрозненных патриотических сил страны и проведения их общероссийского форума. В конце февраля в Москве прошла конференция «За великую, единую Россию», которая образовала Координационный совет народно-патриотических сил России, состоявший из представителей почти сорока организаций различной политической и идеологической ориентации. В его состав был избран и Зюганов.

Стремление главного идеолога российской Компартии поставить во главу угла ее деятельности защиту коренных национальных интересов страны обеспокоило «демократическую» прессу — Геннадию Андреевичу поспешили прилепить ярлык «национал-большевика». Однако все попытки дискредитировать Зюганова возымели обратный эффект: его авторитет как человека, последовательно отстаивающего линию на собирание всех здоровых сил общества, стремительно возрастал и укреплялся. Благодаря его деятельности ЦК КП РСФСР постепенно становился своеобразным центром сплочения патриотической интеллигенции — известных писателей, видных деятелей науки и культуры, директоров крупных предприятий, управленцев, военных. Именно эти люди оказали огромное влияние на становление Зюганова как политического лидера новой формации, сочетавшего в себе

духовную независимость со способностью в критические моменты взять на себя ответственность за общее дело.

Одно дело осознать идею, совсем другое — реализовать ее. Все понимали, что медлить с созданием широкого общенародного движения за спасение и возрождение страны больше нельзя, однако мало кто представлял, каким образом это можно осуществить. В начале лета 1991 года Зюганов выступил инициатором обращения к народу, которое, по его замыслу, должно было пробудить у дезориентированных, охваченных оцепенением людей волю к действию, объединить их перед угрозой утраты Отечества, всего, что составляло смысл их жизни. В подготовке текста обращения, которое вошло в историю как «Слово к народу», принял деятельное участие главный редактор газеты «День» Александр Проханов. На предложение обратиться к людям напрямую, не уповая на остатки совести и разума у действующих властей, откликнулись писатели Юрий Бондарев и Валентин Распутин, генералы Валентин Варенников и Борис Громов, скульптор Вячеслав Клыков и певица Людмила Зыкина, президент Ассоциации государственных предприятий Александр Тизяков и председатель Крестьянского союза Василий Стародубцев. Вместе с Геннадием Зюгановым и Александром Прохановым свои подписи под обращением поставили председатель Союза патриотических сил Эдуард Володин и лидер движения «Союз» Юрий Блохин. Следует подчеркнуть, что «Слово к народу» увидело свет только благодаря мужеству главного редактора «Советской России» Валентина Чикина, опубликовавшего его в своей газете 23 июля. По духу этот документ был созвучен сталинскому обращению «Братья и сестры», прозвучавшему в тяжелейшие дни фашистского нашествия:

«Дорогие россияне! Граждане СССР! Соотечественники!

Случилось огромное небывалое горе. Родина, страна наша, государство великое, данные нам в сбережение историей, природой, славными предками, гибнут, ломаются, погружаются во тьму и небытие. И эта погибель происходит при нашем молчании, попустительстве и согласии. Неужели окаменели наши сердца и души и нет ни в ком из нас мощи, отваги, любви к Отечеству, что двигала нашими дедами и отцами, положившими жизнь за Родину на полях брани и в мрачных застенках, в великих трудах и борениях, сложившими из молитв, тягот и откровений державу, для коих Родина, государство были высшими святынями жизни?

Что с нами сделалось, братья? Почему лукавые и велеречивые

властители, умные и хитрые отступники, жадные и богатые стяжатели, издеваясь над нами, глумясь над нашими верованиями, пользуясь наивностью, захватили власть, растаскивают богатства, отнимают у народа дома, заводы и земли, режут на части страну, ссорят нас и морочат, отлучают от прошлого, отстраняют от будущего — обрекают на жалкое прозябание в рабстве и подчинении у всесильных соседей? Как случилось, что мы на своих оглушающих митингах, в своем раздражении и нетерпении, истосковавшись по переменам, желая для страны процветания, допустили к власти не любящих эту страну, раболепствующих перед заморскими покровителями, там, за морем, ищущих совета и благословения?»

«Слово» было обращено «к представителям всех профессий и сословий, всех идеологий и верований, всех партий и движений», для которых все различия — ничто перед общей бедой и болью, перед нависшей угрозой гражданского раздора и войны.

«Начнем с этой минуты путь ко спасению государства. Создадим народно-патриотическое движение, где каждый, обладая своей волей и влиянием, соединится во имя высшей цели — спасения Отчизны.

Сплотимся же, чтобы остановить цепную реакцию гибельного распада государства, экономики, личности; чтобы содействовать укреплению Советской власти, превращению ее в подлинно народную, а не в кормушку для алчущих нуворишей, готовых распродать все и вся ради своих ненасытных аппетитов; чтобы не дать разбушеваться занимающемуся пожару межнациональной розни и гражданской войны.

Не пожалеем сил своих для осуществления таких реформ, которые способны преодолеть невыносимое отчуждение человека от власти, труда, собственности, культуры, создать ему достойные условия для жизни и самовыражения. Окажем энергичную поддержку прогрессивным новациям, нацеленным на то, чтобы продвигать наше общество вперед, достигнуть современных высот научно-технического прогресса, раскрепостить умы и энергию людей, чтобы каждый мог жить по труду, совести и справедливости. И мы будем выступать против таких проектов, которые тащат страну назад во мрак Средневековья, туда, где культ денег, силы, жестокости, похоти.

Наше движение — для тех, кому чужд разрушительный зуд, кто горит желанием созидать, обустраивать наш общий дом, чтобы жили в нем дружно, уютно и счастливо каждый народ, большой и малый, каждый человек, и стар и млад.

Не время тешить себя иллюзиями, беспечно надеясь на

прозорливость новоявленных мессий, с легкостью необыкновенной сулящих нам то одну, то другую панацею от всех бед. Пора отряхнуть оцепенение, сообща и всенародно искать выход из нынешнего тупика. Среди россиян есть государственные мужи, готовые повести страну в неунизительное суверенное будущее. Есть знатоки экономики, способные восстановить производство. Есть мыслители, творцы духа, прозревающие общенародный идеал…»

Пройдет немного времени, и «Слово к народу» назовут «манифестом ГКЧП», «прологом августовского путча». Однако есть основания полагать, что у облеченных властью государственных мужей, решившихся на введение в стране чрезвычайного положения, были собственные мотивы действий. Авторы «Слова» предлагали иной путь спасения Отчизны — через всенародное движение, сплочение, единение всех здоровых сил страны. В документе не называются конкретные виновники того положения, которое сложилось в стране, но нетрудно увидеть его прямую связь с всколыхнувшим общественность страны письмом Зюганова «Архитектор у развалин». В письме Яковлеву — жесткая констатация фактов и анализ причин катастрофы, в «Слове» — поиск выхода из тупика. Это еще не программа — лишь первый шаг к спасению. Люди, подписавшие «Слово», прекрасно сознавали, сколь далеко страна зашла в своем ослеплении, сколь мучительным и долгим будут прозрение и возрождение. Без скорых побед и сиюминутных результатов. И все же каждая строка этого документа читается как призыв к немедленному действию, к восстанию. Не к бунту и насилию — к восстанию духа. Историческая ценность «Слова к народу» не только в том, что оно отражает характер противостояния в переломную для России эпоху, противоборства сил добра и зла, созидания и разрушения. Впервые в истории социальной борьбы произошло соединение социалистической идеи с традиционной русской общественной мыслью. В результате этого слияния *слово* наполнилось особым одухотворенным смыслом, приобрело жизнеутверждающее начало. По сути, прогрессивной общественности страны была предложена новая формула национальной идеи, основанная на принципах единства, народовластия, социальной справедливости.

Намеченный в «Слове» путь борьбы за достижение этих идеалов — это путь, который избрал для себя Зюганов. Сразу же после провала ГКЧП в интервью ИТАР-ТАСС он заявил, что не изменил своих взглядов, изложенных в «Слове к народу». Остался верен он и своим коммунистическим убеждениям, публично

осудив решение Ельцина приостановить деятельность Компартии как проявление произвола и беззакония.

Анализируя события, предшествующие появлению на политической сцене ГКЧП, Зюганов с горечью отмечает, что «Слово к народу» не в полной мере оправдало те надежды, которые на него возлагались. Однако он не склонен объяснять это неудачным временем публикации обращения, которое совпало с периодом отпусков, когда мысли людей были заняты другими проблемами: отдыхом, огородами, дачами… Выбора не было, молчать дальше было нельзя. Люди тогда действительно устали, но устали они не от повседневных забот, а от бесконечных политических баталий, от газетной трескотни и навязчивых телевизионных шоу с митингами, заседаниями, резолюциями, протестами, пророчествами истеричных ораторов. Люди изверились. На них давила нависшая над страной атмосфера неопределенности, массового предчувствия скорой развязки и неизбежного погружения в пугающую неизвестность. При этом уже мало кто всерьез верил в способность Компартии или какой-либо другой силы переломить ход событий. Но, к сожалению, даже в этих условиях большинство честных и решительно настроенных коммунистов так и не смогли преодолеть идейные предубеждения и к планам сотрудничества, союза с иными политическими движениями, готовыми противостоять развалу страны, по-прежнему относились с холодной сдержанностью.

Тем временем политические противники не дремали. Еще в начале июля 1991 года лидеры демократов А. Яковлев, Э. Шеварднадзе, А. Руцкой, И. Силаев, Г. Попов, А. Собчак, С. Шаталин, А. Вольский, Н. Петраков выступили с заявлением о создании Движения демократических реформ. Вместо адекватного ответа ЦК КПСС на следующий день распространил информацию, в которой говорилось, что руководство КПСС «не исключает возможность конструктивного сотрудничества членов партии в рамках Движения демократических реформ, если провозглашенные им цели будут подтверждены практикой его действия». Такое «подтверждение» не заставило себя ждать: Шеварднадзе после своего избрания председателем оргкомитета ДДР заявил о выходе из КПСС. Яковлев снимать маску не спешил. Пришлось это сделать Центральной контрольной комиссии при ЦК КПСС, которая 15 августа 1991 года, рассмотрев вопрос о его публичных выступлениях, постановила: «За действия, противоречащие Уставу КПСС и направленные на раскол партии, считать невозможным дальнейшее пребывание члена КПСС А. Н. Яковлева в рядах КПСС». Убийство партии, которое он готовил и в котором принимал непосредственное участие, не дезавуировало

это решение. Большинство коммунистов и сейчас расценивают его как первый акт возмездия.

25—26 июля состоялся последний в истории КПСС пленум ее Центрального Комитета. Несмотря на чрезвычайный характер обстановки в стране, вышедший накануне ельцинский указ о департизации государственных учреждений и констатацию горького факта, что численность партии резко сокращается, прошел он довольно спокойно. Причиной того, что члены ЦК на этот раз не стали «ломать копья», явилось решение пленума о проведении в ноябре — декабре 1991 года внеочередного XXIX съезда КПСС. «Выяснение отношений» откладывалось на конец года. Историкам еще предстоит выяснить, что означало на самом деле решение собрать съезд: то ли Горбачев действительно желал его проведения, чтобы протащить новую программу КПСС, которую он мечтал преобразовать по образу и подобию западноевропейских социал-демократических партий, то ли уже все было предрешено: августовское преступление готовилось и следовало усыпить бдительность коммунистов.

Если оценивать развитие ситуации в стране и в КПСС с позиций сегодняшнего дня, когда ход последующих событий хорошо известен, то можно сделать вывод, что здоровые силы партии проявили непростительную инертность. Промедление действительно оказалось смерти подобно. Однако, по мнению Зюганова, всё тогда выглядело не столь однозначно и прямолинейно, как представляется сейчас. Хоть и «со скрипом», противоречиво, но продвигался процесс подготовки Союзного договора; была даже назначена дата его подписания — 20 августа. Кроме того, для всех стало очевидным, что с помощью дискуссий и резолюций идейно-политические противоречия внутри КПСС преодолеть не удастся. В ней, как считает Геннадий Андреевич, сложились и действовали, по сути, уже две непримиримые партии — партия манипуляторов и изменников и партия государственников и патриотов. Их сосуществование в рамках одной политической организации теряло смысл. Зюганов, как и многие его единомышленники, полагал, что в этих условиях проведение съезда имело принципиальное значение: он был нужен для того, чтобы окончательно размежеваться с идеологическими противниками, дискредитирующими коммунистическое движение в стране.

Как оказалось, слишком далеко было загадано.

…Только ленивый не попрекал Зюганова тем, что в дни «путча» он оказался далеко от Москвы. Конечно, при большом желании можно усмотреть за этим фактом «темное пятно» в биографии нашего героя. Хотя, анализируя события тех дней,

невольно хочется сказать: ну и слава богу, что был он в это время в Кисловодске. Ведь нетрудно предположить: если бы Геннадий Андреевич знал или хотя бы догадывался о том, что готовится нечто из ряда вон выходящее, непременно остался бы в столице. А там еще неизвестно, как бы судьба распорядилась, ведь сколько порядочных людей стали жертвами изощренной и циничной провокации!

Сейчас хорошо известно, что эта акция долго и тщательно готовилась — впервые Горбачев заговорил о необходимости принятия чрезвычайных мер еще в феврале 1991 года. И конечно же не случайно А. Н. Яковлев весной и летом «предупреждал» о неизбежности «государственного переворота», последний раз, о чем с гордостью свидетельствуют его поклонники, — 17 августа. Но его кликушество стало уже привычным и всерьез никем не воспринималось. Как оказалось, мастер закулисных интриг не просто проявил завидную осведомленность — он заранее нагнетал нужную атмосферу, готовил необходимые декорации, которые не вызвали бы сомнений в достоверности всего происходящего.

В отличие от непосредственных организаторов «путча» ни Зюганов, ни его коллеги ни о чем не подозревали. Не было ничего необычного и в том, что на совещании, прошедшем вскоре после пленума ЦК КПСС, многим руководителям и ответственным работникам ЦК КП РСФСР настоятельно порекомендовали в срочном порядке взять короткие, на две-три недели, отпуска. Мотивировалось это тем, что передышки в работе до конца года больше не предвидится, поскольку предстоит готовить XXIX съезд КПСС, а дело это, как всем было хорошо известно, хлопотное и ответственное. Только потом Геннадий Андреевич сообразил, что таким образом все они фактически отодвигались от предстоящих событий и лишались возможности повлиять на них.

Зюганов хорошо запомнил тот день, который переломил надвое судьбы миллионов людей. Ранним солнечным утром, когда вышел на пробежку, столкнулся на территории санатория со своим давним знакомым, министром автомобильной промышленности Николаем Андреевичем Пугиным. От него и узнал, что по радио сообщили о перевороте. Стали звонить в Москву. Оказалось, что в Верховном Совете РСФСР, как и в других центральных госучреждениях, связь работает. Это показалось странным — настоящие «путчисты» первым делом лишают связи всех, кто им может помешать или воспрепятствовать. Технологию введения чрезвычайного положения Геннадию Андреевичу пришлось досконально изучить в силу своих служебных обязанностей в ту пору, когда работал в ЦК КПСС. С каждым

часом число подобных странностей в действиях ГКЧП увеличивалось. В «перевороте» обвинялись фактически первые лица государства, каждый из которых обладал властными полномочиями куда более внушительными, чем те, которыми располагал тот же Ельцин. Кроме того, почти все они были лично преданы Горбачеву и в основном поддерживали его.

Наконец осенила догадка: провокация!

Позднее на этот счет Зюганов высказывался вполне определенно: «Был разыгран спектакль, от которого всех тошнит… Когда люди узнают, что многие из тех, кто сегодня у власти, еще за две недели до августа с карандашом расписывали общий порядок поведения, — они не только удивятся, а содрогнутся. Сами все затевали, сами спровоцировали, сами руководят сейчас и сами же обвиняют. Страна стала жертвой политических интриг».

В то же время Геннадий Андреевич далек от того, чтобы заподозрить в нечестности или неискренности людей, которые вошли в ГКЧП. Увы, их беззастенчиво «разыграли втемную». А они, в свою очередь, своим невнятным поведением, половинчатыми, откровенно безвольными действиями подставили под удар тысячи коммунистов и руководителей, поддержавших их в центре и в регионах.

Люди, подобные Зюганову — обладающие сильной волей, крепким характером и недюжинной физической силой, — с таким довольно распространенным в наше время явлением, как депрессия, знакомы в основном понаслышке. По их мнению, хандра — удел романтиков-бездельников.

И все же в первые дни после августовских событий на душе у Геннадия Андреевича было тяжело — сказалось и на нем всеобщее состояние подавленности и растерянности. Особенно гнетущее впечатление производила картина варварских погромов, учиненных в помещениях партийных органов, в том числе и на Старой площади. В кабинетах хозяйничали какие-то темные личности — под шумок шел обычный грабеж архивов. Одержимые манией кладоискательства рылись в документах, пытаясь обнаружить следы «золота партии». Напрасно старались — если и было что-то припрятано, то об этом знали немногие: в последние годы финансами КПСС распоряжались два-три человека из первых лиц партии. Непосредственное отношение к вопросам материального характера имели также председатель Комитета партийного контроля Б. К. Пуго, управляющий делами ЦК Н. Е. Кручина. Но, как известно, в дни «путча» и сразу же после него последовал ряд загадочных смертей. Следует отметить, что после

создания Компартии России, несмотря на настойчивые и вполне обоснованные попытки ее руководства добиться для новой республиканской организации права самостоятельного ведения финансовых дел, ЦК КПСС вопреки всякой логике так и не предоставил ЦК КП РСФСР возможность открыть свой счет в банке.

Не обошли погромщики и кабинет Геннадия Андреевича: пропали почти все архивы, картотека, исчезла большая часть рабочей библиотеки.

Хоть и нелегко было примириться с новой действительностью, надо было жить дальше. Несколько недель ушло на трудоустройство сотрудников аппарата ЦК КП РСФСР. Этим занимались все секретари ЦК — каждый в силу своих возможностей, личных знакомств и связей старался сделать все, чтобы люди не почувствовали себя брошенными, могли стать на ноги. Параллельно Геннадий Андреевич присматривал занятие и для себя. Вариантов было немало, но большинство предложений сопровождалось условиями, которые преподносились примерно в одной и той же упаковке: «Всё будешь иметь, только…»

Что значило это «только», догадаться нетрудно: надо было сначала заключить сделку с совестью. Однако изменять себе и своим убеждениям он не собирался. В конце концов устроился в Институт европейских гуманитарных программ «РАУ-Корпорация» на должность руководителя группы анализа и прогноза социально-политического развития России. С одной стороны, вплотную заняться научной работой вынудили обстоятельства — это был единственный (и приемлемый) источник средств к существованию. В то же время Зюганову представилась уникальная возможность существенно пополнить свой теоретический багаж, глубже освоить современные методы политических исследований. Тем более что ему пришлось заниматься тематикой, непосредственно связанной с самыми злободневными проблемами современности. Так что как профессиональный политик он не терял времени даром. Кстати, позднее именно за научной работой родилась у него идея подготовки докторской диссертации на тему «Основные тенденции и механизмы социально-политических изменений в современной России», которую Геннадий Андреевич успешно защитил весной 1995 года. Диссертация легла в основу выпущенной им в том же году книги «Россия и современный мир»[21], которую можно отнести к одному из наиболее значимых научно-публицистических трудов Зюганова.

Некоторые из содержащихся в ней выводов помогут нам лучше понять характер действий и поведения нашего героя на

историческом изломе начала девяностых и в последующие годы.

По мнению Геннадия Андреевича, с конца 1991 года в динамике преобразований страны был совершен переход от ее реформирования в рамках формационных изменений к сверхрадикальной ломке сложившегося в социалистическую эпоху уклада жизни и образа мыслей. Главная особенность этого периода определялась *не антагонизмом между основными классами и социальными слоями, а нарастающими противоречиями между правящим режимом, опирающимся на узкий слой либо компрадорской, либо националистической «ворократии», и остальным народом, между объединительными тенденциями развития России и субъективными, волюнтаристскими устремлениями захватившей в стране власть узкокорпоративной группы.*

Заметим, что Зюганов отнюдь не намерен игнорировать марксистский, классовый подход к анализу внутриполитической ситуации. Просто для него было очевидным, что говорить о «классическом» противоречии между трудом и капиталом преждевременно — оно еще не назрело. Его отсутствие обусловило и особенность механизма социально-политических изменений в начале девяностых годов. С того момента, как политической группировке крайних, радикальных «западников» удалось при поддержке мировой олигархии взять в России политическую власть, стало ясно, что значительная часть россиян не примет тот путь развития, на который ее стремились направить «демократы». Столь же очевидным было и то, что число недовольных станет расти по мере обнищания масс и углубления всеобщего хаоса — неизбежных последствий политического и экономического курса нового российского руководства. На определенном этапе всеобщее недовольство должно было неизбежно достичь критической точки, тех масштабов, при которых удержать страну без применения силы станет невозможно. Избежать этого позволял запрограммированный сценарий, в основе которого лежала методика контролируемого перевода России в новый политический режим с элементами диктатуры.

Такое программирование Зюганов назвал методикой «контролируемых взрывов», или «управляемой катастрофы». Ее главной целью являлось последовательное устранение с российской политической арены всех сил, которые в состоянии воспрепятствовать интеграции страны в единую сверхгосударственную систему «нового мирового порядка». В рамках такой методики получают внятное объяснение многие загадки нашей новейшей истории, в том числе трагикомический

«путч» ГКЧП и события октября 1993 года. Более того, Геннадий Андреевич полагал, что предложенный им подход к оценке событий делает возможным достаточно четкое прогнозирование политической ситуации в ближайшем будущем.

Был ли он прав, выдвигая довольно необычные и для многих неожиданные суждения? На мой взгляд, если Зюганов иногда и оказывался в плену каких-то частных заблуждений, он все равно находился на верном пути, во всяком случае — недалеко от истины.

Глава седьмая
ИЗ ТУПИКА

Далеко не все соратники Зюганова по партии отдавали себе отчет в том, что же произошло. Тогда, после августа 91-го, слишком тяжело было признать, что КПСС потерпела сокрушительное поражение. А главное — то, что основной груз вины за это поражение ложится на их поколение коммунистов, не сумевшее защитить народ, не оправдавшее его надежд и доверия. Хотелось, конечно, думать, что проиграно всего лишь сражение и исход войны еще не предрешен. Что достаточно собрать, перегруппировать разбитые, разрозненные части, и можно еще попытаться отвоевать утраченные плацдармы, вернуться на исходные позиции. Вера в жизненность подобной концепции, а по сути — в возможность скорого коммунистического реванша, стала и своеобразным критерием, мерой преданности борьбе за восстановление попранных идеалов справедливости. Иные подходы не признавались — за ними мерещились оппортунизм, соглашательство, предательство интересов трудящихся. Прямолинейная и незамысловатая шкала идеологических ценностей, позаимствованная без какого-либо критического осмысления у разгромленной КПСС, позволяла идти в бой с чистой совестью: вся вина за случившееся со страной возлагалась на горстку предателей и их вольных или невольных пособников из бывшей партийной номенклатуры. Главный вопрос дня: «Что делать?» считался давно уже решенным — предшествующими поколениями коммунистов. Основная энергия уходила на то, чтобы разобраться: кто виноват? Дискуссии на эту тему перерастали в бесконечные, затянувшиеся на долгие годы выяснения отношений между лидерами левых сил и приводили к непримиримым разногласиям. Что греха таить, и поныне нет-нет да и вспыхнут среди бывалых коммунистов мимолетные «разборки» итогов давнишнего голосования по кандидатуре Горбачева на XXVIII съезде КПСС — известно ведь, кто и как голосовал. Такой вот критерий истины…

Несмотря на жесткие и бескомпромиссные оценки августовских событий и их последствий, Зюганов не спешил выбрасывать громогласных лозунгов и призывать к немедленному ответному удару. Он считал, что после так называемого августовского «путча», «крупнейшей в XX веке политической провокации, перед которой меркнут поджог рейхстага и убийство Кирова», встал вопрос уже не о каком-то частном поражении, а о

гигантской стратегической катастрофе. Случилась национальная трагедия, смысл которой нельзя было постичь, замкнувшись в рамках традиционного партийного анализа причин краха КПСС и развала Союза — они были слишком тесны для этого. Налицо были качественно новые явления, которые не укладывались в привычные вульгарно-социологические схемы, — их еще предстояло осмыслить.

Довольно быстро обнажилась антинародная, антинациональная направленность «демократического» переворота. Цепная реакция распада, уничтожив Советский Союз, перекинулась на Россию. Разрушение социалистической системы влекло за собой реальную угрозу обвала материальных и духовно-нравственных устоев, уничтожения исторического, культурно-духовного кода народа. Весьма символично, что в то же самое время, когда в стране праздновала победу и утверждала свое господство антинародная ельцинская клика, готовилась к изданию книга А. Н. Яковлева с красноречивым названием — «Обвал»[22]. Ничего не скажешь, умел Александр Николаевич находить образы, чтобы передать глубину своего удовлетворения содеянным. Угадываются и истоки вдохновения. Вспомним одного из главных героев «Бесов» Достоевского — Петра Верховенского: «Раскачка такая пойдет, какой еще мир не видал… Затуманится Русь, заплачет земля по старым богам…» И сопоставим его бесовские планы со словами Александра Яковлева из речи перед либеральной интеллигенцией в 1996 году: «Ломаются вековые привычки, поползла земная твердь…» Поразительное созвучие…

Естественно, далеко не всех вводили в заблуждение содержавшиеся в «Обвале» пространные рассуждения Яковлева о гуманистической и практической ценности демократии, покончившей с тоталитарным, коммунистическим режимом. И о том, что после «прозрения и очищения от коммунистического наваждения» наступило, как поэтично выразился бывший идеолог КПСС, «время „За“. *За* демократию и личные свободы. *За* братство и равноправие людей и народов. *За* счастье и справедливость для всех. *За* экономику и государство, служащие людям, подвластные и подотчетные им…»

Когда абстрактная картина всеобщего благоденствия стала материализоваться, ужаснулись даже люди, политике чуждые, те, кого трудно упрекнуть в симпатиях к марксизму и коммунистам.

«Отечество наше, народ наш переживают сегодня лютые, тяжелые времена Смуты и безначалия, — писал осенью 1992 года выдающийся деятель Русской православной церкви митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев). — Святыни

попраны и оплеваны, государство предано и брошено на разграбление бессовестных и алчных стяжателей, жрецов новой официальной религии — культа духовного и физического разврата, культа безудержной наживы — любой ценой. Процесс апостасии, разложения живого и цельного христианского мироощущения, предсказанный Господом Иисусом Христом почти два тысячелетия назад, близок к завершению. По всей видимости, Бог судил нам стать современниками „последних времен“. Антихрист как реальная, политическая возможность наших дней уже не вызывает сомнений…

Стоило поднять „железный занавес“, чтобы русский человек на собственном опыте убедился, каковы „блага цивилизации“: беспредельный цинизм и разнузданное бесстыдство хваленого „свободного мира“ сегодня очевидны для любого наблюдателя, сохранившего хоть малую толику нравственной чуткости. На развалинах некогда христианских национальных государств с помощью бесчисленных международных банков, фондов, комитетов, совещаний и организаций лихорадочно возводится уродливая вавилонская башня „нового мирового порядка“.

Что же мы на сегодня имеем? Разрушенное государство, над трупом которого вовсю пирует воронье „суверенных“ князьков, растаскивая остатки по своим „уделам“. Плохо, но это еще полбеды. Налицо также гонения на Церковь, принявшие скрытые, а потому более изощренные формы. Жутко глядеть, с каким упорством и остервенением пытаются лишить Церковь ее главной спасительной силы — Божественной Истины, содержащейся в церковных недрах во всей полноте и определенности»[23].

Среди настольных книг Зюганова — изрядно зачитанный майский номер «Нашего современника» за 1997 год со знаменитой публицистической статьей Валентина Распутина «Мой манифест»:

«Последняя революция, либерально-криминальная, самая подлейшая из всех, какие знал мир, столкнула Россию в такую пропасть, что народ еще долго не сможет подсчитать свои жертвы. В сущности, это было жертвоприношение народа, не состоявшееся по плану, но и не оконченное. Естественно, что литература вместе с Россией в первые годы остановилась в растерянности перед картиной изощренной расправы…» Эти строки, подчеркнутые рукой Геннадия Андреевича, пожалуй, наиболее точно передают то состояние, которое после августа 91-го довелось пережить не только русским писателям-патриотам, но и всем, кто воспринял нагрянувшую тогда общую беду как свою собственную. Изощренность расправы, учиненной над Россией, не воспринималась, отторгалась традиционным сознанием русского

человека, неискушенного в цинизме и потому часто теряющегося перед тем, что лежит за этическими границами дозволенного. И Зюганову понадобилось какое-то время, чтобы преодолеть вполне понятное чувство подавленности и растерянности.

Когда Геннадий Андреевич делится воспоминаниями о трудных, порой драматических эпизодах своей жизни, невольно сопоставляешь пережитое им с теми домыслами, которыми обильно сдобрена его биография, прежде всего те годы, которые связаны с переломными событиями в его судьбе. Особенно много измышлений на тему «Взлет Зюганова к вершинам партийной власти» — не дает она покоя непримиримым оппонентам руководителя КПРФ. Можно еще понять, когда лидер КПРФ чем-то не устраивает коммунистов-радикалов. Казалось бы, ну и пусть между собой разбираются — на радость многочисленным врагам. Но, как ни странно, почему-то больше других любят порассуждать о праве Зюганова находиться во главе российского коммунистического движения убежденные либералы. Когда приближаются очередные выборы и наступает время очередной кампании дискредитации Зюганова, все они — от Виталия Третьякова до Дмитрия Быкова — превращаются вдруг в радетелей Компартии, проявляют трогательную озабоченность судьбой революционной борьбы за социальную справедливость в России.

Огромное число либеральных журналистов, приложивших руку к созданию абстрактно-собирательного «портрета» Зюганова по своему образу и подобию, можно условно поделить на две части. Одни пытаются представить его появление на большой политической арене как игру судьбы, не более чем счастливое стечение обстоятельств, при котором человек оказывается в нужное время в нужном месте. Другие настроены более категорично и усматривают за этим тщательно продуманные действия опытного функционера, поднаторевшего в борьбе за власть. Нетрудно заметить, что и тех и других объединяет одно: вполне искреннее, доходящее до ненависти неприятие Зюганова — и как политика, и как человека. Основная причина такого отношения к нему лежит даже не в сфере политических пристрастий или антипатий. Она — на поверхности и заключается в том, что Зюганов — ярко выраженный тип народного руководителя, плоть от плоти своего народа. Когда-то этим по праву гордились. Теперь же такие люди — «плебеи нового поколения», которым не место в современной, голубых кровей, политической «элите».

Чего стоят, например, одни только рассуждения об «отрицательном балансе», с которым Зюганов начинал путь в

большую политику[24]. Что же входит в этот «баланс»? Да практически всё, что так или иначе связано с его биографией: и неблагозвучное название русской деревни, в которой он родился — «Мымрино», и фамилия, «вызывающая в памяти ассоциации с буквой „зю“, знаменитой позой радикулитника», и «неавантажная» внешность; «набор добродетелей со школьных лет самый что ни на есть скучный, начетнический: с какой-то радости выучил наизусть не только „Евгения Онегина“, но и „Кому на Руси жить хорошо“». В «отрицательном балансе» Зюганова — даже его принадлежность к роду сельских учителей. Всё идет в дело, чтобы слепить непривлекательный образ заурядной провинциальной личности, которой, казалось бы, самой судьбой было предопределено встретить закат карьеры на «заурядной» должности в Орловском обкоме. Но нет же, изловчился «орловский функционер», сумел оттеснить «ярких, пассионарных деятелей оппозиции». Хотя и не совершал «боевых подвигов» и не имел таких «достоинств», какими отличались Константинов, Руцкой, Анпилов, Стерлигов, Макашов, Жириновский и… Лужков.

Весьма оригинальный (к оппозиционерам причислен даже московский мэр!), но не случайный перечень имен. Здесь собака и зарыта: именно в такую обойму надо любой ценой загнать Зюганова, чтобы вычеркнуть его, а вслед за ним и КПРФ, из политического бытия. Но вот незадача: все усилия оказывались напрасными — видно, все же другой масштаб у этой личности.

Надо сказать, что сам Геннадий Андреевич к бесчисленным попыткам сделать из его имени пугало для деклассированных и маргинальных слоев населения относится так, как и подобает человеку, сознающему свое достоинство, — с чувством здорового юмора. Один из его любимых анекдотов — как раз о тех, кому режет слух, не дает покоя его фамилия:

«Зашел Путин в Думу. Пришел в парикмахерскую. Стрижет его красивая девушка, приговаривая: „зюг-зюг“, а ножницы — „клац-клац“.

Путин:

— Слушайте, милая, кончайте дразниться! Ваш Зюганов у меня уже вот где сидит…

А та в ответ:

— Извините, Владимир Владимирович. Я вовсе и не дразнюсь. У вас на „зюг-зюг“ все волосы дыбом встают. Вот стричь их и удобно…»[25]

В каком бы неприглядном свете ни пытались нам представить Зюганова, факт остается фактом: на трагическом переломе отечественной истории из всех политиков левого толка он оказался наиболее востребованным. Без всякого преувеличения

можно сказать, что его выбрало время. И в этом выборе мы усматриваем не мистический смысл, а закономерности, которые оказываются сильнее любых субъективных факторов, поскольку не зависят от чьей-либо воли.

Не склонный к внешним эффектам, Зюганов, в отличие от других, «харизматичных» и «пассионарных», представителей оппозиции, не поражал воображение общественности пламенными речами, ультимативными заявлениями и неординарными поступками. Но не только свойственные Зюганову неброские манеры общения определяли его сдержанную, без крайностей и забеганий вперед, линию поведения.

Во-первых, после августовских событий испытывал он тяжелое чувство, которое Валентин Распутин сформулировал как «невольную вину каждого за попущение злу». Считал он, что безнравственно отмежевываться от тех грехов партии, которые привели ее к поражению, а поэтому моральное право учить и вести за собой других нужно еще обосновать, доказать, подтвердить делами. Величина политического капитала, заработанного ранее, в новых условиях существенного значения не имела. Всё, или почти всё, приходилось начинать с нуля.

Во-вторых, он не только понимал, но и ощущал — интуитивно, на уровне здорового крестьянского инстинкта, — что нельзя торопить время, форсировать события: народ не готов к тому, чтобы поддержать какие бы то ни было решительные действия. *Основная масса населения еще не успела осознать, а лишь только почувствовала* чудовищный обман, грядущую нищету, безработицу, бесправие. Мир, привычный и устойчивый, рушился, но спасать его никто не спешил — обещания скорого пришествия на смену ему сытой и безоблачной жизни сделали свое дело, мифология мелкого лавочника оказалась заразной. Отдельные вспышки недовольства и митинговой активности не должны вводить в заблуждение: спонтанные, непродуманные шаги могут вызвать только локальные бунты и привести к новым трагедиям. Все разговоры о стремительном назревании революционной ситуации в результате резкого ухудшения положения масс — всего лишь абстрактное теоретизирование, которым прикрывается стремление нетерпеливых политиков выдать желаемое за действительное. Тем более что силы, способной возглавить сопротивление режиму Ельцина, сумевшего всеми правдами и неправдами обеспечить себе довольно внушительную социальную базу, в стране попросту нет: разгромлены и партия, и немногочисленные, не успевшие даже толком оформиться патриотические организации.

Кроме того, сразу же обнаружившаяся тенденция к установлению авторитарной власти и явная неспособность «демократов» управлять страной в своем сочетании образовывали гремучую смесь с непредсказуемым взрывным эффектом. Вся страна до предела напичкана смертоносным оружием, ядерными реакторами, предприятиями повышенной опасности, а армия и другие силовые структуры сбиты с толку и окончательно деморализованы. В этих условиях любая искра могла привести к новой, непоправимой катастрофе.

Все эти обстоятельства требовали разумности и сдержанности. И Геннадий Андреевич выступает как политик-реалист, сторонник выверенных и взвешенных действий. Главную задачу он формулирует так: *удержаться на краю пропасти.* Была ли реальная альтернатива такой постановке вопроса? Можно сколько угодно сотрясать воздух обвинениями Зюганова в нерешительности, чрезмерной осторожности и даже склонности к соглашательству — на мой взгляд, последующий ход событий только подтвердил его правоту. Мы *удержались* и, во многом благодаря Зюганову, использовали едва ли не все шансы, чтобы сохранить страну и вместе с тем не дать втоптать в грязь, вытравить из народного сознания идею социальной справедливости. А сколько раз пророчили возглавляемой им Компартии политическую смерть и даже неминуемую физическую гибель! Но КПРФ прошла через все испытания и, несмотря на плотное кольцо недоброжелателей и откровенных врагов, поощряемых правящим режимом, сумела преодолеть раздиравшие ее внутренние неурядицы, смогла консолидироваться, сплотиться и выработать четкую, развернутую программу действий. Нравится это кому или нет, но мы не можем обойти вниманием важнейший исторический факт: в России на сегодняшний день живет и обладает притягательной силой только одна идеология. Это — возрожденная и обновленная идеология Коммунистической партии, целостная мировоззренческая система, которая в течение последних полутора десятилетий разрабатывалась и обосновывалась при активном, непосредственном участии Зюганова. В отличие от КПРФ, ни правящий сегодня класс, ни одна из других действующих партий так и не смогли дать российскому обществу ни одной сколько-нибудь значимой, объединяющей его идеи. То, что беззастенчиво воруется у коммунистов, в интерпретации российских временщиков выглядит жалкой пародией и лишь обнажает их духовную нищету. Налицо полевение масс, реальный перелом в сознании людей, которые в поиске реальной силы, способной возглавить борьбу за подлинное возрождение России,

все чаще обращают свои взоры на КПРФ. Результаты мартовских и апрельских выборов 2007 года в региональные законодательные собрания — яркое тому подтверждение.

…С учетом трагической реальности, сложившейся к осени 1991 года, стремительного и непредсказуемого развития событий Зюганов выделил три группы первоочередных задач, которые предстояло решать одновременно: осмыслить качественно новую обстановку, переформировать свои ряды, начать действовать. При этом он считал не только возможным, но и необходимым направить работу по их осуществлению в русло идей, высказанных в «Слове к народу»[26].

Свои взгляды он последовательно развивает и обосновывает в ряде публицистических работ. За два года, прошедшие после августа девяносто первого, выходит целый цикл его статей (всего около тридцати публикаций), в которых содержится всесторонний анализ минувших событий, социально-политических проблем, порожденных распадом Советского Союза и развалом КПСС, и предложены принципиально новые подходы к их решению. В статье «На исходе трагического семилетия» Зюганов указывает на необходимость устранения главной причины постигшей страну трагедии. По его мнению, она носит преимущественно субъективный характер и заключается не в плачевном состоянии экономики, не в растерзанных в клочья финансах и даже не в межнациональных распрях. Суть ее — в насильственном навязывании обществу доисторического либерализма, который напрочь игнорирует основы нашей государственности, многонациональный характер народа, весь социально-психологический уклад его жизни. «России нужен не новый виток гнилого либерализма, а здоровый прагматизм, сориентированный на исторически выстраданную систему морально-этических ценностей. Она готова принять подлинный рынок, а не рыночные миражи, которые сегодня повсеместно наблюдаются в рукотворной экономической пустыне. Наш народ давно заслужил мир и покой. Но они вряд ли возможны, если мы не убедим его в том, что нет спасения поодиночке, если не разработаем и не осуществим хорошо продуманную программу национальной безопасности».

В сложившейся обстановке путь к спасению страны, возрождению ее экономического могущества и духовного богатства Зюганов видел в *создании союза государственно-патриотических сил.* При этом он был убежден, что решающая роль в объединении людей, не утративших способности к национально-государственному мышлению, должна принадлежать патриотам-коммунистам. Этой идеей пронизано

письмо-обращение «Отечество превыше всего» к членам запрещенной КПСС, подготовленное им совместно с одним из лидеров ленинградских коммунистов, публицистом Юрием Беловым. В нем прямо признавалось, что «коммунисты виноваты перед людьми за слишком запоздалое прозрение». Именно поэтому «коммунисты, безотносительно от принадлежности к той или иной партии, к тому или иному движению, связаны одной обязанностью — нравственно реабилитировать себя перед обществом».

Впервые в качестве узловой идеологической проблемы авторы письма выдвигают *русский вопрос* — «не в его квазипатриотическом, а всемирно-историческом значении». По их мнению, «центром возрождения нового Союза, к чему обяжет история, может стать только Россия. Это предписано ей ходом исторического развития нашей государственности. Будет Россия сильным и гибким, действительно демократичным государственным образованием, потянутся к ней другие народы по исторической необходимости и доброй воле. Современность не снимает, актуализирует вопрос о федеративном устройстве политического объединения народов и наций, создавших единое историческое пространство».

Письмо было опубликовано в канун I съезда Российского общенародного союза, созданного по инициативе депутата Верховного Совета России Сергея Бабурина. На съезде, состоявшемся 21 декабря 1991 года, Зюганов был избран в состав его руководства. Одновременно он выступает главным организатором возрождения Координационного совета народно-патриотических сил России, деятельность которого была прервана августовским переворотом. Возобновление его работы в январе 1992 года положило начало объединению левой и правой оппозиции, воплощению идеи примирения «красных» и «белых», создало условия формирования массового движения — Фронта национального спасения.

Конечно, этот процесс проходил не гладко: сказывались идейные противоречия участников различных оппозиционных течений — их организационное объединение давалось с большим трудом. Не раз пришлось Зюганову обращаться к их лидерам с призывом *отложить все разногласия «на потом», до лучших времен, когда в стране будет избрано и начнет действовать правительство народного доверия,* способное защитить *коренные интересы государства.* Не сразу, но слова его были услышаны. Правда, произошло это только после того, как ельцинисты показали, на что они способны. В феврале 1992 года, в День Советской Армии и Военно-Морского Флота власти, пытаясь

воспрепятствовать мирной демонстрации, в которой принимали участие ветераны Великой Отечественной войны, применили силу: в ход пошли омоновские дубинки, пролилась кровь.

На следующий день после столкновения лидеры правых и левых движений провели первую совместную пресс-конференцию, а на состоявшемся заседании Координационного совета народно-патриотических сил Зюганов был избран его председателем. В начале марта на совещании руководителей движений и партий, депутатов Верховного и местных Советов, редакторов патриотических изданий было принято решение о создании объединенной оппозиции. В подписанной ими декларации «Справедливость, народность, государственность, патриотизм» провозглашались пять основополагающих принципов оппозиции:

1. Единство и целостность Отечества, готовность вступить в полнокровный государственный союз со всеми тяготеющими к России народами и странами.

2. Соединение всех духовных и культурных традиций, сформировавшихся на всех этапах нашей истории. Взаимная терпимость, недопущение конфронтации между «белыми» и «красными», нового раскола страны теперь уже по национальному признаку.

3. Создание гражданского общества социальной справедливости, обеспечивающего каждому благосостояние по его труду, надежную безопасность и государственную защиту всем, кто в этом нуждается.

4. Развитие мирных добрососедских отношений с зарубежными странами. Отмена тех межправительственных соглашений, которые противоречат национально-государственным интересам России, ущемляют достоинство, права и свободы ее сынов и дочерей, где бы они ни проживали.

5. Строгая приверженность конституционным методам решения политических проблем. Восстановление и защита демократии как подлинного народовластия. Противодействие любым попыткам возродить в стране диктатуру, какими бы благими намерениями они ни прикрывались.

Зюганов до сих пор гордится своей причастностью к подготовке этого документа, поскольку не без оснований считает его исторической вехой, ознаменовавшей качественно новый этап общественно-политического движения в России. При всей своей политической и социальной неоднородности народно-патриотические силы сыграли огромную роль в российской истории последнего десятилетия XX века. Они не дали втянуть

страну в хаос новой гражданской войны, смогли остановить начавшийся после разрушения СССР распад Российского государства, спровоцированный ельцинской «раздачей суверенитетов».

Русский вопрос стал идейным стержнем, обеспечившим консолидацию патриотических движений. Уже возглавив КПРФ, Зюганов излагает собственное видение проблем, возникающих в связи с его постановкой. Первая крупная статья, посвященная им этой теме и опубликованная в июле 1993 года, так и называлась — «Русский вопрос». Причиной, побудившей Геннадия Андреевича выступить тогда в печати, явилась, как он выразился, «медлительность современного российского патриотического сознания». «Если патриотическое движение в России желает выжить, — писал Зюганов, — более того, если его лидеры всерьез намерены спасти гибнущую в смуте державу, необходимо срочно озаботиться выработкой идеологии национального возрождения — целостной, всесторонней и практически эффективной». Для этого необходимо самим понять и донести в доступной форме до широких масс ответы на три важнейших вопроса дня: *кто разрушает Россию? как разрушают Россию? что мы можем противопоставить разрушителям России?*

Всем очевиден разрушительный характер ельцинского режима. Но Ельцин и его единомышленники ни за что бы не удержались у власти после всего, что они сделали с Россией, если бы не опирались на мощную поддержку Запада. Именно там сокрыт источник губительных для России влияний.

«Многовековое военное, религиозное, политическое и экономическое соперничество России и Западной Европы не оставляет никаких иллюзий: разноименность наших общественных и государственных ценностей, культур, исторически сформировавшихся национальных мировоззрений налицо. Запад нас во многом не понимает. Он опасается нашей державной мощи. Он заинтересован в ослаблении, расчленении, а если можно, то и закабалении России… Режим политической власти, установленный на территории России, для государств Запада и транснациональных банковских корпораций является в конечном счете послушным ретранслятором агрессивной и непримиримой антирусской политики. Потому что независимая, самостоятельная Россия является в современном мире главным препятствием на пути создания „нового мирового порядка“».

Пытаясь ответить на второй вопрос, Геннадий Андреевич подчеркивает особенность ельцинского правления: *всю систему*

государственной власти последовательно и небезуспешно пытаются сделать исключительно «исполнительной», лишь обеспечивающей проведение в жизнь неизвестно где и кем разработанных концепций. Реальная иерархия властей состоит не в субординации формальных органов государственной власти, не в пресловутой «исполнительной вертикали», но в четком, выверенном соотношении тех закулисных влияний, которые оказывают решающее воздействие на все области российской жизни. В этой иерархии власть физического насилия является наиболее примитивной формой, но *от нее, конечно, при случае тоже не откажутся* (курсив мой. — *А. Ж.*). Заметим, что сказано это за два с небольшим месяца до кровавых событий осени 1993-го.

«Следующую ступень в этой иерархии занимает власть экономического принуждения, которая у нас уже приобретает черты геноцида. Она способна в значительной мере программировать поведение людей путем создания определенного типа социально-экономических отношений. По сравнению с открытым насилием такая власть более гибка и эффективна, менее заметна и навязчива. Человек далеко не сразу осознает, что проблемы выживания и заранее заданные пути их решения резко ограничивают для него свободу выбора…

Высшей формой власти, без сомнения, является власть концептуальная, власть идеологического программирования, опирающаяся на технологию целенаправленного конструирования основ мировоззрения и фундаментальных ценностей личной, семейной, общественной и государственной жизни.

В ходе такого конструирования подвергаются избирательному уничтожению те стереотипы общественного сознания (идеалы), которые не вписываются в заданную программу. На их место выдвигаются новые „ценности“, сформулированные в необходимом для „конструктора“ виде, несущие заранее известный мировоззренческий код. Главной задачей такого рода власти является тщательная маскировка своих действий под „естественный“ ход событий».

Далее Зюганов останавливается на анализе технологий, применяемых для разрушения России:

«В области идеологической — это: уничтожение наших духовных корней, разрыв российской исторической традиции, дискредитация общепринятых государственных, религиозных, нравственных и иных мировоззренческих ценностей, всемерное

внедрение индивидуализма, пропаганда западной масскультуры, национальное обезличивание, ставка на разжигание вражды, человеческих страстей и пороков. Конечная цель ясна и определенна — уничтожение нашего национального самосознания.

В области политической, при всем многообразии конкретных форм, на современном уровне реализуется древний как мир лозунг: „Разделяй и властвуй!“ В области экономической целью является интегрирование хозяйства страны в глобальную экономическую систему — в качестве периферийной структуры, не способной к самостоятельному существованию. Способы широко известны (из них и не делают секрета): дробление единого народно-хозяйственного комплекса, денационализация имущества, ориентация на приоритетное развитие сырьевых отраслей, удушение высокотехнологических производств, фундаментальной науки.

Что мы можем противопоставить разрушителям России?

В области идеологической. Четкое, ясное и детальное осознание своей общенациональной сверхзадачи. На протяжении многих столетий Россия сознавала себя предназначенной для того, чтобы явить миру сокровища человеческого духа, реализованные в личной жизни и семейном укладе, общественном устройстве и государственной, державной форме. В течение долгих веков эта идея принимала разнообразные мировоззренческие, религиозные и идеологические формы. Она вдохновляла творцов вселенской формулы „Москва — третий Рим“, окрашенной в суровые, мужественные, аскетические тона русского православия. Она же, облеченная чеканным триединством российского имперского лозунга „Православие, самодержавие, народность“, собирала под величественные своды русской государственности „двунадесять языков“, составивших единую семью российских народов.

Ею вдохновлялись борцы за народное счастье, а после Октября ее животворящее дыхание сохранило народную душу вопреки потугам идеологов „перманентной революции“ — циничных космополитов, рассматривавших Россию как плацдарм для разжигания мирового пожара. Она помогла нам пережить тяжелейшие времена холода и голода, разрухи, враждебного международного окружения, одержать славную победу в кровопролитнейшей войне, воссоздать великую державу, на развалинах которой пирует сегодня воронье ренегатов, предателей и откровенных русофобов.

…Восстановив русскую идею во всем ее историческом величии и духовной притягательности, обогатив ее нашим

недавним трагическим и героическим опытом, анализом причин нынешней смуты, сотрясающей в конвульсиях многострадальную страну, мы сможем, наконец, гармонично соединить искусственно расчлененное историческое Отечество, уврачевать болезни, расколы и язвы национального самосознания…»

Это статья, по сути, представляет собой четко систематизированные тезисы, которые впоследствии в научных работах и публицистических статьях Зюганова будут развернуты в целостную мировоззренческую концепцию, оказавшую огромное влияние на идеологию и характер деятельности возрожденной Компартии — КПРФ. Постановка русского вопроса обнаруживала не только главную болевую точку России, но и выявляла неприемлемость, пагубность рецептов, состряпанных для нее либералами-западниками. Поэтому неудивительно, что «демократы» обрушились на Зюганова с обвинениями в национализме, ксенофобии, разжигании темных страстей, пытались запугать обывателя «красно-коричневой» угрозой, которую якобы несла в себе КПРФ. С другой стороны, взгляды лидера коммунистов не укладывались в сознание преемников традиционных, догматических трактовок марксизма, возобладавших в советское время и фактически обезоруживших партию перед вызовами новой эпохи. Ревнителям «чистоты» коммунистической идеологии в политической линии Зюганова и его единомышленников виделся отказ от принципов пролетарского интернационализма, недопустимый «симбиоз» идей государственного патриотизма с идеологией «классического» большевизма.

Неспособность или нежелание рассматривать патриотическое и интернациональное в их диалектическом единстве, более того, стремление противопоставить одно другому — явление, которое уходит своими корнями в глубь истории коммунистического движения. Подобные взгляды исповедовались сторонниками и последователями троцкистской доктрины «перманентной революции», для которых Россия была лишь кучей хвороста для разжигания мирового пожара. На смену этой самоубийственной теории довольно быстро пришла ленинская, патриотическая в своей основе, концепция построения социализма в одной, отдельно взятой стране, немыслимая без укрепления державной мощи социалистического Отечества.

Ленин своевременно разглядел ту опасность, которую представляло для коммунистического движения «левое» доктринерство радикальных «интернационалистов». В работе «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» он писал: «…Пока

существуют национальные и государственные различия между народами и странами, — а эти различия будут держаться еще очень и очень долго… — единство интернациональной тактики коммунистического рабочего движения всех стран требует не устранения разнообразия, не уничтожения национальных различий… а такого применения основных принципов коммунизма… которое бы правильно видоизменяло эти принципы в частностях, правильно приспосабливало, применяло их к национальным и национально-государственным различиям». И далее указывал на необходимость «исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить национально-особенное, национально-специфическое в конкретных подходах каждой страны к разрешению единой интернациональной задачи».

Не все вняли ленинским предупреждениям. В официальной пропаганде двадцатых годов возобладало утверждение, что русские — как якобы господствовавшая при царизме нация, которая угнетала другие народы, — должны получить определенное поражение в правах, отодвинуться на ущемленные общественные позиции. Активным пропагандистом этой идеи Троцкого стала бухаринская «школа».

Извращенное восприятие благородной идеи пролетарской солидарности в советское, особенно послевоенное, время привело к игнорированию национальных интересов не только русского, но и других народов России. Оно стало причиной многих серьезных провалов и в международной политике КПСС: огромные силы и средства тратились на поддержку сомнительных режимов в странах третьего мира, провозглашавших себя социалистическими. Задачами интернационального долга оправдывалась война в Афганистане.

Чтобы отстоять свою правоту, Зюганову пришлось на протяжении всех девяностых годов продвигаться между Сциллой и Харибдой. Однако сила его аргументов, заключавшаяся в их ясности, логике, честности, наконец, доступности для понимания людей независимо от их национальности, — оказалась неопровержимой. Он никогда не ставил вопрос о превосходстве русского народа над другими народами России и бывшего СССР или каких-либо привилегиях и преимуществах для русских и всегда исходил из ленинского понимания проблемы: «Интерес (не по-холопски понятой) национальной гордости великороссов совпадает с *социалистическим* интересом великорусских (и всех иных) пролетариев». Но при общности коренных национальных интересов именно русскому народу — в силу целого ряда исторических, географических, демографических и иных факторов — довелось стать государствообразующим этносом,

зодчим великой державы.

Положение русских, которые ныне составляют 82 процента населения страны, — это индикатор социального самочувствия всех российских народов, которые прекрасно понимают: хорошо русским — хорошо всем, и наоборот. Сегодня вряд ли надо кому разъяснять, чем для России обернется происходящая сейчас депопуляция русской нации: за последние пятнадцать лет численность населения Российской Федерации сократилась на 10 миллионов человек, при этом русские потеряли 9,5 миллиона. Коренные русские области вымирают в 2–3 раза быстрее, чем другие регионы. Русские оказались самым крупным разделенным народом на планете — за пределами России их сейчас проживает 25 миллионов. В разных государствах живут великороссы, малороссы, белорусы. А ведь это, по сути, триединый народ, с одной верой, с одной культурой и общей Победой, с незначительными различиями в языках. И границы, произвольно проведенные под Псковом, Прохоровкой и Ростовом, ничего общего не имеют с его историческими границами.

В течение своей многовековой истории русский народ уже дважды — в период ордынского нашествия и во время фашистского вторжения — оказывался перед угрозой физического истребления. Теперь уже в третий раз над русской нацией нависла зримая угроза ее полного исчезновения. Геноцид нации, свидетелями которого мы являемся, носит сознательный, спланированный характер. Опасность подобного развития событий возникла давно — глобальная русофобия, ненависть к России и русскому народу получили «теоретическое обоснование» еще в начале XX века. Именно тогда появились первые теоретики нового мироустройства, среди которых своими антирусскими взглядами выделялся Хэлфорд Макиндер — один из наиболее почитаемых в западных кругах родоначальников геополитики. Они и заговорили о том, что Запад не может спать спокойно, пока Россия держит в своих руках «географическую ось истории», пока существует «русское господство» над «сердцем мира» — континентальным ядром Евразийского материка. Все последующие доктрины той же американской геополитики — от «Четырнадцати пунктов президента Вильсона» до «Великой шахматной доски» Збигнева Бжезинского — буквально пропитаны идеей расчленения русского «сердца мира» на множество протекторатов, сокращения исконно русского населения до «безопасной величины», которая уже никогда не позволит вернуть ему контроль над собственной страной. Если же этого достичь не удастся, следует закрепить западное господство по периметру Евразийского континента. И уже оттуда задушить Россию в

кольце военных баз и экономических конкурентов, постепенно «откусывая» у нее пограничные регионы, лишая ее выхода к морям, к выгодным рынкам сбыта и союзным государствам. В кругах геополитиков эта стратегия получила название — «Кольцо анаконды».

Вот почему Запад так активно поддержал российских «демократов», использовавших русофобию в качестве одного из главных инструментов разрушения СССР и России. С его помощью в Советском Союзе и был осуществлен «демократический» переворот, который вполне соответствовал давно вынашиваемым планам сокращения русского населения до 50 и даже 30 миллионов человек — такова, по мнению ряда «специалистов», оптимальная численность российского населения, необходимого для обслуживания нефтяных и газовых труб, рудников и выполнения другой «грязной» работы. В 1982 году Маргарет Тэтчер не постеснялась публично озвучить и другие цифры, заявив, что, с западной точки зрения, «экономически оправданным является проживание на территории СССР не более пятнадцати миллионов человек». Естественно, что оставшиеся должны быть лишены собственной культуры и исторической памяти. В 1992 году советник президента Ельцина доктор философских наук А. Ракитов в своих трудах призывал к уничтожению национального культурного кода, смене социокультурного ядра — для того, чтобы Россия смогла войти в пресловутую мировую цивилизацию.

Сейчас правомерность постановки русского вопроса у тех, кто действительно озабочен судьбой России, сомнений больше не вызывает. Сомнительными выглядят лишь дешевые популистские спекуляции на эту тему. К примеру, лидер ЛДПР, когда говорит о защите национальных интересов страны, для пущей убедительности постоянно впадает в экстаз. Но вот что интересно: на сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы, когда реакционеры и неофашисты всех мастей пытались приравнять СССР к фашистской Германии, именно Жириновский — единственный в российской парламентской делегации — голосовал за то, чтобы советский народ, русских поставить на одну доску с нацистами, фашистской Германией. И «Единая Россия», когда коммунисты в Думе потребовали разобраться с такой антинациональной позицией Жириновского, всячески его покрывала.

К теме патриотизма все чаще стали прибегать кремлевские манипуляторы сознанием и карманные партии власти, неожиданно — после событий в Кондопоге — воспылавшие любовью к русскому народу. Однако все богатство идей,

связанных с русской проблематикой и русской культурой, было и остается для них чуждым. Задача у них совершенно другая — хоть чем-нибудь прикрыть антинародную сущность политики нынешнего режима и упрочить позиции олигархических кланов. Поэтому от целого ряда неуклюжих и неадекватных шагов власти, которым услужливые политологи пытаются придать патриотическую окраску, не остается ничего, кроме чувства горечи и разочарования. Чего стоят, например, показушная акция по массовому выселению нелегальных грузинских эмигрантов и попытка регулирования национального состава торговцев на вещевых и продовольственных рынках! Или носящие тот же идеологический подтекст запреты на импорт грузинских и молдавских вин при вполне снисходительном отношении к массовому изготовлению и потреблению смертельных алкогольных суррогатов и фальсифицированных продуктов питания отечественного производства, от которых сейчас в среднем по стране ежедневно гибнет 135 человек.

Подобные решения, которые могут вызвать удовлетворение только у маргинальных националистических организаций, демонстрируют лишь полную несостоятельность власти, ее нежелание приступить к кардинальному решению обострившихся коренных социально-экономических проблем. И провоцируют новые вспышки национального и политического экстремизма. Не зря Зюганов постоянно подчеркивает, что экстремизм порождает сама власть, ее политика, игнорирующая подлинные, в том числе и национальные, интересы народа. А вместо того чтобы заняться устранением причин его возникновения, власти время от времени начинают искусственно нагнетать совершенно искаженное представление о характере и чрезмерной опасности экстремистских настроений в обществе. Делается это только для того, чтобы создать повод для дальнейшего ограничения политических прав и свобод граждан, чтобы подавить их волю к сопротивлению, обуздать, «загнать в стойло» политическую оппозицию страны.

Противоречит национальным интересам россиян и разрыв стратегического сотрудничества между Россией и Белоруссией. Возникает вопрос: существует ли мера лицемерию так называемой партии власти — «Единой России», которая поддержала сознательно спровоцированную нефтегазовую войну, направленную на раскол русского и белорусского народов, и после этого объявила, что приступает к реализации… «русского проекта»? Что может сулить русскому народу этот «проект» партии, которая за неполных четыре года безраздельного господства в Госдуме наштамповала целый ворох антинародных

законов, обрекающих миллионы россиян на нищету, деградацию, вымирание?

Первое, до чего додумались новые «защитники» русских, — лишить народ-победитель Знамени Победы, величайшего символа его гордости и священной памяти, предложив взамен кощунственную подделку — копию с белой американской звездой без серпа и молота. Не удалось. Первыми на защиту народной святыни встали коммунисты, предупредив людей о готовящемся святотатстве. Поднявшаяся мощная волна протеста уберегла Знамя, но не смогла положить конец продолжающимся надругательствам над смыслом и значением Великой Победы. Отрицается массовый героизм миллионов людей, защищавших свою Советскую Родину. Утверждается, что победа над самым страшным врагом в истории человечества была добыта неоправданно дорогой ценой.

При этом идет беззастенчивая спекуляция цифрами и фактами. Наиболее гнусной фальсификацией является постоянно встречающееся в СМИ сравнение *общих* потерь советского народа — 27 миллионов человеческих жизней — с *боевыми* потерями германских войск — 9 миллионов убитых. А ведь в этот вопрос профессиональные историки уже давно внесли полную ясность. В боях за свободу и независимость нашей Родины отдали свои жизни 8 миллионов 668 тысяч 100 бойцов и командиров списочного состава Вооруженных Сил СССР. Фашисты со своими союзниками потеряли в сражениях 8 миллионов 649 тысяч 500 человек[27]. Еще около 17 миллионов граждан СССР погибли в результате бомбардировок городов и сел, были уничтожены в концлагерях по гитлеровскому плану истребления славян и других народов СССР, умерли от голода и рабского труда на оккупированной территории и в самой Германии. Все делается для того, чтобы принизить полководческий гений наших военачальников, организующую роль Советского государства и Коммунистической партии в отпоре врагу. Пропагандируется миф, что во время войны людей загоняли в партию чуть ли не силой. Ложь! Во второй половине 1941 года, в самый тяжелый период после вероломного нападения фашистов, в ВКП(б) вступили 130 тысяч воинов — в два раза больше, чем в первую половину этого года. Хорошо известно, что на войне у коммунистов была только одна привилегия: первыми подниматься в атаку и последними выходить из боя.

…Люди прозревают, и их все труднее ввести в заблуждение квазипатриотической и псевдосоциалистической риторикой, которую берут на вооружение идеологи правящей верхушки. Сейчас в своей приверженности социалистической перспективе

пытается убедить людей лидер «Справедливой России» Сергей Миронов. Тот самый, чья созданная несколько лет назад «Партия жизни» запомнилась, пожалуй, лишь профессиональным политологам и журналистам — своим демонстративным отрицанием какой-либо идеологии и кратковременной борьбой за сохранение выхухолей[28].

На этот забавный сюжет Зюганов даже анекдот сочинил:

«Пришли Медведь и Выхухоль на лесные теледебаты. Там и заспорили: кто из них сильнее да круче.

— Давай, — говорит Выхухоль, — как в цивилизованных джунглях, праймериз учиним: кто кому за раз больше зубов выбьет, тот и самым крутым будет.

— Давай, — отвечает Медведь, — начинай. Разбежалась Выхухоль, прыгнула. Да всеми четырьмя лапами Медведя по физиономии — хрясть.

— Ну как? — спрашивает.

— Нормально, — бурчит Медведь. — Только пять штук вылетело. Ну а теперь я. — Развернулся и лапой — бац!

Вылезла Выхухоль из кустов. Медведь ухмыляется: „Ну что?“

— Все холосо, — шепелявит Выхухоль, — только тфа. Я клуче!

— Как два? — удивляется Медведь. — У меня пять, а у тебя только два?!

— Дфа, дфа, — трясет головенкой Выхухоль. — Остальные на плослых выболах высыбли…»

Как известно, пиар-кампания с использованием реликтового зверька не принесла Миронову желаемых дивидендов. Обнаружив, что основная масса людей больше обеспокоена собственным выживанием, лидер резервной кремлевской партии пытается теперь привлечь к себе внимание с помощью социалистических лозунгов, позаимствованных (на время очередной выборной кампании) у КПРФ. Наивно думать, что, позиционируя себя на левом фланге политических сил России, он, подобно многим женщинам-водителям, просто перепутал левую и правую стороны. Этот прием не только известен, но и хорошо памятен — на рубеже восьмидесятых — девяностых годов он был взят на вооружение всеми антисоветскими и антисоциалистическими силами страны, в одночасье провозгласившими себя «левыми». Сделано это было для того, чтобы вконец дезориентировать, запутать в хитросплетениях политической паутины широкие массы населения. И имело, как известно, трагические последствия.

Создание искусственных «левых» партий, имитирующих

защиту интересов социально ориентированных избирателей, — это «ноу-хау» Кремля эпохи Путина. Цель любой из них — *продлить иллюзию,* что социальные преобразования возможны при нынешнем радикально-либеральном курсе.

«Проект „Справедливая Россия“, — отметил Зюганов на одной из своих пресс-конференций в марте 2007 года, — это очень большая ошибка режима, громкая фальшивая нота, прозвучавшая на всю страну в преддверии парламентских выборов… Можно креститься, божиться, не бриться, — но обмануть народ России таким примитивным образом уже не получится. Миронов, голосовавший за все капиталистические реформы — монетизацию льгот, ЖКХ, „автогражданку“, за приватизацию госсобственности, которая в РФ теперь составляет лишь 10 процентов, — как может он всерьез говорить о „социалистической перспективе“?»

Народ довольно быстро разобрался в новой циничной акции Миронова, метко окрестив ее «небритым социализмом». Трагические уроки последних двух десятилетий не прошли для людей даром: перевертышей быстро распознают и не жалуют. Кажется, на них упал спрос даже во властных структурах. Один из последних тому примеров — незавидная судьба губернатора Ставропольского края Александра Черногорова, занявшего в свое время этот пост при поддержке КПРФ. Однако Компартию он предал и переметнулся поближе к кормушке, в «партию власти». Да только не сумел перед ней выслужиться, проиграл региональные выборы «эсэрам». За что и был незамедлительно исключен из рядов «Единой России». Борис Грызлов объяснил провал «единороссов» в Ставрополье низким авторитетом губернатора Черногорова среди населения региона. Пожалуй, здесь он прав — предателей в России действительно не любят.

Наблюдаемая ныне волна беззастенчивых спекуляций на нуждах и жизненных интересах народа свидетельствует, по мнению Зюганова, только об одном: установившийся в России режим вступил в стадию своего разложения. Выступая весной 2007 года на XI Всемирном русском народном соборе, он подчеркнул, что страна уже зашла за ту черту, когда бурное общественное гниение последних лет начинает перерастать в распад всего и вся. Сама тема последнего собора — «Богатство и бедность: исторические вызовы России» и состоявшаяся в его рамках общенациональная дискуссия свидетельствуют о том, что подобное суждение имеет под собой веские основания. Между богатыми и бедными слоями россиян возникла пропасть: их доходы сейчас разнятся в 25 раз. Это единственный показатель, по которому Россия оставила далеко позади все развитые страны

мира. Установленный мировой «рекорд» — позор власти. Нетрудно предположить, что это расслоение рано или поздно приведет к социальному взрыву. Тем более безнравственно и преступно использовать русский вопрос как ширму для прикрытия нарастающих социальных противоречий. Во многих случаях под разговоры о государственности и патриотизме осуществляются очередные шаги, результаты которых вновь и вновь бьют по русскому и всем другим народам России. Как подчеркивает Зюганов, «чем больше власти болтают о национальной идее, рынке и демократии, тем очевиднее становится, что под этот шум строится уголовно-полицейское, олигархическое государство, где ни разу за последние полтора десятилетия не было честных выборов».

Впрочем, разрешение национальных проблем России никак не входит в планы правящей верхушки. Стоило Компартии весной 2007 года вынести на обсуждение очередного пленума ЦК вопрос «О задачах партии по защите русской культуры как основы духовного единства многонациональной России», как все либеральные СМИ зашлись в очередном приступе негодования, в который уже раз обвиняя Зюганова и КПРФ в национализме и прочих смертных грехах. Озвучив порядком заезженную за пятнадцать с лишним лет пластинку, противники Компартии лишь продемонстрировали свое полное идейное банкротство, беспомощность перед обозначившимся наступлением КПРФ по всему идеологическому фронту. Характерен заголовок к статье на эту тему, помещенной на интернет-сайте «Национальная безопасность»: «Полит-бомонд шокирован „русским“ пленумом КПРФ». Но позиция КПРФ вызвала беспокойство не только у российской политической аристократии, которая давно утратила свою национальную принадлежность. Поспешили сделать очередные заявления о том, что «КПРФ уходит с позиций марксизма и научного коммунизма», и лидеры радикал-коммунистов.

Причина такого трогательного единения вполне объяснима: и правые, и крайние левые прилагают огромные усилия, чтобы в оценках современных социальных проблем развести классовое и национальное в разные стороны. КПРФ же исходит из того, что без понимания своих классовых интересов любое национальное движение становится игрушкой в руках реакционных сил. И наоборот, человек, лишенный национального сознания, подвержен манипуляциям чуждых ему классов, легко утрачивает классовую позицию.

Политика Компартии, поставившей русский вопрос на повестку дня еще в 1991 году, принципиальна и последовательна.

В своем докладе на мартовском пленуме ЦК 2007 года, посвященном защите русской культуры, Зюганов еще раз затронул ее наиболее важные положения:

«Угроза национальному бытию русского народа — не выдумка. Задача национального спасения — объективна и неотложна. Но она может быть разрешена только в том случае, если будет правильно сформулирована и правильно понята массами. Прежде всего, вопрос в том, откуда исходит угроза национальному бытию и культуре русского народа.

Шовинист отвечает на этот вопрос коротко и ясно: от другой нации. На этом основании он призывает „забыть“ о классовом угнетении внутри нации ради спасения ее как единого целого. В этом суть и социал-шовинизма 1914–1917 годов, и послефевральского „революционного оборончества“, и нынешнего „путинского патриотизма“…

Но история не для того поставила коммунистов во главе патриотического движения за национальное спасение, чтобы они разбавляли свою идеологию и программу предрассудками наиболее отсталых и неразвитых участников этого движения. А для того, чтобы поднимать их до понимания истинного положения.

Сегодня абсолютизируется мнение, что современный пролетариат — исключительно русские люди, которых не пускают в другие сферы. А эксплуататоры — исключительно представители иных национальностей, инородцы. На этом основании делается вывод, что социальные противоречия густо окрашены в национальный цвет. Мы видим в политике российской верхушки переплетение самых разных элементов — и космополитизма, и национализма. А значит и в социально-экономических делах не может быть простых решений. Нельзя, что называется, отмерить и отрезать: мол, вот это русское, а это не русское. Здесь требуется именно классовый, самый серьезный марксистский подход.

Вне борьбы с эксплуататорами внутри собственной страны нет и не может быть сегодня борьбы за свободу и целостность своего Отечества. Врагом русской нации является не какая-то другая нация, а насаждаемый в России социально-экономический строй, режим его насаждающий. Падение этого режима приведет не к крушению России, а к расчистке пространства для ее возрождения.

Борьба за национальное освобождение, за национальную самобытность не может быть в современных условиях ничем, кроме как борьбой за социальное освобождение, за социализм.

Это записано в нашей партийной Программе. А непременным условием борьбы за социализм является интернациональное сплочение и единство трудового народа. У этого единства много факторов: экономических, социальных, духовных…»

Становится понятно, что не «национализм» Зюганова вызывает тревогу у придворного полит-бомонда, а то, какие пути разрешения национальной проблемы в современной России он предлагает. Ведь он не раз подчеркивал, что дать *ответ на русский вопрос* могут только *русский социализм,* теория и практический опыт коммунистического движения в нашей стране, извлеченные из него уроки. Спекулируя на патриотизме россиян, кремлевские партии уходят от главной проблемы — проблемы собственности. Закономерен вопрос: каким образом они намерены решать обострившиеся социальные противоречия и стратегические вопросы национального развития, если *государственный сектор экономики составляет на сегодняшний день всего лишь 10,3 процента!* Об этом умалчивается. Разве будут говорить ставленники российских олигархических кланов о том, что структуру современной экономики России нельзя назвать даже пародией на то, что мы видим в ведущих европейских странах, где правящая элита не утратила остатки разума и совести. Здесь государственная собственность неизменно превалирует во всех отраслях, обеспечивающих национальную безопасность и стратегию социально-экономического развития. Ее общий удельный вес в Великобритании составляет 36 процентов, в Германии — 39, Италии — 41, Швеции — 43, Австрии — 4 0 процентов. В собственности государства находятся узловые отрасли экономики США и Франции.

Огромную тревогу общества вызывает то, что из-под его контроля полностью выведен Стабилизационный фонд, совокупный объем которого на 1 марта 2007 года составил 2 триллиона 708,85 миллиарда рублей, что эквивалентно 103,55 миллиарда долларов. Структура активов Стабфонда засекречена не только от общества, но даже от депутатов Госдумы. При этом известно, что накопленные в нем средства размещаются таким образом, что приносят минимальную финансовую отдачу и работают на чужую, прежде всего американскую экономику, прямо или косвенно финансируя войну в Ираке, оккупацию Афганистана, расширение НАТО с военными базами вокруг России и создание новых систем «звездных войн». Рассуждения о суверенной России никак не согласуются с тем, что контроль и доходы от продажи российского сырья на Запад фактически оказались в руках западных монополий. При этом правительство

упорно скрывает ответ на вопрос: могут ли деньги Стабфонда вообще использоваться Россией?

В свое время президент США Рузвельт, выводя свою страну из кризиса, развернул массовое строительство дорог и жилья за счет федерального и местных бюджетов. Он прекрасно понимал, что до тех пор, пока людям негде жить и работать, социальная стабильность в обществе невозможна. Неслучайно в Федеральной резервной системе США в число трех важнейших показателей входят уровень цен, объем производства и занятость населения. Наш же Центральный банк заботят только курс рубля и уровень инфляции, хотя все серьезные экономисты давно признают, что инфляция в России носит немонетарный характер и внизу социальной лестницы, где у нас сейчас находится почти 80 процентов населения, она воспринимается совсем по-иному, нежели наверху. При нынешнем росте коммунальных платежей и тарифов люди попросту не могут нормально питаться, лечиться, растить детей.

Выступая весной 2007 года перед избирателями Красноярского края, Зюганов обратил внимание на то, что закачиваемые в Стабилизационный фонд гигантские суммы оказываются замороженными. Вместо того чтобы вкладывать их в развитие промышленности, подъем села, восстановление вкладов, решение социальных проблем, правительство Путина — Фрадкова под предлогом борьбы с инфляцией опять выводит эти средства в западные банки. К этому нужно добавить 30–35 миллиардов долларов, которые ежегодно — и вполне легально — вывозятся сейчас за рубеж крупным капиталом.

На этом фоне особенно жалкими выглядят подачки пенсионерам, которыми пытаются прикрыть полный провал пенсионной реформы в стране. Когда «Единая Россия» приступала к реформе пенсионного обеспечения, размер пенсий составлял 34 процента от средней зарплаты, а ныне он упал до 26 процентов. При этом минимальный порог пенсий во всех развитых странах не опускается ниже 40 процентов от доходов работающего населения. Уместно напомнить, что этот показатель в советское время достигал 70 процентов, что и является ныне ориентиром в социально-экономической программе КПРФ. Отнюдь не популизм, как пытаются представить проправительственные СМИ, а реальные экономические расчеты позволяют Зюганову ставить вопрос о повышении размеров пенсии в 2–3 раза, что позволит вырвать миллионы людей из нищеты.

Власти решают эту проблему по-своему. В последнее время в общественное сознание постепенно, но настойчиво внедряется мысль о том, что Россия не может считать себя цивилизованной

страной, пока у населения не будет сформирована *культура бедности.* Заметим, что на вооружение взят термин, возникший в начале шестидесятых годов прошлого века среди буржуазных исследователей социальных особенностей жизни трущоб в странах третьего мира. Те, кто поворачивает вектор развития России на 180 градусов, пытаются нас убедить, что массовая бедность может быть достойной и социально небезнадежной, более того, культура бедности якобы обладает социальной продуктивностью, так как является фактором, способствующим общественному прогрессу. Главная цель этих наукообразных рассуждений заключается в том, чтобы снять с государства ответственность за проводимую им социально-экономическую политику: бедные сами виноваты в том, что они бедные. Пытаясь заставить миллионы людей смириться со своей нищетой, их издевательски поучают, что надо-де сначала избавиться от главного порока, в котором заключается корень всех бед, — зависти к чужому богатству. Зависть представляется сегодня едва ли не как национальная особенность россиян, хотя на самом деле она им не свойственна и даже чужда.

Тема эта, носящая явный русофобский оттенок, не нова. Еще русский писатель-демократ Глеб Успенский, тонкий знаток народной жизни и крестьянской психологии, довольно обстоятельно исследовал ее в своем очерке «Народная интеллигенция». Вот как он объясняет характерное для нашего народа-труженика отношение к чужому богатству: «Такое богатство, которое у всех на виду, которое всем понятно, — извинительно и ему можно покоряться без злобы… Но тот же самый человек, который без зависти и злобы переносит богатство, понятное ему и объяснимое с точки зрения условий собственной жизни и миросозерцания, ожесточится и со злобою будет взирать на такое богатство своего соседа, которое он, во-первых, не может понять и которое, во-вторых, вырастает вопреки всему его миросозерцанию, *без труда, без дарования, без счастья, без ума»* (курсив мой. — *А. Ж.*).

Это вполне доходчивое и убедительное разъяснение отражает исторически сложившееся представление нашего народа о справедливости. И никакая «культура бедности» не сгладит социальных антагонизмов современной России, порожденных неправедно нажитым богатством одних и нищетой других, лишенных возможности честным трудом обеспечить себе достойную жизнь.

Надеясь, что население страны рано или поздно окончательно смирится с подобным укладом жизни, власть всеми средствами пытается внедрить в общественное сознание мысль,

что нынешнему экономическому курсу нет альтернативы. И последовательно выстраивает политическую систему страны таким образом, чтобы не допустить к власти коммунистов, утверждающих обратное. Запугивая обывателя заплесневелыми страшилками о том, что у коммунистов якобы нет иного способа решения социально-экономических проблем, кроме одного — отнять и поделить, она всячески замалчивает экономическую программу КПРФ. Программу, которая понятна подавляющему большинству людей и созвучна их настроениям. Ведь в числе первоочередных шагов Компартии в случае ее прихода к власти — национализация сырьевых отраслей, природных богатств и недр, стратегически важных предприятий, направление их прибыли через бюджет на восстановление и развитие промышленности, науки, инфраструктуры, социальной сферы и достижение тем самым разумного баланса между частным и государственным капиталом; введение прогрессивной шкалы налогов; направление части Стабилизационного фонда наряду с дополнительными средствами из доходной части бюджета на реальное увеличение пенсий, пособий, стипендий, расширение бесплатного здравоохранения, образования и дошкольного воспитания; возврат финансовых средств из зарубежья.

Думается, не нужно разъяснять, кого пугают подобные меры, направленные на прекращение грабежа и оздоровление страны. Конечно же у тех, кто заинтересован в окончательном превращении России в бесправный сырьевой придаток экономики западных стран, сам факт существования реальной альтернативы губительному пути, ведущему в исторический тупик, особого беспокойства не вызывает. Больше всего тревожит их то, что КПРФ стала той политической силой, которая способна воплотить свои программные установки в жизнь, взять в свои руки всю полноту власти, ответственность за судьбу страны.

Сознавая реальность подобного исхода политической борьбы, прокремлевские политологи пытаются убедить обывателя в том, что историческая перспектива у коммунистов весьма призрачна: мол, были уже у Зюганова с его партией шансы прийти к власти, да они их упустили. Безвозвратно.

Так ли это?

Когда в начале 1992 года Зюганова избрали председателем Координационного совета народно-патриотических сил России, «Независимая газета» писала, что в патриотических кругах бывший главный идеолог КП РСФСР уже давно считается не ортодоксальным коммунистом, а государственником, способным достигать компромиссов. Пожалуй, с этим суждением можно

согласиться, хотя оно и нуждается в некоторых принципиальных уточнениях. Политическая гибкость Зюганова, его способность к поиску компромисса во имя достижения основополагающих целей, решения стратегических задач никогда не имели ничего общего с той политической беспринципностью, превратившей политику в доходный бизнес, которая характерна для многих современных деятелей, сумевших пристроиться к государственной кормушке или рвущихся к ней. Например, став одним из главных собирателей патриотических сил страны, Геннадий Андреевич прекрасно сознавал, что объединение «красной» и «белой» оппозиции возможно только в пределах совершенно конкретных идейных границ, переступать которые коммунисты не имеют права. Подтверждением твердости взглядов и убеждений Зюганова стало его решительное размежевание с Русским национальным собором, который оказался подверженным махровому антикоммунизму одного из своих главных идейных вдохновителей — Александра Стерлигова. Вместе с Зюгановым из руководящих органов собора вышли тогда Валентин Распутин, Виктор Илюхин, Альберт Макашов. Заметим, что этот шаг не означал отказа от союза «красных» и «белых», активным сторонником которого Геннадий Андреевич оставался все девяностые годы, не раз призывая патриотов в интересах спасения государства оставить все разногласия «на потом», до лучших времен. То, что рано или поздно это «потом» наступит, он не сомневался. Но в то время, когда до предела обострился вопрос о том, быть или не быть стране, а главные политические организации оппозиции были разгромлены, — через многие преграды, мешавшие единению, можно и нужно было переступать. Результатом такой терпеливой и взвешенной политики явилось создание осенью 1992 года Фронта национального спасения, ставшего на тот период главной силой, противостоявшей наступлению ельцинской диктатуры, и сыгравшего огромную роль в пробуждении и подъеме народного самосознания. На Учредительном конгрессе ФНС Зюганов избирается сопредседателем, членом политического и национального советов Фронта.

Однако деятельность Зюганова по сплочению патриотических сил ни в коей мере не означала забвения главной задачи — борьбы за возрождение Компартии. Попытки его противников задним числом представить дело так, что в то время, когда другие коммунисты боролись за восстановление своих попранных прав, он «терся» среди патриотических организаций и «лобызался с попами», едва ли не махнув рукой на внутрипартийные дела, — не имеют ничего общего с действительностью. В июне 1992 года

Зюганов был включен в состав группы лиц, уполномоченных представлять и отстаивать права КПСС в Конституционном суде, а затем — и в Инициативный оргкомитет по подготовке II Чрезвычайного восстановительно-объединительного съезда Компартии РСФСР. При этом, если внимательно прочитать все опубликованные воспоминания Геннадия Андреевича, не трудно убедиться, что своей роли в тяжелейшем процессе воссоздания партии он никогда не преувеличивал. Более того, он неизменно подчеркивал огромный вклад в это благородное дело своих соратников, не изменивших своим убеждениям, не убоявшихся террора, репрессий и травли, не растерявших представлений о чести и долге.

Это, прежде всего, касается сорока трех народных депутатов Российской Федерации — представителей семи фракций, обратившихся весной 1992 года в Конституционный суд с ходатайством о проверке конституционности ельцинских указов от 23 и 25 августа и 6 ноября 1991 года о приостановлении, а затем и о прекращении деятельности КПСС и КП РСФСР и конфискации их имущества. Несмотря на воцарившийся в стране антиконституционный произвол, в ходе перерегистрации фракций на V съезде народных депутатов 52 депутата заявили о своей принадлежности к фракции «Коммунисты России». По сути, это была единственная легальная коммунистическая ячейка в стране. Тем временем ученые Москвы создали общественное объединение «В защиту прав коммунистов», которое возглавил исключительно мужественный человек доктор исторических наук И. П. Осадчий, в свое время сыгравший огромную роль в подготовке Учредительного съезда КП РСФСР. В качестве экспертов Компартию защищали известные ученые: доктора философских наук профессора Ю. К. Плетников, В. И. Староверов, Р. И. Косолапое, доктор экономических наук профессор Ф. Н. Клоц-вог, кандидат экономических наук Г. К. Ребров и другие специалисты в области истории, философии, экономики.

Первый секретарь ЦК российской Компартии В. А. Купцов, сменивший в начале августа 1991 года на этом посту И. К. Полозкова, находился в это время под следствием и участвовал в воссоздании партии фактически нелегально. Вместе с заместителем генерального секретаря В. А. Ивашко он участвовал почти во всех рабочих встречах группы ученых-правоведов, в которую входили доктора юридических наук В. С. Мартемьянов, Б. П. Курашвили, Б. Б. Хангельдыев, В. Г. Вишняков.

С особым удовлетворением Геннадий Андреевич подчеркивает, что активную позицию занимали все бывшие секретари ЦК Компартии РСФСР — А. Н. Ильин, А. В. Соколов, А.

Г. Мельников, В. И. Кашин, И. И. Антонович, Н. П. Силкова. Неоценимый вклад в подготовку ходатайства в Конституционный суд внес член ЦК российской Компартии, народный депутат В. И. Зоркальцев. На процессе Виктор Ильич возглавил группу полномочных представителей народных депутатов РСФСР. В ее составе были депутаты Ю. М. Слободкин, Д. Е. Степанов, В. А. Боков, А. С. Соколов, В. И. Севастьянов, Б. В. Тарасов, И. П. Рыбкин, М. И. Лапшин.

Не все из тех, кто встал тогда в единый строй защитников Компартии, сохранили верность своим политическим принципам. Но это, по мнению Зюганова, не умаляет заслуг людей, отстоявших партию в самый тяжелый период безвременья. Он сохранил уважение даже к тем из них, кто впоследствии перешел в лагерь его непримиримых оппонентов, чья жесткая, порой необъективная и незаслуженная критика нередко оставляла у него в душе горький след. Но, умудренный нелегким жизненным и политическим опытом, Геннадий Андреевич прекрасно понимал, что есть в жизни вещи, которые стоят значительно выше любых, даже идейных, разногласий, и далеко не всегда нам дается право осуждать выбор других, даже в том случае, если в нем видится едва ли не предательство. К тому же свои собственные взгляды он никогда не считал истиной в последней инстанции.

В первые месяцы после августовского переворота у Зюганова складывается свое, отличное от представлений многих его соратников видение основных контуров будущей, обновленной Компартии — *партии нового типа,* свободной от догм и способной адекватно ответить на вызовы эпохи. Обращение к опыту большевизма позволяет ему провести исторические параллели, сделать выводы из уроков былых, наиболее тяжелых поражений. Как полагал Геннадий Андреевич, не случайно Ленин считал важнейшим этапом истории революционной борьбы мрачный период реакции, наступившей после первой русской революции: «Царизм победил. Все революционные и оппозиционные партии разбиты. Упадок, деморализация, расколы, разброд, ренегатство, порнография на место политики… Но в то же время именно великое поражение дает революционным партиям и революционному классу настоящий и полезнейший урок, урок исторической диалектики, урок понимания, уменья и искусства вести политическую борьбу… Разбитые армии хорошо учатся… Революционные партии должны доучиваться. Они учились наступать. Теперь приходится понять, что эту науку необходимо дополнить наукой, как правильнее отступать. Приходится понять, — и революционный класс на

собственном горьком опыте учится понимать, — что нельзя победить, не научившись правильному наступлению и правильному отступлению. Из всех разбитых оппозиционных и революционных партий большевики отступили в наибольшем порядке, с наименьшим ущербом для их „армии“, с наибольшим сохранением ядра ее, с наименьшими (по глубине и неизлечимости) расколами, с наименьшей деморализацией, с наибольшей способностью возобновить работу наиболее широко, правильно и энергично. И достигли этого большевики только потому, что беспощадно разоблачили и выгнали вон революционеров фразы, которые не хотели понять, что надо отступить, что надо уметь отступить, что надо обязательно научиться легально работать в самых реакционных парламентах, в самых реакционных профессиональных, кооперативных, страховых и подобных организациях».

Ленинский опыт осмысления неудач помогал сделать серьезные выводы из тех уроков, которые преподнесла коммунистам горбачевско-ельцинская клика. Еще осенью 1991 года газета «День» поместила обстоятельную беседу с Зюгановым ее главного редактора Александра Проханова. Она была посвящена анализу причин крупнейшего в истории поражения коммунистов и снабжена выразительным заголовком «Партийного ренессанса не будет?». Из контекста беседы становилось ясно, что вопрос носил чисто риторический характер. Для Зюганова он был разрешен — пока еще не в деталях, но в принципе: бессмысленно воссоздавать партию, если она унаследует от прежней то, что привело ее к историческому краху. Впервые Геннадий Андреевич сформулировал свое понимание стержневой основы, вокруг которой должны строиться идеология и политика новой партии. Она должна соединить в себе две главные идеи, определяющие народное сознание: идею социальной справедливости и идею национального государственного развития. Если же партия отделит себя от национально-государственных интересов, она не будет иметь ни массовости, ни соответствующей народной поддержки.

Представление Зюганова о путях возрождения и строительства партии выходит далеко за рамки прагматического подхода. Об этом свидетельствует и его большая речь в Конституционном суде по ходу слушания «дела КПСС», основанная на глубоком историко-философском и политическом анализе случившегося с партией и страной. Прежде всего Геннадий Андреевич дал решительный отпор намерениям президентской стороны не только представить КПСС как преступную организацию, но и превратить процесс в судилище

над историей всей страны, ее народом. Весь парадокс ситуации (а точнее — цинизм обвинителей, представленных такими одиозными личностями, как Бурбулис, Румянцев, Котенков, Макаров, Шахрай) заключался в том, что из членов самого Конституционного суда лишь одна только Т. Г. Морщакова не была членом КПСС.

«В самом факте, когда бывшие члены КПСС, ее руководители, по сути, запретили и судят породившую их партию, есть что-то противоестественное, нечеловеческое. Ведь попирается извечная норма народной морали: дети своим родителям не судьи. Любопытен и тот факт, что беспартийный адвокат Ю. Иванов защищает КПСС, а бывший член КПСС А. Макаров… является ее главным обвинителем.

С другой стороны, вдумаемся в логику обвинения. Партия, чье правящее положение было официально закреплено в Конституции СССР, оказывается… неконституционной. И не партией вообще, государственной структурой. Государством, конституцией которого был якобы Устав партии. Более того — миллионы людей, прошедшие через партию, оказывается, по утверждению Макарова, не являются народом.

И нужно это для того, чтобы с мазохистским сладострастием оправдать разрушение самого государства, его конституционных основ, обосновать тот беспредел, который царит в стране, нарушение всех международных пактов о правах человека, закамуфлировать невиданное предательство всех своих союзников и друзей, сородичей, стариков и детей. Для того, чтобы обосновать присвоение собственности, нажитой трудом трех поколений советских людей».

Большое внимание в своем выступлении Зюганов уделил историческим закономерностям государственного, политического и правого развития страны, особенностям государства, объединившего на своей территории 130 народов и народностей, людей сорока четырех конфессий. Необходимость реформирования государственно-политической системы была очевидна. Но эту назревшую потребность использовали силы, которые повели страну по антиконституционному и антигосударственному пути.

«Под разговоры о гражданском обществе, правовом государстве, демократизме, плюрализме, суверенитете, независимости были уничтожены конституционные основы государства, Съезд и Верховный Совет СССР, народный контроль,

полуразрушены армия и правопорядок. Инструментом этой разрушительной политики было принципиально новое оружие, суть которого предстоит еще внимательно изучить, — информационно-психологическое программирование с использованием огромной мощности технологий манипулирования, которые сумели расколоть и перессорить наше общество. И это оказалось мощнее фашистских орд».

И здесь следует подчеркнуть, что Зюганов не ограничивается традиционным для поверженной стороны набором обвинений и обличений разрушителей Отечества. Он выступает как политик, обладающий масштабным мышлением, в совершенстве владеющий диалектикой, что позволяет ему видеть дальнейшую перспективу через анализ ошибок, отрицание изжившего и не оправдавшего себя.

«Однако основные причины трагедии, переживаемой народом, лежат внутри нашего государства и, прежде всего, — в монопольной экономике и морально-политическом облике его руководства.

…Я не могу утверждать, как некоторые другие, что партия ни в чем не виновна. Это далеко не так. Партия прежде всего виновна в том, что, осуществляя длительное время монопольное право на власть, растеряла опыт политической борьбы, реальные оценки обстановки и опору в массах. Процесс демократизации КПСС обязана была начинать с самой себя. Привести к управлению талантливых, национально и государственно мыслящих людей, любящих Россию, а не называющих ее „этой страной“, — людей, способных эволюционным путем провести крайне необходимые стране реформы. Она должна была понимать, что сложные государственные системы модернизируются только по частям. В противном случае — потеря управляемости и полный хаос, что мы и наблюдаем сегодня повсеместно.

ЦК КПСС, к сожалению, не хватило мужества освободить Горбачева даже тогда, когда уже были очевидны его полная неспособность руководить партией и государством, моральная нечистоплотность, нарушение клятвы, данной народу. Поразительно, но нобелевский лауреат, развязавший гражданскую войну в собственной стране, спустивший государственный флаг с Кремля и прихвативший целый квартал собственности КПСС, продолжает давать советы — как нам жить и работать.

Многим из нас недостало политического чутья и твердости

возразить президенту Ельцину, когда он, разъезжая по стране и раздавая всем безграничные суверенитеты, обещал построить независимое государство всего с тремя функциями: единой обороной, транспортом и энергетикой (теперь и этого нет), что было не только антиконституционно, но и в высшей степени безграмотно. Каждый профессионал знает, что всякое государство держится как минимум на семи столпах, и, лишившись любого из них, — оно начинает разрушаться. Это, прежде всего, — единое экономическое и территориальное пространство, единая система финансов и налогов, единый язык межнационального общения, единые права личности, охраняемые государством, единая оборона и внешняя политика.

Мы должным образом не отреагировали и на крайне тревожный сигнал, когда в якобы респектабельной Эстонии заговорили о приоритете одной нации над другой, зарождая вражду народов по всей стране. Ныне в независимой Эстонии выдают уже коричневые паспорта так называемому русскоязычному населению, чего не позволили себе даже расисты ЮАР. А в Латвии дошли до того, что уже несколько месяцев выясняют, у кого из властей предержащих жены русские, что оценивается как бесспорный компромат.

Одного за другим отдавали на съедение осатаневшим борзописцам, дирижируемым мастером закулисных интриг А. Яковлевым, подлинных граждан Отечества, которые били тревогу за его целостность и судьбу…

Больше всего партия виновата в том, что пропустила к власти своих партбилетчиков — людей некомпетентных, не понимающих сути конституционных основ государства, специфики России, Союза как уникального национально-государственного образования, тех, кто пренебрег историческим опытом многих стран и народов. А этот опыт гласит: конституции всех стран исходят из приоритета защиты территориальной безопасности, ибо все государства складывались из завоеваний и ни одно не разрушалось без кровопролитных войн. Как видим, и мы не стали исключением…»

Далеко не все из тех, кто защищал партию в Конституционном суде, были готовы критически оценить ее деятельность. И не случайно в своем выступлении Геннадий Андреевич делает оговорку, что он, по сути дела, не согласен с прозвучавшими в Конституционном суде утверждениями о полной невиновности КПСС. Безусловно, нелегко было признавать собственную причастность к организации, не выдержавшей испытания временем, свое вольное или невольное

попустительство антикоммунистическим силам, захватившим власть в стране и поставившим ее на край пропасти. Кроме того, сказалось сформированное в нескольких поколениях коммунистов едва ли не религиозно-мистическое отношение к аббревиатуре «КПСС», означающей для них нечто святое, стоящее выше понимания простых смертных, а потому не подлежащее критике. Нетрудно понять, почему некоторые левые радикалы выступление Зюганова восприняли в штыки, обвинив его в том, что он произнес «речь не защитника, а обвинителя партии». Оберегая КПСС, словно «священную корову», многие из них так и не поняли (или не захотели понять), что в Конституционном суде решающее значение имели не эмоции, а весомость и правовая состоятельность аргументов в защиту партии. Нужно было любой ценой вывести из-под удара ее сохранившуюся часть, чтобы на этой основе возродить российскую организацию коммунистов.

Впрочем, для некоторых наиболее радикальных деятелей само обращение коммунистов в Конституционный суд с целью добиться признания легитимности Компартии представлялось недопустимым соглашательством, политическим торгом с правящей антинародной верхушкой. А ведь вопрос стоял значительно шире, нежели он официально формулировался депутатами-коммунистами. По сути, речь шла о праве на жизнь самой коммунистической идеи, о законности деятельности коммунистов, возможности использования ими широкого арсенала легальных средств политической борьбы.

Благодаря такой кропотливой подготовке к процессу, всестороннему обоснованию своей позиции коммунистам удалось добиться приемлемого для себя решения Конституционного суда. В вынесенном им 30 ноября 1992 года вердикте в довольно сложных формулировках были признаны соответствующими Конституции положения указов президента применительно к роспуску имевшихся на территории России руководящих структур КПСС, а также КП РСФСР — в той степени, в какой она являлась составной частью КПСС. В то же время применительно к первичным территориальным организациям КП РСФСР эти положения были признаны противоречащими Конституции. Другими словами, суд подтвердил законность действий партийных организаций КП РСФСР на территории России и их право на создание новых центральных руководящих органов. 3 декабря газеты «Правда» и «Советская Россия» опубликовали «Обращение Инициативного комитета по созыву съезда коммунистов Российской Федерации». В нем отмечалось, что в ходе Конституционного суда «президентская сторона сделала все, чтобы превратить его заседания в политический процесс по делу

КПСС. Она стремилась вершить суд над историей, однако своих целей не смогла добиться. Напротив, коммунисты вышли из суда несломленными и непобежденными». В числе других авторитетных деятелей Компартии «Обращение» подписал и Зюганов.

Трудно сказать, чем бы закончилось это противостояние, если бы в свое время здоровым силам КПСС вопреки позиции группировки Горбачева — Яковлева не удалось отстоять и провести в жизнь идею создания Компартии России. Конечно, тогда, два с половиной года назад, никто из сторонников организационного объединения российских коммунистов и предположить не мог, что они создают плацдарм для будущего, который позволит им после сокрушительного поражения сохранить, перегруппировать и сплотить свои ряды. Время только подтвердило их историческую правоту.

Безусловно, никто из тех, кто сражался за партию в Конституционном суде, не сложил бы оружия и в случае неблагоприятного исхода процесса. Но во что бы тогда вылилась борьба за возрождение массовой коммунистической организации, сказать трудно. Ведь к этому времени уже возникло несколько партий, созданных на базе платформ, образованных в КПСС: «Союз коммунистов», «Партия труда», «Российская партия коммунистов», «Российская коммунистическая рабочая партия», «Социалистическая партия трудящихся». Однако ни одна из этих партий так и не стала массовой, и между ними сохранялось множество идейных разногласий, приводивших к организационной разобщенности и раздробленности коммунистического движения. Не помогло преодолеть имевшиеся противоречия и создание Роскомсовета — консультативно-координационного центра организаций и объединений, образовавшихся из «осколков» КПСС и Компартии РСФСР. Сохранялись они и внутри возникшего движения за воссоздание единой КПСС (Союза коммунистических партий — КПСС).

Всё это, естественно, отразилось и на той атмосфере, в которой проходил II Чрезвычайный съезд КП РСФСР, собравшийся в феврале 1993 года. Характер его работы не без иронии, но весьма точно отразила в одной из своих публикаций газета «День»: «Съезд с блеском продемонстрировал плоды коммунистического плюрализма, убедительно показал, что коммунисты способны наплодить столько же платформ и линий, сколько и демократы».

Вместе с тем за разноголосицей, пестрым многообразием мнений, прозвучавших на съезде, явственно обозначились две основные линии, отражавшие настроения делегатов и их видение

возрождаемой партии. Значительная часть делегатов разделяла позицию «классических коммунистов», руководствовавшихся традиционными идеями и полностью опиравшихся на политический опыт КПСС, не подвергая его сколь-нибудь серьезному критическому анализу. Однако большинство все же полагало, что идеология и методы работы партии в кардинально изменившихся условиях требуют решительного пересмотра. Многим импонировали взгляды Зюганова, который, выступая на съезде, сформулировал мировоззренческую платформу новой Компартии. По его мнению, главными составляющими идеологии коммунистов должны стать: *справедливость* — как основа социалистического идеала, *народность* — как форма реализации народовластия, *государственность* — не просто как форма существования, но и инструмент гармонизации интересов граждан, *патриотизм* — как средство сохранения традиций, связи времен и поколений.

Внутрипартийное противостояние обострилось при выборе руководящих органов партии и привело к размежеванию делегатов при обсуждении кандидатур, выдвигаемых в Центральный исполнительный комитет КПРФ. Одни выступали за взаимное прощение былых грехов, другие считали, что партии не по пути с теми, кто запятнал себя соучастием в горбачевщине и бездействовал после августа 1991-го. По мнению сторонников создания качественно новой политической партии, возглавить ее должен был человек, не отягченный сотрудничеством с высшей партноменклатурой, свободный от груза традиций, свойственных властным структурам прошлых лет, способный привнести в жизнь партии плодотворные идеи, восстановить ее живую связь с массами. Подавляющее большинство членов избранного съездом ЦИК остановили свой выбор на Зюганове.

Избрание Зюганова председателем ЦИК КПРФ в какой-то мере было неожиданным не только для сторонних наблюдателей, но и для целого ряда тех партийных деятелей, которые являлись инициаторами воссоздания Компартии. Здесь, очевидно, сказалась старая привычка к тому, что при подготовке партийных съездов все принципиальные, в том числе и кадровые, решения обычно заранее готовились и согласовывались таким образом, что голосование по ним превращалось в формальность. В данном случае кандидатура Зюганова возникла уже в ходе обсуждения претендентов на высший пост в партии, которое носило действительно свободный, демократический характер.

Кстати, Геннадий Андреевич уже выдвигался на должность руководителя российской Компартии — в начале августа 1991 года, когда подал в отставку И. К. Полозков. Тогда на решении

Полозкова сказалась беспрецедентная травля, которую развернули против первого секретаря ЦК КП РСФСР «демократические» СМИ. По существу, антисоциалистическими силами была испытана новая технология дискредитации партии — через создание непривлекательного имиджа ее лидера. В течение года против Полозкова велся непрерывный огонь на поражение из всех пропагандистских орудий. Но, к чести Ивана Кузьмича, он не сломался. Как считает Зюганов, его решение уйти с поста руководителя партии было мужественным поступком, продиктованным высшими интересами — надеялся он, что, лишившись «традиционного объекта» повседневных злобных нападок, враждебные СМИ вынуждены будут ослабить информационную войну против ЦК КП РСФСР. Никто тогда не предполагал, что уже осуществлялся иной сценарий — был запущен в действие план полного уничтожения партии.

На пленуме ЦК, удовлетворившем просьбу Полозкова об освобождении его от обязанностей первого секретаря, Зюганов свою кандидатуру снял, несмотря на то, что выдвинул его на пост руководителя Компартии России писатель Юрий Бондарев — человек, к которому он испытывал огромное личное уважение. Посчитал, что сам факт голосования по альтернативной кандидатуре может вызвать трещину в руководящем ядре организации, с которой коммунисты связывали свои надежды на сохранение страны и возрождение авторитета партии. Отказ мотивировал отсутствием должного опыта парламентской работы.

К февралю 1993 года ситуация изменилась коренным образом. Теперь Геннадий Андреевич чувствовал за своей спиной поддержку не только близких ему по духу единомышленников — его идею сплочения вокруг партии широкой коалиции народно-патриотических сил восприняла огромная часть партийного актива, рядовых коммунистов. Работа Зюганова в патриотических организациях, особенно его участие в создании Фронта национального спасения, приносила ощутимые плоды. Была преодолена полоса отчуждения, долгое время существовавшая между коммунистами и патриотическими организациями, на смену взаимному недоверию пришло понимание необходимости совместных действий во имя спасения государства. На примере деятельности Зюганова тысячи беспартийных людей, озабоченных судьбой Родины, убеждались, что коммунисты — это не записные патриоты, как им внушали либеральные СМИ, а наиболее стойкие и последовательные борцы за коренные интересы народа.

Все это открывало для КПРФ реальные возможности расширения социальной опоры, привлечения на свою сторону

широких масс трудящихся и интеллигенции, возвращения утраченного авторитета. Но перспективы эти выглядели отнюдь не безоблачными. Партии предстояло преодолеть не только серьезные внутренние противоречия, которые после всех событий, предшествующих созданию КПРФ, были просто неизбежны, но и подтвердить свое право называться Коммунистической, возглавить борьбу трудящихся за восстановление народовластия, попранных завоеваний социализма. То, что сейчас для миллионов сторонников партии выглядит как само собой разумеющееся, пришлось отстаивать — не только на словах, но, разумеется, и на деле. Как ни печально это сознавать, но в тяжелейшее для страны время коммунистические идеи стали предметом политической конкуренции. Так, одновременно со съездом, учредившим КПРФ, свой съезд провела Российская коммунистическая рабочая партия, которая объявила себя правопреемницей КП РСФСР и осудила «стремление партократов реанимировать антикоммунистическую линию Горбачева в партии с коммунистическим названием». В довершение всего съезд РКРП оценил работу ЦК КП РСФСР за минувший период как неудовлетворительную и исключил из партии В. Купцова, И. Антоновича, А. Ильина и Г. Зюганова — «за осознанное и неосознанное пособничество антикоммунистам, за отход от классовых позиций, за ликвидаторскую деятельность». С не менее категоричными оценками Зюганова и его соратников, «отвергших революционный путь борьбы с буржуазной контрреволюцией», выступили Всесоюзная коммунистическая партия большевиков и другие радикал-большевистские организации, призывавшие «отдать все силы на разоблачение ренегатов». Последний призыв не расходился с делом, вот только на политическую и организаторскую работу с массами, консолидацию трудящихся ресурсов у них, видимо, уже не хватило. Некоторые из этих партий сохранили свои названия и до наших дней, но практически все они так и остались в прошлом веке.

Положение, сложившееся в российском коммунистическом движении в начале девяностых годов, вряд ли можно считать нормальным. «Странно, нелогично, необъяснимо и ничем неоправданно наблюдать в течение целого десятилетия наличие до десятка коммунистических „партий“, „союзов“ и „платформ“, — пишет в одном из своих исторических очерков И. П. Осадчий. — Если ты действительно коммунист, то у тебя — марксистско-ленинское мировоззрение, идеалы народовластия, социальной справедливости, социализма, бескорыстного и беззаветного служения трудовому народу… Остальные вопросы — второстепенные, подчиненные. По ним можно спорить,

убеждать друг друга, но в рядах одной организации, в одной „коммунистической бригаде“, объединенной общими идеями, делами, целями»[29]. Под этими словами могла бы подписаться масса рядовых коммунистов, которых, мягко говоря, никогда не волновали тонкости идейных противоречий, существовавших между партийными лидерами. Но мало кто из них сделал шаг к сближению друг с другом, пренебрег амбициями во имя высших целей. Тогда, в феврале 1993 года, руководители большинства коммунистических организаций участвовали в работе съезда российской Компартии, но отказались войти в руководящие органы КПРФ, где за ними были специально зарезервированы места. Мотивировали они свои отказы разными причинами, но суть-то их была всем понятна: лучше иметь небольшую партию, но *свою*. В результате II съезд российских коммунистов, задумывавшийся как восстановительно-объединительный, свою вторую главную задачу — собрать разрозненные силы в единый кулак — так и не решил.

Не следует также забывать, что Зюганов принял руководство партией в обстановке жуткой антикоммунистической истерии, которая стала главной ширмой, прикрывавшей антинародную и антигосударственную суть деяний Ельцина и его приспешников. В сознательную жизнь уже вступало целое поколение, отравленное ядом антикоммунизма, с искаженным представлением об истории собственной страны, о ее духовных и культурных ценностях. Давно уже был исчерпан и кредит доверия партии со стороны старших поколений. Одним изменением политического облика Компартии его восстановить было невозможно: слишком часто за последние годы люди оказывались обманутыми. В сознании рядовых партийцев стоял образ прежней партии — организации всевластных «верхов» и бесправных «низов». К сожалению, не сбылись ожидания организаторов воссоздания КПРФ, что под ее знамена вернутся миллионы тех, кто состоял в рядах Компартии России до августа 1991 года. Лишь только каждый пятнадцатый из них подтвердил свое членство в новой партии. К тому же, как вспоминает Геннадий Андреевич, коммунисты были насторожены и ничего не хотели принимать на веру. Хотя в целом позиция партии, которую простые люди не без основания олицетворяли со взглядами Зюганова, встречала понимание, звучали и сомнения. Они высказывались и на многочисленных встречах, в которых Геннадий Андреевич участвовал едва ли не ежедневно, и в поступавших ему письмах. Приведем наиболее типичные выдержки из них:

«Среди тех, кто публично выступал против Горбачева, был т.

Зюганов. Нельзя не уважать его за это. Но как можно состоять с ним в одной партии настоящему коммунисту, если Зюганов — автор и проводник в жизнь теории примирения красных и белых?

А. Шехирев, Набережные Челны».

«Никто не возражает против объединения всех оппозиционных сил. Но ведь это всего лишь задача минимум, верная на данный период. Однако значит ли это, что партия на сегодня должна отказаться от своей стратегической линии? Она ведь объявила себя коммунистической.

Л. Халафян, Москва».

Без ответов на эти острые вопросы воссоздать массовую партию и сплотить ее было невозможно. Приходилось объяснять, что время упрощенного толкования социализма безвозвратно ушло в прошлое, что в изменившихся исторических условиях особую актуальность обретает умение партии, не теряя своей стратегической линии, объединять вокруг себя все конструктивные силы, способные словом и делом служить своей стране, своему народу.

Но для того чтобы донести эти идеи до широких масс, предстояло провести огромную и кропотливую работу. Требовалось время, которого не было: в политическую борьбу нужно было вступать без промедления — над страной нависла реальная угроза ельцинской диктатуры.

Ко всем проблемам, которые столь неожиданно легли на плечи Зюганова, добавлялась острая нехватка материальных средств, которую испытывала партия, особенно в первые месяцы после восстановления. К примеру, Геннадию Андреевичу довольно длительное время после избрания председателем ЦИК приходилось зарабатывать свой хлеб насущный в качестве политического обозревателя газеты «Советская Россия».

Даже этот далеко не полный перечень обстоятельств, с которыми пришлось столкнуться Зюганову, позволяет понять, почему он назвал процесс становления возрожденной Компартии России не просто трудным, но и мучительным. Свирепствующий в стране экономический и политический кризис отодвигал решение насущных внутрипартийных задач на второй план: обстановка требовала от КПРФ неотложных и решительных действий по консолидации всех здоровых сил общества, чтобы остановить произвол президентской власти, предотвратить крах экономики и дальнейшее обнищание нации. Характеризуя сложившуюся на тот период обстановку, Геннадий Андреевич писал, что она развивается «от плохого к худшему, от кризиса к экономической, социальной и национально-государственной катастрофе. Полное

банкротство власти очевидно».

«Шоковая терапия», осуществленная бывшим завотделом журнала «Коммунист» Т. Гайдаром по рецептам американских экономистов типа Джеффри Сакса, привела экономику в состояние комы. Осенью 1992 года почти в два раза возросли темпы падения промышленного производства. Инфляция достигла 5–7 процентов в неделю. Примерно в три раза по сравнению с летними месяцами упал курс рубля по отношению к доллару. Отпуск цен привел к их росту в течение года в 36 раз. Оказались промотанными практически все государственные стратегические резервы, исчерпан золотой запас. Фактическая безработица достигла 20 процентов. Страну захлестнула волна насилия: в 3–4 раза возросло количество краж и грабежей, в 17 раз увеличилось число случаев захвата заложников. В конце 1992 года правительство возглавил В. С. Черномырдин, но прежний, обанкротившийся курс Гайдара существенных изменений не претерпел. Результаты известны: «Хотели как лучше, получилось как всегда».

Экономический крах оказал отрезвляющее воздействие на Верховный Совет: значительная часть его депутатов стала отходить от демократического угара. Но в попытках депутатского корпуса образумить проводников губительной для страны реформы ельцинская команда усмотрела угрозу своему господству. И действительно, кризис экономики создавал реальные предпосылки отрешения президента от власти. И оно могло бы осуществиться, если бы оппозиционно настроенное депутатское большинство сумело проявить в своих требованиях и действиях последовательность, настойчивость и принципиальность. Однако в решающие моменты оно оказывалось подверженным конъюнктурным колебаниям, проявляло склонность к половинчатому разрешению возникавших конфликтов. Вряд ли следовало ожидать иного от тех, кто еще совсем недавно принимал декларации, подрывавшие СССР и суверенитет России, власть Советов, безропотно передавал свои полномочия исполнительным структурам, способствуя бесконтрольности и безответственности президентской власти.

Именно этими особенностями депутатского корпуса умело пользовались радикал-экстремисты из окружения президента, делая ставку на то, чтобы довершить государственный переворот руками самих народных избранников, окончательно ликвидировать советскую власть в лице Съезда народных депутатов и Верховного Совета. В ход шла излюбленная Ельциным тактика ультиматумов, подкупа и запугивания, активно использовалась политика кнута и пряника. 10 декабря

1992 года, во время работы VII съезда народных депутатов, президент выступил по телевидению с обращением к гражданам России, в котором назвал Съезд главным оплотом консерватизма и реакции, возложил на него основную ответственность за тяжелую обстановку в стране и обвинил депутатов в подготовке «ползучего переворота». В качестве выхода из кризиса он предложил провести всенародный референдум о доверии президенту, пообещав подчиниться воле народа при любом его исходе.

В то же время полным ходом шла подготовка к замене конституционного строя буржуазной формой правления. Под присмотром западных советников за рубежом уже писалась новая Конституция. Были известны и имена тех, кто второпях лепил ее текст: С. Шахрай, А. Румянцев, Б. Золотухин… 1 февраля 1993 года на РТР был показан сюжет об участии в работе над проектом Конституции Российской Федерации представителей США.

Несмотря на то, что VII съезд народных депутатов завершился принятием компромиссных соглашений, политический кризис не ослабевал и во время работы VIII съезда, состоявшегося в марте 1993 года, вступил в новую фазу. Ее апогеем стало очередное телевизионное выступление Ельцина, который заявил, что Съезд «стал генеральной репетицией реванша бывшей партноменклатуры», и сообщил, что он подписал закон об особом порядке управления страной, что фактически означало установление президентского правления и оттеснение от власти Советов всех уровней. На следующий день, 20 марта, был издан президентский указ о назначении на 25 апреля 1993 года всенародного референдума.

Тем временем КПРФ еще только ступала на арену политической борьбы, причем первые шаги ей пришлось делать в экстремальных условиях. Вскоре после своего избрания лидером партии, отвечая в одном из интервью на вопрос: «Как может отразиться на хрупкой надежде достижения согласия в обществе негативное отношение коммунистов к курсу на реформы и демократизацию?», Зюганов заявил: «Компартия никогда не стояла в оппозиции демократизации и реформам. Мы активно будем поддерживать те преобразования, которые будут укреплять государственность, повышать благосостояние людей и действительно способствовать гуманизации общества». Эти слова для некоторых наблюдателей послужили поводом охарактеризовать нового руководителя Компартии как сторонника прагматической идеи социальной коррекции реформ, терпимого к курсу, проводимому Ельциным.

Однако у Геннадия Андреевича никогда не было ничего

общего с ельцинским пониманием демократии и путей реформирования экономики страны. Изложенная им принципиальная позиция означала только одно: в своей деятельности партия нацелена на конструктивную работу и намерена руководствоваться прежде всего высшими государственными, общенациональными интересами. Компромиссы возможны и даже необходимы, но только в тех случаях, когда они способны предотвратить дальнейшее сползание страны в бездну. Для Зюганова был органически неприемлем принцип «Чем хуже — тем лучше», на который едва ли не открыто уповали многие политические деятели, ожидая нужного для них поворота в настроении масс, развития событий по сценариям, способным привести к непоправимым, трагическим последствиям. Например, после VII съезда народных депутатов довольно громко звучали голоса тех, кто считал, что не следовало отстранять Гайдара от руководства реформами — надо было дать ему возможность полностью продемонстрировать свое банкротство и только потом ставить вопрос об изменении экономической стратегии. По этому поводу Зюганов сразу же высказался в печати: «Оппозиция не может себе позволить подобных игр, ибо мы стоим перед рубежом, за которым кризис может стать необратимым. Было бы преступлением перед страной отказываться от малейших возможностей немедленно выправить положение».

В марте 1993 года КПРФ дала жесткую оценку попытке президента узурпировать власть в стране, выступив со специальным заявлением. Этот документ отражает принципиальную и последовательную линию Компартии, ее верность стратегическому курсу, провозглашенному II съездом, дает возможность более объективно разобраться в той позиции, которую она занимала в период разразившегося политического кризиса и последующих драматических событий. Знакомство с ним позволяет понять, насколько нелепы повторявшиеся время от времени в печати измышления о якобы каких-то «особых», закулисных отношениях Зюганова с Ельциным, обеспечивавших «благосклонное» отношение властей к деятельности партии.

«Центральный исполнительный комитет Компартии Российской Федерации оценивает заявление президента Российской Федерации 19 марта как акт государственного переворота, цель которого — установить диктатуру, сходную с неограниченной самодержавной властью. Данным заявлением практически ликвидируется Конституция и конституционный строй. Демократия и права человека становятся не более чем

абстрактным понятием в устах президента Ельцина. Само понятие государства примитивно упрощается до известного в истории утверждения: „Государство — это я“. В своем обращении к народу президент Ельцин вновь продемонстрировал свою приверженность патологическому антикоммунизму, возведенному им в ранг государственной политики. Чтобы быть до конца последовательным в антикоммунистической агрессивности, ему осталось одно — обвинить народ за его социалистическое прошлое. Кто мстит истории, тот мстит народу. Президент Ельцин уже сделал это в Беловежской Пуще, лишив многонациональный народ России союзного государства. Он продолжает мстить народу рыночным экстремизмом, варварскими реформами, искусственно вызванной нищетой, хищнической распродажей национального богатства, установлением диктатуры меньшинства над большинством.

Переход к особому управлению — это агония антинародного президентского режима, выражение страха перед ответственностью за последствия разрушительной политики. Президент посягнул на святая святых — на народовластие, на власть Советов, лицемерно замаскированное под защиту народных интересов. На самом деле это неприкрытое посягательство на государственную целостность России, на права субъектов Российской Федерации и ее граждан. В созданной им критической ситуации реальной стала опасность гражданской войны, распада страны. В этот трудный час ЦИК КПРФ обращается к коммунистам, ко всем гражданам с призывом защитить конституционный строй России, не поддаваться на провокации, решительно пресекать любые антиконституционные действия, от кого бы они ни исходили. ЦИК КПРФ видит настоятельную необходимость в объединении усилий всех патриотических сил на защиту Советов народных депутатов как единственно законной конституционной основы политической системы Российской Федерации. Только этот путь ведет к мирному выходу из создавшегося политического кризиса. Отказаться идти по нему — значит согласиться с фатальной неизбежностью национально-государственной катастрофы. Ответственность за продолжение отечественной истории должна образумить всех политиков. Цена безответственности — судьба России».

Опираясь на поддержку левых сил, IX съезд народных депутатов внес в повестку дня вопрос об импичменте президенту, но для принятия решения об отрешении Ельцина от власти не хватило несколько десятков голосов. Борьба исполнительной и

законодательной ветвей власти закончилась очередным временным компромиссом. Было признано недействительным обращение президента, но при этом принято решение провести референдум и вынести на него вопросы о доверии президенту, Верховному Совету и судьбе реформ. Итоги состоявшегося в апреле референдума показали, что ни одна из конфликтующих сторон не имела решающей поддержки народа. Сложившуюся в стране политическую ситуацию Зюганов подробно проанализировал в своем докладе на майском пленуме ЦИК КПРФ. Публикация основного содержания этого выступления на страницах «Советской России» была снабжена заголовком, точно отражающим его лейтмотив: «Весна иллюзий». Именно такой оказалась весна 1993 года для оппозиции, которая впала в состояние, близкое к эйфории: многим казалось, что стоит приложить еще немного усилий — и преступная ельцинская группировка будет устранена с политической арены. Подобное заблуждение переживала и значительная часть коммунистов.

«Оппозиция, — подчеркнул Зюганов, — до сих пор дезориентировала и себя, и своих сторонников, делая ставку на скорый взрыв народного возмущения и падение правящего режима. Мы также придерживались недостаточно обоснованного представления, что режим не имеет сколько-нибудь широкой поддержки в трудящихся массах…

Я думаю, пора нам перестать выдавать желаемое за действительное и взглянуть на вещи трезво. Да, страна все глубже погружается в хаос, усиливаются процессы упадка и дезинтеграции буквально во всех жизненно важных сферах. Однако следует признать и то, что организаторы и исполнители распада СССР и России действуют по тщательно разработанному плану, держат его под строгим контролем».

Именно в докладе на майском пленуме ЦИК Геннадий Андреевич впервые ввел в оборот понятие «управляемая катастрофа». Новую социальную технологию ельцинисты использовали для того, чтобы постоянно нагнетать социальную напряженность, не доводя дело до всеобщего социального взрыва. Это оружие, более изощренное, нежели применявшийся до этого механизм манипулирования общественным сознанием через СМИ, застало оппозиционные силы врасплох. Но, как оказалось, менялись не только средства политической борьбы. Итоги референдума неожиданно обнаружили, что сложившиеся в партии представления о характере социальных изменений, происходивших в обществе, часто не соответствовали действительности. Так, Зюганову пришлось с горечью признать, что на референдуме левые силы потерпели поражение в

промышленных областях Центральной России и Урала, в которых сосредоточен огромный отряд индустриального рабочего класса, расположены крупнейшие культурные и научные центры. Предстояло ответить на вопросы: «Почему класс, про который коммунисты не уставали повторять, что он по самой своей природе — коллективист, органически восприимчивый к социалистическим ценностям, дал втянуть себя в процесс разграбления общенародного достояния? И почему крестьянин, традиционно определяемый как потенциальный мелкий буржуа, в массе своей быстро раскусил опасность реставрации частной собственности на землю и выступил против разрушения крупных коллективных хозяйств, против денационализации земли и, следовательно, против политики ельцинского режима?»

Коммунисты столкнулись и с другим серьезным противоречием: массовые уличные акции оппозиции, значительно охладившие весной 1993 года экстремистский пыл Ельцина, далеко не в полной мере отражали общие настроения людей. Например, в Москве, где состоялись самые мощные антиельцинские митинги и демонстрации, за Ельцина на референдуме было отдано 72 процента голосов. Впрочем, одна из главных причин такого несоответствия для Зюганова была понятна: к сожалению, КПРФ еще не набрала достаточных сил, чтобы доминировать в массах, оказывать на уличные мероприятия целенаправленное влияние. В результате на улице господствовала стихия, проводимые акции не имели должной конструктивности, часто страдали бессмысленным словоизвержением многочисленных ораторов, представлявших самые разные политические течения. Людей объединяло главным образом возмущение политикой Ельцина, вызывавшей естественное чувство протеста. Но при этом неизбежно вставал и другой вопрос: «А что же дальше?» Каждый из «уличных вождей» давал на него свой вариант ответа.

Референдум выявил резкий спад политической активности населения, причем явный отход от политики продемонстрировали зрелые люди в возрасте 40–50 лет. С одной стороны, это объяснялось глубоким их разочарованием политикой властей. С другой — люди не видели достойных лидеров, которым они могли бы вверить свою судьбу. Мало кто питал иллюзии по поводу чудесного «прозрения» перешедших в оппозицию президенту Хасбулатова, Руцкого и большинства депутатов Верховного Совета — ведь еще совсем недавно они рьяно защищали Ельцина и внесли немалый вклад в становление антинародного режима. Наивно было связывать с ними надежды на принципиальное изменение политического курса.

Но даже такой парламент — аморфный и непоследовательный в своих действиях — был на то время главным тормозом на пути Ельцина к тому, чтобы разрушить сохранявшийся каркас государственности, распродать всю страну и провести грабительскую приватизацию. Поэтому было ясно, что он не остановит запущенный им так называемый «конституционный процесс», основное содержание которого определял тезис, высказанный Ельциным на Конституционном совещании в июне 1993 года: «Советы и демократия несовместимы». Президентское окружение никак не устраивало сложившееся относительное равновесие между ветвями власти, поскольку даже шаткая стабилизация позволяла оппозиции продвинуться к своей главной цели и создать, наконец, правительство национального спасения, способное повернуть реформы в созидательное русло, приступить к восстановлению единого союзного рынка, нарушенных экономических связей. Опыт предшествующих месяцев не оставлял сомнений: Ельцин будет стараться любыми средствами раскачать обстановку. И в этих условиях, как постоянно подчеркивал Зюганов, особенно важно было сохранить выдержку, спокойствие, бдительность, *не поддаваться ни на какие провокации.*

На майском пленуме ЦИК КПРФ по инициативе Геннадия Андреевича было принято заявление «О борьбе с политическим и государственным экстремизмом», в котором предупреждалось об угрозе, нависшей над властью Советов. В качестве единственно возможного мирного выхода из сложившегося противостояния коммунисты предложили досрочные выборы обеих ветвей власти. Их стремление действовать в рамках конституционного поля, не допустить, чтобы развитие событий привело к гражданской войне, лишало врагов Компартии возможности предъявить ей обвинения в экстремистских замыслах.

Десятки опубликованных воспоминаний участников и свидетелей событий 1993 года говорят о том, что практически все лидеры коммунистических и патриотических организаций сходились в принципиальной оценке намерений Ельцина и не сомневались, что в решающий момент он не остановится перед применением силы. Однако разнились их представления о реальном соотношении сил — преобладали шапкозакидательские настроения, ничем не обоснованная убежденность, что в открытой схватке против ельцинского режима примут участие самые широкие массы трудящихся, а армия и другие силовые структуры не посмеют направить оружие против своего народа. Дух революционного романтизма вскружил горячие головы: многие не разделяли взвешенную позицию КПРФ и не прилагали

особых усилий к тому, чтобы глубже разобраться в настроениях людей, понять, насколько далеко зашло расслоение общества. Например, лидер «Трудовой России» Виктор Анпилов, достаточно честно и откровенно описавший события сентября — октября 1993 года в своей книге воспоминаний[30], сокрушался, что попытки его пропагандистов в октябрьские дни убедить рабочих крупнейших московских заводов — ЗИЛа, АЗЛК, «Серп и Молот» — присоединиться к восставшим не имели успеха: «На наши призывы объявить забастовку, прийти поддержать Верховный Совет рабочие ЗИЛа отвечали руганью: „Ельцин, Гайдар, Руцкой, Хасбулатов — какая разница?! Они дерутся за власть, а нам кровь за них проливать? Пошли они все…“» Но ведь то, что придется столкнуться с подобной, вполне прогнозируемой реакцией, можно и нужно было понять значительно раньше, а не тогда, когда трагедия уже разыгралась.

Как известно, ее отправной точкой стал вечер 21 сентября 1993 года, когда Ельцин объявил о том, что «разгоняет к чертовой матери» Съезд народных депутатов и Верховный Совет, упраздняет действующую Конституцию, а до принятия нового Основного Закона и избрания Федерального собрания будет править посредством своих указов. Указ № 1400, приводивший в действие механизм государственного переворота, назывался «О поэтапной конституционной реформе». Один из главных его разработчиков — Ю. Батурин в апреле 2006 года в интервью радиостанции «Эхо Москвы» признал, что этот «план выхода из ситуации» был подготовлен задолго до сентября и ждал своего часа на столе у Ельцина. Сегодня не вызывает сомнения, что и ход всех последующих событий был заблаговременно спланирован и лишь направлялся в заданное русло. Один только факт, что телевизионные установки, которые демонстрировали всему миру расстрел российского парламента, были заказаны еще до 21 сентября, заранее привезены и установлены в соответствующих точках, свидетельствует о том, что вооруженный захват Верховного Совета был главным звеном в планах организаторов переворота.

Очевидно, для того чтобы подчеркнуть «эпохальность» указа, в нем была проставлена не только дата, но и время его подписания: 20.00. Хотя миллионы людей и без того будут помнить эту «веху» в истории «демократических реформ», в очередной раз обнажившую истинное лицо российской «демократии», которая за годы своего существования не претерпела существенных изменений — меняются лишь технологии, способы узурпации власти узкой группой лиц. Преемственность «демократического» курса еще раз подтвердила

прокатившаяся по стране после кончины Ельцина в апреле 2007 года волна возвеличения его заслуг как поборника свободы.

До сих пор Зюганов уверен в том, что и после обнародования указа № 1400 можно было избежать лобового столкновения. Председатель Конституционного суда Валерий Зорькин, который, по мнению Геннадия Андреевича, занимал в те дни последовательную, принципиальную позицию и как гражданин действовал в духе неукоснительного соблюдения законности, поддержал идею собрать представителей противоборствующих сторон на «согласительное совещание». Оно было намечено на 4 октября и помимо вопроса о разблокировании Дома Советов должно было наметить путь выхода из кризиса, который многим виделся в проведении досрочных выборов президента и парламента. Подобный подход к разрешению конфликта приветствовал патриарх Алексий II, предложивший 29 сентября свое посредничество. На следующий же день в Свято-Даниловом монастыре начались переговоры. Шли они тяжело[31], но вплоть до событий 3 октября оставляли реальные шансы на мирный исход противостояния.

За переговорный процесс высказалось подавляющее большинство губернаторов. Состоявшееся 30 сентября совещание представителей 62 субъектов Федерации потребовало от руководящих органов всех ветвей власти обеспечить одновременные досрочные выборы президента и высшего законодательного органа страны не позднее первого квартала 1994 года, при сохранении действующей Конституции до их проведения.

В том, что кровавую развязку можно предотвратить, Зюганов убеждался, встречаясь с председателем Моссовета Н. Гончаром, с прокурором Москвы В. Пономаревым, представителями «Демократической России». Было известно, что и в окружении Ельцина находились влиятельные люди, понимавшие, какую опасность он несет стране, а потому пытавшиеся убедить его пойти законным путем.

Нельзя обойти стороной позицию патриотической интеллигенции, обратившейся к патриарху через газету «Советская Россия»:

«Мы обращаемся к Вам как к Главе Русской Православной Церкви с убедительным призывом в час тяжелейшего испытания прийти на помощь нашему народу, на помощь миллионам Ваших прихожан. Призываем встать во главе всей страны в борьбе за восстановление Конституции России и гражданского мира… Мы знаем, что Церковь не любит вмешиваться в мирские дела, отдавая себя заботам о возвышенном и вечном. Но, если бы Ваш

предшественник — Святой Патриарх Гермоген не пришел бы на помощь своему Отечеству, России уже не было бы более трех веков.

Ведь если прольется кровь и погибнут сотни героических защитников демократии в Доме Советов, в том числе и трое православных священников, то их кровь окажется на Вашем белоснежном облачении…»

Среди подписавших обращение были писатели В. Распутин, А. Проханов, В. Сорокин, С. Куняев, В. Крупин, артисты и режиссеры С. Говорухин, Т. Доронина, С. Бондарчук, М. Ножкин, художник А. Шилов, композитор Г. Свиридов…

В то время, когда видные представители русской культуры пытались предотвратить кровопролитие, интеллигенты-либералы, как мы помним, требовали от Ельцина продемонстрировать силу «молодой демократии» — «раздавить гадину». Вмиг были забыты все столь любимые ими рассуждения о величии гуманистических ценностей демократии — они в них больше не нуждались. Г. Попов на встрече президента с представителями объединений демократических организаций заявил: на переговоры не идти, никакого посредничества не принимать. Свою заветную мечту высказала В. Новодворская: «В августе 91-го года мы не добили коммунистов, и если в 93-м мы не добьем Советы — грош нам цена». Давала рекомендации газета «Московский комсомолец»: «По улицам должны ездить казачьи сотни и оперативно реагировать на каждый красный флаг».

Перспектива досрочных выборов пугала «демократов». Было ясно, что такие выборы пройдут под патриотическими лозунгами и будут означать окончательное банкротство ельцинского режима. Поэтому они и раскручивали маховик антигосударственного переворота, использовали малейшие возможности, чтобы спровоцировать оппозицию на противоправные действия и обвинить ее в экстремизме.

«Ни в коем случае не поддаваться ни на какие провокации!» — эту мысль Зюганов настойчиво внушал Хасбулатову, Руцкому, другим организаторам обороны Дома Советов, неоднократно высказывал на митингах, которые непрерывно шли у стен здания Верховного Совета. Однако с балкона над подъездом № 7, предоставленного для ораторов, куда чаще звучали более радикальные призывы. По всему было видно, что многие из рядовых защитников Дома Советов плохо понимали характер происходящего. Нет в этом их вины — ведь даже среди лидеров Верховного Совета, руководителей штаба обороны не было выработано единой позиции: важнейшие решения принимались спонтанно и нередко противоречили друг другу. До сегодняшнего

дня так никто вразумительно и не объяснил, чем, например, руководствовался председатель Союза офицеров Станислав Терехов, когда с вооруженной группой предпринял попытку захватить Объединенный командный пункт армий СНГ на Ленинградском проспекте? В результате пролилась первая кровь, ситуация резко обострилась и блокада Дома Советов была ужесточена. А ведь Зюганов лично предупреждал Терехова, что рядом с ним находятся «подставленные» люди, которые только и ждут повода для провокаций.

Рядом с оцеплением Дома Советов Геннадий Андреевич вместе с Н. М. Харитоновым организовал дополнительный штаб по оказанию помощи защитникам Верховного Совета, где собиралось продовольствие и куда стекалась вся информация по обстановке в Москве. В ночь на 3 октября Зюганов в очередной раз встретился с Александром Руцким. Разъяснил, насколько важно продержаться еще пару дней, сохранить выдержку, перетерпеть, не поддаваться на провокации. Все уже было подготовлено к соглашению, подготовлен проект документа, и стороны должны были начать решающий раунд переговоров в 12 часов дня 4 октября. Одновременно предупредил: в Останкино пригнали спецназ — на бэтээрах, с полным боекомплектом и с приказом стрелять на поражение. Поэтому — никаких походов за оцепление Верховного Совета!

Показалось, что тот все понял. А на следующий день Зюганов с недоумением увидел, как телевидение тиражирует призыв Руцкого: «Вперед, на Останкино!»

Нелегко далось Геннадию Андреевичу решение выступить по телевидению. Встретился с руководителем ВГТРК О. Попцовым, постарался его убедить предоставить ему эфир: людям надо рассказать, что все готово к переговорам, надо уберечь их от провокаций и бойни, иначе завтра — гражданская война. В своем обращении к телезрителям Зюганов подчеркнул, что единственный выход из сложившегося положения — поиск компромисса на основе взаимного признания противостоящими сторонами необходимости проведения досрочных выборов президента и парламента. Призвал москвичей сохранять спокойствие и выдержку, воздержаться от массовых шествий и митингов, чтобы избежать новых столкновений.

Тем временем организаторы конфликта всячески подогревали и без того накаленную обстановку. Хорошо известно, что во время массовых шествий под прикрытием омоновцев действовали группы подготовленных провокаторов, которые забрасывали демонстрантов камнями, пытаясь заставить их пойти на прорыв милицейских кордонов. Официальное расследование показало,

что первый выстрел, с которого началась массовая бойня в Останкине, был сделан из телецентра.

Ранним утром 4 октября первыми открыли огонь снайперы, среди которых были и наемники, прибывшие из-за рубежа. Стреляли по подразделениям, разворачивавшимся для нападения на Дом Советов. Хладнокровно убивали «своих», чтобы «поднять» у них «боевой дух», пробудить у участников штурма злобу и ненависть и направить ее против тех, кто укрывался за стенами здания Верховного Совета. Позднее официально, в том числе и путем проведения многочисленных баллистических экспертиз, было установлено, что ни один из нападавших не был убит из оружия, находившегося в Доме Советов.

Штурм Верховного Совета начался вероломно, без предупреждения. Его организаторы даже не предложили вывести с заблокированной территории людей, хотя прекрасно были осведомлены, что подавляющее большинство из них не имело оружия, что в здании находятся женщины и даже дети.

И все же никто из тех, кто, защищая Конституцию и законное право парламента работать в нормальных условиях, оставался в Доме Советов до конца, не верил, что Ельцин решится на физическое уничтожение высшего представительного органа народной власти, применит оружие против своего народа. У людей, выросших с убеждением, что в случае большой беды государство всегда защитит их, придет на помощь, это не укладывалось в сознании. Однако чудовищное преступление свершилось.

Погибли люди. Искренние, светлые, мужественные, храбрые. Которые по духу, по величию своего поступка оказались несравнимо чище и выше многих из тех, кто руководил ими в те дни. Чем, например, можно объяснить после всего случившегося поведение Руцкого — офицера, мужчины, — который едва ли не больше всех призывал к решительным действиям, а потом демонстрировал заводскую смазку на своем новеньком автомате: мол, не провинился я, не стрелял?

Не без основания считается, что спецподразделения и армейские части, участвовавшие в штурме, покрыли себя несмываемым позором. Но далеко не все продавали офицерскую честь за долларовые купюры, которыми накануне штурма щедро одаривал своих подчиненных генерал Кобец, изменивший воинской присяге еще в августе 91-го. Отказались применить оружие против защитников Дома Советов офицеры и бойцы знаменитой группы «Альфа». Они вошли на осажденную территорию, но только для того, чтобы броней своих машин, своими бронежилетами заслонить находившихся там людей от

пуль. В течение нескольких часов «альфовцы» выводили из-под обстрела осажденных, выполняя свой долг по обеспечению безопасности граждан России. О их мужестве и выдержке свидетельствует такой факт: за все время нахождения в самом пекле событий ими было израсходовано в общей сложности всего четыре патрона.

…Спустя три дня Зюганов провел самую трудную в своей жизни пресс-конференцию. Во-первых, сомневался, сумеет ли он беспрепятственно добраться до Большого Комсомольского переулка, где в одном из зданий патриотические организации арендовали две небольшие комнаты с примыкавшим к ним маленьким залом для совещаний. Во-вторых, не было никакой уверенности, что объявленная им пресс-конференция для российских и иностранных журналистов не будет сорвана каким-нибудь иным способом. А если она все же состоится… Дальше задумывать не хотелось — ведь близкие друзья откровенно предрекали неминуемый арест.

Для таких невеселых предположений были веские причины. Действовал режим чрезвычайного положения, а по сути, как считал и открыто заявил об этом Геннадий Андреевич, в стране установилась система военно-политической диктатуры. Оппозиция оказалась парализованной: часть ее активных деятелей была арестована, другие скрывались. Были запрещены почти все оппозиционные организации и издания. По Москве рыскали агенты ельцинской охранки.

Неудивительно, что в этих условиях сообщение одного из ведущих лидеров оппозиции о проведении пресс-конференции вызвал среди журналистов настоящий ажиотаж — в помещении, где она проходила, царила настоящая давка.

Зюганов изложил свои оценки происшедших событий, охарактеризовав расстрел Дома Советов как величайшее преступление против народа, направленное на то, чтобы уничтожить Советы и оппозицию, установить режим неограниченной власти и открыть кампанию по беспрепятственному разграблению страны. Было высказано требование КПРФ прекратить устроенную режимом вакханалию, преследование оппозиции и восстановить попранные конституционные права граждан, общественных и политических организаций, отменить запрет на оппозиционные газеты.

Открытая и, как выразился один из журналистов, «отчаянно-храбрая» позиция Зюганова произвела в глухом информационном пространстве эффект настоящего взрыва. Однако, учитывая огромный интерес, проявленный к выступлению Геннадия Андреевича средствами массовой информации и

представителями мировых информационных агентств, власти не рискнули применить к нему репрессивные меры. Хотя предупреждений, в том числе и из серьезных источников, о вероятности покушений было хоть отбавляй. Что за этим стояло — реальные намерения властей или попытки запугать его — разобраться было трудно, да и некогда.

Пресс-конференция послужила своеобразным толчком к оживлению деятельности партии: люди поняли, что силы сопротивления не сломлены, и стали оправляться от шока, от тяжелых потрясений, вызванных расстрелом Дома Советов, гибелью своих товарищей. Анализ ситуации на местах показал, что дееспособность КПРФ быстро восстанавливается, все партийцы подтверждают свое членство и готовность к дальнейшей работе. Это было чрезвычайно важно, так как следовало буквально в течение нескольких дней выработать дальнейшую политическую линию.

Столь сложного выбора Зюганову делать еще не приходилось. На декабрь были назначены выборы нового законодательного органа — Федерального собрания. И большинство левых партий, считая выборы незаконными, замешанными на крови невинных людей, сочло участие в них недопустимым.

Геннадий Андреевич полагал, что, устранившись от выборов, КПРФ совершит непростительную ошибку. Отказ от легального способа борьбы означал щедрый подарок ельцинскому режиму — нельзя было отдавать ему просто так всю полноту власти в стране и способствовать установлению безраздельного господства тех, кто готовится учинить над Россией окончательную расправу. Трибуна выборов была необходима и для того, чтобы рассказать народу о мракобесии и ужасах, учиненных ельцинистами в Москве, разъяснить, что им сулит дальнейшее укрепление подобной власти. Не использовать подобные возможности — значит проявить политическое невежество, недальновидность, предать павших товарищей.

Решение об участии в выборах принималось всей партией. Чтобы выяснить позицию коммунистов, ЦИК КПРФ поручил всем без исключения обкомам провести пленумы, собрания руководящих органов и первичных организаций, опросить партийный актив поименно: должна партия пойти на выборы или нет? Возникли трудные и бурные дискуссии, но в конечном счете положительно высказались практически все региональные организации. Обособленную позицию занял Московский горком, выступивший за бойкот избирательной кампании.

На состоявшемся в конце октября пленуме ЦИК КПРФ Геннадий Андреевич еще раз изложил свою точку зрения: партия

обязана идти на выборы для того, чтобы быть вместе с обманутым народом и чтобы поддержать людей, способных возродить обманутую Россию. В заявлении избирательного объединения «Коммунистическая партия Российской Федерации» говорилось: «КПРФ рассматривает участие в выборах как средство проложить путь закону, восстановлению гражданского мира, разоблачения деструктивных действий властей; сохранения и активизации партийных организаций, привлечения новых сторонников; использования дальнейших возможностей для изложения взглядов партии на пути выхода из кризиса и будущее устройство России; „провала“ принятия на референдуме недемократической конституции».

К этому моменту КПРФ сумела добиться официальной санкции Минюста и Центризбиркома на право выдвижения своих кандидатов. Для того чтобы обвинить партию в экстремизме и вычеркнуть ее из избирательных списков, власти не нашли никаких оснований: в период октябрьского кризиса руководство КПРФ сделало все, чтобы не допустить перерастания противостояния в гражданскую войну. Это обстоятельство помогло отстоять право партии на жизнь, отвоеванное у Ельцина в Конституционном суде.

Тот факт, что Зюганов сумел спасти партию, вывести ее из-под удара, дал повод его недоброжелателям навести тень на плетень, поставить под сомнение искренность его поведения. Так, его линию в дни минувших трагических событий попытались объяснить не чем иным, как попыткой сохранить партию любой ценой, в том числе и путем соглашательства, готовностью к сотрудничеству с режимом. Не успев опомниться от полученных жестоких уроков и сделать из них надлежащие выводы, радикалы принялись искать виноватых вокруг себя, завели разговоры о том, что в октябре власть «валялась под ногами» и ее удалось бы взять, если бы Зюганов вывел на улицы «сотни тысяч своих сторонников». Припомнили ему и выступление на телевидении, и его «разлагающее» воздействие на «подверженного внушению» Руцкого, который, якобы поддавшись влиянию Зюганова, проявлял нерешительность и растерянность. При этом как бы в тени остались истинные причины неоправданных, граничивших с авантюризмом действий других левых лидеров, в том числе и тех, кто вновь надеялся разжечь большой пожар из охапки хвороста, проявил явную безответственность в отношении поверивших им людей.

Невольно задаешься вопросом: действительно ли критики Зюганова всерьез полагали, что на левом фланге сложились силы, способные *взять* власть в свои руки? Ведь было очевидно, что для

решения такой задачи требовались совершенно иная, более качественная степень организации оппозиции и широкая всенародная поддержка. Но «истинные марксисты», провозглашавшие в октябрьские дни самые смелые революционные лозунги, почему-то предпочитали не замечать, что ни того ни другого не было, что расчет на стихийный подъем масс (и армии в том числе) не имел под собой никаких оснований. В массовом сознании причиной возникшего кризиса было не что иное, как дележ властных функций, обычная ссора «в верхах», между Ельциным и его бывшими подручными, которые никак «не тянули» на роль спасителей Отечества. Среди них и речи не шло о смене курса, о борьбе за возрождение социализма, за высшие ценности.

Что касается КПРФ, то она к этому времени была попросту не готова взять на себя роль политического авангарда трудящихся. Партия еще не успела оформиться в прочную организацию, не устоялась, не укоренилась в массах. Итоги декабрьских выборов в Государственную думу первого созыва наглядно отразили расклад сил и настроений, сложившихся в обществе. За КПРФ отдали голоса 12 процентов избирателей. Если учесть, что значительная их часть обратила свой взор на Компартию лишь после октябрьских событий, то нетрудно понять, какова была реальная поддержка у партии в начале осени. К тому же наибольшее число голосов (около 23 процентов) получила тогда ЛДПР, которая всегда привлекала маргинальные и деклассированные слои населения. А это только подтверждало те выводы, к которым Зюганов пришел еще весной 1993 года: страна тяжело больна, общество переживает глубокий социальный кризис.

Вот почему во время противостояния Верховного Совета и президента Зюганов так последовательно отстаивал свою позицию — она давала единственный шанс *уберечь* советскую власть. Если бы его удалось использовать, левые силы, сохранив мощную опору в лице Советов народных депутатов, основы советского конституционного строя, получили бы реальные возможности упрочения своих позиций и влияния в массах, психологический и моральный перевес над сторонниками ельцинского режима. Выдвижение иных задач при имевшейся на тот период зыбкой поддержке в массах было авантюрой, пустым фразерством, невольным или сознательным самообманом.

…За прошедшие с тех пор годы, наверное, и дня не проходило, чтобы те события так или иначе не напоминали о себе. Слишком многое тогда оказалось связанным в один узел, который и до сих пор остается не распутанным. Сотни раз

Геннадий Андреевич перебирал в памяти все детали, эпизоды, нелегкие решения, которые приходилось принимать в 1993 году. И неизменно приходил к выводу: поступил тогда правильно, иного пути не было. Но то, что по прошествии лет воспринималось логично и убедительно, в те дни вовсе не казалось таким уж бесспорным. Страна находилась на изломе, и большинство событий развивалось стремительно и непредсказуемо. Каждое принятое решение сулило шаг в неизвестность, приходилось идти еще никем не хоженым путем, и существовала большая вероятность сбиться с дороги или увязнуть где-нибудь на обочине. Каждое решение давалось нелегко, но особенно тяжело было доказывать необходимость участия в декабрьских выборах. Со всех сторон сыпались обвинения. Напоминали о сотнях погибших, о тех, кто подвергся репрессиям, насилию, избиениям, издевательствам, был брошен в тюрьмы. Хоть и несправедливые, но горькие упреки тяжелым грузом ложились на сердце.

В такой обстановке партия начала свою первую предвыборную кампанию. Предстояло принять участие в выборах, которые вполне справедливо называли выборами на крови, пролитой Ельциным.

Глава восьмая
ВРЕМЯ НЕ ВЫБИРАЮТ

Светлый луч надежды, наверное, впервые за всю мрачную осень 1993 года проглянул в тот день, когда Зюганов убедился, что намерение партии принять участие в выборах и выставить на них своих кандидатов поддерживается населением. КПРФ была допущена к избирательной кампании, когда она уже была запущена, и партии предстояло собрать в свою поддержку 500 тысяч подписей всего лишь за две недели. Власти были уверены, что за такой короткий срок коммунисты с этой задачей не справятся. Если бы КПРФ осталась не у дел, она потерпела бы не только политическое, но и серьезное моральное поражение — ведь в этом случае теряли смысл все тяжелые дискуссии, предшествующие решению идти на выборы, и выработанная на этой основе программа действий. На какое-то время коммунисты неизбежно утратили бы свои ориентиры, что могло вызвать очередной разброд мнений. А обстановка среди партийного актива и без того была довольно напряженной.

Увиденное произвело на Геннадия Андреевича очень сильное впечатление. Возле стола, установленного в самом центре Москвы, неподалеку от Музея В. И. Ленина, несмотря на ненастную и холодную погоду, выстроилась длинная очередь — люди ставили свои подписи в поддержку коммунистов. Не каждый мог решиться на то, чтобы вот так, спокойно и открыто, высказать свои симпатии, — ведь в подписных листах нужно было указывать паспортные данные, развернутые сведения, включавшие и домашний адрес. При этом все уже знали, на что способна власть в отношении тех, кто ей неугоден: танковый расстрел парламента, последовавшая за ним вакханалия с участием силовых структур, новая волна «охоты на ведьм» — все это происходило на их глазах. Но не все оказались сломленными и запуганными.

Беседы с людьми не оставляли сомнений: они всё понимают и во всем прекрасно разбираются. Главное, что все сходились в одном: новый парламент ни в коем случае нельзя отдавать на откуп «демократам», конечные цели которых после «шоковой терапии» Гайдара и октябрьских событий иллюзий больше ни у кого не вызывали.

Сказать, что такие встречи давно уже вошли у Зюганова в привычку — значит ничего не сказать. Они стали для него потребностью, такой же, какой для обычного, нормального

человека является общение с близкими, друзьями, товарищами по работе. Коммунистам не на кого больше опереться. Не поддержат в народе, потеряешь нити взаимопонимания — любая политическая платформа рано или поздно окажется несостоятельной и будет обречена на провал. Только среди людей можно составить реальное представление об общественном самочувствии — сухие цифры социологических опросов или результатов голосования на выборах подвержены воздействию огромного числа субъективных факторов и бывают обманчивыми, далеко не всегда отражают настроения, которые действительно царят «внизу». Только постоянное общение с людьми, которые никогда не обманут и выскажут всю правду в лицо, позволяет уберечь от заблуждений и ошибочных шагов.

Именно этими соображениями руководствовался в свое время Зюганов, когда готовил патриотическое «Слово к народу», напрямую обращенное к людям через головы высших чиновников от КПСС, и позднее, когда, возглавив КПРФ, стал последовательно проводить линию на упрочение живых связей партии с ее низовыми звеньями. После ее воссоздания все важнейшие, основополагающие документы КПРФ принимались только после широкого обсуждения в первичных организациях. Совершенно беспочвенными выглядят желчные утверждения непримиримых критиков курса Компартии, что Зюганов якобы сумел навязать ей «свою», специфическую идеологию и политику — все узловые проблемы, которые поначалу не получали однозначной оценки в верхнем эшелоне партии, неизменно выносились на суд рядовых коммунистов. Не только Центральный Комитет, но прежде всего широкие массы партийцев восприняли и поддержали идеологию государственного патриотизма, постановку во главу угла деятельности партии общенациональных задач, русского вопроса. Таким же образом был разрешен сложный вопрос о свободе совести и вероисповедания коммунистов. Только имея твердую опору в первичных звеньях, партия смогла выдержать тяжелейшие испытания на прочность в течение всех девяностых и особенно в начале двухтысячных годов, когда ее пытались развалить по тому же сценарию, что и КПСС в эпоху горбачевского правления.

Этот, пожалуй, наиболее сложный период в истории КПРФ ознаменовался переходом кремлевских властей от лобовых атак на оппозицию к изощренной тактике подрыва ее руководящих структур изнутри с одновременным растаскиванием социальной базы Компартии через создание новых псевдолевых и лжепатриотических организаций. В 2002–2004 годах была предпринята попытка расколоть и приватизировать КПРФ методом хорошо известного в рыночной экономике рейдерства.

Возглавил эту операцию крупный бизнесмен Геннадий Семигин, якобы разочаровавшийся в реформах девяностых годов и сумевший воспользоваться доверием патриотических кругов, возглавить исполком Народно-патриотического союза России[32]. Сочетая привлекательную патриотическую риторику с элементарным подкупом, который осуществлялся под видом финансирования структур НПСР, ему удалось сколотить внутри КПРФ фракционную организацию (группировка Семигина — Потапова — Тихонова). Но попытка сформировать в партии второй руководящий центр и захватить в свои руки всю полноту власти провалилась. Основной просчет кремлевских политгехнологов заключался в том, что они проигнорировали нравственную сторону вопроса и попытались спроецировать на КПРФ известные им нравы и законы воровских чиновничьих структур, где все покупается и продается. Однако оказалось, что деятельность Компартии строится совсем на других принципах, и свести дело к элементарной грызне за власть, которая неизбежно бы развалила ее, им не удалось. В ходе общепартийной дискуссии практически все 18 тысяч первичных организаций дали решительный отпор раскольникам в центре и на местах, оказав твердую поддержку руководящему ядру партии, объединившемуся вокруг Зюганова. Рядовые коммунисты в отличие от некоторых своих именитых товарищей, клюнувших на щедрые посулы и заманчивые предложения богатых спонсоров, не обманулись и не дрогнули…

Как вспоминает Геннадий Андреевич, порой даже мимолетные, случайные встречи с людьми давали значительно больше информации и пищи для размышлений, нежели кипы аналитических записок и исследований. И как правило, живое общение «заряжало», добавляло энергии, помогало сохранять уверенность в собственных силах. Это было особенно важно в условиях непрекращающейся травли коммунистов, когда на экранах телевизоров и на страницах печатных изданий Компартия выставлялась в виде чудовищного монстра, жаждущего реванша, мечтающего загнать народ за колючую проволоку казарменного коммунизма и отнять у него последний кусок колбасы. Но далеко не всех удалось околпачить.

Запомнилось, как однажды, после встречи с преподавателями и студентами МГУ, к нему подошел парень с раскованными манерами «продвинутой» молодежи: «Мужик, разреши тебе руку пожать. Я, может быть, не очень хорошо разбираюсь в ваших идеях и скажу прямо: многое не разделяю. Но то, что вы держитесь, отстаиваете свои позиции и помогаете людям выжить, — внушает уважение».

Другой случай остался в памяти после поездки по Чувашии. В фойе Дома культуры Зюганова окликнул интеллигентный мужчина с бородкой: «Геннадий Андреевич, хочу вас поприветствовать и выразить свою признательность. Пока вы держитесь — в нас живет надежда. Вы помогли нам сохранить веру в лучшее из того, что изобрело человечество, сумели сберечь советский ген, чище которого на земле ничего еще не было. Конечно, завтра все это неизбежно вернется. Но вы делаете огромное дело, давая возможность видеть свет сегодня, в этой кромешной мгле».

Подобные высказывания Геннадию Андреевичу доводилось слышать едва ли не везде, где приходилось бывать и встречаться с представителями самых различных социальных слоев. Безусловно, играло свою роль то, что Зюганов умеет располагать к себе людей, вызывает у них доверие. Наверное, в другой обстановке они вели себя более сдержанно и не столь откровенно. Тем большую ценность имели для него эти доверительные беседы, в которых высказывалось то, что у всех хранилось в душе как нечто близкое, неизменно светлое и неподвластное окружающим их обстоятельствам. Можно вынудить людей жить вопреки их разуму и воле, встраиваться, ломая себя, в совершенно чуждую им среду. Но нельзя заставить их по-иному мыслить и чувствовать.

Одни политики это понимают и учитывают в своих планах на будущее. Другие же поторопились убедить себя, что с коммунизмом в России покончено. Поэтому им и кажется таким необъяснимым левый поворот в общественном сознании, который никак не вяжется с победными реляциями правительства Фрадкова и традиционными «рейтингами Путина». Неслучайно в преддверии очередных выборов правые силы посчитали своим долгом сменить оппозиционную риторику на более привычную — антикоммунистическую. Например, руководитель предвыборного штаба СПС, депутат Госдумы Антон Баков, напуганный «мощнейшим левым наступлением в России», созвал даже в мае 2007 года специальную пресс-конференцию. «Я лично объехал регионы, — поделился он своей главной тревогой с журналистами, — и видел, что коммунистов поддерживают не только представители сельской местности и не только пожилые люди, но и целое поколение молодых людей, которые в последнее время идут и голосуют за коммунистов, вступают в их партию».

Похоже, действительно плохи дела у апологетов буржуазного строя в России, коли они в открытую стали признавать то, что в упор не желали замечать годами. В связи с угрозой «возвращения в социализм» Баков объявил, что приступает к созданию

современной сети «комитетов защиты капитализма», которые будут вести «просветительскую» работу, направленную на борьбу с коммунизмом, разоблачать «преступную деятельность коммунистических бандитов» в советскую эпоху. Прозвучали на пресс-конференции даже призывы к очередной замене школьных и вузовских учебников по истории, а заодно — и преподавателей, которые, по мнению Бакова, всё еще остаются главными носителями коммунистической идеологии среди молодого поколения. Разумеется, не упустил он случая в очередной раз оплевать историю Великой Отечественной войны.

Новый, довольно неожиданный приступ антикоммунистической истерии в наши дни свидетельствует о том, что усилия власти замутить общественное сознание с помощью обманных «левых идей» невнятного Миронова оказались тщетными. Баков неслучайно причисляет лидера «Справедливой России» к «социалистам», умело подыгрывая кремлевским политтехнологам в их попытках устроить на период избирательной кампании неразбериху в левом движении: между СПС, «партией власти» и «единороссами» никаких принципиальных отличий нет, не было и не будет — все возникающие расхождения носят сугубо корпоративный характер и возникают главным образом на почве дележа кремлевской кормушки. Отсюда — и понимание общей угрозы своему существованию, и извлечение на свет божий из запасников ельцинской эпохи экстремистских методов давления на подлинную оппозицию, которые у большинства людей ничего, кроме отвращения, не вызывают. Как, впрочем, и многое другое, связанное с периодом правления Ельцина. Очень показательно состоявшееся в апреле 2007 года телевизионное голосование, проведенное в ходе популярной передачи Владимира Соловьева «К барьеру». 113 тысяч человек, или свыше 80 процентов из всех принявших участие в интерактивном опросе, выразили отрицательное отношение к деятельности первого российского президента. К сожалению, те, кто реанимирует его способы политической борьбы, выводов для себя так и не сделали. Пугая людей вот уже на протяжении пятнадцати лет «возвращением в социализм», они почему-то умалчивают о том, что за это время их усилиями, направленными на полное уничтожение завоеваний социалистического строя, страна давно отброшена назад на несколько десятилетий.

По поводу намерения «комитетов защиты капитализма» проводить пропагандистскую работу среди населения по принципу «от двери к двери» один из журналистов высказал предположение, что это потребует слишком много средств, так

как Бакову понадобится страховать своих пропагандистов: очень уж велика вероятность того, что «у дверей» их будут «отоваривать» по полной программе. Разумное предостережение.

…Создание фракции КПРФ в Государственной думе первого созыва ознаменовало новый этап в истории российского коммунистического движения. Ступив на путь парламентской борьбы, партия обязана была доказать, что она, используя в условиях враждебного окружения легальные, конституционные методы работы, способна сохранить верность своим коренным целям, интересам трудящихся, стать оплотом всех левых сил. Что было очень непросто, если учесть, что ни демократии, ни реального парламентаризма в стране не было.

С принятием новой Конституции и избранием двухпалатного парламента буржуазного типа — Совета Федерации и Государственной думы — в стране оформилась политическая система, которую многие политологи назвали «четвертооктябрьским» режимом. Новое государственное устройство базировалось на весьма зыбкой правовой основе. Голосование по Конституции проводилось не по действовавшему тогда закону о референдуме, а в соответствии с указом президента, в котором были заложены заведомо заниженные требования к количеству голосов, необходимых для ее одобрения. Даже по официальным данным, 12 декабря 1993 года за принятие новой Конституции высказалось менее трети от общего числа граждан, обладавших правом голоса. А по закону о референдуме она считалась бы принятой только в том случае, если бы ее одобрило больше половины всех зарегистрированных избирателей. При этом результаты голосования по Конституции, как и итоги выборов Федерального собрания, были в значительной степени фальсифицированы, поскольку проходили в условиях полного административного произвола: все Советы — от Верховного до поселковых и сельских — были распущены.

Уже на одной из своих первых пресс-конференций в роли лидера парламентской фракции Зюганов обратил внимание на изначальную ущербность, антидемократический характер нового государственного устройства. Конституция, созданная под действовавшего президента, вполне отвечала представлениям Ельцина о собственной власти и потакала его диктаторским замашкам. Она давала ему властных полномочий в два раза больше, чем их было у президента Франции, и в четыре раза больше, чем у президента США. Госдума была лишена контрольных функций по отношению к правительству, которое формировалось фактически одним президентом при участии

премьер-министра. При этом президент обладал правом роспуска парламента в случае неутверждения премьера, что делало Думу уязвимой и беззащитной в любой конфликтной ситуации. Роспуск парламента могло спровоцировать и правительство, поставив перед ним вопрос о доверии. Полностью отсутствовала система конституционных сдержек и противовесов, присущая всем западным государствам. Неслучайно шантаж и постоянные угрозы в адрес депутатского корпуса и различных демократических структур со стороны Ельцина был, пожалуй, наиболее примечательной особенностью политической жизни девяностых годов. Как только Дума становилась непослушной — сразу вставал вопрос о ее роспуске, провоцировался очередной политический кризис.

С первых дней работы в Госдуме Зюганов понимал, что впереди — длительный период затяжной и изматывающей борьбы, которая потребует невероятной выдержки и терпения. Реальная обстановка в стране не позволяла чрезмерно полагаться на рост уличной активности, протестного движения населения и тем более на массовый подъем борьбы против авторитарно-либеральной системы. При этом, увы, не приходилось рассчитывать и на серьезную поддержку левых радикалов, которые продолжали воспринимать все происходящее в стране как перманентный революционный процесс. Как-то, выслушав с их стороны очередное обвинение в пассивности, Геннадий Андреевич не сдержался: «Вы требуете выводить людей на улицы. Скажите, кто сейчас за нами пойдет? Вы хотите замены правящего режима диктатурой пролетариата. А где массовые пролетарские стачки, демонстрации, митинги? Покажите, где сейчас такой класс, который жаждет установления своей диктатуры. Классовую борьбу нельзя вызвать искусственно, она вызревает на объективной основе». Но достучаться до вождей крайних левых и объяснить им, что революции не делаются по заказу, было трудно.

Зюганов хорошо знал, о чем говорил, когда призывал левых задуматься над содержанием своих лозунгов. Среди коммунистов, избранных в Думу, сразу же было установлено правило, которое действует и поныне: что бы ни случилось, необходимо работать в массах, регулярно выезжать в регионы для встреч с людьми по месту жительства и непосредственно в трудовых коллективах. У самого Геннадия Андреевича за два года работы в Думе первого созыва состоялась 91 поездка по стране, в ходе которой было проведено 503 встречи. Так что коммунисты прекрасно владели обстановкой на местах, всегда были в курсе всех насущных забот людей, их настроений и политических пристрастий. Чего,

пожалуй, не хватало многим кабинетным теоретикам, развернувшим под водительством бывшего сотрудника Института марксизма-ленинизма профессора Б. Славина «научный» антизюгановский поход. Прежде всего их возмущало признание Зюгановым права на существование в многоукладной экономике будущего частной собственности. Вырывая из контекста его публикаций и выступлений отдельные суждения, они приписывали ему отрицание марксистской концепции классовой борьбы, революционной роли рабочего класса в современном обществе. Утверждали, что идеология государственного патриотизма противостоит учению Маркса о государстве как антиподе свободы, а отрицание неизбежности диктатуры пролетариата лишает трудящихся перспективы в борьбе за социализм.

Конечно, подобные дискуссии необходимы и полезны, если только они конструктивны, учитывают особенности изменений, происходящих в обществе, помогают найти ответы на новые вызовы времени. Тем более никто никогда и не утверждал, что все концепции Зюганова абсолютно безупречны в научном отношении. Иногда в них публицистика берет верх над беспристрастной позицией исследователя, не всегда бесспорными выгладят некоторые трактовки генезиса отечественных историософских идей, русской геополитики, евразийства. Однако ведь и сам Геннадий Андреевич не претендует на непогрешимость своих научных взглядов и не рассматривает их как завершенную мировоззренческую систему. Более того, он убежден, что масштабы стоящих перед страной проблем таковы, что сегодня никто не способен осмыслить их в одиночку, даже опираясь на богатый теоретический опыт отдельно взятой партии. Это будет возможно только тогда, когда во имя интересов России объединятся все ее лучшие интеллектуальные силы. Сегодня же они упорно продолжают тащить воз в разные стороны.

Огромная заслуга Зюганова в том и состоит, что в поисках выхода из исторического тупика он решительно преодолевает в своих исследованиях партийную ограниченность и замкнутость, бережно относится ко всем продуктивным идеям отечественных мыслителей, обогащающим представления о России и путях ее развития. Его обращение к огромному числу источников философской и общественной мысли продиктовано пониманием того, что, как ни парадоксально это звучит, в идеологии возрождения и обновления принципиально нового уже ничего не придумаешь. Но это не упраздняет творческий поиск, а лишь меняет его характер. От того, что та же философия, как полагают многие известные ученые, достигла своего предела, ее значение

не уменьшается. Ныне ее роль заключается в освоении и осмыслении оставленного нам наследства[33].

По мнению Геннадия Андреевича, Россия обладает несметными и еще не в полной мере познанными духовными сокровищами — долгие годы они оставались почти нетронутыми, так как их общественная ценность необоснованно ставилась под сомнение или вовсе отвергалась официальной идеологией КПСС. В них-то он и находил бесценные источники идей патриотизма, народности, державности, уникальной самобытности России, которые ложились в основу его новых подходов к решению целого рада актуальных мировоззренческих проблем. В его трудах можно встретить подробный анализ наследия славянофилов и представителей передовых демократических взглядов, носителей консервативно-охранительной идеологии и выдающихся религиозных философов.

Зюганов не замыкается в рамках исследования генезиса русской идеи и уделяет большое внимание работам известных западных ученых, выдвинувших оригинальные теории цивилизационного подхода к развитию человечества и геополитические концепции, отражающие многообразие взглядов на характер мироустройства и тенденции его изменений в течение XX столетия и в эпоху глобализации. По мнению ряда специалистов, в ходе полемики с такими признанными научными авторитетами, как А. Тойнби, С. Хаттингтон, Ф. Фукуяма, О. Шпенглер, он уже в своей докторской диссертации «выходит на новый уровень обобщений равнозначного характера»[34]. В справедливости такого утверждения можно убедиться, ознакомившись с фундаментальными исследованиями Геннадия Андреевича, которые вышли в последующие годы. Среди них особую научную ценность представляют его книги «География победы. Основы российской геополитики» (М., 1998), «На рубеже тысячелетий» (М., 2001), «Глобализация и судьба человечества» (М., 2002), «Идти вперед» (М., 2005; 2-е изд., пер. и доп. М., 2007).

В противовес доморощенным либералам-западникам, видящим «новую» Россию на задворках европейской цивилизации, Зюганов обосновывает наличие у нее собственных планетарных, геополитических интересов, раскрывая их тесную взаимосвязь с внутренними проблемами страны. Он решительно выступает против навязывания России губительной идеологии евроцентризма, которая стала одним из факторов краха политики КПСС в период перестройки и развала СССР. «Общечеловеческие ценности, вырванные из реального контекста классовых, национальных, информационных и геополитических интересов, оказались социально и политически размытыми, утратили, по

сути, всякие реальные очертания» — таков, по его мнению, один из поучительных и печальных итогов горбачевской эпохи, из которых так и не было сделано должных выводов.

Зюганов убежден, что для России нет иного пути, кроме демократического развития на основе российской государственности, высокой духовности, исторической традиции, которая связывала бы воедино прошлое и настоящее, создавая народу будущее. Но Россия — это не материал для политических проектов. На каждого политика ложится особая ответственность за ее судьбу. Особое значение приобретает завет, оставленный выдающимся русским мыслителем Иваном Ильиным: «Помышляя о грядущей России и подготавливая ее в мыслях, мы должны исходить из ее исторических, национальных, религиозных, культурных и державных основ и интересов. Мы не смеем ни торговать ими, ни разбазаривать наше общерусское, общенациональное достояние. Мы не смеем обещать от лица России никому ничего. Мы должны помнить ее и только ее. Мы должны быть верны ей и только ей. Поколение русских людей, которое поведет себя иначе, будет обозначено в истории России как поколение дряблое и предательское».

Далеко не все воспринимают масштабы и новизну мышления Зюганова, некоторых смущает, например, что многочисленные имена и источники, на которые он ссылается в своих трудах, образуют «пестрый и негомогенный идеологический ряд». Видимо, было бы привычней видеть в его работах знакомую и милую сердцу однобокость, отторгающую любую идею, которая не укладывается в хрестоматийные догмы.

Несмотря на «негомогенность» и широту вовлеченных в научный оборот материалов, концепциям Зюганова, благодаря умелому использованию автором научного синтеза (явно сказывается организованность ума, присущая математикам) и марксистской методологии, свойственны внутренняя логика и убедительность. Вопреки совершенно необоснованному утверждению некоторых критиков о том, что он отказывается от ленинского наследия, можно выделить целый круг узловых положений марксизма, которые служат ему теоретическими предпосылками для собственных выводов. Особенно часто он обращается к теории прибавочной стоимости, ленинскому учению об империализме и анализу трех русских революций, идеологии нэпа… Исследование им большинства теоретических проблем подчинено поиску реальных путей выхода из исторического кризиса и возрождения России. И его живая мысль находит плодотворные решения, ценность и значимость которых подтверждаются самой практикой современного общественно-

политического движения.

Вновь возникает вопрос: а так ли уж убеждены в своей правоте многочисленные ортодоксы, упрекая Зюганова в «ревизии марксизма», и действительно ли они всерьез намерены в очередной раз перевернуть мир с помощью доктрин столетней давности? Жизненный пример упомянутого профессора Славина заставляет в этом усомниться. Казалось бы, объявив после III съезда КПРФ о выходе из Компартии в знак несогласия с ее программной линией, он проявил заслуживающую уважения принципиальность. Вполне логично было бы предположить, что после такого шага он наверняка пополнит ряды сторонников «непримиримых» марксистов — Анпилова, Тюлькина, Пригарина или Нины Андреевой. Ничего подобного. Славин вошел в руководство далекой от марксизма псевдосоциалистической «Партии самоуправления трудящихся», созданной врачом Святославом Федоровым.

Зная о непримиримых теоретических разногласиях на левом фланге, не трудно понять, почему участие коммунистов в парламенте крайние левые трактовали не иначе как «логическое» следствие «соглашательской» идеологии Зюганова. По словам самого Геннадия Андреевича, за то, что он повел партию на выборы в конце 1993 года, его беспрерывно лупили два года и теперь еще вспоминают при необходимости. Но вот что интересно: на следующие выборы, состоявшиеся в 1995 году, пошли все радикалы, клеймившие Зюганова за этот шаг в 1993-м. Спрашивается: что изменилось? Ответ находим только в одном: за два года, несмотря на непрерывные нападки со всех сторон, КПРФ смогла доказать важность парламентской работы как эффективного средства защиты интересов трудящихся, создала в Думе сильный плацдарм для расширения борьбы с ельцинским режимом, значительно подняла авторитет коммунистов среди избирателей.

Нельзя сказать, что тезис недругов Зюганова о его готовности к сотрудничеству с властями был вовсе лишен оснований. Весь вопрос в том, какой смысл и какие цели в это сотрудничество вкладывать. Известно, что полемика вокруг этой проблемы уходит в глубь истории коммунистического движения. Сторонники всемерного использования легальных форм политической борьбы обычно разят своих оппонентов яркими выдержками из фундаментальной ленинской работы «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме». Правда, при этом не все задумываются о том, что сила и убедительность содержащихся в ней аргументов заключаются, может быть, не столько в ее научности, сколько в элементарном здравом смысле, которым

пропитана эта книга. И которого почему-то многим революционерам так часто не хватает.

Надежность и устойчивость Зюганова — в его здравомыслии.

Деятельность первой Думы имела одну особенность: она избиралась всего на два года — для того чтобы сформировать пакет основополагающих правовых документов, легитимизировать важнейшие сферы государственной жизни. Проще всего было сделать эффектный жест, отказаться от участия в этом «грязном» деле и бросить на произвол судьбы миллионы абсолютно беззащитных людей, предоставив им единственную сомнительную возможность — защищать свои жизненные права на баррикадах. Но именно такой подход Зюганов и считал прямым предательством интересов трудящихся, которое нельзя оправдать никакими высокими целями.

Кроме того, было чрезвычайно важно сохранить воздействие коммунистов на процесс государственного строительства. Хорошее это государство или плохое — огромная Россия без государственности существовать не может. Нельзя забывать, что реальную угрозу ее целостности создавали сепаратистские тенденции. Достаточно напомнить о создании в 1993 году свердловским губернатором Эдуардом Росселем Уральской республики, о том, как скромный политический деятель из Челябинской области Сергей Костромин провозгласил себя «президентом» Южно-Уральской республики, об обсуждении перспективы образования самостоятельной республики на базе областей Большого Урала. Сейчас уже с трудом верится, что это — сюжеты не из эпохи далекой Гражданской войны, а из нашей что ни на есть новейшей истории. Наконец, без укрепления государства нельзя было возродить обороноспособность страны, а все разговоры о ее внешнеполитических интересах теряли смысл.

Трибуна Государственной думы позволила Компартии прорвать информационную блокаду. Люди узнали всю правду о событиях осени 1993 года и расстреле Дома Советов, поняли наконец, что страну распродают, что власть раздает общенародное достояние своим приближенным, что простой человек при такой политике обречен на нищету и полное бесправие. Используя статус депутатов, коммунисты впервые после августа 1991 года получили возможность войти на предприятия, в трудовые коллективы, учебные заведения. Фракция КПРФ стала тем ядром, вокруг которого возрождались и крепли организационные структуры Компартии.

Несмотря на предвзятые, заведомо предопределенные оценки деятельности фракции КПРФ в Госдуме, которые звучали и «справа», и «слева», Зюганов никогда, даже в периоды серьезных

неудач, не сомневался, что курс, взятый партией в конце 1993 года, оказался верным и оправданным. В наиболее тяжелые для страны девяностые годы именно коммунисты не позволили провести распродажу всего и вся, сумели сохранить все социальные гарантии и завоевания советских времен, добились принятия целого ряда законов, гарантирующих детям учебу и образование, старикам — помощь и поддержку. Например, в первой Думе левая оппозиция добилась повышения минимальной оплаты труда, повышения и индексации пенсий, улучшения пенсионного обеспечения ветеранов, участников Великой Отечественной войны и их вдов, инициировала принятие закона о восстановлении и защите сбережений граждан.

Все это помогло выжить и выстоять огромным массам малоимущих людей, дало шансы на достойную жизнь молодежи. И лишь после того, как «партии власти» — «Единой России» — удалось захватить Госдуму, началось фронтальное наступление на жизненные права трудового народа. Последовали пресловутая монетизация льгот, «автогражданка», реформа жилищно-коммунального хозяйства, распродажа земель. Теперь пришел черед образованию. Введение двухуровневой системы подготовки специалистов в вузах сделает полноценное высшее образование элитным и недоступным для широких слоев населения, нанесет непоправимый удар по его фундаментальности и качеству, существенно ущемит права учебных заведений и студентов.

За один срок безраздельного господства в Думе «единороссам» удалось перечеркнуть все, что создавалось трудом многих поколений и что не сумели уничтожить за три созыва их духовные предшественники, наталкиваясь на решительное сопротивление коммунистов.

Необходимое для большого политика искусство компромиссов Зюганову приходилось постигать на ходу. Первое серьезное соглашение в парламенте было достигнуто в ходе обсуждения поставленного фракцией КПРФ вопроса о создании специальной комиссии по расследованию трагедии октября 1993 года. В результате взаимных уступок было принято решение об амнистии участников обороны Дома Советов и августовского «путча». Это была первая серьезная победа оппозиции в стенах парламента. Она не только усилила ее влияние среди избирателей, но и способствовала значительному оздоровлению обстановки в стране и улучшению атмосферы в Думе, в кулуарах которой уже витала идея национального примирения.

Однако Зюганов не обольщался: при ближайшем рассмотрении суть всех деклараций о примирении напоминала красивую ширму, прикрывавшую деятельность правящего режима

по ускоренному демонтажу советской государственности и грабительской приватизации экономики. Не отвергая предложенного Советом Госдумы Меморандума о согласии, Геннадий Андреевич выдвинул целый ряд условий его реализации, подчеркнув необходимость смены внешнеполитического и экономического курса президента и создания правительства национального доверия. Естественно, для власти это оказалось неприемлемым.

Раздраженный неуступчивостью левой оппозиции, ростом ее авторитета и твердостью в отстаивании принципиальных вопросов в парламенте, Ельцин предложил заключить пакт о гражданском мире — так называемый Договор об общественном согласии. Зюганов расценил его как «акт о безоговорочной капитуляции оппозиции»: в обмен на обещание «не ругать и не бить оппозицию под дых коленом» власти пытались вынудить коммунистов взять на себя обязательства, означавшие, по сути, согласие свернуть политическую борьбу. Отказавшись поставить свою подпись под Договором, Зюганов фактически дезавуировал этот документ. Неудивительно, что о нем вскоре забыли: оппозицию нейтрализовать не удалось, а без решения этой задачи Договор о согласии был никому не нужен.

Незадолго до истечения срока полномочий Думы первого созыва Геннадий Андреевич, выступив по телевидению, ознакомил избирателей с основными итогами работы фракции КПРФ по выполнению своих обязательств перед народом: «Мы обещали выпустить из тюрьмы тех, кто защищал закон, Конституцию и нашу Советскую власть, и нам это удалось. Мы сформировали законы по выборам всех степеней власти, от местных органов до президента и Государственной думы. Нам удалось принять ряд законов, которые защищают обездоленных. Нам удалось подготовить целый пакет законов по борьбе со всеми видами преступлений — организованных, криминальных, для защиты судей и свидетелей. Нам удалось провести ряд предложений, которые заставили людей задуматься, что этот экономический курс никуда не годится. Мы поддерживали все, что связано с отставкой правительства и недоверием к президенту».

Так что ни о каком соглашательстве, тем более стратегической линии на достижение «исторического компромисса», которую порой пытаются приписать Зюганову, не могло быть и речи. Вместе с тем, находясь в состоянии жесткой и непримиримой конфронтации с ельцинским режимом, коммунисты проявили свою волю и способность к

конструктивной и созидательной работе в интересах укрепления и дееспособности государства. Геннадий Андреевич гордится тем, что КПРФ всегда располагала мощным интеллектуальным потенциалом и не испытывала дефицита в настоящих профессионалах, способных, если понадобится, преодолеть разногласия с политическими противниками и проявить здоровый прагматизм, необходимый для решения неотложных экономических, социальных, правовых или внешнеполитических задач.

В своей парламентской деятельности он постоянно опирался на людей, обладающих государственным мышлением, огромным практическим опытом и отменной профессиональной подготовкой. Например, в течение многих лет вся законотворческая деятельность фракции КПРФ тесно связана с именем Анатолия Ивановича Лукьянова — доктора юридических наук, бывшего председателя Верховного Совета СССР. Человек, хорошо известный стране как политик, в судьбе которого отразилась вся переломная эпоха, несмотря на все невзгоды сумел сохранить тонкие душевные качества и поэтическое восприятие мира: увлечен литературой, пишет и публикует стихи под известным среди любителей поэзии псевдонимом Осенев.

Заместитель председателя ЦК КПРФ, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова Иван Иванович Мельников является авторитетным специалистом в области образования, имеет ученые степени кандидата математических и доктора педагогических наук. Его знают в стране как автора книг по математике для учителей и многих научных работ по методике образования.

Бывший председатель Госплана СССР Юрий Дмитриевич Маслюков еще в советское время зарекомендовал себя решительным сторонником эволюционных рыночных реформ. После дефолта 1998 года вместе с Евгением Примаковым возглавил правительство, которое за несколько месяцев сумело вытащить экономику страны из пропасти.

Огромным авторитетом среди коммунистов страны пользуется человек несгибаемой воли, доктор юридических наук Виктор Иванович Илюхин, который прошел трудовой путь от грузчика леспромхоза до члена коллегии Прокуратуры СССР, старшего помощника генерального прокурора. Осенью 1991 года он совершил мужественный шаг — возбудил дело по статье 64 (измена Родине) против действующего президента СССР Горбачева. В Государственной думе второго созыва выступил одним из инициаторов импичмента Ельцину и обосновал выдвинутые против него обвинения в тяжких государственных преступлениях.

Один из руководителей КПРФ, академик Российской академии сельскохозяйственных наук Владимир Иванович Кашин, является профессионалом не только в области сельского хозяйства и землепользования, но и в сфере социальных отношений, обладает огромным опытом организаторской работы.

Профессионализм и компетентность, по мнению Зюганова, — это неотъемлемые качества любого человека, связавшего свою судьбу с политической или государственной деятельностью. Тот, кто постоянно общается с Геннадием Андреевичем, знает: если он отозвался о ком-то как о высококлассном чиновнике, значит, тот действительно настоящий профессионал, заслуживает доверия. В понятие «чиновник» Геннадий Андреевич всегда вкладывает его изначальный смысл, считая государственную службу уделом людей, сознающих не только высокий престиж своего занятия, но и ту особую ответственность, которая на них возлагается.

При этом ни у кого не вызывает сомнений высокий профессионализм самого Зюганова. Уже в период работы Думы первого созыва это качество заметно выделяло его на фоне захлестнувшего депутатский корпус бурного потока политической риторики, грозящего превратить парламент в бесконечную говорильню, в собрание честолюбивых позеров, не сомневающихся в собственном мессианском предназначении уже в силу своего депутатского звания. Сознавая подобную угрозу, Зюганов обратился к депутатам с призывом ускорить вхождение в законотворческий процесс, позволяющий минимизировать последствия разрушительной политики правящего режима. Чтобы не откладывать дела в долгий ящик, он предложил сосредоточить внимание на пяти блоках законопроектов, обеспечивающих нормальное функционирование экономики, восстановление гражданского мира и возобновление деятельности Конституционного суда, защищающих интеллектуальный потенциал страны и малообеспеченных граждан, регулирующих информационную политику, регламентирующих выборы местных органов власти.

Политические формулы, которыми Геннадий Андреевич оперировал в выступлениях, дискуссиях, интервью средствам массовой информации, были всегда насыщены четкой аргументацией, отражали ясное понимание затронутых вопросов и несли в себе не только отрицание неприемлемого, но и конкретные и обоснованные предложения по решению тех или иных проблем. Его отношение к делу не вязалось с традиционными представлениями о лидере оппозиции российского замеса, не желающей глубоко вникать в сложный механизм государственного управления, способной только

щипать власть и наносить ей уколы. Зюганов хорошо представлял, что следует делать, чтобы изменить неприемлемый для России сценарий развития событий. Было ясно, что, если коммунисты получат власть, они смогут ею распорядиться.

Довольно быстро осознали это и за рубежом. В марте 1994 года во время визита в Москву с лидером коммунистов счел необходимым встретиться экс-президент США Ричард Никсон. Ельцин и Черномырдин так обиделись за это на высокого гостя, что, проявив полную политическую неадекватность, отказали ему в приеме. А кремлевская администрация… отобрала у него автомашину, выделенную на время визита. Пришлось тому просить транспорт в своем посольстве.

Год спустя Зюганов встретился с американским президентом Биллом Клинтоном. Изложив свое видение развития России, он подчеркнул важность для нее нормальных демократических выборов и совершенно недвусмысленно высказался за смену высшего руководства страны.

Особенно большой резонанс среди мировой общественности вызвала поездка Геннадия Андреевича в Давос на всемирный экономический симпозиум, состоявшийся в феврале 1996 года. Западные деловые круги с удивлением обнаружили, что он приехал не мировой пожар раздувать, а привез с собой взвешенную программу экономического сотрудничества с Европой. Причем выглядела она значительно эффективнее и надежнее тех, которые представили российские реформаторы, успевшие довести страну до инфаркта. Позиция Зюганова явилась откровением не только для зарубежных, но и для отечественных предпринимателей. «Независимая газета» писала в те дни: «Речи Зюганова произвели большое впечатление на тех российских бизнесменов, кто, не видя его раньше живьем в Москве, вынужден был жить с ним в одной гостинице в Давосе и наблюдать, как западные журналисты охотнее берут интервью у Зюганова, чем у Бориса Федорова, Андрея Козырева или Юрия Лужкова… Потянуло дымком единства, причем отнюдь не в чубайсовских терминах (отстреливаться до последнего патрона), а скорее в демократических: объединяться и придумать такую предвыборную кампанию, которая не заставляла бы их ни стрелять, ни бежать».

Характер отзывов западной прессы был также благожелательным. Ведущие газеты подчеркивали, что коммунисты не собираются возвращаться в прошлое, признают многообразие форм собственности, политический плюрализм и готовы к созданию коалиции с другими политическими силами.

В одной из публикаций по проблемам современного

коммунистического движения России довелось натолкнуться на любопытный пассаж: «При резко оппозиционной настроенности большинства коммунистов и сторонников Зюганова было бы естественным поведение руководства КПРФ по принципу „чем хуже, тем лучше“, а не действие в стиле „конструктивной оппозиции“». Страшно подумать, что бы могли натворить коммунисты за последние полтора десятилетия, если бы прислушивались к советам тех, кто считает возможным поднимать политический авторитет и влияние одних за счет ухудшения положения миллионов других. Слава богу, Зюганов со своими соратниками никогда таких неблаговидных целей перед собой не ставил, Россию не расшатывал и впредь делать этого не намерен. Нравится это кому или нет, но, выбирая между узкопартийными интересами и общенациональными задачами, он отдает приоритет последним.

Но эта позиция отнюдь не исключает самых решительных и последовательных действий. В январе 1995 года III съезд КПРФ, определивший стратегическую линию на новую избирательную кампанию, поставил в качестве главной политической задачи партии «отстранение от власти Ельцина — лидера режима „личной оккупации“».

После внушительной победы на декабрьских выборах в Госдуму — коммунистов тогда поддержали 22 процента избирателей, принявших участие в голосовании, — пленум ЦК внес существенные коррективы в тактику парламентской работы партии: «Задача заключается в том, чтобы наша оппозиция политике режима превратилась в противостояние *внутри самой власти*. Это противостояние ненормально, но оно законно и объективно, ибо… отражает *реальные* общественные противоречия».

Власть шаталась.

Реформаторы окончательно подорвали экономические устои страны. Вслед за Гайдаром развал национальной экономики продолжил Черномырдин. В результате по сравнению с 1992 годом и без того катастрофически низкий уровень реальных денежных доходов населения снизился еще на 41 процент. 36 миллионов человек имели доходы ниже прожиточного минимума. Естественная убыль населения увеличилась в 3,6 раза. Объем производства промышленной продукции упал на 46 процентов, а валовый сельскохозяйственный продукт уменьшился почти на 30 процентов. В стране насчитывалось 10 миллионов полностью или частично безработных, около 6 миллиона беженцев.

О масштабах грабежа в стране и цинизме утверждавшейся у власти ворократии свидетельствует многозначительная фраза,

брошенная председателем РАО «Газпром» Ремом Вяхиревым летом 1995 года: «Если к власти придут коммунисты и пересмотрят итоги приватизации, они должны оказаться у пустого корыта».

Была развязана преступная война на территории собственной страны, против собственного народа — в Чечне. Вся подготовка к ней проходила скрытно, втайне от парламента. Свое отношение к чеченским событиям Геннадий Андреевич подробно высказал в интервью «Общей газете»: «Позиция наша определилась давно и достаточно четко. Суть ее в том, что московский режим Ельцина и грозненский Дудаева — это два близнеца-брата. Оба пришли к власти на развалинах законных представительных органов, на насильственном развале вообще. Оба проводят политику, которая привела к невиданному разрушению экономического базиса и всей надстройки. Оба режима коррумпированы до основания, оба антинародны и антигосударственны по своей сути. Что касается Чечни, на мой взгляд, этот нарыв взращивался достаточно искусственно, что преследовало своей целью несколько стратегических задач. Одна из них — связать Россию на юге серией конфликтов, которые ныне бушуют в Таджикистане, на Кавказе, в частности в Чечне. Не удивлюсь, если этих конфликтов стане еще больше. Это нужно, чтобы уйти от ответственности за содеянное, отвлечь общественное внимание от насущных проблем, связанных с бесперспективностью нынешнего курса, слить в эту грузную воронку всех неугодных, повязав их враждой и кровью.

Наша линия основывается на том, что военного решения у чеченской проблемы нет».

И все же Ельцин тогда удержался.

Спустя несколько лет после драматичных президентских выборов 1996 года стали писать о том, что почти никаких шансов на сохранение власти у него не было. Задним числом в общественное сознание стали внедрять мысль о том, что уже накануне президентских выборов едва ли не все предрекали ему неминуемое падение.

Но ничего похожего тогда не было. Ельцинское окружение, как и многочисленные наблюдатели, было уверено в победе и считало, что для выявления победителя даже второго тура не понадобится. Подобным было и настроение в массах населения: большинство людей независимо от политических симпатий полагали, что нет еще силы, способной опрокинуть Ельцина.

Для чего же понадобилось искажать события нашего недавнего прошлого, которые у многих еще свежи в памяти?

Все это делалось в основном с одной целью — создать новый миф о Зюганове. Миф, который бы вобрал в себя все прежние сочинительства, сконцентрировал бы в себе всю ложь и грязь, которые беззастенчиво годами лились на него. Миф, который бы навсегда отбил у него охоту тягаться в борьбе за власть со ставленниками олигархических кланов. А если бы такое желание у него вдруг и появилось, то, по замыслу создателей легенды, избиратели все равно отвернулись бы от него. Ведь они должны были уверовать в то, что лидер коммунистов однажды уже обманул их, *сознательно «сдал» президентские выборы* Ельцину.

Возникает резонный вопрос: почему же такие нелепые версии не выдвигались раньше, по горячим следам, когда подводились итоги этих памятных выборов и вся общественность обсуждала только две темы: таких грязных выборов Россия еще не знала; итоги выборов были откровенно и грубо фальсифицированы?

Идея о якобы имевшем место «сговоре» между Зюгановым и Ельциным родилась в кремлевских мастерских по изготовлению политтехнологий в преддверии очередных выборов. С их приближением все больше давал о себе знать незабытый испуг, который пережили в Кремле в 1996 году. Ведь несмотря на то, что ельцинскому режиму удалось сохраниться, коммунисты одержали тогда внушительную моральную победу: за Зюганова отдали голоса 30 миллионов избирателей. Беспокойство было обоснованным. Развитие событий в стране показывало, что КПРФ была готова не только закрепить, но и развить успех, освободить страну от ненавистной ей ельцинской «семьи» и укрепившейся вокруг нее олигархической группировки. Партия значительно расширила социальную базу своего влияния, играла ведущую роль в Народно-патриотическом союзе России, Координационный совет которого возглавлял Зюганов.

Кроме того, в мае 1999 года в Государственной думе прошло слушание вопроса об отрешении от власти президента Ельцина, который обвинялся в подписании Беловежских соглашений, в кровавом разгоне парламента в 1993 году, в развязывании войны в Чечне, в подрыве обороноспособности страны, в геноциде российского народа. Импичмент не состоялся — сложная процедура его проведения требовала не меньше двух третей голосов депутатов по каждому из выдвинутых обвинений. В то же время большинство депутатов признали виновность Ельцина в совершении им тяжких преступлений против своей страны и народа. По существу, это означало признание полного краха его неограниченного правления.

Перед «семьей» встал вопрос о наследнике престола, способном предотвратить возмездие. В Кремле родился

очередной проект, унижающий миллионы наследников великой державы, — «Преемник».

Вот тогда-то, в августе 1999 года, и появилась первая «ласточка» в виде статьи Дмитрия Быкова в журнале «Карьера», возвестившая о том, что три года назад «подсознательной, а может быть, и вполне сознательной целью Зюганова было ни в коем случае не победить». От нее и берет начало новая волна лжи, породившая за несколько лет огромное количество «версий» и «подробностей».

Цель ее — не только дискредитировать Зюганова и Компартию. Надо было сделать всё, чтобы люди забыли, кто, как и ради чего в 1996 году протаскивал на престол полностью скомпрометировавшего себя в народе, больного и недееспособного Ельцина. Следует отдать должное власти — в борьбе за выживание ей удалось тогда полностью использовать весь свой потенциал, включая государственные источники финансирования и всестороннюю поддержку Запада. Коль выделил Ельцину такой беспроцентный кредит, какого не знала история рачительной Германии. Символом полной коррумпированности и деградации властных структур стали набитые долларами коробки из-под ксерокса. Советники из крупнейших западных центров и институтов натаскивали доморощенных политтехнологов.

Еще в ходе парламентской избирательной кампании, предшествующей президентским выборам, были опробованы новые технологии, направленные на растаскивание голосов путем обмана и переманивания избирателей левой ориентации. Весной 1995 года президентская администрация попыталась сформировать два блока — «правый» и «левый», которые, по ее замыслу, должны были оттеснить на обочину все остальные политические партии. За образец были взяты политические двухпартийные системы ряда западных стран, с помощью которых создается иллюзия периодической смены курса. Состоялась первая репетиция спектакля, который пытаются разыграть сегодня. Роль нынешнего Грызлова исполнял тогда Черномырдин, Миронова — Иван Рыбкин.

Одновременно был запущен в действие отлаженный механизм дискредитации главных соперников, прежде всего Компартии и непосредственно ее лидера. Спецслужбы приготовили два сценария: планировалось, в зависимости от развития событий, обвинить КПРФ в подготовке спецгрупп для захвата власти или в финансовых махинациях. Несколько членов Конституционного суда правых взглядов выступили с требованием запрета организационных структур КПРФ.

В марте 1996 года Зюганову поступила достоверная информация, что Ельцин в целях сохранения личной власти намеревается предпринять против оппозиции репрессивные меры. Узкой группой посвященных в эти замыслы были подготовлены три президентских указа: о роспуске Госдумы, о запрете политической деятельности и об интернировании нескольких сотен оппозиционеров. Над страной нависла угроза повторения октября 1993-го. По личным каналам Геннадий Андреевич предупредил об этом всех известных политиков, включая руководство Совета Федерации и московской мэрии. В конце концов здравомыслящие люди, которым было поручено разработать операцию, смогли объяснить Ельцину, что закрыть Москву и объявить чрезвычайное положение невозможно. Ситуация была уже не та, что в 1993 году: доверие к власти резко упало и к тому же столица была окружена «красным поясом».

После этого главная ставка в предвыборной борьбе была сделана на информационный террор. Беспощадный, циничный и грязный.

Как-то, возвратившись домой после работы, Геннадий Андреевич застал мать в очень тяжелом состоянии. Пришлось вызывать врача. Оказалось, что вместе с почтой в руки к ней попала газета «Не дай бог!», весь номер который состоял из пасквилей, посвященных ее сыну. Что он мог сказать матери, которая прочитала о нем чудовищную, несусветную ложь? А ведь подобной мерзостью были забиты все почтовые ящики страны, ее настойчиво предлагали у метро, на автобусных остановках, в газетных киосках. По разным оценкам, разовый тираж этого издания, исполненного за рубежом на высококачественной бумаге на уровне лучших образцов полиграфии, составлял от 10 до 15 миллионов экземпляров. Денег не жалели.

Телепрограммы были напичканы такой злобой, что казалось, телевизоры не выдержат и кинескопы начнут взрываться.

Запомнился Геннадию Андреевичу один телевизионный сюжет: крупным планом показали вход в зал, где проходило собрание некоего «антифашистского комитета», на котором выступал Гайдар. Перед дверями вместо половиков — фашистский флаг и Красное знамя с серпом и молотом, на котором демонстративно топтался какой-то юнец. Рядом вывеска: «Здесь демократы вытирают ноги»… Было бы упрощением считать, что это — саморазоблачение. Осуществляя то, о чем мечтали фашистские завоеватели, «демократы» вполне сознательно пытаются разорвать наиболее прочные звенья духовного единства общества. И до сих пор продолжают безнаказанно творить подобные мерзости.

Руководство телевидения в июне 1996 года дошло до того, что перед вторым туром выборов отказалось предоставить Зюганову законное, выделенное Центризбиркомом, время в эфире. Один из руководителей ОРТ Ксения Пономарева неблаговидную роль телевизионщиков объяснила следующим образом: мы исходили из того, что все, кто против Ельцина, играют на руку фашизму. Ход ее мыслей особых пояснений не требует: реально Ельцину противостоял только Зюганов.

Наверное, не побывав в шкуре человека, которому довелось все это пережить, не поймешь до конца, что у него в это время творилось на душе. Нечто отдаленно похожее на это испытал один из наших известных политиков — Евгений Примаков, когда возглавил один из избирательных блоков в 1999 году. Не склонный к резким публичным оценкам, даже он сравнил ту клевету, которую вылили на него, с геббельсовской пропагандой. О чем же тогда говорить Зюганову?

Особому пропагандистскому прессингу Кремля подверглись молодые избиратели. Идея, которую ельцинская команда предлагала молодежи, была проста до примитивности: любой, кто выбирает свободу, может стать миллионером или, на худой конец, Шварценеггером. «Голосуй, а то проиграешь!» — срабатывало: мечты о богатстве и красивой жизни подогревала иллюзия ее доступности, которую создавали нескончаемые рок-фестивали и «благотворительные» концерты «попсы». «Праздник жизни» щедро оплачивался главным казначеем предвыборного штаба Ельцина — Анатолием Чубайсом, который заставил раскошелиться не только «семибанкирщину», но и всех «новых русских», чей ежемесячный доход составлял не менее 50 тысяч долларов. Поскольку молодежь толпами «косила» от армии, опасаясь угодить в чеченскую мясорубку, были запущены массовые слухи, что в случае своего переизбрания президентом Ельцин намерен отменить срочную службу.

Администрация президента ловко воспользовалась тем обстоятельством, что в первом туре президентских выборов генерал Лебедь, эксплуатируя образ миротворца Приднестровья и сильной личности, набрал 14,5 процента голосов. Ему тут же было предложено стать секретарем Совета безопасности. Расчет на генеральское честолюбие оправдался полностью, и судьба голосов избирателей, поддержавших Лебедя, была предрешена. Никто не сомневался, что через пару месяцев Ельцин вышвырнет генерала из Кремля за ненадобностью. Так оно и случилось.

Имел ли Зюганов в той обстановке шансы на победу?

Думается, *результаты* выборов в любом случае были предопределены. Народ оказался мудрее многочисленных

аналитиков. «Бытует такое мнение, — делилась своими наблюдениями Н. А. Корнеева из Брянска в письме, поступившем в те дни в ЦК КПРФ, — что если выборы выиграет Зюганов, то он об этом не узнает».

Вот эта точка зрения, пожалуй, была ближе всех к истине.

По официальным данным, Ельцин во втором туре получил 53,8 процента голосов, Зюганов — 40,2 процента.

Вспоминается анекдот из популярного сборника Зюганова:

«Утром из Центризбиркома звонят Ельцину:

— Борис Николаевич, у нас две новости — хорошая и плохая. Какую сначала?

Тот тянется за валидолом, глотает таблетку, запивает стаканом водки и, потея:

— Ну, давай плохую.

— Зюганов набрал 62 процента! Дрожащая рука тянется к пистолету…

— А какая хорошая?

— Вы победили! Набрали 75…»

Об истинных масштабах подтасовки бюллетеней и искажения итоговых результатов при подсчетах голосов на президентских выборах 1996 года можно только догадываться. Только вот особого негодования у представителей «демократической» прессы такие действия властей не вызвали — к подобным «шалостям» Кремля они всегда относились со снисхождением. Зато использовалась любая возможность, чтобы бросить тень на КПРФ. Особенно часто повторялось набившее всем оскомину измышление о том, что Компартия «терпимо» восприняла фальшивые итоги выборов, поскольку они ее руководство якобы устраивали. Однако почему-то никто не вспоминал, что центральными и местными органами КПРФ были вскрыты и документально подтверждены не только тысячи грубых нарушений и подлогов, но и выявлены зоны тотальной фальсификации итогов голосования: Татарстан, Башкирия, Дагестан, Ингушетия, Саратовская область. Соответствующие документы направлялись в прокуратуру, Центризбирком — ответов не последовало. Пресса умолчала о том, что дело по иску Зюганова к руководству Татарстана, где у него самым наглым образом украли около 600 тысяч голосов, слушалось в Верховном суде Российской Федерации. Суд признал иск обоснованным. По этому делу прошло около 400 человек, замешанных в различных махинациях на избирательных участках и в избиркомах. Всем удалось отделаться легким испугом — попали под очередную ельцинскую амнистию.

Всего за последние годы представителям Компартии пришлось участвовать более чем в 1600 судебных разбирательствах, связанных с нарушением выборного законодательства. Однако, как показывает жизнь, ситуация не меняется — право граждан на свободное волеизъявление по-прежнему попирается, а против КПРФ не прекращается «холодная война» с использованием тех же грязных методов, что применялись и в середине девяностых годов. Современным пасквилянтам не дают покоя «лавры» издателей газеты «Не дай бог!». Так, к выборам в Госдуму, прошедшим в 2003 году, была выпущена книга, якобы раскрывающая «историю КПРФ». Была она выполнена в виде дорого, красочно оформленного подарочного издания и бесплатно распространялась по всей стране через почтовые и другие каналы доставки. Не сведущих в истории партии людей «просвещали» с помощью грубо сфабрикованных фотоматериалов: Зюганов на фоне фашистской свастики, Зюганов проигрывает золото партии в казино, пьяный Зюганов в окружении «братков»… Естественно, за изготовление этой фальшивки никто не ответил.

На одном из политических форумов в Интернете как-то было высказано мнение, чт# одна из сильных сторон Зюганова как политического лидера заключается в том, что сколько бы ни пытались лить на него грязь, она к нему не пристает. Это редкое для современного политика свойство связано с тем, что и в словах, и в поступках этого человека всегда присутствует реально осязаемая нравственная составляющая, дефицит которой заметен у большинства его политических соперников, исповедующих формулу «политика — дело грязное». К тому же то мракобесие, которое время от времени затевается вокруг коммунистов, ничего, кроме отвращения, у народа больше не вызывает. Каждая посеянная ложь порождает недоверие к государству. Никто уже не верит в сказки про хорошего царя, который якобы не ведает (как это было представлено, например, в случае с нечистоплотной возней вокруг Знамени Победы), что творят плохие бояре…

В июле 1996 года Зюганов официально поздравил Ельцина с избранием президентом. Эта общепринятая с точки зрения элементарной политической этики «протокольная» деталь для недобросовестных и, прямо скажем, некоторых не очень умных журналистов спустя несколько лет послужила одним из «аргументов» в пользу «теории сговора». Хотя для любого более или менее образованного человека было очевидно, что Геннадий Андреевич поступил как солидный политик, сознающий себе цену и умеющий держать удар. Была у этого поступка и другая, более серьезная причина. Несмотря на явную фальсификацию итогов

выборов, анализ голосования показывал, что в общественных настроениях существовал глубокий разлом, который прошел через всю страну — от Владивостока до Калининграда. Его сохранение, а тем более эксплуатация в политических целях могли бы очень быстро завести страну в такой исторический тупик, из которого было бы нелегко выбраться.

Отдав предпочтение Ельцину, общество показало, что не готово к социалистическому повороту. Вместе с тем сделанный выбор ни в коей мере не означал поддержку дальнейшей капитализации страны, одобрения либерально-демократического курса. От «реформ» выиграло не более 15 процентов населения, положение большей его части катастрофически ухудшалось. Но страх перед нестабильностью и катаклизмами, которые могла вызвать смена власти, оказался сильнее — слишком много потрясений вместило в себя предшествующее десятилетие. Люди предпочли довольствоваться тем, что есть, полагая, что предел падения уже достигнут и «хуже уже не будет». Это распространенное мнение отражало готовность подавляющего большинства народа к долготерпению при условии сохранения относительного порядка и покоя.

Налицо был общий спад социальной активности. Как охарактеризовал ситуацию сам Зюганов, «время митингов уже прошло, время баррикад еще не настало». В этих условиях овладеть политической инициативой было непросто.

Со временем авторы многих публикаций взяли за правило завышать те силы и возможности, которыми КПРФ реально обладала в Государственной думе второго созыва. Объективности ради напомним, что в «красной» Думе, как ее стали именовать либеральные СМИ, депутаты от КПРФ составляли только около трети ее общей численности, а вся левая оппозиция, включая коммунистов и их ближайших союзников — из Аграрной партии и блока «Народовластие», имела меньше половины мандатов. Поэтому далеко не всегда фракция КПРФ могла противостоять принятию антинародных законов, навязанных Думе правительством, действовавшим в тесной связке с Ельциным и президентской администрацией. Например, почти каждый раз при рассмотрении и утверждении бюджетов оказывалось, что государственная казна пуста. Так, в 1996 году, несмотря на огромный объем внешних займов, они не покрывали и трети запланированных бюджетных расходов.

После президентских выборов 1996 года изменился характер политического противостояния. Вокруг Ельцина сформировался и закрепился новый, олигархический клан, который оплатил дорогую процедуру переизбрания Ельцина. Если прежнее

окружение всячески сохраняло и упрочивало единоначалие президента, обеспечивая тем самым и себе безбедное существование, то новая группировка сама намеревалась управлять страной, используя Ельцина в качестве марионетки и прикрытия. Никаких иных целей, кроме личного обогащения за счет грабежа страны, эти люди не ставили. Характер этой группы точно отражало укоренившееся за ней мафиозное название — «семья». По праву главного в ней в октябре 1996 года Березовский озвучил своеобразный «манифест финансовой олигархии»: «Мы, семь ведущих бизнесменов России, наняли А. Чубайса как менеджера президентской кампании, вложили громадные деньги и обеспечили избрание Б. Ельцина. Теперь мы получили право идти в правительство, занимать там ведущие посты и пожинать плоды своей победы»[35].

Нет ничего удивительного, что в схемы бандитского капитализма, утвердившегося в России, гармонично вписывалась деятельность «правительства младореформаторов» Чубайса и Немцова, которые, получив от Ельцина должности вице-премьеров, стали претендовать на руководящую роль в российской экономике. Настойчиво «проталкивая» идею демонополизации естественных монополий, они также выступили с планами либеральных реформ пенсионного фонда и жилищно-коммунального хозяйства, сокращения финансирования высшего образования, предприняли секвестр и без того урезанного государственного бюджета.

А тем временем деньги беспрепятственно утекали за рубеж. В своих воспоминаниях Евгений Примаков описывает поистине чудовищные масштабы экономической преступности и коррупции, с которыми ему пришлось столкнуться на посту премьер-министра в 1998 году. Причем все факты почерпнуты им из официальных докладов и записок руководителей ФСБ, МВД, Генеральной прокуратуры, других государственных органов. Так, по оценке Банка России, поток иностранной валюты, переправляемой за рубеж, составлял от 1,5 до 2 миллиардов долларов ежемесячно. Были хорошо известны и каналы нелегальной утечки валютных средств: отчисления в счет будущих поставок, которые не осуществлялись; перечисления на счета иностранных фирм в счет оплаты фиктивных услуг; завышение контрактных цен при импорте, их занижение при экспорте. Но часто коммерческие фирмы подобной бумажной волокитой себя не обременяли, а вывозили валюту в мешках курьерами.

Средством обогащения узкой группы лиц, приближенных к президенту и правительству, стали регулярные выпуски

государственных краткосрочных обязательств (ГКО) и других ценных бумаг на астрономические суммы под высокие проценты и под государственные гарантии. Держатели ГКО получали громадную прибыль — до 200 процентов годовых. По сути, работала гигантская «стиральная машина», в которой отмывались нетрудовые доходы.

Вопреки распространенному бывшими либералами-реформаторами мнению, что приватизация служила основным средством пополнения бюджета, она, по сути, являлась основным инструментом ограбления государства. По свидетельству Примакова, «с 1992 по 1998 год от массовой, „глобальной“ приватизации бюджет получил лишь около 1 процента ВВП. Всё остальное в основном присвоила небольшая группа лиц»[36].

Учитывая изменившийся характер обстоятельств, Зюганов, выступая на IV съезде КПРФ, состоявшемся в апреле 1997 года, подчеркнул: «Понятие „системная и конструктивная“ парламентская оппозиция не годится для определения ситуации. *Ответственная* и *непримиримая* оппозиция будет выдавливать из России продажную клику, разоблачать политику властей, пробуждать массы, приобретать управленческий опыт, без которого нечего говорить о приходе к власти». Съездом был избран курс на подготовку всеобщей политической стачки. Осенью того же года пленум ЦК КПРФ принял решение о постановке в Госдуме вопроса о недоверии правительству. Это означало переход к наступлению на правящий режим.

Напуганный принципиальной и жесткой позицией коммунистов, Ельцин предложил Зюганову начать деловой диалог. В результате президент и правительство признали, что надо корректировать экономический курс, обещали проиндексировать вклады населения, помещенные в Сбербанк до 1992 года, заморозить квартплату, обсудить на «круглом столе» вопрос о земле. Ельцин согласился с идеей создания на телевидении наблюдательных советов и предоставления Федеральному собранию эфирного времени для передачи «Парламентский час».

Этими серьезными уступками власть фактически публично признала изменение соотношения политических сил в стране. Но чтобы достичь этих результатов, фракция КПРФ приняла нелегкое для себя решение о снятии с повестки дня вопроса о вотуме недоверия правительству, что вызвало новую волну критики со стороны левых коммунистов.

Разъясняя принятое решение, Зюганов говорил: «Самым нетерпеливым нашим сторонникам кажется, что все можно достичь одним прыжком. Если бы это было так! Конституция,

навязанная стране под дулами танковых орудий, этого не позволяет. А массы только пробуждаются для активных действий».

«Нетерпеливые» никак не хотели понять, что компромисс во многом носил вынужденный характер. В парламентских битвах за сохранение приемлемого бюджета и вынесения правительству вотума недоверия можно было бы идти до конца, если бы требования оппозиции опирались на поддержку всенародного движения протеста. К осени 1997 года действительно возникли многочисленные очаги народного возмущения, которые давали такую надежду. Однако, несмотря на огромные усилия парторганизаций, большую массово-политическую работу в регионах, подготовка всеобщей стачки протеста была далека от завершения. Руководство партии констатировало, что развитое социальное движение отсутствует не только в общенациональном масштабе, но даже, за редким исключением, в рамках отдельных регионов.

Впрочем, эти выводы не означали, что коммунисты намерены довольствоваться половинчатым решением назревающих новых политических проблем. Противодействуя планам дальнейшего реформирования экономики в духе ее либерализации и рекомендаций Международного валютного фонда, в марте 1998 года Госдума приняла решение о привлечении правительства к уголовной ответственности за невыполнение принятых Думой законов, прежде всего бюджета.

Пытаясь разрядить конфликтную ситуацию, президент отправил в отставку Черномырдина и предложил на пост премьер-министра молодого экономиста Сергея Кириенко, приятеля Немцова, которого тот привел в Москву из Нижнего Новгорода. В народе Кириенко сразу же метко окрестили «киндер-сюрпризом». Но сюрприз заключался не только в неожиданном назначении на пост главы правительства человека, заведомо не способного справиться с больной экономикой гигантской страны. Главный секрет ельцинской игрушки обнаружится через несколько месяцев.

То, что назначение Кириенко приведет страну к катастрофе, Зюганов не сомневался. Кстати, в одном из своих выступлений в Думе он предсказал неизбежность грядущего финансового и экономического обвала, ожидающего страну в сентябре. Ошибся на две недели…

Продавливая Кириенко, Ельцин выставлял его кандидатуру на рассмотрение Думы три раза подряд. Дважды она отклонялась. После этого Зюганов встретился с Кириенко и пытался отговорить его от участия в неблаговидной авантюре президента, объяснить,

с чем сопряжена такая ответственность за судьбу страны. Но тот только что-то лепетал о своем моральном долге и обязательствах.

Накануне третьего голосования Зюганов выступил в парламенте и заявил, что президент рискует остаться один на один со всеми грандиозными проблемами, криминалом, олигархами, финансовым кризисом.

Коммунисты были готовы к роспуску Думы.

Однако в решающий момент случилось непредвиденное. Во время тайного голосования часть депутатов от оппозиции поддержала Кириенко, что решило исход противостояния в пользу президента. Дрогнули и несколько депутатов-коммунистов, отступивших от четко обозначенной политической линии партии.

Это было серьезное поражение левой оппозиции, тень от которого ложилась на всю фракцию КПРФ и на Зюганова. Вот лишь некоторые выдержки из оценок оппозиционной печати:

«Оппозиция получила шанс выполнить свой гражданский долг перед своей страной и своим народом, и она этот долг не выполнила…

Ельцин указал Думе на ее место. Теперь коммунисты должны указать на место собственной думской фракции».

Как говорится, сурово, но справедливо.

Геннадий Андреевич считает, что моральный урон партии нанесли несколько коммунистов, которые грубо нарушили требования партийной дисциплины. Никто не запрещает члену партии высказывать и отстаивать свою точку зрения. Но только до тех пор, пока не принято решение или не выработана общая платформа. Затем вступает в силу принцип демократического централизма, и большинство обязано подчиниться меньшинству — иначе партия превратится в дискуссионный клуб, сборище болтунов.

Можно много рассуждать о мотивах людей, которые в ответственный момент сочли для себя возможным проигнорировать позицию фракции. Вероятно, кому-то показалось, что обострение политического кризиса может сыграть лишь на руку правящему режиму — такая точка зрения высказывалась накануне. Но она не оправдывает проявленного во время тайного голосования малодушия. Более понятной и убедительной выглядит другая причина: не все справились с испытанием властью, данной депутату, не выдержали проверки на прочность в той сложной ситуации, когда люди и познаются. Престижное положение, удобные кабинеты, кремлевские телефоны, помощники, персональные машины, высокая зарплата… Если человек забывает, кто и зачем избрал его в Думу,

то все это начинает со временем восприниматься им как должное, от чего бывает нелегко отказаться.

Партия, как считает Зюганов, сделала необходимые выводы. Именно тогда для коммунистов-депутатов было установлено неукоснительное правило: чтобы не оторваться от народа, надо постоянно находиться в гуще простых людей, знать, чем они живут, а главное — как живут. Все коммунисты-руководители обязаны состоять на учете и заниматься партийной работой в низовых первичных парторганизациях, в массах, среди рядовых членов КПРФ. Регулярные отчеты депутатов перед избирателями в регионах, систематизация полученных наказов, строгий контроль за их выполнением — это норма повседневной работы коммунистов в Госдуме. Так же как и ежедневный, не ограниченный определенными часами прием граждан депутатами от КПРФ. Недавно по инициативе Центральной контрольно-ревизионной комиссии КПРФ, которую возглавляет В. С. Никитин — человек, хорошо известный в партии своей принципиальной и последовательной позицией, — была возрождена и еще одна старая большевистская традиция: в июне 2007 года пленум ЦК КПРФ установил для депутатов всех уровней и работников органов исполнительной власти и местного самоуправления, выдвинутых и поддерживаемых Компартией, так называемый партмаксимум. Этот принцип предусматривает добровольное отчисление значительной части получаемых ими высоких зарплат в партийный бюджет. Идея партмаксимума была выдвинута коммунистами-депутатами, полагающими, что свою работу они обязаны рассматривать как важное партийное поручение, которое не может быть средством личного обогащения. Такой подход укрепляет доверие избирателей к партии, к людям, которых они делегировали в руководящие государственные органы для защиты своих интересов.

…Последствия парламентского кризиса, которые могли негативно сказаться на единстве партии, стали предметом обсуждения на V внеочередном съезде КПРФ, состоявшемся в конце мая 1998 года. Несмотря на то, что некоторые делегаты съезда высказали мнение, что в целом позиция фракции в парламенте была чрезмерно жесткой и нужно было не стремиться к разгону Думы, а добиваться корректировки курса правительства, последовала резкая критика коммунистов-депутатов, нарушивших партийные установки. Одновременно получила решительный отпор попытка группы коммунистов создать внутри партии так называемую «сталинско-ленинскую платформу». Зюганов проявил исключительную твердость и волю, заявив о необходимости искоренения любых проявлений

раскольнических тенденций и фракционности, которые следует рассматривать как стремление реанимировать «опыт» Ельцина и Горбачева.

Съезд принял заявление «О позиции партии в условиях нового обострения социально-экономического кризиса в стране», в котором было подчеркнуто: «Мы честно прошли свою часть пути к достижению взаимно приемлемого компромисса во благо России, но власть органически неспособна к нормальному диалогу». Выход из кризиса — в отставке президента и проведении досрочных выборов. В то же время отмечалось, что подать в отставку президента может заставить только массовый народный протест. «Мы прямо говорим людям: „На Думу надейся, а сам не плошай“».

Последующие события показали, что фракция КПРФ извлекла из апрельского кризиса необходимые уроки. Понимая, что, пока Ельцин у власти, Россия все больше будет превращаться в «Верхнюю Вольту без ракет», коммунисты инициировали процедуру импичмента президенту. Заявление в Госдуму об отставке Ельцина подписали 259 из 450 депутатов.

Тем временем экономика приблизилась к состоянию полного паралича. К середине года произошли резкий спад промышленного производства и сокращение объема ВВП, возникли серьезные сбои в банковской системе, прекратились платежи. В августе разразился мощный финансовый кризис. Целый ряд обстоятельств указывает на то, что он был срежиссирован, явился результатом сознательных, целенаправленных действий теневой группы, руководившей действиями Ельцина. Именно этим объясняется то маниакальное упорство, с которым тот продавливал на пост премьер-министра безвольного, неавторитетного и некомпетентного человека. Всего за три дня до кризиса Ельцин уверял страну, что все находится под контролем. А как показали последующие расследования, в это время о готовящейся девальвации рубля и объявлении дефолта уже были проинформированы несколько сот крупных предпринимателей и высокопоставленных чиновников, которые успели вытащить свои средства из банков, обернуть их в доллары и за один день как минимум утроить состояния. После того как генеральный прокурор Ю. Скуратов приступил к расследованию деталей дефолта, а заодно и обстоятельств исчезновения двух предшествующих ему траншей ВМФ размерами в четыре и шесть миллиардов долларов, по телевидению была показана видеозапись скандальных похождений «человека, похожего на генерального прокурора».

Зюганову довелось встретиться с Кириенко, когда

августовские события приближались к своей кульминации. Сознавая неотвратимость катастрофы, тот выглядел в своем огромном кабинете маленьким и потерянным: президент был в отпуске, посоветоваться было не с кем. Геннадий Андреевич предложил собрать компетентных людей, которые могут подсказать выход, помочь найти разумное решение. Стали перебирать — никого в Москве в тот день не оказалось! Ночью Кириенко все же собрал совещание. На нем присутствовали всё те же: Гайдар, Чубайс, Задорнов… Ими и было принято беспрецедентное решение о девальвации рубля и сделано провокационное заявление о прекращении выплаты внешних и внутренних долгов. В стране началась паника. Все мировые агентства понизили кредитный рейтинг России до уровня полной несостоятельности.

Как потом выяснилось, решения, объявленные 17 августа, были согласованы с Международным валютным фондом.

Отправив в отставку Кириенко, Ельцин вознамерился вернуть на пост главы правительства Черномырдина. На брифинге, состоявшемся в Госдуме в конце августа, Зюганов заявил, что это решение президента доказывает полную его невменяемость, непонимание того, что происходит в стране. Суть же происходящего, по мнению Зюганова, заключалась в том, что крах правительства Кириенко был крахом и правительства Черномырдина, поэтому ему никак не подходил образ спасителя экономики страны, способного вывести ее из глубочайшего кризиса. Никаких новых методов он не предлагал и не смог ответить на вопрос, каким образом он собирается избавиться от обязательств перед ВМФ по ликвидации социальных гарантий и разрушению естественных монополий.

Фракция КПРФ сумела сплотить все оппозиционные силы в Думе, чтобы дать намерениям президента решительный отпор.

Не помогли Ельцину его уловки и обещания расширить полномочия правительства и обеих палат Федерального собрания за счет урезания президентских. Зюганов отверг такое соглашение, прекрасно понимая, что оно будет иметь неконституционный характер, а доверять президенту как политическому партнеру было бы по меньшей мере наивно.

Не помогла массированная пропагандистская кампания в поддержку Черномырдина, развернутая на телевидении и в прессе.

Провалились все попытки подкупов депутатов, причем особенно активной обработке подверглась фракция КПРФ.

Не возымели воздействия угрозы и запугивания. По Думе были запущены слухи о сосредоточении вокруг Москвы воинских

частей, а в Таманской и Кантемировской дивизиях были отменены отпуска и увольнения. Но было ясно, что для силового решения вопроса необходимой политической поддержкой Ельцин больше не располагает.

Состоявшийся в те дни пленум ЦК КПРФ с удовлетворением отметил, что «думская фракция проявила, несмотря на беспрецедентное давление, единство и сплоченность». Твердая позиция коммунистов во многом способствовала тому, что в Думе возобладало благоразумие. Результатом противостояния стала убедительная победа здравомыслящих политических сил, которая ознаменовалась формированием правительства под руководством Е. М. Примакова. Представитель КПРФ Ю. Д. Маслюков был назначен первым вице-премьером и стал курировать узловой, экономический блок вопросов и промышленность, включая военно-промышленный комплекс. Коммунист Г. М. Ходырев стал председателем антимонопольного комитета.

Через восемь месяцев, лишь только положение стало выправляться, Ельцин отправил Примакова в отставку. Изгнание популярного государственного деятеля нуждалось в объяснении. В своем телевизионном выступлении президент объявил, что правительство Примакова выполнило свой долг и в тяжелой обстановке, сплотив общество, добилось стабильности. Но в экономике нужен большой рывок, а для этого потребуется другой человек… Не прошло и трех месяцев, как нового премьера С. В. Степашина постигла участь его предшественника.

Зюганов понимал, что сумасбродные и необъяснимые для нормальных людей решения Ельцина нельзя сводить только к проблеме его неадекватности — за ними просматривалось сознательное продолжение политики предательства интересов России. «Семья», управлявшая страной через Ельцина, в ее стабильном и устойчивом развитии не нуждалась.

Осознание гибельности для России существующего режима объединило большинство депутатов Думы во время слушания вопроса об импичменте президенту, которое состоялось в мае 1999 года. «Демократические» СМИ делали всё, чтобы представить процедуру импичмента как «политическое шоу», проявление бессмысленного, далекого от государственных интересов «политиканства» парламентариев[37]. Обходился молчанием тот факт, что Специальная комиссия Госдумы за год своей работы собрала обстоятельный обвинительный материал, состоящий из 22 объемных томов свидетельств преступных деяний Ельцина против своей страны и народа. Все представленные документы были всесторонне и тщательно обоснованы юридически. Обвинения предъявлялись по пяти

пунктам:

заключение Беловежских соглашений;

кровавый разгон Верховного Совета в 1993 году;

развязывание войны в Чечне;

ослабление обороноспособности страны;

геноцид российского народа.

В заключительный день слушаний, 15 мая, выступил Зюганов. Его речь лишний раз убеждает, что циничные попытки журналистов дезавуировать процедуру импичмента не имели ничего общего с той главной идеей, которую она преследовала, — оградить страну от полностью скомпрометировавшего себя правителя, дать ей шанс найти разумный выход из тяжелого положения.

«Впервые в России создан строго конституционный прецедент защиты народа и государства от произвола президентской власти. Отработаны юридические процедуры. Прошла работа Специальной комиссии. Состоялось обстоятельное обсуждение проблемы отрешения Ельцина от власти. Накоплены уникальные материалы, доказывающие его преступные деяния. Эти документы, хочу подчеркнуть, не горят, и, кто бы что сегодня ни делал, особенно информационные наемники, которые суетятся по Москве, эти документы станут достоянием глубинной России. Они уже разошлись миллионными тиражами, будут показаны по телевидению и напечатаны в газетах.

Мне представляется, что эта процедура уже освежающе подействовала и здесь, в зале, и в целом на обстановку в стране. Но эта процедура имеет огромное значение для будущего всех государственных деятелей, государственных чиновников и управленцев, которые должны помнить русскую народную пословицу: сколько веревочке ни виться, а концу быть.

Я хочу от имени нашей фракции поблагодарить Специальную комиссию, которая в течение почти года проделала уникальную работу. Несмотря на саботаж, препятствия, она доказательно изложила все эпизоды, и мы со вниманием ее выслушали.

Хочу отдельно поблагодарить Вадима Донатовича Филимонова — русского интеллигента, человека редкой правовой культуры, который вел эту работу с большим достоинством, отстаивая позицию, изложенную в заявлении 259 депутатов, которое было подано в Государственную думу.

Хочу поблагодарить заслуженных деятелей культуры Говорухина и Губенко — людей, которые и на политическом поприще показывают высокие образцы гуманизма.

Хочу обратиться к господину Котенкову[38] и сказать о том,

что не все измеряется статьями Уголовного кодекса. Самый большой криминал в государственном управлении — некомпетентность, это известно с древних времен. Поэтому считаю необходимым предъявить еще несколько обвинений господину Ельцину.

Прежде всего в геополитическом преступлении, которое он совершил против тысячелетней державы — державы, которую не сумел покорить Гитлер, но которую стараниями Ельцина и его подручных разорвали на части. Наша страна почти пять столетий пробивалась к теплым морям — Балтийскому и Черному. Сегодня мы отброшены от этих морей и уже терпим колоссальные экономические и моральные убытки.

Разрушение нашей великой державы привело к тому, что нарушено равновесие, которое складывалось в послевоенной истории и за которое 27 миллионов наших отцов и дедов заплатили своей жизнью.

Развал Советского Союза — это геополитическое преступление. Именно оно является главной причиной войны на Балканах, всех тех злодеяний, которые творят США и НАТО в Югославии.

Здесь обстоятельно обсуждалась проблема Чечни. Хочу добавить несколько сюжетов. Я глубоко исследовал эту проблему. Ведь к генералу Дудаеву приезжали посланцы из ближайшего окружения господина Ельцина. Генерал служил в Прибалтике и не собирался ехать громить Верховный Совет в Грозном. Они убедили его сделать это. Господин Котенков, если бы в стране был мудрый президент, он нажал бы кнопку связи с Генштабом и сказал: представьте генерала Дудаева к очередному званию. Присвойте ему генерал-лейтенанта и отправьте служить на Дальний Восток. И все бы отмечали это событие как праздник. Это был бы первый генерал-лейтенант — чеченец, командующий крупным воинским соединением.

Если бы в стране был умный президент, он, узнав о том, что замышляется злодеяние, остановил бы Дудаева еще под Ростовом. Был бы просто ответственный президент, то после того, как дудаевцы разгромили Верховный Совет, после чего сорок человек попали в больницы, а председатель Горсовета был убит и выброшен из окна, он на 48 часов ввел бы чрезвычайное положение, навел элементарный порядок, и все, прежде всего чеченцы, сказали бы ему спасибо.

Но Ельцин послал Дудаеву поздравительную телеграмму, а затем передал дудаевцам оружие, которого хватило, чтобы вооружить две дивизии! Затем из Кремля стали вооружать оппозицию. Потом столкнули две эти силы. А далее, вместо того

чтобы погасить быстро этот конфликт, стали на путь тотального насилия.

Я считаю, что чеченская война является рукотворной акцией. Она проводится для того, чтобы парализовать этот гигантский регион, где между Каспием и Черным морем живут 20 миллионов человек, где проходят основные энергокоммуникации.

Мы предъявляем обвинение Ельцину в преступлении против человечества и человечности — он не просто убивает страну, он убивает крупнейшую цивилизацию, основу жизни которой всегда составляли справедливость, коллективизм и высокая духовность. Наш русский народ впервые в своей тысячелетней истории оказался разделенным. Он однажды был завоеванным, но никогда не был разделенным. Национальное самосознание русских никогда не согласится с предательством их интересов, с этим преступлением!

Ельцин уничтожает фундаментальную науку. Еще десять лет назад она давала каждое третье изобретение в мире. Разрушает уникальную культуру, образование и здравоохранение, что являлось предметом подражания и изучения Организацией Объединенных Наций.

Наша страна из пятерки наиболее безопасных стран мира скатилась в десятку самых уголовных и криминальных государств планеты. Еще вчера находясь по социально-культурному развитию в первой тройке, мы сегодня откатились на 72-е место. А по уровню конкурентоспособности занимаем одно из последних.

Мы обвиняем Ельцина в преступлении против достоинства граждан нашей страны. На планете сегодня 13 миллионов беженцев, из них 10 миллионов — наши соотечественники! Почему Клинтон и НАТО не выступают против Ельцина, который первым породил невиданный поток беженцев? Потому что он им помогает разрушать великую державу.

Мы все унижены. Ограблены старики и дети, женщины, рабочие и крестьяне. Отняты все сбережения. Двести с лишним миллиардов долларов составляла стоимость стратегических ресурсов страны. Все промотаны, проданы и пропиты! Мы потеряли почти всю собственность, которую накапливали не 75 лет советской власти, а всю многовековую историю. Страна брошена в долговую яму. Даже не родившийся ребенок уже должен 1200 долларов! Как он их будет завтра платить?

А что касается личного поведения Ельцина, унижающего всех нас, — это ведь поведение не простого человека, а главы государства, то я не хочу это даже комментировать. Вспомните хотя бы одну сцену: „Не так сели“[39], — накануне третьего

тысячелетия.

Мы предъявляем обвинения за преступления, породившие нестабильность в обществе. Главная заповедь любого президента, государственного деятеля — диалог. Мы не раз предлагали ему „тройки“, „четверки“, „круглые столы“ — от всего отмахнулся!

По Примакову. Впервые за восемь лет нашли приемлемое решение — все фракции были представлены в правительстве. Восемь месяцев всего проработал этот достойный и уважаемый человек. Работал нормально со всеми комитетами. Выгнали! С кем советовался Ельцин? С Селезневым? Нет. Со Строевым? Нет. С лидерами фракций? Нет. Собрал „домашнее политбюро“ — ровно пять человек, которые продолжают манипулировать его сознанием, и снова бросил страну в жар и в холод.

Мы обвиняем Ельцина в преступлении против личности. Ложь, лицемерие, цинизм, измена — стали основой его политики. Наркомания, пьянство и преступность поразили практически всю страну.

Я думал, что будет хотя бы элементарное раскаяние. Под старость у человека оно, как правило, наступает. Но вместо этого слышим всё тот же рык и угрозы.

Я заявляю, что Ельцин — абсолютное зло для России.

1991 год — разорвал страну во имя того, чтобы войти в Кремль.

1992 год — вместе с Гайдаром обобрал всё население.

1993 год — расстрелял парламент.

1994, 1995, 1996 годы — утопил в крови всю Чечню, более 100 тысяч человек убиты.

В 1998 году обманул всех своих избирателей и пустил по ветру их собственность. Порушил все структуры, даже те рыночные, которые им же создавались.

В 1999 году предал Югославию, изгнал Примакова и породил очередной правительственный кризис.

Ельцин не отдает отчета в своих действиях. Я присутствовал при телефонном разговоре с ним Селезнева. Слышал, кого представляет он в Государственную думу[40]. Он назвал министра путей сообщения. Через час в Думу представил Степашина. Строеву же сказал, что представляет Черномырдина. Ну разве можно дальше так жить и работать?!

Я обращаюсь к военным, прежде всего к тем, кто отдает приказы. Вы уже выполняли приказы Ельцина в Чечне. И сегодня при нем ходят горячие головы, которые опять могут попытаться нарушить Конституцию, законность. Вы обязаны защищать державу и права граждан, иначе армию окончательно развалят. Вот почему мы настаиваем на отставке президента и

поддерживаем все пять обвинений.

Одновременно хочу сказать — народная отставка Ельцина уже состоялась.

Владимир Александрович Рыжков, обращаюсь лично к вам, 98 процентов недоверия — это и есть общественное согласие по важнейшему для всех вопросу. Общество настаивает, чтобы мы вместе с вами решили этот вопрос, тогда будет гражданский мир. Еще два года назад 10 миллионов граждан России поставили свои подписи под требованием об отставке президента. Послушайте, что пишут граждане страны: „За всю многовековую историю России еще не было случая появления на государственном Олимпе вождя, столь презираемого и ненавидимого народом, как вы, президент Ельцин!“ — Волосников, город Куйбышев.

„Разве это президент страны? Слышим от него бесконечные угрозы. С кем он намерен вести борьбу? С нами? Так он давно уже ее ведет не на жизнь, а на смерть“. — Варвара Цекова, Кабардино-Балкария.

„Ельцин создал в православной России такой порядок вещей, при котором может выжить только тот, кто вероломно попирает все Христовы заповеди“. —А. Огнев, Кемеровская область.

И таких писем — миллионы. Вслушайтесь в этот стон. Вчера об этом очень убедительно говорил Станислав Говорухин.

Я обращаюсь прежде всего к фракции НДР. Вы вместе с Ельциным правили страной последние годы. Вы тоже несете за все происходящее ответственность! У вас сейчас есть возможность перед Россией, перед Думой, перед своими детьми принять решение — отмежеваться от этой политики.

Любой, кто проголосует за поддержку Ельцина, проголосует за новую Чечню, за новый разор, за новый позор, за новые беззакония! А тех, кто хотел бы замести следы, организовав большую свару в стране, предостаточно.

Между тем решение очень простое: 400 голосов в Думе и 150 голосов в Совете Федерации в понедельник с одной просьбой к Ельцину — чтобы он немедленно ушел в отставку. И всё будет нормально. Страна найдет разумный выход.

В заключение хочу сказать господину Котенкову: решение будет приниматься здесь, в Думе, и не политическое, и не правовое. Это гражданский выбор каждого человека, тех, кто за Россию, и тех, кто не желает ей добра.

Это выбор перед детьми и потомками, перед своей совестью. Это должен быть мужественный выбор. Призываю его сделать всех депутатов Государственной думы».

Вынесение большинством депутатов по всем пяти пунктам

обвинений вердикта «виновен» привело окружение Ельцина в смятение. Еще накануне голосования по Думе шныряли агенты «семьи», предлагая депутатам по 10–20 тысяч долларов за каждый из пяти полученных ими бюллетеней в том случае, если они унесут их, не опустив их в урну. Жириновский бесновался возле урн так, что его крики, обещания повесить каждого, кто выскажется за обвинение хотя бы по одному пункту, были слышны на всю Думу.

Не было никакого преувеличения в словах Зюганова о том, что во время парламентских слушаний состоялся и народный импичмент Ельцина. По данным Фонда «Общественное мнение», обвинения против него по разным пунктам поддержало от 67 (геноцид российского народа) до 87 (развязывание войны в Чечне) процентов опрошенного населения.

Как считает Зюганов, именно в те драматические для страны дни в сознании «кремлевских сидельцев» приобрел некие определенные контуры и проект «Преемник». Было ясно, что основной задачей наследника станет сохранение преемственности курса и обеспечение безопасности как для Ельцина, так и для всей «семьи». Все понимали, что слишком велика вероятность того, что виновники содеянного рано или поздно будут привлечены к ответу.

Сам Ельцин в своей книге «Президентский марафон» пишет, что уже тогда, в мае, считал своим преемником Владимира Путина. Так это на самом деле было или нет, сказать трудно, но то, что передача власти готовилась основательно, «всерьез и надолго», — сомнений не вызывает. Свидетельством этому является хитроумный, рассчитанный на длительную перспективу проект по созданию «партии власти», главным претендентом на авторство которого является Борис Березовский. Образованный осенью 1999 года блок «Единство», из которого немного позднее, после слияния с «Отечеством», возникла «Единая Россия», создавался как партия бессмертного и всесильного, сформированного при Ельцине нового чиновничьего класса, облепившего исполнительную вертикаль власти. Простота и гениальность изобретения состояли в том, что так же, как эта партия не может обойтись без чиновников, ни один чиновник не может существовать без нее. В сочетании с неограниченными административными ресурсами, использованием рычагов реальной власти это неразрывное единство обеспечивало новой партии надежное автономное существование и воспроизводство.

Сколоченная наспех в преддверии выборной кампании, «под Путина», партия не представила обществу никакой программы, поскольку ни тогда, ни впоследствии сама она особой

потребности в программных документах не испытывала. Ведь для того, чтобы выполнять охранную функцию при *действующей* власти, они не требуются. Узкая прагматичность не нуждается и в идеологии. Не ради красного словца в последнем послании президента прозвучала фраза: «Поиск национальной идеи — „старинная русская забава“». Там, куда тянет Россию партия власти, ее днем с огнем не сыщешь.

Такая партия — типичное порождение эпохи российского бонапартизма, царящей социально-классовой неразберихи, когда классовая структура социализма уже разрушена, а структура буржуазного общества еще не сложилась. Она наглядно отражает характерную черту любого бонапартистского режима — маниакальную, гипертрофированную заботу о главе государства. Вспомним хотя бы настойчивые попытки Грызлова вопреки всякому здравому смыслу навязать обществу обсуждение вопроса о продлении полномочий Путина. Страну пытаются убедить, что государство — это *он*.

Эта же особенность ярко воплощена в заголовке к статье С. Шойгу, опубликованной в июне 2007 года на официальном сайте «Единой России»: «Пришло время строить. По Плану Путина». Планы Путина в партии не обсуждаются, а исполняются. Упомянутая публикация Шойгу отражает абсолютную обособленность «партии власти» от остального российского общества: «„Единая Россия“… должна быть и заказчиком, и прорабом, и исполнителем». Совсем как в старинной русской пословице об обосновавшемся на отшибе однодворце: «Сам пашет, сам орет, сам и денежки берет».

Расчет конструкторов партии на безотказность и эффективность заложенных в ней механизмов оправдался полностью. Они и обеспечили в 2000 году избрание президентом названного Ельциным преемника, предварительно «перемолов кости» всем реальным соперникам. Та неразборчивость в средствах, с помощью которых «партия власти» фактически захватила власть в парламенте уже в декабре 1999 года, быстро забылась. Прежде всего под влиянием обаяния Путина, который предстал перед народом сильной личностью, способной наконец-то навести в государстве долгожданный порядок. Его твердую позицию по Чечне, «вторую чеченскую войну» восприняли как желание возродить традиции сильного, централизованного Российского государства, честь и достоинство которого были к тому времени изрядно поруганы. Сыграло свою роль и то, что, несмотря на многолетнюю кампанию дискредитации силовых структур, он вышел из недр службы госбезопасности и в глазах россиян олицетворял людей честных и порядочных, привыкших

ставить государственные интересы выше собственных.

Обнадеживало, а по многим позициям — и вдохновляло первое послание нового президента, с которым он обратился к Федеральному собранию в июле 2000 года. Объявленные приоритеты в работе президента были призваны создать условия для проведения Россией независимой политики, предотвратить ее скатывание в разряд стран третьего мира, сформировать социально-справедливую экономическую систему, способную остановить вымирание страны, обеспечить людям благополучие и честную жизнь. Было обещано проводить социальную политику на принципах общедоступности и приемлемого качества социальных благ, а помощь представлять прежде всего тем, чьи доходы существенно ниже прожиточного минимума.

Открыто говорилось о пороках политической системы, о том, что только слабой власти выгодно иметь слабые партии, чтобы спокойнее и комфортнее жить по правилам политического торга. Но сильная власть заинтересована в сильных соперниках. Только в условиях политической конкуренции возможен серьезный диалог о развитии нашего государства. России не нужны очередные чиновничьи партии, прислоняющиеся к власти, тем более — подменяющие ее. Было признано необходимым изменить такое положение вещей, при котором журналистская свобода превратилась в лакомый кусок для политиков и крупнейших финансовых групп, стала удобным инструментом межклановой борьбы.

Не обошел президент своим вниманием духовные и нравственные цели общества, подчеркнув, что единство России скрепляют присущий нашему народу патриотизм, культурные традиции, общая историческая память. Опираться страна должна не на чужие советы, помощь и кредиты, а на свою самобытность, на собственные силы. Только так Россия станет сильной и уверенной в себе.

В послании содержалось немало других умных и нужных положений, которых давно ждали и против которых, естественно, никто не возражал.

Глава девятая
ВСЁ ВПЕРЕДИ

То, что начало правления Путина ознаменовалось ростом ожиданий положительных перемен, было ясно и без социологических опросов. Во всяком случае, ни у кого не вызывали сомнений утверждения социологов, что три четверти россиян связывали с избранием нового президента надежды на изменение жизни к лучшему. Мотивы этих ожиданий, как правило, совпадали: по данным Левада-центра, проводившего исследования в конце 2000 года, большинство из поддерживавших Путина россиян видело в нем прежде всего государственника и патриота, не особенно обращая внимания, к какому лагерю он принадлежит — к демократам или консерваторам.

Естественно, что и в КПРФ многие из тех намерений, которые публично декларировались президентом, были встречены с пониманием и одобрением. И у Зюганова теплилась надежда, что тяжелое, выматывающее все силы противостояние сменится наконец конструктивным диалогом между оппозицией и властью, что появится возможность использовать огромный потенциал партии во благо страны. Конечно, неизбежно вставал вопрос, на который можно было получить ответ только по прошествии времени: сумеет ли Путин порвать с тем кланом, который его породил? Как полагал Геннадий Андреевич, при желании и наличии политической воли зависимость от олигархических кругов можно было преодолеть. В Думе третьего созыва вновь сложился сильный левый блок, который был готов поддержать начинания президента, направленные на возрождение сильного, социально ориентированного государства.

Поначалу казалось, что и «Единство» настроено благоразумно и открыто для сотрудничества с коммунистами. Начало работы нового парламента ознаменовалось тем, что малочисленные фракции, недовольные так называемым «пакетным соглашением», то есть распределением руководящих должностей в Госдуме, даже заподозрили руководство КПРФ в «сговоре» с прокремлевским блоком. Однако все очень быстро прояснилось и стало на свои места — именно у «обиженных» и обнаружилось духовное родство с «Единством», которое очень быстро материализовалось в естественном сращивании близких по своей природе блоков. «Интеграционный процесс», как известно, увенчался созданием Координационного совета депутатских объединений, в который

вошли «Единство», «Отечество — Вся Россия», «Регионы России» и «Народный депутат». Но более значимым его итогом стало образование партии «Единая Россия», примирившей в одной шеренге тех, кто еще вчера, во время предвыборной кампании, воевал друг с другом не на жизнь, а на смерть. Впрочем, сохранение медведя в качества символа «единороссов» служило для примкнувших к «партии власти» поверженных конкурентов напоминанием, кто действительно в доме хозяин.

Изобретательность кремлевских политтехнологов проявилась не только в строительстве подпорок для президентской власти. Одновременно разрабатывались — а вскоре и начали осуществляться — планы по устранению с политической сцены КПРФ. Сначала была изобретена хитроумная комбинация по роспуску парламента, для чего намеревались использовать поднятый коммунистами вопрос о вотуме недоверия правительству Михаила Касьянова.

Как известно, в свое время правительству Примакова — Маслюкова даже восьми месяцев хватило на то, чтобы вдохнуть жизнь в «убитую» либералами-реформаторами экономику. Для этого были приняты меры по предотвращению оттока капитала, регулированию тарифов естественных монополий и цен на энергоносители. После того как заводы и фабрики стали получать с рынка замещающие импорт заказы, заметно улучшилось положение дел в машиностроении и пищевой промышленности. По мнению многих специалистов, ожививший экономику импульс действовал еще около трех лет. К тому же способствовали дальнейшему экономическому оздоровлению девальвация рубля, в результате которой повысилась конкурентоспособность отечественных товаров на внутреннем рынке, и взлет мировых цен на нефть.

Однако благотворные предпосылки для того, чтобы трансформировать временные, тактические выигрыши в постоянные, стратегические преимущества, использовать никто не собирался. Под дождем нефтедолларов сохли без инвестиций ведущие отрасли экономики, даже топливно-энергетический комплекс оставался на голодном пайке. Несмотря на некоторый подъем в результате благоприятного стечения ряда факторов, промышленность была вынуждена работать в режиме суженного воспроизводства, выбытие мощностей втрое превышало ввод новых. Правительство Касьянова умудрилось менее чем за год вернуть все на круги своя, возродив порочную практику проедания сырьевых запасов. Все же не зря Егор Гайдар упрекал чуть позже «Единую Россию» в том, что она полностью переписала его экономическую программу — действительно, все продолжало

катиться по одной и той же колее.

Вопрос о вотуме недоверия правительству фракция КПРФ поставила в начале 2001 года — необходимо было обратить внимание общественности на то, что страну продолжают вести прежним разрушительным курсом. Неожиданно о своей готовности поддержать коммунистов заявила и фракция «Единство», которая, естественно, и не думала подвергать работу правительства сомнению. Отставка кабинета Касьянова нужна была «Единству» только для того, чтобы дать президенту повод для роспуска Госдумы и назначения новых выборов. Мастера политических интриг надеялись, что, используя сохранявшийся рейтинг доверия Путину, им удастся значительно урезать представительство коммунистов в парламенте в случае его переизбрания. Создать представление о КПРФ как о партии, которая не только тянет всех в прошлое, но еще и палки вставляет в колеса неустанно пекущемуся о благе страны президенту, при наличии тотального контроля над СМИ было делом техники.

Обращает на себя внимание та спешка, с которой стремились выдавить Компартию на обочину, — ведь третья Дума отработала едва больше четверти положенного срока. Объяснение одно: торопились, пока народ не опомнился — близилось время обсуждения в парламенте целого пакета законов, подготовленных обновленной командой «реформаторов» и носивших ярко выраженный антинародный характер. Коммунисты оставались единственной влиятельной силой, способной не только помешать их принятию, но и открыть людям глаза на то, что в действительности крылось за обещаниями властей. В Кремле, естественно, не питали надежд, что КПРФ удастся склонить к сотрудничеству — ведь все предшествующие разговоры о «соглашательстве» и «сговорах» Компартии были рассчитаны на то, чтобы ввести в заблуждение чрезмерно наивных людей. Тот, кто их периодически затевал, прекрасно знал: ни в одном принципиальном вопросе, затрагивающем судьбу страны и коренные интересы народа, коммунисты на уступки и компромиссы не пойдут.

Лишний раз в этом можно было убедиться во время обсуждения в Думе Земельного и Трудового кодексов, устанавливавших свободную куплю-продажу земли и феодальную зависимость трудящихся от работодателей. Особенно большое недовольство у тех, кто их готовил и продавливал, вызвало то, что борьба коммунистов против принятия антинародных законов сопровождалась резким усилением социальной активности населения. Прокатилась мощная волна акций протеста, на

которых было собрано свыше четырех миллионов подписей и впервые были выдвинуты лозунги с требованием отставки Путина. В этот период рейтинг КПРФ превысил 30 процентов, то есть вобрал в себя почти весь протестный потенциал, которым партия располагала на то время.

Месть последовала незамедлительно. Объединившись, антикоммунистические силы в парламенте пересмотрели заключенное ранее «пакетное соглашение» и лишили представителей фракции КПРФ и их ближайших союзников — аграриев руководящих постов в восьми комитетах Госдумы. Организаторы этой акции даже не пытались скрывать, что коммунисты были «наказаны» за противодействие принятию Земельного и Трудового кодексов. Мстительность режима существенно подорвала не только парламентские позиции левых, но и снизила профессиональный уровень Думы, так как ее важнейшие комитеты лишились высококлассных руководителей. Это было только на руку Кремлю. Началось стремительное превращение парламента в послушный инструмент исполнительной власти, законотворческий процесс стал перемещаться из стен Государственной думы в кабинеты правительства и администрации президента. Слова Путина о том, что власть нуждается в сильных политических соперниках, а не в чиновничьих партиях, прислоняющихся к ней, лишь прикрывали начинавшийся процесс сворачивания и без того куцых демократических элементов государственного устройства.

На самом деле режим не нуждался в крепкой, демократической партийной системе, что подтвердилось законотворчеством последних лет. Был принят жесткий и недемократичный Закон «О политических партиях», который постоянно корректирует избирательное законодательство под интересы Кремля. Чтобы зарегистрироваться, политическая партия должна теперь иметь не менее 50 тысяч членов. На выборах запрещено создавать избирательные блоки, до семи процентов поднят барьер прохождения в Думу кандидатов от партий. В бюллетенях отменена графа «против всех», снят нижний порог явки на выборы. В регионах партийные списки разрешено возглавлять губернаторам, что является обманом избирателей, так как после выборов главы регионов не покидают своих постов. Наконец, губернаторы больше не избираются народом, а фактически назначаются президентом.

В то же время настойчивое стремление путинских «реформаторов» во что бы то ни стало довести до логического конца начатое их бездарными предшественниками не оставляло сомнений в приверженности кремлевской администрации

ельцинскому курсу. Еще в 1998 году КПРФ обнародовала документ, тщательно скрывавшийся от общественности и вызвавший после его публикации целую бурю негодования среди самых разных политических кругов. Направленный в Международный валютный фонд меморандум, который подписали премьер-министр Кириенко и председатель Центробанка Дубинин, помимо планов ускоренной приватизации стратегических отраслей военно-промышленного комплекса и разрушения естественных монополий содержал *обязательства по уничтожению всей сферы социальных гарантий.* В частности, в качестве первоочередной меры предполагалось ужесточить бюджет за счет ежегодного повышения квартплаты на 15 процентов. КПРФ расценила меморандум как свидетельство грядущего широкомасштабного наступления на социальные права населения, которое начало готовиться еще в 1997 году, с приходом в правительство Черномырдина «младореформаторов» Чубайса и Немцова. Тогда эти замыслы реализовать не удалось. Но то, что в те годы получало отпор не только левых сил, но и всех здравомыслящих политиков, поскольку представлялось чудовищным, неприемлемым для России и антидемократическим по своей сути, было с завидным хладнокровием осуществлено за время правления Путина, который ушел намного дальше Ельцина. При одобрении и активной поддержке большинства парламента уничтожено почти все советское наследие не только в социально-экономической, но и в политической сфере. В своем стремлении вытравить из сознания людей все позитивные ассоциации, связанные с социализмом, именно путинская власть вычеркнула из официального российского календаря главный народный праздник — годовщину Великого Октября. Только невежеством и дикостью можно объяснить непонимание того, что подобным образом нельзя вымарать из истории событие, ставшее поворотным пунктом в судьбе всего человечества.

В 2002 году КПРФ, не желая прикрывать разрушительную политику своим авторитетом, приняла решение отозвать своих представителей со всех руководящих постов Госдумы, оставленных за коммунистами в качестве унизительной подачки после их передела между прокремлевски-ми фракциями. Три члена партии, отказавшиеся подчиниться воле большинства, были исключены из ее рядов. Это была вполне здоровая и адекватная реакция КПРФ на проявление у некоторых коммунистов рецидива болезни, которую Геннадий Андреевич называет «синдромом кресла». Как мы помним, нечто подобное случилось в 1998 году, когда, опасаясь лишиться своих мест в парламенте, несколько депутатов вопреки решению ЦК КПРФ дали Ельцину возможность

протащить на пост председателя правительства Сергея Кириенко.

Эти внутрипартийные события либеральные средства массовой информации использовали как повод для очередного похода против Зюганова лично и Компартии в целом. Нашлось немало желающих представить итоги обсуждения персональных дел как личную «расправу» лидера партии над неугодными, как преддверие неминуемого развала КПРФ. Чрезмерно преувеличивалось значение откола от Компартии Геннадия Селезнева. Но подавляющему большинству партийного актива уже давно, с момента возникновения под руководством спикера Думы движения «Россия», были известны его непростые отношения с КПРФ, порожденные стремлением проводить собственную, независимую от нее политику. Неслучайно создание Селезневым осенью 2002 года — всего лишь через три месяца после исключения из КПРФ — Партии возрождения России было благосклонно встречено в «верхах», поскольку вполне укладывалось в планы Кремля замутить левое движение, размыть его социальную базу, растащить электорат. Весьма характерна оценка учредительного съезда этой партии членом генерального совета «Единой России» Андреем Исаевым: «Мы будем выступать союзниками в решении ключевых государственных вопросов. Но избирательная кампания предполагает борьбу за электорат… Думаю, борьба за электорат будет происходить больше с КПРФ, чем с нами». Кто же в этом сомневался? Ведь для этого новая партия и понадобилась власти.

По мнению Зюганова, итоги съезда партии Селезнева свелись к трем пунктам принятого на нем постановления: пункт первый — поддержать Владимира Владимировича; пункт второй — агитировать за Владимира Владимировича; пункт третий — помочь Владимиру Владимировичу.

Судьба Селезнева отражает незавидный удел целого ряда *бывших* деятелей Компартии начиная с Ивана Рыбкина, решивших пойти в политике своим путем. Видно, нелегко преодолеть искушение, когда знаешь, что твои шаги поддерживаются на самом верху. Не наше право судить о их выборе. Но все же одна закономерность бросается в глаза. Почти все они, за очень редкими исключениями, сгорели как политики — после того как у власти отпала в них надобность. К примеру, подобная участь постигла Сергея Глазьева, хотя в отличие от Партии возрождения России, исповедовавшей принцип кота Леопольда: «Ребята, давайте жить дружно!», его «Родине» при помощи Кремля был создан привлекательный имидж радикальной патриотической организации. А кто скажет, чем сейчас занимаются Владимир Тихонов, Сергей Потапов, Татьяна Астраханкина, отколовшиеся

от КПРФ и создавшие так называемую Всероссийскую коммунистическую партию будущего? А ведь прошло всего три года после их громких заявлений о рождении массовой коммунистической организации нового типа.

Где все эти люди, где их партии, движения и блоки?

Напрашивается вывод, что все они по-настоящему были востребованы в большой политике только до тех пор, пока оставались коммунистами, пока выдвигались на руководящие посты и поддерживались на них Компартией. Наконец, пока делали одно дело с Зюгановым — человеком, который ни разу, какие бы клеветнические кампании ни затевались вокруг него, не изменил своим взглядам и убеждениям, не отступил от той линии, которую обосновывает и защищает в течение многих лет.

И своевременно проявил необходимые волевые качества, когда некоторые коммунисты, укрепив свой авторитет с помощью партии, забыли о своей ответственности перед ней. С твердой позиции, которую занял в 2002 году при решении кадровых и других сложных вопросов внутрипартийной жизни, он не сошел и позднее, когда развернулась борьба за единство КПРФ. Трудно сказать, что бы стало с Компартией, если бы Зюганов дрогнул тогда, когда только появились первые признаки коррозии в ее руководящих звеньях — ведь под КПРФ уже подкапывались «кроты», которые в самом преддверии новой избирательной кампании навязали ей войну на выживание. Положение тогда усложнялось тем, что раскольническая деятельность группировки Семигина — Потапова — Тихонова опиралась на мощные финансовые ресурсы, с помощью которых предполагалось приватизировать партию путем самых банальных подкупов — и явных, и скрытых под видом спонсорской помощи партийным структурам. Но «пятая колонна» была с позором изгнана из партии — никто из ее создателей не ожидал, что она получит решительный отпор в самой гуще партийных масс, в низовых звеньях партии.

Наивными выглядят попытки представить все происходившее в КПРФ в 2002–2004 годах как внутренние «разборки» в руководстве партии. *Это была борьба против самой партии,* итогом которой должна была стать подмена социально-классовой организации маргинальным сообществом людей, которых вполне устраивала сложившаяся в стране политическая и социально-экономическая ситуация. Внешне разговоры и обещания раскольников выглядели довольно привлекательными — кто же будет возражать против перевода деятельности партии на современную профессиональную основу, расширения сферы ее влияния, увеличения массовости социальной базы? Но, проведя с

помощью откровенного обмана партийного актива и чисто криминальных приемов так называемые «альтернативные» пленум и съезд, они сразу же обнажили сущность своей капитулянтской платформы. На первой — в то же время и последней — своей пресс-конференции в качестве самозваного партийного лидера Тихонов заявил: «Компартия, которую мы возглавляем, не ищет конфронтации с властями». А один из его «соратников» высказался еще яснее: «Катить тот бульдозер, который КПРФ во главе с Геннадием Андреевичем Зюгановым катила на Горбачева, а потом на Ельцина, катить его на Путина — это просто смешно».

Решающее значение в борьбе за преодоление внутрипартийного раскола имел X съезд КПРФ, состоявшийся в июле 2004 года и принявший резолюцию «О единстве в партии». Съезд отметил, что у раскольников не было ни своей идеологии, ни видения общественной ситуации, положения и перспектив КПРФ. Они не представляли собой какого-то особого политического течения, а были всего лишь инструментами в руках других сил, прежде всего «партии власти».

В сложившейся тогда ситуации трудно разобраться, если не видеть и не понимать главного: в течение предшествующих четырех-пяти лет против КПРФ велась непрерывная война на полное уничтожение, в которой можно выделить три периода. Сначала были предприняты попытки «задушить партию в объятиях». Затем они сменились стремлением власти затоптать ее с помощью «центристского большийства» в парламенте и затравить сворой послушных СМИ. Наконец, решив, что основное дело сделано, попытались добить партию скоординированными ударами как извне, так и изнутри.

Но партия выстояла, хотя и понесла серьезные потери. Фракционеры сумели создать на некоторое время довольно нервозную обстановку в ЦК и ряде региональных организаций, отвлечь значительные силы от решения очередных, насущных задач КПРФ, помешать руководству партии в ответственные моменты политической борьбы. Они не дали возможности здоровому ядру партии сосредоточиться на участии в очередных выборах Госдумы и провести полноценную избирательную кампанию. Шумиха, поднятая средствами массовой информации и сопровождавшаяся, по традиции, клеветническими измышлениями о положении дел в КПРФ, посеяла неуверенность и сомнения среди тех избирателей, кто традиционно ее поддерживал.

Все это сыграло на руку «партии власти», которая накануне выборов 2003 года безраздельно господствовала в

информационном пространстве и не получала достойного отпора от оппонентов в регионах. В результате в ходе выборной кампании почти беспрепятственно осуществлялась настоящая агрессия против разума: в общественное сознание вколачивалась мысль, что кроме Путина, опирающегося на партийные структуры «Единой России», страной управлять больше некому.

В итоге на выборах 2003 года КПРФ потерпела чувствительное поражение, собрав лишь 12,7 процента голосов избирателей. Серьезный урон не только Компартии, но и всем левым силам нанесли избирательные блоки, наловчившиеся имитировать заботу о трудящихся и обездоленных слоях населения. В частности, весомую долю голосов оторвала у коммунистов глазьевская «Родина», созданная и действовавшая при непосредственном участии правящего режима, его финансовой и пропагандистской поддержке. Трудно сказать, какие чувства испытывали избиратели, отдавшие предпочтения этому блоку, когда сразу же после выборов наблюдали за его фактическим распадом, сопровождавшимся постыдной склокой. О патриотических идеях и людях, их поддержавших, руководители «Родины» быстро забыли — не для того их Кремль двинул в Думу.

Результат известен: господствующее положение в парламенте заняла «Единая Россия», превратившая высший орган законодательной, власти в цех по штамповке антинародных законов.

Шаг вперед, два шага назад — такая ситуация уже складывалась в российском коммунистическом движении ровно сто лет назад, после II съезда РСДРП. И на этот раз Компартии пришлось отступить с завоеванных позиций. К ее чести, ненадолго: неудача на выборах не расколола, а только сплотила КПРФ.

Не сбылась надежда власти, что коммунистов удастся добить весной 2004 года на президентских выборах. Их кандидату Николаю Харитонову пророчили не больше 5–6 процентов голосов, что должно было продемонстрировать политическое и моральное банкротство КПРФ. Однако он набрал почти в три раза больше и показал, что даже в чрезвычайных условиях Компартия — вторая политическая сила в стране. Его результат свидетельствовал об изменении настроений вконец запутанных избирателей в пользу коммунистов. Наметившиеся позитивные сдвиги партии удалось закрепить на своем очередном съезде. Эти два события — президентские выборы и прошедший вскоре после них X съезд КПРФ — и стали теми вехами, от которых берет отсчет новый период в жизни Компартии, характеризующийся восстановлением и ростом ее влияния в обществе.

Казалось бы, те потрясения и неудачи, которые пережила партия, вынудят ее надолго «залечь на дно» и зализывать полученные раны. Однако Зюганов и его соратники сумели не только стабилизировать обстановку в КПРФ, но и в короткие сроки добиться позитивного перелома в ее деятельности. Причем не последнюю роль в этом сыграли личные качества, поведение лидера партии в экстремальных условиях. По свидетельству близких к нему людей, даже в самые трудные дни его не покидало спокойствие, которое передавалось и окружающим его соратникам. Было оно следствием убежденности в собственной правоте и верности стратегической линии партии. Как политику честному, ему было не в чем оправдываться, нечего скрывать от окружающих, чего-то стесняться или от чего-то открещиваться. Поэтому он не делал попыток разрешить принципиальные конфликты в узком, келейном кругу, на руководящем уровне, не вынося сор из избы, а действовал открыто, дав возможность разобраться в них широкому партийному активу и рядовым коммунистам. То есть следовал тому, чему учил партийных руководителей Ленин: «Пусть партия знает всё, пусть будет ей доставлен *весь, решительно весь материал для* оценки всех и всяческих разногласий, возвращений к ревизионизму, отступлений от дисциплины и т. д. Побольше доверия к самостоятельному суждению всей массы партийных работников: они, и только они сумеют умерить чрезмерную горячность склонных к расколу группок…»

Этим же принципом Геннадий Андреевич руководствовался, когда пришла пора всесторонне проанализировать и собственные упущения, и просчеты, допущенные руководством КПРФ. От критики не уходил и своих ошибок не скрывал. Пожалуй, больше всего их оказалось в кадровой работе. Думается, что порой Зюганова подводило то доверие, а порой и излишняя мягкость, с которыми он привык относиться к людям. Трудно сказать, следует ли относить эти свойства характера к недостаткам руководителя крупнейшей политической организации. Ведь все же речь идет о Компартии, где всегда ценилась нравственная, человеческая сторона взаимоотношений, позволяющая сохранять в ее рядах здоровую, товарищескую атмосферу. Вряд ли можно упрекать человека в том, что он привык видеть в окружающих лучшие черты: честность, порядочность, искренность.

Но тем не менее в какие-то моменты именно эти свойства Зюганова помешали ему вовремя распознать людей, примкнувших к Компартии и Народно-патриотическому союзу с корыстными целями, скрывавших за показной искренностью непомерные личные амбиции. Были у него заблуждения в

отношении лидера «Духовного наследия» Алексея Подберезкина, предпринимателя Владимира Семаго. Слишком долго верил Руцкому, хотя и сомневался, стоит ли его поддерживать на выборах губернатора Курской области. Оказалось, не стоило: усевшись в губернаторское кресло, тот проявил холуйскую натуру, занял предательскую, пропрезидентскую позицию. Не удалось своевременно разобраться в намерениях Семигина, сумевшего развратить и отвернуть от КПРФ даже некоторых, казалось бы, испытанных ее ветеранов. О них Геннадий Андреевич вспоминает с особой горечью: «Даже по-человечески было трудно поверить, что люди, много лет проработавшие с нами бок о бок, говорившие правильные слова, нередко занимавшие ответственные должности, способны так переродиться и начать войну с партией. Что скрывать, долго казалось, что речь идет о каком-то недоразумении, непонимании, а может быть, просто случайных обидах этих людей. Казалось, достаточно разъяснить им сложившуюся обстановку, помочь понять ошибки, и все станет на место. Однако этого не случилось».

В этих словах больше сожаления, нежели осуждения. Не в привычках Геннадия Андреевича говорить плохо о людях, с которыми работал. В каждом отдельном случае пытается разобраться, что же произошло с человеком, почему тот отступил, свернул в сторону. И чаще всего приходит к выводу, что у людей не хватало терпения, когда они видели, что их ожидания *скорых перемен* не оправдываются. Не всем удалось преодолеть психологический барьер, возникший перед ними после выборов 1995–1996 годов, которые некоторая часть коммунистов восприняла не как большой шаг вперед (чем, безусловно, они и явились), а как стратегическую неудачу, упущенную победу. Не все оказались готовы к трудному и долгому маршу, не всем хватило твердости и бойцовских качеств. Кстати, по этой же причине постепенно затухала оппозиционная активность ряда видных деятелей отечественной интеллигенции. К тому же некоторые из них устали от постоянного соприкосновения с той грязью в политике, которую порождали сначала ельцинский, а потом путинский режимы.

Многие представители патриотической оппозиции, объединенные идеей возрождения сильной России, обманулись в Путине. Не все разглядели, что формирование властной «путинской вертикали» укрепляет лишь режим единоличного правления, подчиненного олигархическому клану, и ничего общего не имеет с созданием государства, призванного защищать интересы всего народа. Это в какой-то мере обнажило те

противоречия между Компартией и некоторыми патриотическими движениями, которые Зюганов в свое время призывал отложить «на потом», до лучших времен. Кое-кто поспешил убедить себя, что такие времена уже наступили и страна не нуждается в коренных, *социалистических* преобразованиях.

И все же в нелегких условиях общественного брожения партия за очень короткий срок сумела не только восполнить потери, но и ощутимо усилить свой кадровый состав, интеллектуальный и духовный потенциал. Связал свою судьбу с Компартией знаменитый физик, лауреат Нобелевской премии Жорес Алферов, который, по его собственным словам, за двенадцать лет работы в Госдуме пришел к выводу, что только фракция коммунистов поддерживает науку и образование. Весной 2007 года вступил в КПРФ знаменитый кинорежиссер Владимир Бортко — вступил уже в зрелом возрасте, убедившись, что социалистической идее, несмотря на многочисленные ее искажения в прошлом, нет альтернативы. Многие авторитетные представители российской интеллигенции вернулись к активному сотрудничеству с КПРФ после того, как окончательно разочаровались в политике Путина. Сейчас возвращаются и те, кто в силу заблуждений несколько лет тому назад пошел по пути раскола.

Существенные коррективы партия внесла в работу со своими союзниками. Много лет КПРФ всемерно поддерживала близкие ей по духу партии и движения, оказывала им бескорыстную помощь, почти ничего не требуя взамен. Речь идет не о политическом торге. КПРФ, сыграв историческую роль в сплочении патриотических сил России, была вправе рассчитывать на более существенные ответные шаги. Ведь именно благодаря Компартии представители многих левых и патриотических организаций смогли войти в Государственную думу, получив, таким образом, новые возможности для пропаганды своих идей и укрепления авторитета среди населения. Ради своих союзников, в интересах расширения фронта сопротивления антинародному режиму Компартия шла даже на то, что сокращала собственное присутствие в высшем законодательном органе. Увы, далеко не всегда это себя оправдывало. Например, на выборах 2003 года в избирательных списках КПРФ не нашлось места для многих достойных и преданных работников партии. В то же время далеко не все депутаты, избранные в Госдуму от блока КПРФ, защищали интересы Компартии, не все поддержали ее в тяжелые моменты борьбы на два фронта — против режима и собственных раскольников. Дело доходило до парадоксов: получив мандат от КПРФ, отдельные депутаты присоединялись к хору ее хулителей

и всячески пытались дискредитировать Зюганова: возлагали на него вину за провал последней избирательной кампании, ставили под сомнение всю парламентскую деятельность Компартии, традиционно припоминая ей участие в «выборах на крови».

Стало ясно, что в работе с некоторыми союзниками были допущены если не стратегические, то тактические просчеты. Все это заставило руководство КПРФ выработать более четкие и строгие подходы к политическому сотрудничеству. Союзы теперь заключаются только с теми организациями и личностями, которые разделяют основные позиции КПРФ по жизненно важным для всей страны вопросам и признают принципы равноправия, товарищества и невмешательства во внутренние дела друг друга. Мало хороших и правильных слов — они должны подкрепляться делом: все партнеры Компартии обязаны вносить в общую борьбу осязаемый интеллектуальный, политический и материальный вклад. Важнейшее условие работы членов КПРФ в левопатриотических союзах — оказание решительного отпора любым попыткам диктовать партии какие-либо условия.

«Коммунистам не впервой переживать измены союзников и попутчиков. Мы практически в одиночку восстановили Великую Россию после катастрофы, в которую ее ввергло прогнившее самодержавие. Подняли из руин после Великой Отечественной войны. И на этот раз справимся собственными силами»[41]. Эти слова лидера КПРФ адресованы тем, кто за громкими фразами о необходимости объединения всех оппозиционных, патриотических сил скрывает стремление подтолкнуть партию на путь соглашательства и предательства подлинных национальных интересов России.

В то же время Зюганов считает, что у партии достаточно серьезных и проверенных союзников. Ныне только в Общероссийском штабе протестных действий вместе с КПРФ, плечом к плечу, действуют почти три десятка общественно-политических, профсоюзных, женских, молодежных и ветеранских организаций. КПРФ — это внушающая уважение сила, и к ней будет тянуться все больше людей и объединений граждан, на самом деле сражающихся за лучшую, более справедливую и честную жизнь.

Руководство Компартии тщательно проанализировало и причины неудачи, постигшей идею создания патриотического «красного пояса», который, по замыслу Зюганова и объединявшихся вокруг него лидеров патриотической оппозиции, должен был стать колыбелью новой российской государственности. Конечно, и здесь большую роль сыграли субъективные факторы — не обошлось без прямого предательства

отдельных губернаторов, для которых личная карьера оказалась важнее интересов выдвинувшей и поддержавшей их партии. Но чаще всего руководители регионов и крупных городов были просто не в силах преодолеть жесткую зависимость от центра и предпочитали не ссориться с властями, а заключать с ними далеко идущие компромиссы, а точнее — сделки, чтобы добиться уступок, кредитов, дотаций, льгот. КПРФ и ее региональные организации не сумели обеспечить деятельность «красных» губернаторов активной поддержкой со стороны населения и местных законодательных собраний, на которые коммунисты не всегда могли оказывать необходимое влияние.

По мнению Зюганова, не оправдавший себя расчет на опору снизу основывался на устаревших теоретических представлениях о социально-классовом характере общества и социальной активности трудящихся. Не принималось во внимание, что в потоке социального расплава, вызванного либеральными реформами, успел сформироваться и организационно сплотиться только слой крупных собственников, представляющих господствующую верхушку нового класса буржуазии. Другим наиболее устоявшимся сегментом общества стал слой чиновничества, охватывающий почти шестую часть населения страны. Огромный бюрократический аппарат составил ядро социально-политической базы режима, его «классовую гвардию», которую власть укрепляет и кормит на народные деньги. Полностью в зависимость от «партии власти» попала низшая прослойка госслужащих, так называемые «бюджетники» — педагоги, воспитатели, научные и медицинские работники.

В то же время основной массив людей труда — рабочие и служащие предприятий, крестьяне, мелкие и средние предприниматели, создающие конкретные ценности, «компьютерный пролетариат» — оказался расколотым.

Промышленное ядро пролетариата в сравнении с советским периодом уменьшилось, по крайней мере, вдвое. Причем в его составе достаточно четко выделяются *три слоя.* Во-первых, это своего рода «рабочая аристократия», сконцентрированная прежде всего в нефтегазовой и других отраслях, работающих на экспорт. Эти люди во многом являются заложниками своего относительно благополучного положения и более всего страшатся его потерять. Поэтому они, как правило, общественно пассивны и политически управляемы.

Во-вторых, это работники тех предприятий, которые смогли уцелеть в хаосе экономической ломки последних пятнадцати лет и постоянно балансируют на грани минимальной стабильности. С ними у партии выстраивается гораздо лучшее взаимодействие.

Третий слой составляют трудящиеся заводов и фабрик, «лежащих на боку», то есть втянутых в процесс искусственного разорения и приватизации предприятий либо их полного уничтожения. Здесь концентрируется громадный потенциал протеста. Объективно эта «треть» промышленного пролетариата ближе всего коммунистам по настроениям и интересам. Но, к сожалению, партия не всегда находит общий язык с этой возбужденной и радикализованной массой, порой опаздывает подключаться к ее выступлениям.

В целом социальная структура общества еще только выкристаллизовывается. Однако, как подчеркивает Зюганов, это не означает, что КПРФ сидит сложа руки в ожидании, пока объективные процессы социализации облегчат ей работу среди тех групп граждан, которые заняты созидательным трудом. На сегодняшний день они составляют 60–70 процентов населения и вместе с пенсионерами представляют внушительную силу, за поддержку которой и борется Компартия на нынешнем этапе общественного развития. При этом даже среди некоторых коммунистов еще бытует заблуждение, что именно пожилые люди являются главной опорой КПРФ. Но на самом деле это не так: значительная часть пенсионеров после прихода к власти Путина оказалась подверженной патерналистским настроениям и стала социально пассивной, живет ожиданием подачек в виде жалких прибавок к пенсиям.

Структура социальной базы партии за последние годы существенно изменилась. Сейчас за партией стоит огромное количество людей молодого и среднего возраста, как правило — семейных, которые всё больше убеждаются, что при нынешней власти у их детей нет будущего, что правительство Путина — Фрадкова окончательно завело в тупик решение жизненно важных проблем жилья, образования, медицины. В этом можно удостовериться, посетив манифестации и массовые акции протеста КПРФ: сразу же бросается в глаза, что возраст примерно трети их участников не превышает тридцати лет. И их число стремительно возрастает.

Внутри самой партии также идет активный процесс смены поколений, ее омоложения. Можно сказать, что КПРФ преодолела очень трудный этап своего развития, когда у нее фактически отсутствовала база численного роста. Понадобилось время для того, чтобы поколение, вступившее в жизнь в девяностые годы, в эпоху всеобщей идейной сумятицы и ярой антикоммунистической пропаганды, набралось опыта, позволившего сделать переоценку ценностей. Если в течение нескольких лет Компартия не могла восполнять естественную убыль своих рядов, то в последние три-

четыре года ежегодный прием нового пополнения неизменно увеличивается. И это при том, что в Коммунистическую партию сейчас вступают, как правило, только убежденные и мужественные люди. Ведь ни для кого не секрет, что члены и активисты КПРФ нередко подвергаются негласному или открытому давлению со стороны работодателей, административных и даже правоохранительных органов. Коммунист — персона нон грата во многих учреждениях бюджетной сферы. Все прекрасно знают, что антидемократический закон о партиях, по сути, дает власти возможность осуществлять тотальный контроль за всеми политическими организациями. Прежде всего, конечно, за теми, кто неугоден режиму.

Особый оптимизм внушает Зюганову заметный рост резерва КПРФ. Ширятся ряды ее ближайшего сподвижника — Союза коммунистической молодежи, в рядах которого сегодня состоит около 20 тысяч юношей и девушек. Переживает возрождение пионерская организация. 19 мая 2007 года только в Москве, у стен Кремля, в пионеры вступили 2,5 тысячи детей. Все они приехали в столицу вместе со своими родителями, которые хорошо понимают, как важно вернуть детям полноценное детство.

Недели не проходит, чтобы Зюганов не встретился с молодежью — студентами, старшеклассниками, бойцами студенческих строительных отрядов. Приходилось не раз наблюдать, как он без труда находит общий, непринужденный язык с любой молодежной аудиторией, где, как известно, фальш и заигрывания не проходят. Впрочем, общаться на этих встречах, как утверждает сам Геннадий Андреевич, стало значительно легче, чем, скажем, десять лет назад. Чистые, светлые ребята не отравлены тем ядом, который впрыскивали в неокрепшие умы в предшествующие годы. Видно, что и в большинстве семей обстановка здоровая — очень часто передают приветы от родителей, бабушек и дедушек, поддерживающих Компартию. По всему видно, что без смены КПРФ не останется.

Однако при этом не стоит забывать, что новое поколение росло и воспитывалось уже без советского строя. Существует опасность, что нынешнее состояние общества будет воспринято молодыми людьми как приемлемое. Ведь для них осознание нашей катастрофы, гигантских утрат — всего лишь абстракция. И их смирение — если оно случится — будет означать не только политическую, но и неизбежную физическую гибель страны, которая не сможет жить только за счет нефти и газа.

При нынешней политике к 2015 году в России останется 135 миллионов человек. В США в это время будет насчитываться 310

миллионов, в Китае — 1 миллиард 400 миллионов, в объединенной Европе — 500 миллионов жителей. При таком «раскладе» Россия будет не в состоянии обеспечить свою целостность. Продвижение НАТО на Восток, омерзительное судилище над страной-победительницей в Страсбурге, шабаш на воинских могилах в Таллине, развертывание новых американских баз в Польше и Чехии — всё это узелки на той удавке, которая накинута и затягивается сегодня на горле нашей страны. Для сильных мира сего она уже не субъект мировой политики, а подножный корм, ценность которого будет неуклонно возрастать. Ведь если взять разведанные природные ресурсы в США, то в денежном эквиваленте их, по оценке специалистов, приходится по 16 тысяч долларов на одного человека, в Европе — по 6 тысяч долларов, тогда как в России — по 160 тысяч долларов.

Однако на российскую нацию это богатство пока совершенно не работает. И судя по трехлетнему бюджету страны на 2008–2010 годы, предложенному правительством, перелома к лучшему ожидать не приходится. Против принятия этого проекта дальнейшего разорения страны и подкормки «золотого миллиарда» выступила парламентская фракция КПРФ. Но апеллировать к разуму депутатов «Единой России» и членов правительства — занятие бесполезное. Речь Зюганова в мае 2007 года на заседании Госдумы, посвященном этому вопросу, стала скорее манифестом, предупреждающим народ о грядущей опасности. Она содержит в себе не только аргументированное доказательство всей несостоятельности нынешнего экономического курса. Компартия в очередной раз предложила обоснованные альтернативные меры по выходу из тупика:

«…Нам предлагают даже не бюджет стагнации. Это и не бюджет либерального застоя. Ибо стагнация и застой приходят после успешного развития, броска вперед. У нас же вместо броска была лишь попытка приподняться после периода радикальной ломки. Представленный бюджет — это программа дальнейшего упадка страны. КПРФ боролась и будет бороться против такого похоронного выбора.

Мы, как партия, отстаивающая государственные интересы, решительно против „замораживания“ колоссальных нефтегазовых доходов, из которых 140 миллионов российских граждан не получают ничего. Мы категорически против перекачки этих колоссальных средств в чужие карманы под видом их вложения в сомнительные ценные бумаги. Ведь это за счет российских налогоплательщиков США раздувают свои военные расходы, финансируют войну в Ираке, разворачивают свои базы у наших

границ.

Правительственный стабилизационный фонд уже давно прозвали фондом стабилизации американского доллара. Граждане должны знать, что только в прошлом году замораживание средств Стабфонда и вывоз их на Запад ограбили каждую российскую семью на 80—100 тысяч рублей.

КПРФ, как партия, защищающая интересы трудового народа и отечественного производства, предлагает принципиально другой подход к проблеме бюджетного профицита. К началу следующего года он должен составить 1,5 триллиона рублей. Мы предлагаем передать эти средства для выдачи жилищных кредитов, кредитования промышленных предприятий, малого и среднего бизнеса.

Все разговоры про иностранные и прочие инвестиции — ложь и самообман. Из средств, полученных от размещения акций, только каждый седьмой рубль был вложен в основные средства. А из доходов от корпоративных облигаций лишь доли копейки с рубля отданы на инвестиции. Денег ни на производство, ни на модернизацию нет и не предвидится. Поэтому КПРФ требует, чтобы на национальную экономику было выделено не менее 1,5 триллиона рублей. Только при таком подходе можно вызвать реальный экономический рост.

Мы, как партия социальной справедливости, не можем согласиться с тем, что в представленном бюджете заложено дальнейшее обогащение „золотого миллиона“ новых русских и окончательное обнищание каждого второго жителя страны. Итог реализации прошлогоднего бюджета известен: 100 богатейших людей России, по данным журнала „Форбс“, увеличили свое состояние на 2,3 триллиона рублей. Это треть всех планируемых расходов страны в следующем году. Очередной правительственный бюджет гарантирует „золотому миллиону“ дальнейший рост состояний. Россия, чей ВВП на душу населения составляет треть от немецкого, уже перегнала Германию по числу долларовых миллиардеров.

И в этих условиях правительство не в состоянии выполнить даже то, что обещало в среднесрочной программе. А именно: довести размер социальной пенсии до уровня не ниже прожиточного — трехчетырех тысяч рублей. Все правительственные решения о борьбе с бедностью — лишь дымовая завеса, за которой буржуи становятся всё богаче, а все прочие — бедней. Это преступление перед нацией.

Как сообщает пресса, состояние 20 депутатов Государственной думы от „Единой России“, попавших в список 500 богатейших людей страны, — 660 миллиардов рублей. Для

сравнения: на погашение задолженности по „боевым выплатам“ военнослужащим, воевавшим в „горячих точках“, нужно только три процента от этой суммы…

Позор нации — в вымирающей стране детские пособия застыли на уровне жалких 70 рублей. Вопреки ожиданиям многих россиян, ни в послании президента, ни в бюджетных проектировках курс на поддержку детей, вызвавший бурный резонанс год назад, дальнейшего развития не получил. А ведь некоторые граждане надеялись, что „материнский капитал“ станет не концом, а началом серьезной демографической политики.

КПРФ, как политическая сила, выступающая за подлинное социальное государство, не может согласиться с тем, что расходы на образование растут крайне незначительно. В 2009 году — фактически лишь на 1 процент. Если это называется „нацпроектом“, то какие проекты следует назвать антинациональными?

Расходы на культуру предполагается вообще не увеличивать, а… сокращать. В общей сложности за три года — почти на 3,5 процента[42]. Когда-то генерал де Голль утверждал, что культура — это нефть Франции. В России пока еще есть и нефть, и культура, но при такой политике скоро не будет ни того ни другого.

Надо быть очень циничными политиками, чтобы, пообещав увеличение зарплаты врачам узких специальностей, даже не запланировать на ближайшее трехлетие расходы на эти цели.

Как же надо не любить страну, чтобы так обескровливать ее регионы. Всю ответственность сбросили вниз, а ресурсов не дают. Даже на хваленую программу по Дальнему Востоку выделили всего по 30 миллиардов в год.

И еще: в бюджетном проекте планируется за три года поднять тарифы ЖКХ на 65 процентов, на электроэнергию — в полтора раза, на газ — в два. Никакие мизерные надбавки к зарплатам и пенсиям этого не в силах компенсировать.

Мы считаем, что лишь кардинальное изменение экономического курса при решающей роли государства позволит исправить ситуацию в стране. Вопросы социально-экономического характера и, особенно, проблемы собственности в России должны играть ключевую роль.

Раз уж принимаются планы приватизации, пора, наконец, принимать и планы национализации, как это делается в так называемом цивилизованном мире… *Вопрос о национализации, о возврате народу награбленного и неправедно приватизированных ключевых отраслей экономики есть главное звено в нашей*

программе.

России, прежде всего, необходимо следующее:

1. Новая индустриализация страны в соответствии с требованиями XXI века.

2. Национализация — то есть возврат в общенародную собственность стратегически важных отраслей экономики.

3. Восстановление системы государственного управления и планирования.

4. Отказ от вступления в ВТО на данном этапе. Действенная защита отечественного производителя.

5. Преодоление нынешней гигантской пропасти в уровне доходов между богатыми и бедными.

Другого пути нет. Либо мы эти цели реализуем, либо страну с падением мировых цен на нефть с неизбежностью ждет окончательная деградация промышленности, сельского хозяйства и социальной сферы…»

Тем не менее власть находит иные пути, которые не только не учитывают особенностей и нынешних проблем России, но и не имеют ничего общего с принципиальными подходами к экономике в развитых, цивилизованных государствах. И ведут в бездну.

В июне 2007 года пленум ЦК КПРФ обсудил задачи коммунистов в связи с катастрофическим положением в сельском хозяйстве. Казалось бы, за пятнадцать с лишним лет развала жизненно важной для страны отрасли уже все поняли, что село стало жертвой поспешной, антинаучной трансформации производственных отношений, ценового произвола и отсутствия государственной поддержки. Но, швырнув однажды крестьянство в рынок, власть так и оставила его там, вынудив бороться за выживание собственными силами. Хотя хорошо известно, что во всех ведущих западных странах два вида деятельности — сельское хозяйство и наука — выведены из сферы рыночных отношений.

Многие представители либеральной прессы, рассматривая жизнь через витрины столичных супермаркетов, любят поговорить об очередях за колбасой в советское время и нынешнем изобилии продуктов в магазинах. Однако такой взгляд имеет мало общего с действительным положением вещей. Агропромышленный комплекс в прежние годы давал около 20 процентов объема валового продукта, полностью обеспечивая продовольственную безопасность державы. По потреблению продуктов питания страна вышла на *5—6-е место в мире,* фактически достигнув по основным видам продовольствия

медицинской нормы. Сегодня же мы — на *70-м месте.* Объем производства сельскохозяйственной продукции за годы реформ снизился в два раза. В настоящее время крупного рогатого скота в России гораздо меньше, чем было в 1916 году или даже после Гражданской войны. Продовольственная безопасность утрачена: почти половина основных продуктов питания, в основном сомнительного качества, завозится из-за рубежа.

Частная собственность на землю, как и предупреждали коммунисты, не стала движущей силой развития аграрной экономики. На месте разрушенных совхозов и колхозов образовалась армия безработного, нищего, безземельного крестьянства, попавшего в феодальную зависимость от кучки латифундистов. По существу, сельские поселения, вооружившись ручным инвентарем, перешли к натуральному хозяйствованию. Тем, что выращено, распоряжаются бандиты и перекупщики-спекулянты, которые хозяйничают на селе.

Процветают самовольный захват, незаконное предоставление и изъятие земель, несанкционированное выведение их из сельскохозяйственного оборота, коррупция. Самым зловещим следствием несовершенства земельного законодательства и проводимой аграрной политики стало рейдерство. Рейдеры обманным путем, действуя зачастую в сговоре с администрацией и местными судами, захватывают сельхозпредприятия вместе с земельными долями граждан. При попустительстве власти в руках олигархов, банков, иностранного капитала и просто жуликов уже оказалось около 50 процентов земель сельскохозяйственного назначения. В Московской области, по различным оценкам, от 60 до 80 процентов сельхозземель принадлежит частным компаниям. А в Белгородской области продали даже Прохоровское поле. По данным экспертов компетентных органов, 80 процентов земель сельскохозяйственного назначения приватизировано незаконно.

За годы правления Ельцина и Путина с лица земли исчезли 15 тысяч деревень, а в 9 тысячах осталось по 20–30 человек. Число сельских жителей сократилось на 3,3 миллиона человек. Вместе с уничтожением деревни, лишением человека земли, его корней идет разрушение исторически сложившегося образа жизни, иссякает источник генофонда русского и всего многонационального народа России со свойственными ему чувствами коллективизма, социальной справедливости, доброты, трудолюбия, любви к Родине. Кто будет ее завтра защищать, если сегодня за счет села, в котором проживает треть населения страны, на 60 процентов комплектуется личный состав ее Вооруженных сил?

Аграрный сектор *пока еще* располагает уникальной академической наукой, трудолюбивыми, профессиональными кадрами, богатейшими природными ресурсами. В нашей стране сосредоточено 55 процентов мировых запасов черноземов, 35 процентов хвойных лесов, 30 процентов пресной воды. И при наличии такого богатства государство рассматривает село как обузу и «черную дыру», а вместо поддержки отечественного крестьянина субсидирует чужого. Например, если в стоимости произведенной сельхозпродукции объем государственных дотаций в странах ЕС составляет 33 процента, в США —28, в Норвегии — 68, то в России — всего лишь 6 процентов. При этом каждый школьник знает, что наше сельское хозяйство по агроклиматическим условиям значительно трудозатратнее. При такой политике планирующееся вступление России в ВТО похоронит село окончательно. Впрочем, как и многие другие, неконкурентоспособные на сегодняшний день отрасли экономики.

Несмотря на то, что власть старательно обходит молчанием узловые проблемы развития страны, без решения которых немыслимо говорить о возможности каких-либо позитивных перемен, иногда она все же декларирует правильные и нужные цели. Немало обнадеживающего содержится, например, в последнем послании президента, с которым он выступил перед Федеральным собранием в апреле 2007 года. В частности, в нем подчеркивалось, что невнимание к социальным проблемам аморально, что сегодня без поддержки государства многие наши сограждане, оказавшиеся в наиболее тяжелых жизненных условиях, сами преодолеть трудности не в состоянии. Как бы в подтверждение этих слов были предложены меры по решению проблемы ветхого и аварийного жилья, принявшей масштабы настоящего бедствия. Не остались без внимания вопросы развития инфраструктуры, необходимой для роста экономики, создания эффективной транспортной системы, увеличения производства энергоресурсов.

Вся беда в том, что, когда наступает время переходить от слов к делу, оказывается, что все хорошие планы составляются только для того, чтобы имитировать созидательную деятельность. Если последнее послание президента подавало хоть какую-то надежду на прагматичную и трезвую политику, то трехлетний бюджет правительства в который раз обрушил всё и вся с небес на грешную землю. Как считает Зюганов, обществу откровенно дали понять, что послание — это просто предвыборная декларация, а вот бюджет — это и есть реальная политика правящего режима, который ползет по своей старой колее.

И даже в этих условиях КПРФ старается использовать все возможности, чтобы донести до власти свое видение проблем, свои принципиальные подходы к их решению. С одной стороны, нельзя сказать, что Путин закрыт для диалога с коммунистами — во всяком случае, его встречи с Зюгановым носят регулярный характер. Лидеру КПРФ предоставляют слово на совещаниях у президента по важнейшим вопросам социально-экономической политики, на заседаниях совета по реализации национальных проектов, членом которого он является. Можно заметить и результаты такого взаимодействия, по крайней мере, их внешнюю сторону. Например, если сравнить программные заявления и идеи КПРФ с тем, что в последнее время декларирует Путин, можно найти немало, едва ли не дословных, совпадений. Естественно, Геннадий Андреевич не намерен никого уличать в заимствованиях: не жалко — лишь бы шло на пользу дела! Однако на практике «партия власти» и правительство предпринимают шаги, которые, как правило, наносят непоправимый ущерб стране.

Зюганов убежден, что если бы у Путина были серьезные намерения изменить что-то к лучшему, то он давно бы сменил команду исполнителей, при которой любое позитивное начинание обречено на провал. Что можно ожидать от Кудрина, который окончательно стерилизовал экономику и не собирается ее развивать? В портфеле у Грефа нет ни одного проекта создания современного наукоемкого предприятия. Как можно осуществить планируемое увеличение производства электроэнергии, если Чубайс занят демонтажом единой энергосистемы? И каким образом будет осуществляться строительство новых крупных ГЭС в Сибири и на Дальнем Востоке, если финансирование этих регионов на ближайшие годы явно недостаточно даже для того, чтобы приостановить процесс оттока населения из этих регионов? Фурсенко ломает через колено систему образования, ударными темпами американизирует школу, игнорирует мнение научного сообщества по актуальным проблемам развития науки, стремится полностью подчинить ее жесткому администрированию. Непотопляемый Швыдкой, несмотря на неоднократные требования самых широких кругов общественности и творческой интеллигенции отправить его в отставку, продолжает свою деятельность по выхолащиванию из отечественной культуры духовности и нравственности.

Если все эти люди, призванные задавать тон в решении жизненно важных для страны вопросов, — профессионалы, то только в сравнении с Зурабовым, который никак не может посчитать, сколько в год требуется таблеток для тяжело больных

и стариков. После этого уже никого не удивляет, почему полный крах потерпела пенсионная реформа.

В последнее время целыми днями твердится о важности исследований и разработок в области нанотехнологий. Не будем пока ссылаться на мнения ряда независимых экспертов, считающих, что финансирование этой научной отрасли — не что иное, как очередная «распилка» государственного бюджета. Как бы то ни было, практическую отдачу от этой работы в любом случае можно будет увидеть только в весьма отдаленном будущем. Но до него надо еще дожить. Реально ли это с такими исполнителями, какие сидят ныне в правительстве? Вряд ли.

Засилье одиозных личностей в руководстве страны не случайно. Известно, что в основе подбора руководителей на важнейшие посты в центральных государственных органах положен не профессионализм, а принцип землячества. В течение нескольких лет на них выдвигались люди в основном из ограниченного круга чиновников, лично знакомых и преданных президенту. Определяющим критерием «профпригодности» для многих из них стала прошлая совместная работа с Путиным под руководством Анатолия Собчака — бывшего градоначальника и председателя правительства Санкт-Петербурга, лишившего город дорогого для подавляющего большинства ленинградцев имени и, как известно, не особенно преуспевшего со своей командой на созидательном поприще.

Слабые государственные руководители устраивают не только президента, но и творцов «нового мирового порядка», которым не нужна сильная Россия с современными технологиями, высокоразвитыми промышленностью и сельскохозяйственным производством. Ощущая такую благосклонность, люди, занимающие ключевые посты, под шумок, под разговоры о возрождении экономического могущества страны довели ее до такого состояния, что сегодня к ней относятся как к «банановой республике». «Сидите и не рыпайтесь! Мы за вас будем решать все главные вопросы современности!» — таков основной лейтмотив выступления президента США в Праге на конференции «Демократия и безопасность», состоявшейся в июне 2007 года. Заодно было указано место и ряду ближайших стратегических партнеров России из числа государств, возникших на базе бывших союзных республик. Подобное отношение проглядывалось и на прошедшем вслед за этим в Германии саммите «Большой восьмерки». Российское телевидение в качестве едва ли не самого яркого эпизода этого события целыми днями показывало сюжет о том, как французский президент Саркози дал Путину позвонить по своему мобильному телефону. Очевидно, этот жест, по мнению

журналистов, следовало рассматривать как положительный «сдвиг» в ухудшающихся отношениях России с Западом. Во всяком случае, других позитивных результатов замечено не было.

Сколько бы российская власть ни демонстрировала на международной арене свою нынешнюю мнимую неуступчивость, к ней уже никто не прислушивается. Смешно размахивать кулаками после того, как в 2003 году сдали такие стратегические объекты, как базу радиоэлектронной разведки в Лурдесе на Кубе и военно-морскую базу в Камране во Вьетнаме. Причем оба этих важнейших объекта были ликвидированы в кратчайшие сроки — за два года. Похоже, что уже и Габалинскую базу в Азербайджане готовы сдать американцам. Неслучайно предложение о совместном ее использовании явно пришлось по душе госсекретарю Кондолизе Райе. Естественно, что при этом США не собираются отказываться от создания систем ПРО в Восточной Европе. Помимо всего прочего, пригласив американцев на Габалинску РЛС, Россия де-факто присоединилась к американской политике на Ближнем Востоке. Никто даже не задумался, как отнесутся к этому «сильному ходу» народы Ирана, Ирака, Афганистана и их соседи по региону.

По мнению Зюганова, вся внешняя политика России последних лет на поверку оказывается непоследовательной и трусливой. На словах власть печется о защите интересов России, на деле — ратифицирует (опять-таки в спешном порядке!) соглашение о статусе военнослужащих войск НАТО на территории Российской Федерации, реально узаконивающее их нахождение на нашей земле. Одного визита в Москву Кондолизы Райе оказалось достаточно, чтобы осуждение Путиным в его мюнхенской речи в феврале 2007 года стремления США к созданию однополярной модели мира, а заодно деятельности НАТО и ОБСЕ обернулось возвращением России в обоз Госдепа и Пентагона. Как заметило по этому поводу информационное агентство «Новый Регион», «уже не выглядят мифическими догадки, высказываемые левыми силами о том, что воинские контингенты натовских стран, для которых расчищается путь на российскую территорию, будут предназначены не столько для пресловутых учений, сколько для охраны и обороны иностранной собственности, масштабы которой в нашей стране постоянно возрастают».

Распахнув дверь перед натовскими солдатами, власти приступили к осуществлению очередной «знаменательной» акции — так называемой замене боевых знамен российской армии. Суть ее не менее кощунственна, чем неудавшаяся попытка украсть у нашего народа Знамя Победы: воинские части и соединения

лишаются знамен, овеянных боевой славой на полях сражений. Их заменяют на опереточные полотнища, стилизованные под знамена царской армии.

«Кому это нужно? — задается вопросом Зюганов. — Ответ простой: хотят „адаптировать“ армейскую символику „к новой российской действительности“. Не нравится, что на многих знаменах размещены серпы и молоты, гербы победоносного Советского Союза, изображения Ленина и Сталина, надписи времен нашего героического и славного прошлого. Российскую верхушку, как видно, прошибает холодный пот при виде наших красных стягов. Ведь они будят в народе воспоминания о непобедимой и легендарной Красной Армии, о великих свершениях советского народа и о том страшном преступлении, которое совершила против Отечества, истории и будущего России горстка отступников и предателей, захватившая власть в стране в 1991 году… На сей раз ни военных, ни послушную Думу, ни российский народ даже не спрашивали. Одним росчерком пера лишили нашу армию чести, достоинства и традиций, приказав сдать в архив знамена, которым присягали и которые целовали наши деды и отцы, мы сами, наши сыновья и внуки».

Эта акция еще раз подтверждает: если сегодняшний режим в чем-то и не уступает Западу, так это только в своей приверженности антикоммунизму и враждебном отношении к советской истории. Заметим — к собственной истории! Все цивилизованные государства мира свято чтят свое прошлое, используют историю для воспитания у новых поколений патриотизма, гордости за принадлежность к своей стране, своей нации. И только в современной России умудрились очернить великие десятилетия ее наивысшего расцвета и могущества. Какое отношение у международного сообщества может вызвать страна, оплевавшая свое прошлое, свою родословную? Во всяком случае, уважения она явно не заслуживает. Стоит ли удивляться тому, что в Эстонии и Польше попирается память о советских людях, отдавших свои жизни в боях за их освобождение от фашизма, если мы сами перевернули с ног на голову и опошлили историю наших взаимоотношений с этими государствами?

Растление исторической памяти народа продолжается. С весны 2007 года наблюдается заметное усиление информационно-психологической войны, антисоветизма и антикоммунизма. Известна и причина новой волны лжи, накатившей на российское общество: политических противников КПРФ обеспокоил успех коммунистов на весенних региональных выборах и общий, стабильный рост рейтинга Компартии. А это создает реальные проблемы для «партии власти» на грядущих

выборах Госдумы и президента.

Вновь ограничен доступ Компартии на телевидение, освещение ее деятельности на федеральных каналах носит не информационный, а сугубо пропагандистский характер: телезрителям пытаются внушить, что деятельность КПРФ далека от тех интересов, которыми живет народ, сводится к борьбе за теплые места во власти, внутрипартийным и думским склокам. С этой целью в информационных сюжетах о Зюганове и КПРФ постоянно искажается суть практически всех общественно значимых мероприятий партии, обсуждение на них узловых вопросов замалчивается, а комментарии конструируются на вырванных из контекста отдельных высказываниях, не имеющих отношения к главным проблемам.

После организованного КПРФ в июне 2007 года похода на «империю лжи» в Останкине один из телеканалов заявил, что Зюганов якобы сам не раз отказывался от предложений принять участие в тех или иных передачах. Действительно, было такое. Но отказы следовали только в тех случаях, когда эфир предлагали Геннадию Андреевичу исключительно для того, чтобы представить его в роли шоумена или навязать ему дискуссии с одиозными личностями, с которыми ни один уважающий себя человек в споры не вступает. Тем более лидер Компартии.

В то же время все обращения КПРФ к руководителям телеканалов с просьбами выделить ее представителям эфирное время для того, чтобы донести до общества жизненно важные для страны идеи, натыкаются на глухую стену, которой «партия власти» огородила свой главный пропагандистский ресурс от своих политических конкурентов. Отказом встречено предложение руководства Компартии рассказать зрительской аудитории о разработанной коммунистами программе реформирования науки и образования. А ведь она получила одобрение подавляющего большинства ректоров российских вузов. И ее были готовы публично представить на телевидении люди, глубоко разбирающиеся в этих проблемах, — нобелевский лауреат Жорес Алферов, заслуженный учитель России Тамара Плетнева, доктор философских наук Олег Смолин. Заметим, что на сегодняшний день Компартией подготовлено одиннадцать отраслевых программ, которые содержат реально осуществимые предложения и комплексные меры по развитию авиастроения, космической промышленности, сельского хозяйства и других важнейших сфер экономики и жизнедеятельности страны. В их разработке приняли участие крупнейшие ученые и специалисты, организаторы производства.

Но сейчас власть и обслуживающие ее СМИ больше

обеспокоены другим: им не дает покоя то, что очередная предвыборная кампания совпадает со знаменательным юбилеем, который готовятся отметить прогрессивные силы всего мира, — 90-летием Великой Октябрьской социалистической революции. В принятом в связи с этим постановлении ЦК КПРФ отмечается, что это событие предоставляет коммунистам хорошую возможность вдумчиво осмыслить пройденный путь, оценить как огромные достижения и победы, так и причины временных поражений социализма в 1990-е годы. Вместе с тем подготовка к юбилею должна активизировать национально-освободительное и протестное движение в России, усилить борьбу трудящихся за народовластие и социализм, за социально-экономическое и духовное возрождение страны, за воссоздание Союзного государства. Руководство Компартии не без оснований считает, что празднование юбилея Великого Октября будет способствовать росту числа сторонников КПРФ, значительно увеличит приток в ее ряды свежих сил.

Левеют не только настроения россиян — левеет весь мир. Важнейшим фактором современности является то, что социализм остается не только мечтой миллионов, но и реальностью общественно-политической жизни. Впечатляющих экономических успехов добились социалистический Китай и Вьетнам. Вдохновленные примером Кубы, левый, антиимпериалистический курс развития выбрали Венесуэла, Боливия, Бразилия.

Режим тоже готовится к юбилею Октября, но только по-своему. Активизировались околонаучные силы, поднаторевшие на извращении смысла и значения социалистической революции в России, деятельности большевиков во главе с Лениным. Некоторые договорились до того, что «большевистский переворот» явился якобы ответной реакцией на прогрессивные преобразования, начатые февральской буржуазно-демократической революцией. А в результате этого страна в своем развитии была, по их мнению, отброшена на несколько десятилетий назад. Историков, политологов и социологов, которые заявляют подобное, совершенно не беспокоят упреки в полной научной несостоятельности их «выводов». Главное для них — угодить властям предержащим.

Как крупнейшую провокацию расценил Зюганов появившиеся в СМИ сообщения о том, что коммунисты будто бы дали согласие на «захоронение» тела В. И. Ленина и получили разрешение совершить с ним перед этим «предвыборный тур», чтобы заработать дополнительные голоса избирателей. Большей мерзости придумать трудно. Позиция КПРФ неизменна: захоронение тела вождя трудящихся в Мавзолее было сделано в

соответствии с решением высшего государственного органа — Съезда народных депутатов и поддержано всей страной. Соблюдены и православные каноны — человек, который вытащил страну из разрухи и собрал ее воедино, покоится на два метра ниже уровня земли. Распущенные слухи — это очередной зондаж общественного мнения.

Развитие событий убеждает: власти не отказывались и впредь не намерены отступать от стратегического курса на полное выхолащивание из массового сознания социалистической идеи. При этом используется тот же прием, что и в конце восьмидесятых — начале девяностых годов: целимся в коммунизм — бьем по России. В этом отношении, пожалуй, показательна статья известного режиссера Марка Захарова, опубликованная в «Независимой газете»[43].

«Все, что случилось с Россией после 1917 года, — пишет автор, — наша тяжкая, разъедаемая язвами, кровоточащая память, смутное время… Варварские удары коммунистических тиранов, тоталитарных ублюдков, заливших землю кровавым океаном… „Заслуг“ у ублюдков много: геноцид нации, ликвидация элиты, оскопление генофонда и др. и т. п. Сметали взрывчаткой и надламывали фомками православные храмы…» По Марку Захарову, Сталин «совсем даже не освобождал Европу, а завоевывал». А мы, оказывается, никак не хотим признать свою историческую вину, как признала ее Германия. Ну и, естественно, кто-то и сейчас должен отвечать за все эти преступления, а «просвещенная верхушка нынешней КПРФ делает вид, что или этого не было вообще, или они не имеют к этому мировоззренческого отношения».

Конечно, эта статья мало чем выделяется из ряда других антикоммунистических публикаций. Но все же одно обстоятельство обращает на себя внимание: Захаров высказывается от лица «православного народа». Но всем, например, известно, что православный народ, а вместе с ним, кстати, и Зюганов, в октябре 1993 года пытался предотвратить братоубийственное столкновение. Патриарх Алексий II даже пригрозил анафемой тем, кто прольет кровь. Однако Марк Захаров занимал тогда совершенно другую позицию. Об этом свидетельствует та же «Независимая газета»:

«На заседаниях только что созданного и состоящего из видных представителей культуры и науки деятелей Президентского совета „постоянно звучали призывы прихлопнуть Верховный Совет и крепнущую коммунистическую оппозицию, — вспоминает В. Костиков. — На какое-то время он (Ельцин. — *А. Ж.*) загорался, выслушав очередной призыв 'раздавить гадину'.

Особенно эффектно они звучали в исполнении Марка Захарова или Станислава Федорова, поскольку и тот, и другой делали это на высшей эмоциональной ноте и не без артистизма“»[44].

Не тяготит именитого режиссера причастность к трагедии, как тяготила она, к примеру, Булата Окуджаву, который поставил свою подпись под воззванием либеральной интеллигенции к Ельцину, но позднее, по свидетельству Евгения Евтушенко, осознал эту ошибку и очень жалел, что подписал это письмо. Поэтому и не верится в наигранно-трагический пафос статьи М. Захарова. Трудно сказать, на кого рассчитано его утверждение, что «просвещенная верхушка нынешней КПРФ» делает вид, что не знает о трагических страницах прошлого. Не только основополагающие документы КПРФ, но и вся ее деятельность свидетельствуют о том, что коммунисты сделали надлежащие выводы из горьких уроков минувших времен. Но при этом они защищали и будут защищать свою историю, историю советского народа от фальсификаторов.

Нужно обладать слишком большим воображением, чтобы увязывать мировоззренческую платформу КПРФ с теми преступными деяниями, которые творили представители русофобского течения в партии в двадцатые или тридцатые годы. Кстати, объединяло их, как и многих современных либералов, презрительно-нигилистическое отношение к прошлому России и ко всему, что обеспечивало связь времен и традиций великого народа, прежде всего к его исторической памяти, национальной культуре, религии.

Уместно будет обратиться к простому и понятному разъяснению, которое давно уже дал по этому поводу Зюганов. Как он считает, внутри Коммунистической партии всегда существовало два противоборствующих направления, две партии: партия «наша страна» и партия «эта страна». К первой принадлежали Шолохов и Королев, Жуков и Гагарин, Курчатов и Стаханов. В нее входила большая часть рядовых управленцев и партаппаратчиков, безотказно тянувших лямку в тяжелейшие для страны дни. Но самое главное — в эту партию вступали тысячи бойцов на фронтах войны, к ней принадлежали миллионы тружеников-патриотов. Вторая численно не шла ни в какое сравнение с первой, но ее политический вес и влияние в высших эшелонах власти были непропорционально огромны, часто решающими. В нее входили те, для кого «эта страна» и «эти люди» были лишь ареной, материалом для реализации своих непомерных тщеславных амбиций и властолюбивых вожделений, полигоном для авантюрных социальных экспериментов. Это партия Троцкого и Кагановича, Берии и Мехлиса, Горбачева и

Ельцина, Яковлева и Шеварднадзе.

Зюганов, чей дед преподавал в церковно-приходской школе и вырастил для советской власти пятерых учителей, чей отец сеял доброе и вечное и стоял насмерть под Севастополем, чья мать сорок лет учительствовала в сельской школе, не случайно связал свою жизнь с первой партией — партией победителей, партией трудового народа. И ни разу не изменил ее высшим идеалам, одним из первых вступил в борьбу против предателей КПСС и Советской страны и вот уже в течение полутора десятилетий находится в состоянии неравной войны с антинародным режимом.

Как ни пытаются СМИ подорвать доверие к КПРФ и Зюганову, сделать это становится все труднее. Российское общество, особенно наиболее образованная его часть, научилось разбираться в происходящем без помощи кремлевских подсказок. Характерно, что Компартию в последнее время все больше поддерживают именно те слои населения, которые отличаются высоким уровнем образования и в которых формируется общественное сознание. К примеру, во время последних региональных выборов наибольшее число голосов, от 30 до 37 процентов, коммунисты получили в подмосковных наукоградах — Жуковском, Юбилейном, Звездном городке. Фактически это означает, что в информационной блокаде КПРФ образовалась брешь, и ее нельзя уже будет заткнуть той ветошью, которая скопилась в запасниках СМИ и придворных политтехнологов.

Манипуляция общественным сознанием достигла своего предела. Подтверждение тому — потерпевшая очевидный провал попытка власти создать для себя резервную партию. Деятельность «Справедливой России» вызывает у людей только иронию. А иногда и смех, как это было при обсуждении негодного бюджета трехлетнего развития страны. Тогда перед «эсэрами» встала дилемма: и голосовать за бюджет, несостоятельность которого очевидна, неудобно — подорвешь и без того сомнительное реноме «левой» партии, и отвергать правительственный документ нельзя — не для того эту партию создавали. В итоге приняли любопытное решение: не будем голосовать ни «за», ни «против». Прямо по Троцкому: «Ни войны, ни мира!»

Видно, что иссохли источники фантазии и у профессиональных поставщиков лжи. Например, если раньше телеведущий Андрей Караулов рассказывал своим зрителям о том, что Зюганов — не тот, за кого себя выдает, а на самом деле является крупным, международного пошиба, владельцем пароходов, заводов и гостиниц, то в последние два-три года он мусолит одну и ту же, куда более скромную историю о том, как

помощник Геннадия Андреевича якобы «по блату», по бросовым ценам взял в аренду земельный участок под пасеку. На экранах телевизоров демонстрируются уже не солидные банковские счета, а потертая копия квитанции из сельсовета.

Единственный момент истины заключается в том, что и Караулов, и целый ряд его коллег как в электронных, так и печатных СМИ не откажутся от дальнейших попыток дискредитации коммунистов. Особенно в преддверии парламентских и президентских выборов.

Зюганов и партия к такому развитию событий готовы. «В конце концов, — заметил недавно Геннадий Андреевич, — не мы выбираем время, в котором живем, а оно нас. Что поделать, уж такое время нас выбрало — смутное, наполненное ложью и грязью. Видно, суждено нам пройти через всё это. А люди сами разберутся, что к чему».

Надежда на мудрость народа, на его доверие и вселяет в Зюганова тот оптимизм, с которым он ведет партию к очередному ответственному рубежу в ее жизни. Надежда эта вполне обоснованна — как никогда у КПРФ сегодня особенно сильна поддержка снизу, не только в массах рядовых членов партии, но и среди ее многочисленных сторонников. Невзгоды и испытания, которые пришлось ей преодолеть за последние годы, только очистили и закалили ее. Вместе с этим возрос и укрепился авторитет Зюганова. Ему доверяют, на него надеются. Об этом свидетельствует та довольно необычная обстановка, которая сложилась в партии за много месяцев до президентских выборов. Вопреки всем традиционным канонам, не дожидаясь решений и подсказок руководящих органов КПРФ, коммунисты на местах стали выдвигать Зюганова своим кандидатом в президенты. И не только коммунисты поддерживают его кандидатуру. С такой же инициативой выступил съезд представителей трудовых коллективов тридцати регионов России, состоявшийся в Саранске в июле 2007 года. В принятом обращении участники съезда подчеркнули: «В Коммунистической партии Российской Федерации, ее лидере Геннадии Андреевиче Зюганове большинство трудящихся России видят сегодня свой действительный и надежный авангард. Только с КПРФ и Г. А. Зюгановым мы олицетворяем свои надежды на решении всех насущных государственных проблем, достойную жизнь трудящегося человека».

Геннадий Андреевич не скрывает, что если его выдвижение поддержит съезд КПРФ, он готов, опираясь на партию, вступить в борьбу за высший пост в Российском государстве. Причем борьба эта будет отнюдь не символической. В отличие от «партии

власти», которая уже полностью исчерпала себя и держится только за счет имени Путина, Компартия сейчас находится на подъеме.

Как считает Зюганов, «самый сильный аргумент коммунистов в предстоящей борьбе за власть заключается в том, что КПРФ — единственная настоящая и честная партия. Все остальные — муляжи, за которыми стоят те, кому нравится нынешнее положение. Те же, кто хочет иметь будущее, проголосуют за Компартию.

Ее противники могут сколько угодно твердить об „уходящей КПРФ“.

Мы не уходим. Наоборот, мы — возвращаемся».

Столь уверенное заявление в одних вселяет оптимизм и надежду, у других вызывает скептицизм. Время рассудит. Ведь биография нашего героя — продолжается.

Июнь 2006 — июль 2007 года

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г. А. ЗЮГАНОВА

1944, 26 июня — родился в селе Мымрино Знаменского района Орловской области в семье сельских учителей Андрея Михайловича и Марфы Петровны Зюгановых.

1961 — окончил Мымринскую среднюю школу с серебряной медалью.

1961–1962 — учитель Мымринской школы.

1962 — поступил на физико-математический факультет Орловского государственного педагогического института.

1963–1966 — проходил действительную службу в Группе советских войск в Германии. Окончил офицерские курсы и продолжил учебу в пединституте.

1966, февраль — вступил в КПСС.

1966, ноябрь — женился на студентке пединститута Надежде Амеличевой.

1967, май — 1968, сентябрь — председатель профкома Орловского государственного педагогического института.

1968, 13 сентября — родился сын Андрей.

1968, сентябрь — 1969, ноябрь — секретарь комитета комсомола института.

1969 — окончил институт.

Ноябрь — декабрь — заведующий отделом пропаганды и агитации Заводского РК ВЛКСМ города Орел.

1969, декабрь — 1970, январь — первый секретарь Заводского РК ВЛКСМ города Орел.

1970, январь — 1972, июнь — первый секретарь Орловского горкома ВЛКСМ.

1972, июнь — 1974, январь — первый секретарь Орловского обкома ВЛКСМ. *1973–1983*— избирался депутатом Орловского областного Совета и дважды — городского Совета народных депутатов.

1974, январь — ноябрь — секретарь Орловского горкома КПСС.

1974, 5 октября — родилась дочь Татьяна.

1974, ноябрь — 1978, сентябрь — второй секретарь Орловского горкома КПСС.

1978, сентябрь — 1980, июль — слушатель Академии общественных наук при ЦК КПСС.

1980— защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук.

1980, август — 1983, январь — заведующий отделом пропаганды и агитации Орловского обкома КПСС.

1983, январь — 1986, апрель — инструктор отдела пропаганды ЦК КПСС.

1986, апрель — 1989, январь — заведующий сектором отдела пропаганды ЦК КПСС.

1989, январь — декабрь — ответственный организатор идеологического отдела ЦК КПСС.

1989, декабрь — 1990, сентябрь — заместитель заведующего идеологическим отделом ЦК КПСС.

1990, июнь — избран членом Политбюро ЦК Коммунистической партии РСФСР.

1990, сентябрь — 1991, ноябрь — секретарь ЦК Коммунистической партии РСФСР.

1991, май — публикует в «Советской России» открытое письмо А. Н. Яковлеву «Архитектор у развалин».

Июль — выступает инициатором и организатором подготовки патриотического воззвания «Слово к народу».

1992, февраль — избран председателем Координационного совета народно-патриотических сил России.

1993, февраль — на II Чрезвычайном съезде Компартии избирается председателем ЦИК КПРФ (с января 1995 года — ЦК КПРФ).

Сентябрь — октябрь — выступил за политическое разрешение противостояния между Верховным Советом и президентом.

1993, декабрь — 1996, январь — депутат Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации первого созыва, руководитель фракции КПРФ.

1995 — защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора философских наук.

1996, январь — 2003, декабрь — депутат Государственной думы второго и третьего созывов, руководитель фракции КПРФ.

1996, июль — во втором туре президентских выборов, по официальным данным, получил около 30 миллионов (40,2 процента) голосов избирателей.

Сентябрь — избирается председателем Координационного совета Народно-патриотического союза России.

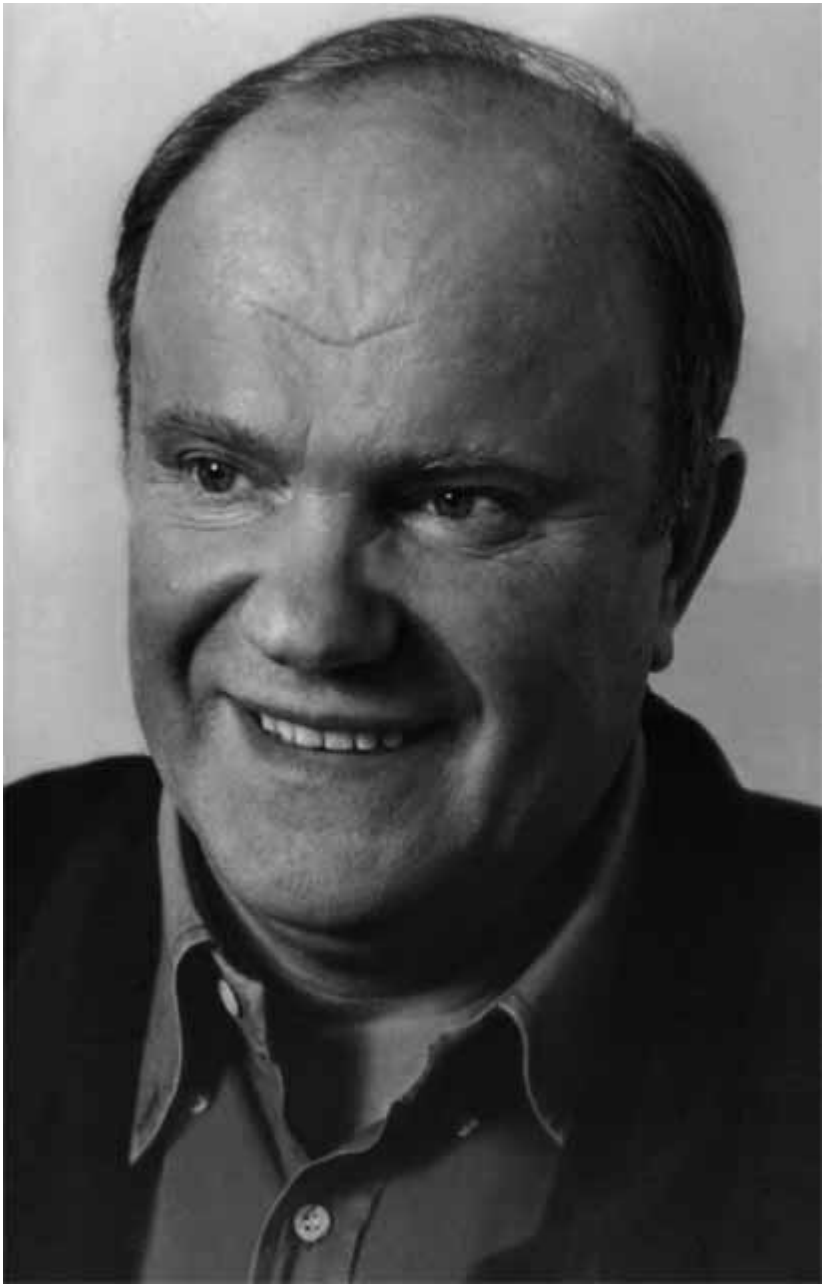
1997, ноябрь — присвоено звание «Почетный гражданин города Орел». *2003, декабрь* — избран депутатом Государственной думы четвертого созыва и руководителем фракции КПРФ.

2007, июнь — июль — выдвинут региональными организациями КПРФ и Съездом представителей трудовых коллективов страны кандидатом в президенты Российской

Федерации.

Биография продолжается…

Иллюстрации



Уголок родной Орловщины.

Встреча освободителей. *Орел, август 1943 г.*

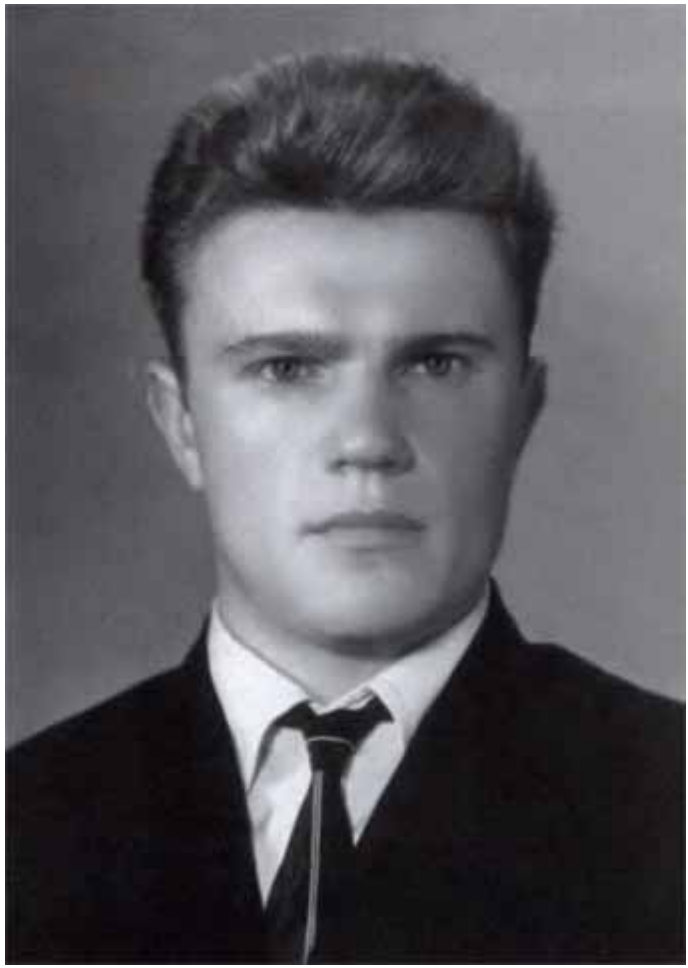
Снимок на венском стуле — символ времени. *1948 г.*

Геннадий с матерью Марфой Петровной и отцом Андреем Михайловичем.

Среди друзей детства. Геннадий — *второй слева.*

Семья Зюгановых. Слева — старшая сестра Геннадия Людмила.

Уроки пчеловодства на пасеке Зюгановых. *В центре* — А. М. Зюганов, *стоит второй слева* — Геннадий.



Учитель сельской школы. *1961 г.*

Молодой гвардеец. Группа советских войск в Германии. *1963 г.*

Подразделение спецразведки. Сержант Зюганов — *второй справа. 1965 г.*

Самый счастливый день в жизни. Невеста — Надежда Амеличева. *1966 г.*

Отец и сын.

Рядом с наставником — первым секретарем Орловского ГК КПСС А. П. Ивановым.

Первый секретарь Орловского обкома комсомола Геннадий Зюганов встречает болгарских друзей. *1972 г.*

Секретарь Орловского ГК КПСС. *1974 г.*

У Дома-музея И. С. Тургенева в Спасском-Лутовинове после восстановления усадьбы.

«Здесь будет город-сад». У плана генеральной реконструкции Орла. *1975 г.*

Современные жилые кварталы города.

С родителями и сыном Андреем у орловского Дома Советов.

Капитан волейбольной команды АОН при ЦК КПСС.

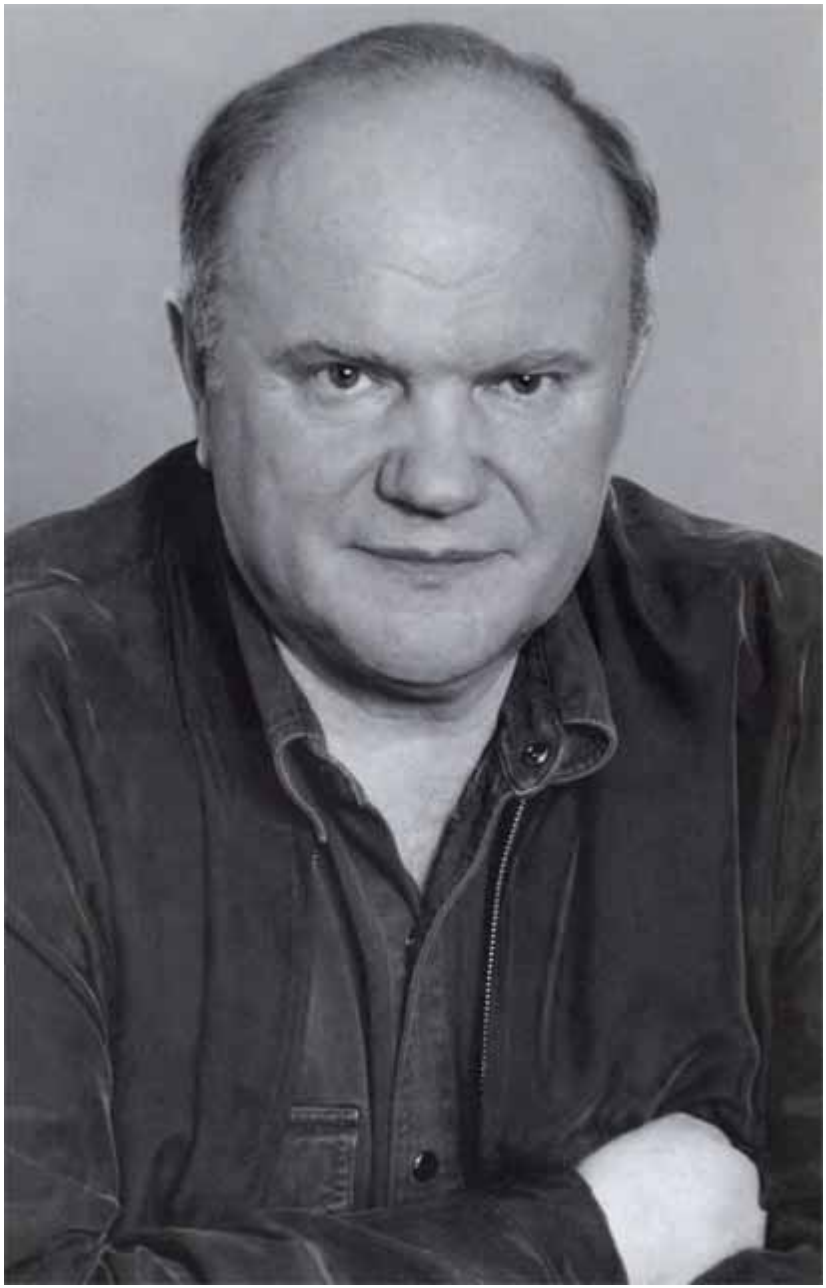
На переломе. Г. А. Зюганов на Съезде народных депутатов СССР.

У истоков создания Фронта национального спасения. *1992 г.*

С верным соратником главным редактором «Советской России» Валентином Чикиным.

Набатное слово.

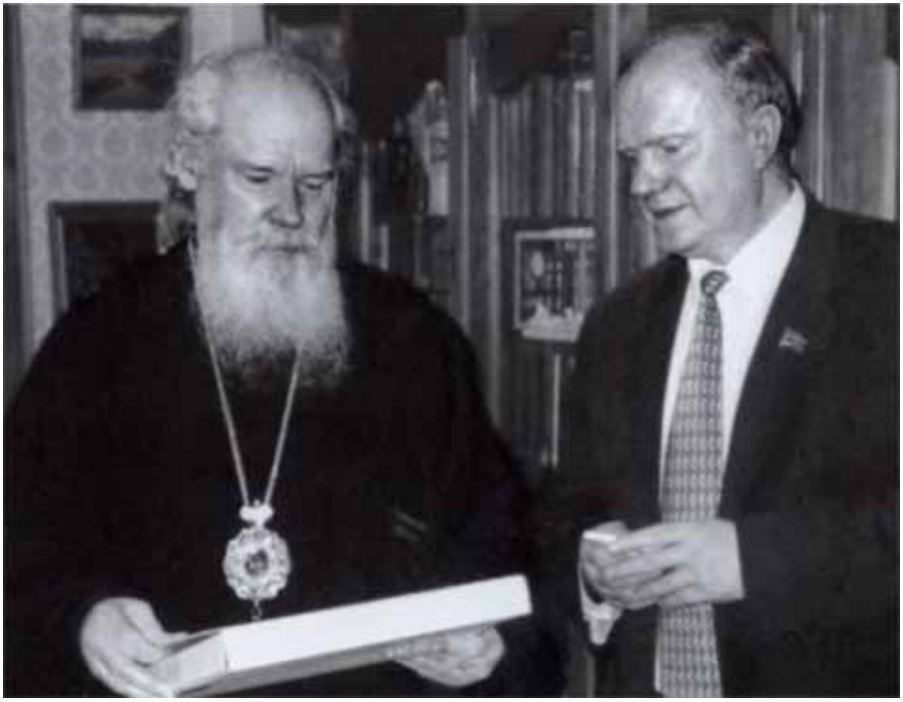
На родине.



За сплочение патриотических сил России.

Активный участник патриотического движения писатель Валентин Распутин.

С писателем-патриотом Юрием Бондаревым.



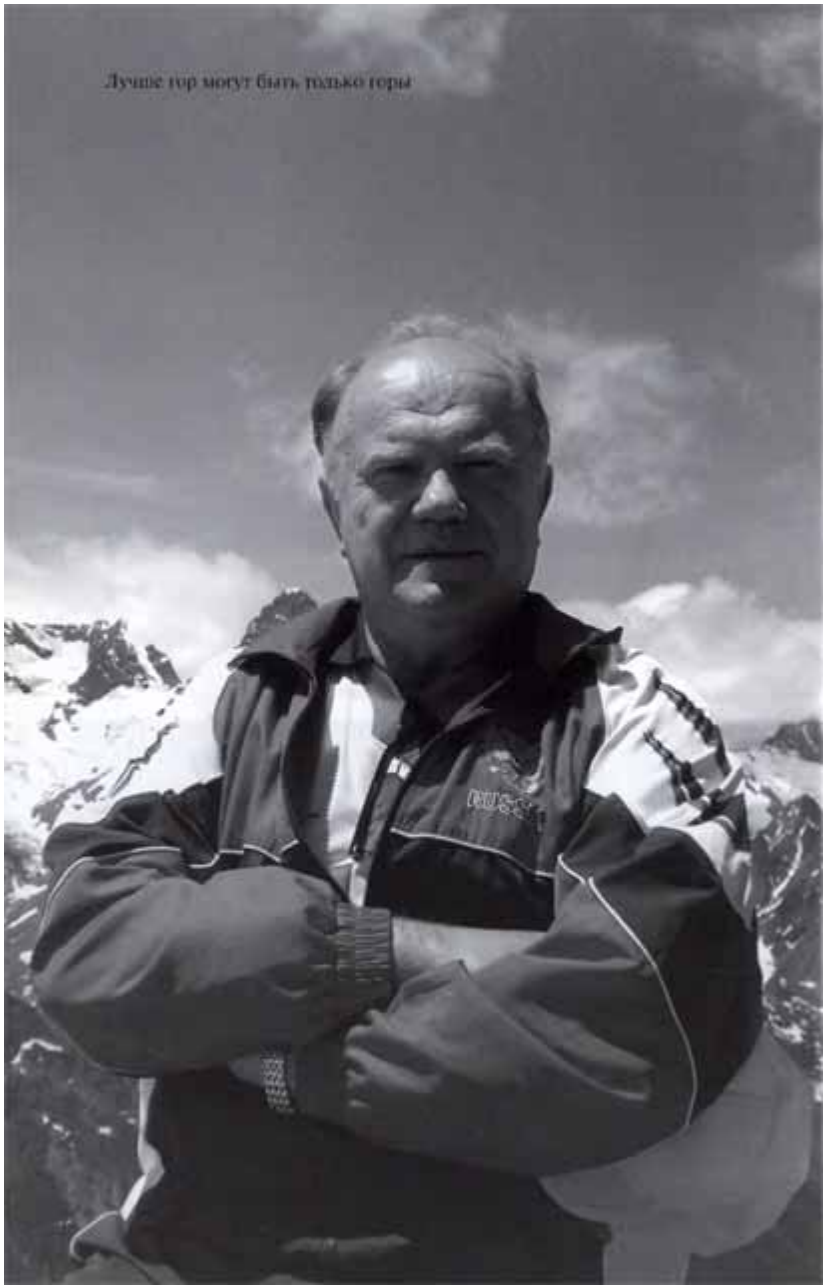
На встрече с патриархом Алексием II.

Во главе Компартии и избирательного блока КПРФ.

На Съезде представителей трудовых коллективов России. *Саранск, июль 2007 г.*

С сыном Андреем…

…супругой Надеждой Васильевной и дочерью Татьяной.



Лучше гор могут быть только горы.

Среди выпускников и преподавателей Орловского пединститута.

Полковник запаса Зюганов на учениях.

За интересы России и международного коммунистического движения. *Страсбург, 2003 г.*

За союз братских народов.

На героической земле Кубы с Фиделем Кастро.

С президентом Венесуэлы Уго Чавесом. *Москва, июнь 2007 г.*

Предложения оппозиции конструктивны. *Москва, 2007 г.*

Молодая смена КПРФ.

В авангарде борьбы за социальную справедливость.

Среди ближайших помощников.

С нобелевским лауреатом Жоресом Алферовым на XI съезде КПРФ

С нобелевским лауреатом Жоресом Алферовым на XI съезде КПРФ.

Праздник весны — праздник солидарности.

КПРФ
Москва от города для богатых
ЗАРПЛАТЫ И ПЕНСИИ – ВЫШЕ ПРОЖИТОЧНОГО МИНИМУМА!
Путин! За жилищный кодекс ответишь!
НЕТ коммунальному терроризму!

Народный протест нарастает.

notes

Примечания

1

См.: Литературная газета. 1972. 15 ноября.

2

По стихам Андрея Вознесенского из сборника «Антимиры». М.: Молодая гвардия, 1964.

См.: Наш Орел. Орел: ОРАГС, 2003.

См.: Кислицын С. А., Крикунов В. И., Кураев В. Д. Геннадий Зюганов. Краснодар: Флер-1, 1999.

5

См.: Суханов В. И. Советское поколение и Геннадий Зюганов. М.: ИТРК РСПП, 1999. С. 86–88.

6

См.: Зиновьев А. Как иголкой убить слона // Наш современник. 2005. № 10.

Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. М., 1995. С. 33.

Долгих В. Администрация президента — это тот же ЦК КПСС // Коммерсантъ-Власть. 2004. № 48.

9

См.: Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980.

10

См.: Яковлев А. Маленькие тайны великого времени // Аргументы и факты. 2000. № 18.

11

См., например: Яковлев Л. Н. Pax Americana. М.: Молодая гвардия, 1969.

Козлов Р. Поворот, которого не было // Комсомольская правда. 1988. 21 апреля.

13

См. например: Земское В. Н. Политические репрессии в СССР (1917–1990 гг.) // Россия XXI. 1994. № 1, 2.

14

Зюганов Г. А. Постижение России. М.: Мысль, 2000. С. 232, 233.

15

См.: Савостина З. П., Поминова Л. И. Проблемы развития горного машиностроения Кузбасса // Уголь. 2000. № 7.

Рыжков Н. И. Разрушители державы // Наш современник. 2006. № 2.

Зюганов Г. Л. Идти вперед. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 24.

18

См.: Платонов С. После коммунизма. М.: Молодая гвардия, 1989.

19

См.: Медведев В. А. В команде Горбачева: взгляд изнутри. М.: Былина, 1994.

Белов Ю. Перед выбором // Советская Россия. 1991. 11 июня.

Зюганов Г. А. Россия и современный мир. М.: Информпечать, 1995.

Яковлев А. Н. Предисловие. Обвал. Послесловие. М.: Новости, 1992.

23

Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Отринем уныние и робость // Советская Россия. 1992. 10 октября.

См., например: Быков Д. Буква «зю» // Карьера. 1999. № 8.

25

100 анекдотов от Зюганова // Сост. А. А. Ющенко. М.: ИТРК, 2007.

См.: Зюганов Г. А. Драма власти. М.: Палея, 1993. С. 45.

27

См.: Памяти павших. Великая Отечественная война 1941–1945. М., 1995. С. 87–93.

28

Позднее С. Миронов от этой инициативы открестился, хотя нереализованный проект по спасению выхухолей, выдвинутый «Партией жизни» в июле 2003 года на V Общенациональном экологическом форуме, был в свое время широко разрекламирован в крупнейших российских СМИ. — *Прим. авт.*

Осадчий И. П. В борьбе за воссоздание Компартии России // Политическое просвещение. 2003. № 1 (13).

См.: Анпилов В. Наша борьба. М.: Трудовая Россия, 2002.

31

См:. Тишайшие переговоры. 1–3 октября в Москве: Запись фонограммы переговоров в Свято-Даниловом монастыре. М.: Магистериум, 1993.

32

См.: Чикин В., Проханов Л. Операция «Крот» // Завтра. 2003. № 2. 5 января.

33

См., *например: Гулыга А. В.* Творцы русской идеи. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 19.

Кислицын С. А., Крикунов В. И., Кураев А. Д. Геннадий Зюганов. Краснодар: Флер-1, 1999. С. 236.

35

Пионтковский А. Ножки трона — это ручки олигархов // Новая газета. 2000. № 25. 10 апреля.

Примаков Е. М. Минное поле политики. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 241.

37

См., например: Лолаева С. П., Черкасов Г. Ю. Повседневная жизнь депутатов Государственной думы. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 352–354.

38

Представитель президента в Государственной думе.

39

Слова Ельцина, ставшие символом его произвола и непредсказуемости. На заседании оргкомитета по подготовке к встрече третьего тысячелетия президент, неожиданно прервав свое выступление, обвел зал взглядом и объявил: «Не так сели. Степашин — первый зам. Исправьтесь». После того как Степашин пересел на место рядом с Примаковым, Ельцин торжественно представил его присутствующим: «Первый зампредседателя правительства Степашин Сергей Вадимович».

40

На пост председателя правительства.

Зюганов Г. А. Защищая наш мир. М.: ИТРК, 2006. С. 84.

42

По результатам обсуждения проекта трехлетнего бюджета, расходы на культуру были увеличены на 6 миллиардов рублей. При этом 5 миллиардов из федерального бюджета уйдет на создание президентской библиотеки им. Ельцина, в то время как библиотечная сеть страны страдает от хронического недофинансирования.

Захаров М. Россия или СССР // Независимая газета. 2007. № 102. 28 мая.

Шохина В. Ельцин и интеллигенция // Независимая газета. 2000. № 1.6 января.